

Хаим Беэр

ПЕРЬЯ

проза еврейской жизни

Перья
Хаим Беэр

Аннотация
Хаим Беэр. Перья. Роман
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Об авторе

Аннотация

Фантасмагорическая история дружбы иерусалимского мальчика, родившегося в религиозной семье незадолго до провозглашения Государства Израиль, с взрослым чудаком-прожектером, грезящим о спасении человечества от голода силами создаваемой им «продовольственной армии» и постепенно погружающимся в безумие. Почти столь же колоритны и другие друзья необычного ребенка: чета восторженных поклонников австро-венгерского императора Франца Иосифа, старый могильщик, ревностные веганы, убежденные эсперантисты и другие персонажи. Повествование начинается и завершается на африканском берегу Суэцкого канала, где лирический герой оказывается сразу после Октябрьской войны 1973 года, известной в Израиле как Война Судного дня, но основные события романа разворачиваются в Иерусалиме начала пятидесятых. И поскольку многие сюжетные линии уходят своими корнями в отдаленное прошлое, читатель получает возможность окунуться в атмосферу

Иерусалима XIX и первой половины XX века, прикоснувшись к некоторым важным узлам новейшей еврейской истории.

Хаим Беэр
Перья
Роман

В этом городе, сильном в своем одиночестве, огромное прошлое дает знать о себе обманом…

Ноах Штерн, «Срединное письмо» [1]

---

[1] Примечания: 1

Ноах Штерн (1912–1960) — израильский поэт и переводчик, уроженец Литвы, учился в Оттаве (Канада) и Гарварде (США), репатриировался в Эрец-Исраэль в 1935 г., в годы Второй мировой войны служил в Еврейской бригаде британской армии. Покончил с собой после долгого психического заболевания, сопровождавшегося «внушенной свыше» попыткой убийства кибуцного библиотекаря. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

Глава первая

1

Подобно большинству человеческих деяний, эта история берет свое начало во сне.

Даже и через многие месяцы после того, как я вернулся с западного берега Большого Горького озера, где мне довелось долго послужить резервистом, Фанара[2] мне все еще снилась. В самом конце войны я был причислен к небольшому отряду, получившему задание искать тела наших бойцов, погибших при штурме египетской военно-морской базы. Ежедневно мы еще на рассвете выбирались из тесной пристройки файедского морга и уезжали на юг по шоссе, ведущему к заметным издалека строениям Насеровского комбината и к порту Адабия, удаленному пригороду Суэца.

В кабине нас было трое. Минц, неизменно по-

---

[2] Примечания: 2

Участок побережья Большого Горького озера к югу от города Файед. Израильские войска находились на западном, африканском, берегу Суэцкого канала в течение четырех месяцев, с середины октября 1973-го по 25 февраля 1974 г., в заключительный период Войны Судного дня и после ее окончания.

груженный в себя, теребил седеющую бороду и беззвучно шевелил губами. Однажды он мне признался, что имеет обыкновение не реже раза в неделю повторять «Послание Рамбана»[3], и, пролистав молитвенник, показал мне текст этого послания, отправленного Рамбаном своему сыну семьсот лет назад в далекую Каталонию и ставшего, как уверял Минц, незаменимым средством пробуждения трепета перед Небом в людских сердцах.

Трофейная египетская машина тряслась на разбитой дороге, и мне было трудно разбирать мелкие потускневшие буквы. Дочитав до того места, где Рамбан призывает сына постоянно думать о том, откуда он, подверженный тлену уже сейчас, а паче того во смерти, пришел и куда идет, я закрыл молитвенник и сказал, что достаточно знаком с обсуждаемой темой и могу поберечь свои глаза от излишней нагрузки.

Минц продолжил беззвучно бормотать. Водитель, не принимавший участия в беседе, безуспешно пытался настроить приемник на израильскую радиостанцию, далекие звуки ко-

[3] Примечания: 3

Рамбан, или Нахманид — р. Моше бен Нахман (1194–1270), знаменитый комментатор Писания и Талмуда, законоучитель, каббалист и поэт, жил в Каталонии, на старости лет отправился в Эрец-Исраэль.

торой то и дело перекрывал голос вещавшего на корявом иврите диктора каирского радио.

— Что за страна! — нервно бросил он и оставил приемник в покое. Потом, помолчав, указал рукой на линию Дженифских холмов и сообщил:

— Это дерьмо сидит совсем близко, вон за теми горами!

Вскоре, доехав до наспех установленного военной полицией металлического щита с небрежно намалеванным названием и стрелкой-указателем, мы свернули налево, к Фанаре. Минц оживился, расстелил на коленях карту и показал на ней зону наших сегодняшних поисков. После этого мы, как и во все предыдущие дни, разбрелись вдоль густо заминированной местности, внимательно осматривая все вокруг.

Минц был в этом деле толковее всех. Быстрым наметанным взглядом он ухватывал нужные нам детали: рукав армейской куртки в кустарнике, оторванную пуговицу, ленту присыпанного землей бинта вблизи муравейника. Дорога с обеих сторон была огорожена колючей проволокой и отмечена предупреждающими о минах красными треугольниками. К полудню, отметив места предположительного нахождения останков, мы вызывали саперов, и те прокладывали нам путь

в глубь заминированных участков.

Вернувшись оттуда, я несколько месяцев то и дело мыл руки карболовым мылом, но все еще не решался погладить своего ребенка. И постоянно видел Фанару во сне.

По старой дороге с проросшей сквозь трещины сорной травой мы с Минцем осторожно продвигались в сторону гавани. Минц занимался делом, а я разглядывал в полевой бинокль усеянный минами берег. В этом месте, рассказал нам один из солдат охранения, уже погибли несколько резервистов, вздумавших искупаться в озере или постирать в нем свою грязную одежду.

Сначала я наводил бинокль на пять кораблей, сбившихся посреди озера, подобно испуганным овцам. Корабли стояли неподвижно, в окружении качавшихся на легкой волне красно-белых бакенов. Не обнаружив на палубах признаков жизни, я медленно переводил бинокль к находившимся слева от нас разрушенным зданиям и прощупывал взглядом территорию между ними.

Казалось, туда можно дотянуться рукой. Собранная из окрашенных в цвета египетской полевой маскировки жестяных щитов армейская мечеть. Покрытый глубокими трещинами старый британский барак. Здание, все четыре стены

которого обвалились, открыв для стороннего взгляда выполненный в ориентальном стиле плиточный пол со стоящими на нем столом и стулом. Через оконный проем и дополнивший его широкий пролом в стене внутрь распахнувшегося строения протянулись фиолетовые ветви цветущей бугенвиллеи, яркие до боли в глазах. В нескольких метрах оттуда возвышалась осиротевшая стена, бывшая некогда частью другого дома и обнажившая теперь свою внутреннюю роспись: осел и огнедышащий дракон, в изображении которых господствовали арабская синь и желто-коричневая сиена, отчетливо напоминали работы Палди[4]. И вдруг из-за стены показалась фигура наголо бритого человека в белом колониальном костюме. Размахивая своими перчатками, человек призывал из бездны кудрявого черноволосого юношу с сомкнутыми веками.

— Что вы здесь делаете, реб[5] Довид? — спросил я, не просыпаясь, и сделал несколько шагов ему навстречу.

---

[4] Примечания: 4

Исраэль Палди (урожденный Фельдман, 1892–1979) — израильский художник и педагог, уроженец Бердянска, детство провел в Швейцарии, репатриировался в Эрец-Исраэль в 1908 г.

[5] Примечания: 5

Реб — принятое в традиционной среде восточноевропейских евреев уважительное обращение к любому взрослому мужчине.

Сверявший карту с местностью Минц внимательно рассматривал небольшой пригорок среди руин, но теперь он, будто очнувшись, отчаянно завопил:

— Хочешь вернуться домой в деревянном ящике? Мальчишка ты этакий!

2

Реб Довида[6] Ледера я никогда не встречал, он покинул этот мир еще до моего рождения, но его фотографию мне довелось однажды увидеть мельком, больше двадцати лет назад, когда его сын Мордехай, низкорослый сборщик пожертвований для школы слепых, уговаривал меня присоединиться к продовольственной армии.

Началось все это в далекий иерусалимский полдень, когда я возвращался домой из школы через квартал Нахалат-Шива. Дойдя до улицы Бен-Йеґуды, я увидел господина Ледера стоящим у входа в русский книжный магазин, находив-

[6] Примечания: 6

В книге приводится ашкеназское написание имен наряду с сефардским — в зависимости от контекста. — *Примеч. ред.*

шийся тогда в здании «Сансур»[7]. Он разглядывал портрет Сталина, выставленный в центре витрины в окружении книг в красных обложках, букетов гвоздики и побегов спаржи.

— Эти коммунисты долго не продержатся, — сказал он, заметив меня и изобразив кивком головы что-то вроде приветствия. — Ты еще увидишь.

Сразу же после этого Ледер поинтересовался, что мне говорит имя Поппера-Линкеуса[8].

— Брат профессора Проппера из «Хадассы»?[9]

— Не Проппер, Поппер, — чуть усмехнулся на это мой собеседник и, достав из-под мышки одну из зажатых там книг, показал мне фотографию высоколобого мужчины, чем-то похожего на Альберта Эйнштейна. — Великий человек. За

---

[7] Примечания: 7

Трехэтажное здание с большим внутренним двором, выходит фасадом на Сионскую площадь в центре Иерусалима, построено в 1931 г. известной семьей арабских предпринимателей, имя которой закрепилось за ним поныне. В период британского мандата и сама Сионская площадь (Кикар Цион — *ивр.*) именовалась «площадь Сансур».

[8] Примечания: 8

Йозеф Поппер-Линкеус (1838–1921) — австрийский мыслитель, писатель и изобретатель еврейского происхождения, автор оригинальных социальных теорий, одна из которых была изложена им в книге «Всеобщая обязательная служба обеспечения питанием как решение социальной проблемы» (1912). В другой, более ранней работе «Князь Бисмарк и антисемитизм» (1886) Поппер пришел к выводу, что спасти евреев от связанных с антисемитизмом опасностей сможет лишь их собственное государство, создание которого он считал безотлагатель-

ной задачей. Псевдоним «Линкеус» был взят Поппером в 1889 г. по имени фигурирующего в «Фаусте» Гёте «вдаль смотрящего кормчего» на корабле аргонавтов.

[9] Примечания: 9

«Хадасса» — здесь имеется в виду иерусалимская больница, учрежденная в 1919 г. одноименной американской женской сионистской организацией.

двадцать лет до Депре знал, как передавать электричество по металлическим проводам!

Ледер задумчиво разглядывал фотографию великого человека, под которой красовалась его изящная подпись. Вскоре он, однако, отвлекся от книги и предложил мне зайти с ним в кафе «Вена». Так я впервые в жизни оказался в кафе.

Пребывавший в приподнятом настроении Ледер рассказал, что лицо «советского Жданова» помрачнело, когда он услышал, что посетитель интересуется сочинениями Линкеуса. От книг, показанных ему Ледером, продавец презрительно отмахнулся, заметив, что посетитель демонстрирует «неразумный интерес к трудам устаревшей школы». Эти книги, добавил он, не переводились на русский, и нет никакой причины к тому, чтобы их перевели когда-либо в будущем.

Ледер сдвинул шляпу на затылок и заявил, что мы, с Божьей помощью, еще будем покупать в продуктовой лавке моих родителей и в магазине господина Рахлевского маслины и сыр в бумажных пакетах, свернутых из никому не нужных листов сочинений Сталина и Ленина. К моему удивлению, так оно и случилось через несколько лет, и я еще расскажу об этом.

Подошедшей официантке Ледер велел прине-

сти два стакана «аква дистиллята» и кокосовые хлопья, не преминув добавить, что стаканы должны быть вымыты дочиста, поскольку он, Ледер, не хочет пить из стакана, на котором какая-нибудь шалава оставила следы губной помады. Официантка разинула рот от удивления, и Ледер, не моргнув глазом, спросил у нее, в самом ли деле она родом из Вены, раз уж служит в кафе, носящем имя этого города.

Официантка ответила утвердительно, напросившись на новый вопрос разговорчивого клиента, которому теперь понадобилось узнать, не мог ли он видеть ее в вегетарианском ресторане, что напротив венского университета.

— Когда это было? — уточнила она.

— В девятнадцатом году.

— В девятнадцатом году, господин, я была еще девочкой, — с возмущением ответила официантка.

— И что с того? — Ледер подвинул ко мне салфетницу. — Дети тоже могут сидеть в кафе.

— Это здесь, в Палестине, — отрезала официантка и попыталась зажечь сигарету, удостоившись презрительного взгляда Ледера. Скривив губы, он сообщил, что в культурных венских ресторанах даже посетителям не дозволялось курить.

— Может быть, чашечку кофе с молоком и сегодняшний штрудель? — холодно поинтересовалась официантка, одернув свой безупречно выглаженный фартук.

Поразмыслив пару секунд, Ледер выразил глубокое сожаление, что господин Фарберов закрыл свой вегетарианский ресторан напротив автостанции «Эгед»[10], и, за неимением лучшего выбора, окончательно велел принести нам два стакана кипяченой воды и натурального меду.

Когда официантка удалилась, Ледер поведал мне, что в свой венский год он имел обыкновение встречаться с друзьями в упомянутом им вегетарианском ресторане. Вместе они составляли «кокубрийское общество».

— Именно так, кокубрийское, — повторил он, заметив удивление в моих глазах. Из его дальнейших слов мне стало ясно, что члены общества находили кокос самой естественной человеческой пищей, намеревались отправиться на один из островов Тихого океана, отбросить там все обычаи цивилизации и жить в простоте на лоне природы.

---

[10] Примечания: 10

«Эгед» — существующий с 1933 г. транспортный кооператив, до конца XX в. оставался монополистом автобусных перевозок в большинстве районов Израиля.

— И лазили бы там голыми по деревьям, как обезьяны, — не удержался я.

— Чем плохи обезьяны? — возразил Ледер, но тут же положил конец нашему спору, заметив, что нам следует быть реалистами, а потому — одинаково избегать ностальгических устремлений к прошлому и бессмысленных теологических препирательств. Он достал из кармана паркеровскую ручку и четко вывел ею на салфетке, прямо под напечатанной на ней эмблемой кафе: «Социальная программа-минимум Поппера-Линкеуса». Закончив эту аккуратную надпись, он поднял на меня глаза и спросил, считаю ли я, что либерализм в самом деле решает проблему голода.

— Кто победил в этой гонке, плут или аист? — хитро, с победным выражением на лице напирал Ледер.

В те дни я еще не слышал о Давиде Рикардо и Джоне Стюарте Милле, как не слышал о достославном Линкеусе. Больше, чем сбивчивые речи Ледера, мое внимание привлекал странный значок на лацкане его пиджака: неуклюжее, очевидно любительское изображение парусного корабля, мачту которого венчал лучащийся глаз. Что означает этот удивительный символ, я, конечно, не знал.

Ледер, истолковавший мое молчание как свидетельство вынужденного согласия с его правотой, подступил ко мне с новым вопросом: нахожу ли я, что отчет Бевериджа[11] способен уменьшить число стариков и старух, умирающих в одиночестве от голода по городам и весям Соединенного Королевства. Их тела подолгу лежат в стылых комнатах, с нажимом говорил мой собеседник, где их некому обнаружить, и только верные собаки воют в горьком отчаянии над мертвыми лицами хозяев.

— А кто способен сказать, сколько людей лишается рассудка от страшных мыслей о голоде и надвигающейся нужде? — продолжал Ледер. — И вот, обезумев, они оказываются запертыми в сумасшедших домах, где их стерегут и не дают им покончить с собой крепкие санитары.

Ледер внезапно умолк и погрузился в свои размышления.

---

[11] Примечания: 11

Представленный британскому парламенту в 1942 г. отчет экономиста Уильяма Бевериджа, ректора Университетского колледжа Оксфорда. Составленный под влиянием кейнсианской экономической модели, отчет заложил основы послевоенной политики создания в Великобритании социального государства.

3

Несколько лет спустя я оказался младшим в небольшой группе собравшихся проститься с Ледером во дворе больницы «Авихаиль»[12], за зданием мирового суда. Стоя у клумб, за которыми ухаживали прежде русские монахини, я пинал мыском ботинка мелкие камешки, когда вдруг почувствовал присутствие Риклина. Старый могильщик положил ладонь мне на плечо и сделал другой рукой широкое дугообразное движение в воздухе.

— Все умирают, *майн кинд*[13], — сказал Риклин и медленно обвел взглядом лица присутствующих. Его взор остановился на кудрявой портнихе, стоявшей неподалеку от нас и нервно терзавшей ветку розмарина.

— Все умирают, — повторил Риклин громче, и

---

[12] Примечания: 12

«Авихаиль» — бывшая Русская больница в Иерусалиме, построена в 1863 г., использовалась турецкими и затем британскими властями с 1914 г., в Войну за независимость Израиля стала использоваться как израильский военный госпиталь и получила в связи с этим свое название, означающее на иврите «отец воинства». В 1964 г. здание было выкуплено правительством Израиля у СССР в рамках т. н. «апельсиновой сделки».

[13] Примечания: 13

Мой мальчик (*идиш*).

я испугался, что люди вокруг услышат его.

Тайком откусив от плитки диабетического шоколада, он продолжил:

— Но к нам они поступают каждый день малыми порциями. Он там наверху, — Риклин указал глазами на небо, — знает, что мы не можем похоронить сразу всех.

Я спросил, как умер Ледер, и Риклин с посерьезневшим лицом заявил, что я задаю вопросы, не подобающие молодому человеку, который лишь недавно стал бар мицва[14].

— И вообще, — добавил он, — матери, и твоя мать в первую очередь, считают, что подросткам твоих лет не следует присутствовать на похоронах.

Портниха с густыми светлыми локонами неспешно приблизилась к нам.

— Госпожа Шехтер, угодно ли кусочек шоколаду? — поинтересовался Риклин у дамы, но та, покачав головой, ответила, что находит постыдным и неуважительным есть на похоронах. Риклин с усмешкой признался, что он давно бы

---

[14] Примечания: 14

Бар мицва (букв. «сын заповеди», *ивр.*) — тринадцатилетний возраст, по достижении которого еврейский мальчик считается совершеннолетним и обязанным исполнять заповеди Торы. Данное выражение также используется как название празднества по случаю достижения мальчиком указанного возраста.

уже умер с голоду, если бы следовал строгим правилам госпожи Шехтер.

В низком дверном проеме помещения, предназначенного для омовения покойников, появился мужчина в рубашке с закатанными рукавами, и Риклин, хлопнув меня по плечу, исчез вместе с ним за дверью. Несколько минут спустя из этой же двери вынесли закутанное в талит[15] тело. Вздувшийся живот покойного на миг заставил меня подумать, что это не Ледер, — тот был при жизни человеком тщедушным.

Под складками пожелтевшего талита угадывались контуры мертвого тела. Мне хотелось взглянуть на его лицо, но я отвел глаза. Даже и годы спустя, когда я дни и ночи проводил среди сладковатых запахов смерти и смотрел на неприкрытые, залитые кровью и измазанные рвотой человеческие лица, мне становилось дурно, едва лишь я вспоминал тот иерусалимский полдень и аккуратно прикрытое тело Ледера на Русском подворье.

По группе собравшихся прокатилось легкое

---

[15] Примечания: 15

Талит — четырехугольная накидка со специальными кистями по углам, используемая евреями для облачения во время утренней молитвы. В талит также заворачивают перед погребением тело умершего мужчины.

движение, и из нее вышел степенный, исполненный собственного достоинства еврей, в облике которого странным образом сочетались черты представителя Старого ишува[16] и того типа, что может быть описан как *доктор раббинер*[17] из Центральной Европы. Это был раввин Ципер, религиозность которого моя тетка Цивья не раз подвергала сомнению.

— Мерзавец! — говорила она о нем. — В Лондоне он пил *файф-о-клок ти* с инглише дамес, а здесь норовит ангелов небесных к себе низвести.

Цивья, знавшая Ципера в молодые годы, уверяла, что его страсть к курению была так велика, что перед наступлением субботы он наполнял табачным дымом бутылки и потягивал из них дым на протяжении субботнего дня.

Рав Ципер прокашлялся и затянул низким голо-

---

[16] Примечания: 16

Старый ишув — принятое название религиозного еврейского населения, существовавшего в Эрец-Исраэль до начала сионистского заселения Страны Израиля в конце XIX в. Отношения данной группы с Новым ишувом, ориентированным на производительный труд, возрождение национальной культуры и, в конечном счете, создание еврейского государства, были во многих случаях омрачены конфликтами.

[17] Примечания: 17

Доктор раббинер (*нем., идиш*) — принятое некогда название раввинов, имевших наряду с религиозным образованием академическую степень. В ультраортодоксальных кругах это название часто имело негативный, саркастический смысл.

сом, насыщая свою речь обильными дифтонгами, на ашкеназский манер:

— А Мордехай вышел от царя[18], и вот так же лежащий ныне пред нами заслуженный муж реб Мордхе Ледер, да будет благословенна память о нем, уходит теперь из этого мира по воле Царя царей, Владыки вселенной. Находим мы в связи с этим в Талмуде, в трактате «Келим»…

4

Однако я забежал вперед, и нам нужно теперь вернуться в кафе «Вена», где в сонный полуденный час началась моя дружба с Ледером, которой назначено послужить стержнем этого повествования.

Чудаковатый сборщик пожертвований уже успел разобраться с экономическим либерализмом и, когда к нашему столику вернулась официантка, он как раз бичевал марксизм. Поставив перед нами два стакана воды и два блюдечка с медом, официантка успела уйти до того, как Ледер скривился, отпив из стакана. Подсластив воду медом, он заявил, что общество, желающее

---

[18] Примечания: 18

«А Мордехай вышел от царя, облаченный в голубые и белые царские одежды» — начало фразы из библейской книги Эстер (Эсфирь), 8:15.

быть утвержденным на справедливых началах, должно прежде всего заботиться о минимальных нуждах входящих в него людей и их элементарном пропитании, но никак не о том, чтобы кто-то имел возможность наслаждаться штруделем. Ледер отпил подслащенной медом воды.

— Необходимо создать продовольственную армию, — продолжил он свою мысль. — Она будет обеспечивать населению необходимый минимум продовольствия, сырого или уже приготовленного. Одни люди смогут получить свою порцию еды и сварить ее дома, другие станут питаться в общественных столовых, как делаем сейчас мы. Но эти столовые, — здесь Ледер повысил голос, — будут находиться под общественным надзором, и стареющие венские курвы будут делать в них ровно то, что скажут им посетители.

Посмотрев на прозрачную воду в моем стакане, Ледер посоветовал мне последовать его примеру. На скатерти в зеленую клетку вокруг положенной им авторучки образовалось чернильное пятно, становившееся все шире. Прикрыв его пепельницей, Ледер буркнул, что посторонние предметы не должны отвлекать моего внимания от главного.

— Отслужив в продовольственной армии, —

здесь Ледер снова улыбнулся, — молодые люди смогут жить свободно и проводить свои дни, как им вздумается.

Тут я заерзал на стуле, вспомнив, что мать, несомненно, встревожится моим долгим отсутствием и станет искать меня на улицах, но Ледер пресек мою попытку подняться и потребовал ответить, не кажется ли мне, что в его программе присутствует элемент принуждения. Я кивнул, и Ледер, как будто ожидавший именно этого, яростно прошипел:

— А в этой вашей армии — разве в ней нет принуждения? Ни одну мысль здесь никто не способен додумать до конца!

Он снова отпил подслащенной медом воды и заявил, что речь идет о деле проверенном:

— Мы обеими ногами стоим на твердой почве реальности.

Проблема, по его мнению, состояла исключительно в том, чтобы найти два десятка реалистов, которые будут достаточно разумны и решительны для создания возвещанного Поппером-Линкеусом царства справедливости.

Здесь Ледер просверлил меня взглядом и объявил, что он больше не намерен меня задерживать, но не далек тот день, когда сам он станет

управляющим «министерства жизнеобеспечения», под началом которого будет создаваться и распределяться продовольственный минимум. В газетах его наверняка назовут «командующим продовольственной армией», и, уточнил в заключение Ледер, соответствующими инстанциями уже принято решение произвести меня, несмотря на мой юный возраст, в звание «первообеспечителя», как только я присоединюсь к этой армии.

— Подумай об этом, — Ледер усмехнулся бескровными губами и стал рыться в своей кожаной сумке, заполненной квитанционными книжками и настенными коробками для пожертвований школе слепых. Вскоре он извлек оттуда книгу в газетной обертке. — Вот, почитай-ка Дориона[19] с предисловиями Фрейда и Эйнштейна. Да-да, профессора Альберта Эйнштейна. Увидишь, каким человеком был Поппер-Линкеус.

Пролистать эту книгу Ледер мне не позволил. Он сам открыл мой школьный портфель, лежавший между нами на стуле, и запихнул в него том под названием «Царство Линкеуса: программа со-

---

[19] Примечания: 19

Исраэль Дорион (1908–1992) — израильский диетолог, с 1948 г. убежденный сторонник веганства, популяризатор идей Поппера-Линкеуса. Действительно состоял в переписке с Эйнштейном и Фрейдом, частично вошедшей в его книги «Царство Линкеуса» (1939) и «Поппер-Линкеус» (1981).

здания нового строя жизни, более совершенного и человечного».

— Вместо того чтобы бегать на переменах к киоску, обжираться там вафлями и надуваться газировкой, которую разбавляют мочой, лучше садись под деревом во дворе и читай книгу. Так оно будет полезнее.

Ледер встал и, уже уходя, вдруг обернулся и спросил, в какой я учусь школе.

5

У нас дома Ледера не любили.

Раз в два месяца он заходил к нам и снимал с вбитого в стену крючка желтую жестяную коробку, на которой были изображены девочка с распущенными волосами и мальчик в берете, оба слепые.

Объявившись у нас в тот день, Ледер высыпал монеты из коробки и стал выстраивать из них на столе ровные башенки. Не отрываясь от этого занятия, он вдруг спросил мою мать, все так же ли сладка сестра ее Элка, уехавшая в Южную Африку тридцать лет назад.

— Прежде она была словно воронка для сахарного сиропа, — уточнил он.

Мать скривила рот и вышла из комнаты, а

Ледер, пересыпав монеты в плотно набитый тканевый мешок, заметил, что люди, никогда не выезжавшие отсюда и не знающие, как выглядит большой мир вдали от наших краев, вообще ничего не смыслят в этой жизни.

Вечером мы пошли в гости к Аґуве, и мать не упустила случая пересказать слова Ледера своей лучшей подруге. Аґува сообщила в ответ, что Ледер — мерзавец, которого надлежит остерегаться даже овцам и козам, и что он не случайно работает в таком месте, где у него есть возможность прокрадываться в спальни к девочкам и незаметно для всех ощупывать гладкие ножки бедных слепушек. Мать прижала меня к себе и глазами показала Аґуве, что та не должна говорить при ребенке подобные вещи.

— Яблочко упало недалеко от яблоньки, — сказала Аґува и густо покраснела.

В Первую мировую войну реб Довид, отец Ледера, подвизался турецким контрагентом, а Хаим Сегаль, первый муж Аґувы, был его помощником. Аґува рассказывала, что турки задумали тогда завалить Суэцкий канал тысячами мешков с землей, чтобы воспрепятствовать прохождению через него английских кораблей. Ледер и Хаим Сегаль за бесценок скупали одежду у измученных

голодом и болезнями людей, перепродавали ее за приличные деньги туркам, и те шили из нее мешки.

В синагогах в ту пору снимали со свитков Торы серебряные короны и продавали их по цене металлического лома, так что цена поношенной одежды едва ли была велика, но Аґува и сорок лет спустя сохраняла уверенность, что отец Ледера обманывал несчастных.

— Злодей буквально околдовывал их, убеждая снимать с себя последнее, — утверждала она. Утерев слезу, Аґува добавила шепотом, что старый Ледер околдовал и ее покойного Хаима, и известного торговца господина Перельмана, и даже глупого турка, которого заставил поверить, что проданные ему тряпки не сгниют в Суэцком канале.

В зиму, проведенную мною на берегах Большого Горького озера, я исходил Деверсуар[20] вдоль и поперек, причем мне много раз попадались на глаза тела вражеских солдат, долго остававшиеся в водах канала. Их одежда, изготовленная из

---

[20] Примечания: 20

Деверсуар, от французского Déversoir, или «искусственное устье» — район, прилегающий к точке впадения Суэцкого канала в Большое Горькое озеро. В октябре 1973 г. находился на стыке 2-й и 3-й египетских армий и потому был избран как основной участок форсирования Суэцкого канала перешедшими в контрнаступление израильскими войсками.

замечательно прочной ткани, была совершенно сгнившей, и я горько усмехался, вспоминая рассказы Аґувы о незадачливых турках.

Хаим Сегаль не расстался с Ледером и после войны, когда тот сблизился с иерусалимскими ультраортодоксами[21]. Аґува считала, что ревнители веры презирали «старого Тераха»[22], но в своих плакатах, которыми часто бывали обклеены стены домов в религиозных кварталах Иерусалима, они уважительно называли его «нашим изъяснителем и предстоятелем», поскольку он, хорошо знавший английский язык, составлял их меморандумы Верховному комиссару[23], вел от их имени переговоры с Министерством колоний и депутатами британского парламента, состоял в переписке с журналистами лондон-

---

[21] Примечания: 21

Используемое в оригинале слово «харедим» буквально означает на иврите «трепещущие» и подразумевает трепет перед словом Господним. С некоторых пор оно стало маркером определенной части ортодоксального еврейства, подчеркивающим ее отличие от религиозных сионистов в Израиле, представителей «современной ортодоксии» в США и т. п. За неимением лучшего термина «харедим» обычно переводится на русский как «ультраортодоксы», с соответствующим рядом относящихся к нему прилагательных.

[22] Примечания: 22

Терах (Фарра в русской традиции переводов Библии) — отец Авраама, считающийся в еврейской традиции глупым язычником.

[23] Примечания: 23

Глава британской администрации в подмандатной Палестине.

ских газет. Довид Ледер был особенно полезен ультраортодоксам в ходе их встреч с Верховным комиссаром. Оказавшись однажды дома у Ледера-сына, я увидел единственную сохранившуюся с тех пор фотографию. Поджавший губы, в неуклюже нахлобученной на голову кипе доктор де Хаан — его убили через несколько месяцев после появления этого снимка[24] — был запечатлен на ней в обществе Ледера-отца и Хаима Сегаля у выхода из дворца Верховного комиссара. Мое внимание привлек тогда галстук, слишком туго затянутый у де Хаана на шее. Справа от него стоял реб Довид в белом костюме; гладко выбритый, он взмахом руки, в которой была зажата пара перчаток, указывал на что-то арабскому охраннику. Поодаль от них стоял стушевавшийся Хаим

---

[24] Примечания: 24

Яаков-Исраэль де Хаан (1881–1924) — голландский марксист, публицист и поэт-модернист, выпустивший в 1904 г. сборник стихотворений, проникнутых духом гомосексуальной эротики. Де Хаан примкнул к сионистскому движению в период Первой мировой войны, репатриировался в Палестину в 1919 г., но вскоре порвал с сионизмом и, присоединившись к наиболее радикальному антисионистскому крылу иерусалимской ультраортодоксальной общины, стал секретарем ее лидера р. Зонненфельда. В качестве ее представителя он активно лоббировал враждебные сионизму политические инициативы. Был убит по решению командования «Хаганы» после того, как выступил в Лондоне против предоставления автономного статуса еврейскому населению Эрец-Исраэль и признания соответствующих полномочий за его официальными органами. Считалось также, что де Хаан убеждает англичан отказаться от Декларации Бальфура.

Сегаль с потрепанным портфелем в одной руке и с пальто, перекинутым через другую; пальто принадлежало Довиду Ледеру.

Время от времени реб Довид ездил в Лондон, Вену и, однажды, в Мариенбад, где собрался большой съезд «Агудат Исраэль»[25]. В ходе этого мероприятия он охотно обсуждал с известными раввинами тонкости еврейского религиозного закона, а по ночам, добавляла Аґува, «таскался по кабаре». Что же до ее Хаима, то он никогда не удалялся от Иерусалима дальше Нижней Моцы, куда ходил пешком за родниковой водой перед праздником Песах и за ивовыми ветвями в канун Суккот[26].

В сороковых годах Сегаль был однажды жестоко избит хулиганами, которым не понравилось, что

---

[25] Примечания: 25

«Агудат Исраэль» («Объединение Израиля», *ивр.*) — всемирное ультраортодоксальное политическое движение, созданное в г. Катовице (прусская Силезия, ныне Польша) в 1912 г. Занимавшее антисионистскую позицию в межвоенный период, это движение поддержало сионистское требование о создании еврейского государства в 1947 г. и составило впоследствии основу одной из израильских партий.

[26] Примечания: 26

Моца, или Нижняя Моца (Моца-Тахтит) — еврейское земледельческое поселение, созданное в 1894 г. к западу от Иерусалима. Вода из местных источников использовалась некоторыми общинами для приготовления мацы, а обычай использования ивовых ветвей из Моцы при совершении одного из главных обрядов осеннего праздника Суккот упоминается уже в Талмуде.

он, стоя у избирательного участка в день выборов в Национальный комитет[27], агитировал людей бойкотировать выборы. Вскоре после этого Сегаль скончался, и три года спустя Аґува вышла замуж за Биньямина Хариса, стоявшего теперь за перегородкой на кухне и готовившего там варево из чеснока в молоке. По словам моего отца, это снадобье считалось верным средством повысить мужскую потенцию.

Мать с Аґувой говорили шепотом, но Биньямин все же почувствовал, что первосуженый его жены вернулся с того света и незримо расхаживает под сводами его дома. Неожиданно появившись в проеме кухонной двери, Биньямин стукнул по косяку заляпанной молоком ложкой и торжественно провозгласил:

— Черчилль — еврей!

Мать возразила ему, заметив, что Черчилль — чистопородный английский гой, о чем известно всему свету, но Биньямин выказал непоколебимую уверенность в том, что только еврей может

---

[27] Примечания: 27

Национальный комитет — исполнительный орган Собрания депутатов еврейской общины подмандатной Палестины в 1920–1948 гг., подвергался обструкции со стороны ультраортодоксальных кругов. Автор допускает неточность: выборы, в том числе и в 1944 г., проводились не в сам Национальный комитет, а в Собрание депутатов, из состава которого впоследствии формировался его исполнительный орган.

назвать свою дочь именем Сара.

— Посмотри, что стало с моими руками! — воскликнула Аґува.

Она кивком приказала мужу вернуться на кухню и крикнула ему вслед, чтобы он получше следил за плитой и не закапал «Идеал» молоком. С тех пор как Биньямин приступил к своим экспериментам, пожаловалась Аґува моей матери, ей приходится непрестанно оттирать керосинку лабарраковой водой, от чего кожа на руках у нее уже стала пористой, словно медовые соты.

Когда Биньямин удалился на кухню, мать сказала, что если бы у нее был литературный талант, она непременно написала бы книгу о Ледере. Аґува усмехнулась в ответ. Жизнь Ледеров была, по ее мнению, не так уж и интересна. Максимум, допустила она, этой жизни хватило бы на скромного объема роман-фельетон для журнала «Американер». Сразу же вслед за этим Аґува спросила мою мать, которая была на несколько лет старше нее, зачем «сын праведника» уехал в Вену, когда англичане пришли в Палестину.

Мать удивилась неведению подруги. Весь город знает, сказала она, что сердце молодого Ледера было пленено тогда двумя китайскими женщинами.

— Китаёзы, — слово «китаянки» она произнесла на идише с намеренным искажением, придававшим ему неприличное звучание, — стояли на площади у Альянса[28] и извлекали маленьких червей из глаз у девочек, лечившихся в миссионерской больнице. Нет, не пинцетами, стеклянными палочками. Ледер простаивал рядом с ними целыми днями, курил английские сигареты и говорил по-немецки, а через неделю взял да и уехал в Бейрут.

6

Ледер сам припомнил эту историю из своего далекого прошлого год спустя, когда мы возвращались с ним с главпочтамта, расположенного в конце улицы Яффо. По его словам, проделать этот далекий путь нам пришлось из-за того, что слаборазвитые работники почты в Меа Шеарим[29] недостаточно знакомы с латинским алфавитом и географией. Отправленное в Ламбарене письмо

---

[28] Примечания: 28

Альянс — Всемирный еврейский союз (*фр.* Alliance Israélite Universelle), международное еврейское культурное общество, первоначально созданное во Франции в 1860 г. Школа Альянса существовала в центре Иерусалима с 1882 г. до 40-х гг. XX в.

[29] Примечания: 29

Меа Шеарим — ультраортодоксальный район к северу от улицы Яффо в центре Иерусалима.

будет непременно отослано ими в Рио-де-Жанейро и лишь оттуда, возможно, попадет в Африку, тогда как получившие английское образование чиновники главпочтамта с уважением отнесутся к письму, адресатом которого является доктор Альберт Швейцер[30].

Ледер рассказывал, что в своем письме он на трех страницах убеждает престарелого доктора принять уготованный ему пост верховного правителя линкеусанского государства. Не может такого быть, считал Ледер, чтобы человек, целиком посвятивший себя служению людям и неизменно движимый в своих начинаниях глубоким уважением к жизни, отказал ему в этой просьбе.

Свой рассказ о достоинствах доктора Швейцера Ледер прервал у магазина религиозной литературы «Цион», на углу улиц Пророков и Монбаза. Здесь он перевел дух и печально заметил, что «Агуда» и «Мизрахи» наверняка выступят против назначения на столь высокий пост знаменитого христианского врача и предложат, чтобы вместо

[30] Примечания: 30

Нобелевский лауреат А. Швейцер основал свою всемирно известную больницу в Ламбарене (Габон) в 1913 г.

него верховным правителем стал Хазон-Иш[31].

— А вообще-то миссионеры — хорошие люди, — добавил Ледер и перешел к рассказу о том, что в молодые годы он был знаком с двумя монахинями, приехавшими в наши края из Китая, спасшими здесь многих людей, заразившимися тяжелой глазной болезнью, ослепшими и окончившими свои дни в маленьком монастыре где-то в Италии.

Ледер ненадолго умолк, погрузившись в свои мысли, и снова заговорил, когда мы дошли до расположенной на углу улицы Штрауса больницы «Бикур холим». Здесь он сказал, что всему свое время и что религиозных людей бояться не надо, а затем спросил, не провожу ли я его до улицы Йешаяґу Пресса. Оказалось, что он направляется туда на встречу с портнихой, которой поручено пошить униформу для продовольственной армии.

---

[31] Примечания: 31

«Агуда» — упоминавшаяся выше ультраортодоксальная партия «Агудат Исраэль». Название «Мизрахи» (букв. «Восточный») представляет собой видоизмененный акроним слов *Мерказ рухани*, или «Духовный центр». Под этим названием на съезде раввинов в Вильне в 1902 г. было учреждено движение религиозных сионистов, составившее затем основу одной из израильских партий. Хазон-Иш — принятое именование р. Авраама-Йешаяґу Карлица (1878–1953), наиболее авторитетного лидера ультраортодоксального иудаизма в Израиле; дано ему по названию серии написанных им трудов по вопросам еврейского религиозного права.

Редкая доброта портнихи Багиры порождала странные отклики.

— На свое счастье, — говорил мой отец два-три раза в год, — она слишком уродлива.

Мама заставляла его умолкнуть. Поздним вечером, с уходом Багиры, отец ревниво осматривал результаты ее работы: юбку, перешитую из старого американского костюма, штаны для меня, на изготовление которых пошла мамина юбка, пошитые из мешков от французского сахара простыни. Свой осмотр отец завершал неизменным выводом: в России Багиру отправили бы за такую работу в Сибирь.

Я играл остававшимися после ухода Багиры деревянными катушками для ниток и раскрашивал химическим карандашом китов, изображенных на их этикетках. С кухни доносился шум закипевшего чайника, мама спешила на его зов и разливала чай по стаканам, а отец говорил ей шепотом, что Багира наверняка получает удовольствие от того, что ее ноги трутся одна о другую, когда она нажимает педаль швейной машины. Иного объяснения тому, что она безостановочно шьет с раннего утра до позднего вечера, он не находил. Мать отвечала, что лучше бы он не морочил ей голову, а вышел бы наконец

закрыть ставни.

И вот Ледер постучал в дверь с зеленой эмалевой табличкой, в центре которой была изображена красная буква S, обвивавшая женщину, склонившуюся над швейной машинкой «Зингер». Умелая рука — по всей видимости, рука иерусалимского художника Ицхака Бака — добавила к этой картинке надпись, выполненную шрифтом, который обычно используют при написании свитков Торы: «Багира Шехтер, дипломированная портниха».

Госпожа Шехтер приоткрыла дверь и, увидев за ней Ледера, сообщила, что она проводит сейчас примерку с одной из своих клиенток. Если у Ледера срочное дело, пусть он пройдет на кухню и там подождет.

— *Ингеле, тайрэр ингеле*[32], — добавила портниха, заметив меня рядом с Ледером. — А ведь у меня твоя мама.

И действительно, из двери в конце коридора немедленно выглянула мать в одной комбинации.

— Что случилось с отцом? — испуганно спросила она.

---

[32] Примечания: 32
Мальчик, дорогой мальчик (*идиш*).

— Да ничего, он с Ледером пришел, — успокоила ее Багира.

— Оставим костюм как есть, — бросила мать, и уже минуту спустя, одетая наспех, она вышла из комнаты.

Всю дорогу до нашего дома мать не смотрела на меня и ничего не говорила. Крепко сжав мою руку, она безостановочно напевала одни и те же слова:

— Кру-кру-кру-кружили журавли, жу-жу-жу-жуж-жали пчелы…

Прошло больше двадцати лет, прежде чем я, оказавшись на берегах Большого Горького озера, впервые увидел вблизи стаю кружащих журавлей. Шумом своих крыльев и протяжными криками они напоминали грозных, ярящихся воинов, и случилось это в том самом месте, где мне пригрезился отец Ледера. Размахивая белыми перчатками, он звал поднимавшегося из бездны темноволосого юношу с сомкнутыми веками.

Глава вторая

1

Дома сидели отец и Риклин. Они пили чай, посасывали колотый сахар и вызывали мертвых. Мать, проходя по коридору, остановилась на миг и взглянула через открытую дверь на их головы, склонившиеся над расчерченным на квадраты листом белой бумаги. Тут же, на столе, были разбросаны книги, рулоны свернутых карт и толстые тетради, страницы которых, с захватанными краями, напоминали пестрые крылья удивительной птицы.

Отец и Риклин продолжали шептаться, не обращая на нас внимания. Мамины губы чуть скривились, обозначив презрение, и она, уже стоя у входа в спальню, бросила Риклину:

— Больной диабетом человек вашего возраста давно должен был избавиться от своих постыдных пристрастий, а вы сосете сахар, словно последний мальчишка.

Риклин сдвинул очки на лоб, и по его выбритому красноватому лицу расползлась ухмылка, совершенно устранявшая значение маминых

слов. Звук хлопнувшей двери заглушил возражения отца. Мать, не умея унять волнения, взялась за разборку лежавшей на кровати кипы постиранного белья.

Дружба отца со стареющим могильщиком была ей противна. Реб Элие, полагала мать, был из тех людей, что наживаются неправедным образом.

— Он каждый день получает из «Тнувы»[33] упаковку яиц, — цедила она сквозь зубы, — но вместо того чтобы мыть ими волосы покойникам, как велит обычай, скармливает их своим внукам, которые съедают по яйцу утром и вечером, тогда как другие дети едят сухое пюре и яичный порошок.

Отец предостерегал ее от суесловия, настаивая на том, что принятый за границей обычай мыть волосы покойникам яйцами не имеет силы в Стране Израиля. И лучше бы ей, говорил отец, помнить слова своего брата, который работает судейским чиновником и, можно сказать, приятельствует с судьями да адвокатами, так что пустого болтать не станет.

---

[33] Примечания: 33

«Тнува» («Урожай») — аграрный кооператив, созданный в 1926 г. с целью централизованной скупки, переработки и сбыта продукции еврейских земледельческих поселений подмандатной Палестины. Ныне израильская коммерческая компания со значительным участием иностранного капитала.

Как-то в субботу, когда у нас заговорили о Риклине, дядя Цодек сообщил, что однажды реб Элие заставил солнце повернуть вспять. Внимательно осмотрев фотографию, на которой бабушка была запечатлена со мной, младенцем, на руках, мамин брат добавил, что случилось это давно, задолго до моего появления на свет, когда рав Ханелес, старый минский каббалист, был найден мертвым посреди поля вблизи квартала Бейт Исраэль. Дело было в пятницу, в предвечернюю пору, и похороны раввина Ханелеса производились поспешно[34]. Десять мужчин, в числе которых был молодой реб Элие, побежали с носилками на Масличную гору. И вот, еще до того как арабские рабочие, копавшие могилу в твердом каменистом грунте, закончили свою работу, солнце зашло, и казалось, что завершить погребение придется препоручить арабам. Но тут реб Элие вытащил из-за пазухи толстую кипу плотно исписанных с обеих сторон листов коричневой упаковочной бумаги, взмахнул ею и воскликнул:

— Тот, кто писал черным огнем по белому ог-

[34] Примечания: 34

По еврейскому закону субботний день с его особыми правилами начинается с заходом солнца в пятницу и заканчивается в субботу с выходом звезд.

ню, будет похоронен измаильтянами?![35] — и ушедшее за горизонт светило вновь засияло на западе.

Мать, усмехнувшись, сказала, что реб Элие — никак не второй Йешаяґу и что отвести тень со ступеней Ахазовых, как в дни Хизкияґу, ему не под силу[36]. Потом голос ее стал резче, и она выразила удивление, как ее брат, собирающий искры мудрости у ног препочтенных судей Фрумкина и Хешина и не чуждый знанию внешних книг[37], может не понимать, что заходившее солнце всего лишь скрылось за облаками и затем показалось вновь.

Каждый день после полудня отец закрывал лавку и приходил домой передохнуть. Риклин являлся вслед за ним, усаживался у стола, за ко-

---

[35] Примечания: 35

О написании Торы Всевышним «черным огнем по белому огню» говорится в классических еврейских источниках (например, в «Мидраше Танхума»), а здесь этот образ используется как свидетельство глубоких познаний покойного раввина в каббале, мистическом учении иудаизма.

[36] Примечания: 36

О знамении, данном пророком Йешаяґу (Исайей) царю Хизкияґу (Езекии) на ступенях Ахазовых, см. в библейской книге Йешаяґу (Исайя), гл. 38.

[37] Примечания: 37

Гад Фрумкин (1887–1960) состоял судьей Верховного суда в период британского управления в подмандатной Палестине; Шнеур-Залман Хешин (1903–1959) был одним из судей в первом составе израильского

Верховного суда и затем, с 1954 г., постоянным заместителем его президента. «Внешними книгами» в еврейской традиции обычно называют апокрифы, не вошедшие в канонический текст Танаха (Еврейской Библии), но здесь этот термин, очевидно, указывает на светские книги.

торым отец обедал, и едва лишь отец заканчивал послетрапезную молитву, Риклин торопил его убрать со стола посуду и взяться за дело.

Впервые он пришел к нам в дом через месяц после того, как у нас учинили обыск служащие Министерства нормирования[38].

— Бандиты Дова Йосефа устроили у вас погром! — прокричала нам госпожа Адлер, когда мы вернулись в послеполуденный час от маминой подруги Аґувы. Мывшая окна своей квартиры соседка была так взволнована, что глаза вылезали у нее из орбит, но мать спокойно отреагировала на ее сообщение, заметив, что люди, страдающие базедовой болезнью, иной раз теряют способность рассуждать здраво и что соседке просто-напросто не хватает людского внимания.

Дома отец молча сидел за столом посреди разбросанной по полу одежды, сорванных со стен картин и прочего скарба. Двери шкафов были

[38] Примечания: 38

Министерство нормирования (полное название: Министерство снабжения и нормирования) действовало в Израиле в 1949–1950 гг., в период острого товарно-продовольственного кризиса, вызванного тем, что государство, израсходовав все свои валютные резервы в Войну за независимость, осуществляло массовый прием репатриантов из стран Северной Африки и Ближнего Востока и из частично переживших Холокост еврейских общин Европы. Одной из функций указанного министерства была борьба с черным рынком. Министром снабжения и нормирования был упоминаемый ниже в тексте Дов Йосеф.

распахнуты настежь. Рядом с недопитым стаканом чая перед отцом лежали остатки медового пирога. Мать замерла у входа.

— Как у Слонима, — прошептала она и медленно двинулась внутрь квартиры. — Как у Элиэзера-Дана Слонима в Хевроне.

Бессильно опустившись на одну из заваленных вещами кроватей, мать закрыла лицо руками. Меня охватил ужас.

Забравшись однажды в дальний угол чулана, я рассматривал «Памятную книгу мучеников 5689 года»[39], спрятанную там от моих глаз за приставленным к стене фотопортретом первой жены отца, и меня поразил тогда снимок годовалого младенца Шломо Слонима: единственный уцелевший из своей семьи, он был запечатлен одиноко сидящим посреди комнаты. Отец, так же одиноко сидевший сейчас у стола, чем-то напомнил мне этого младенца. Мягкие тени, отбрасываемые прутьями оконной решетки,

---

[39] Примечания: 39

В ходе погрома, учиненного арабскими жителями Хеврона и прилегающих к нему деревень 24 августа 1929 г. (5689 год по еврейскому летоисчислению), были убиты 67 и ранены 65 еврейских жителей этого города, после чего древняя еврейская община Хеврона прекратила свое существование. Частично восстановить ее удалось уже после Шестидневной войны 1967 г., в результате которой Хеврон, как и вся историческая область Иудея, лежащая к югу от Иерусалима, оказался под контролем Израиля.

причудливо пересекались на его лице и плечах.

Среди разбросанных повсюду вещей я заметил сине-белый матросский костюмчик с двумя рядами украшенных якорями золотых пуговиц. Костюмчик явно предназначался ребенку трехлетнего возраста, но я не помнил, чтобы мне доводилось его носить. Страх уступил место любопытству, и я спросил:

— Мама, чье это?

Мать посмотрела на меня будто через амбразуру, но быстро взяла себя в руки, встала, забрала у меня костюмчик и, не произнеся ни слова, повесила его на вешалку, причем поверх него тут же повесила три своих старых, давно не ношенных платья. Наглухо скрытый ими матросский костюмчик отправился в опустевший шкаф, дверцу которого мать плотно закрыла.

Лишь через два часа, когда все следы произведенного в доме обыска были устранены, мать прервала молчание:

— Что они забрали, эти холеры?

— Миндаль, — ответил отец, словно сквозь сон. Он по-прежнему неподвижно сидел на своем месте, и на его лице играл теперь свет заходящего солнца.

Полгода спустя суд полностью оправдал отца. К

нам в дверь постучался тогда судейский служка, державший в руках красную жестяную коробку с изображением двух усатых китайцев. Длинные усы ниспадали к воротникам их халатов, и каждый из них держал в руках по подносу с чашками чая. Мать сломала коричневую сургучную печать, которой в суде скрепили корпус и крышку коробки. Находившийся в коробке миндаль зачервивел.

Прошло еще двенадцать лет, и на тридцатый день после смерти отца мы складывали его костюмы и другую одежду в сверток, который мать собиралась отдать габаю странноприимного дома в Махане-Йеѓуда[40]. Тогда-то и обнаружился вновь матросский костюмчик, о котором я уже знал, что это единственная вещь, оставленная матерью в память о моем старшем брате, умершем за три года до моего появления на свет. Мать не упоминала его ни единым словом в разговорах со мной до смерти отца, но Шалом, сын дяди Цодека, однажды рассказал мне о нем. Рассказал он и о том, как страшно выглядела моя мать, когда поднималась одна по улице Чанселлора,

[40] Примечания: 40

Габай — староста в синагоге или еврейском общинном учреждении. Махане-Йеѓуда — квартал в центральной части Иерусалима, к югу от улицы Яффо, место расположения главного городского рынка.

ныне — Штрауса[41], от больницы «Бикур холим». После бессонной ночи, проведенной у постели умирающего сына, она шла домой и катила перед собой пустую коляску.

Через неделю после обыска, произведенного у нас инспекторами Министерства нормирования, на смену наполнявшим наш дом ароматам свежих ивовых веток и эвкалипта пришел кислый запах гниения. На комоде и на одежном шкафу увядали срезанные ветки, в банках и вазах зеленела застоявшаяся вода, которую прежде отец менял каждый день.

Так завершилась запоздалая попытка бунта, предпринятая отцом. Запоздалая и единственная в его жизни, насколько я знаю.

2

Начало всему положила поездка в Петах-Тикву, но прежде, чем рассказать о ней, я должен отсту-

---

[41] Примечания: 41

Улица в центре Иерусалима, первоначально носившая имя Джона Чанселлора, Верховного комиссара подмандатной Палестины в 1928–1931 гг., и переименованная впоследствии в честь известного американского еврейского филантропа Натана Штрауса (1848–1931), выделявшего значительные средства на содействие сионистскому проекту. От перекрестка с главной иерусалимской улицей Яффо ведущая на север улица Штрауса поднимается в гору, и у пересечения с улицей Пророков на ней находится построенное в 1925 г. здание больницы «Бикур холим».

пить на несколько лет назад.

В бурную иерусалимскую зиму, в самом начале сороковых годов, короткое замыкание вызвало пожар, спаливший четвертый этаж и надстройку синагоги «Зохорей хама»[42] в Махане-Йеґуда. Эта выполненная в форме башни надстройка с надписью «Росток плодородный Йосеф»[43] во всю ее ширину служила смотровой площадкой для тех, кто хотел впечатлиться красотой города, не переступая порога христианского здания ИМКА[44].

Пожар повредил солнечные часы, по которым устанавливалось время утренней молитвы и чтения Шма[45] для тех, кто молится сразу с восходом солнца, а также двое механических часов, на которые полагались в пасмурные зимние дни. Одни из этих часов указывали европейское

---

[42] Примечания: 42

Построенное в 1908 г. здание синагоги «Зохорей хама» («Солнечное сияние») некоторое время оставалось самым высоким в иерусалимских кварталах за стенами Старого города. Упоминаемый автором пожар имел место зимой 1940 г.

[43] Примечания: 43

Фраза из библейского благословения, с которым праотец Яаков обратился перед смертью к своему любимому сыну. Берешит (Бытие), 49:22.

[44] Примечания: 44

Здание иерусалимского филиала Международной молодежной христианской ассоциации (YMCA) с 45-метровой башней над ним было построено в 1933 г.

[45] Примечания: 45

Шма («слушай», *ивр.*) — первое слово и краткое название молитвенной

декларации «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един», произносимой религиозными евреями дважды в день, утром и вечером.

время, другие — каирское, использовавшееся в те годы в Стране Израиля.

Механические часы были скоро починены, но солнечные долго не удавалось восстановить. Металлический шест, отбрасывавший тень на полукруглую шкалу циферблата, был извлечен из фасада и передан на хранение госпоже Перл Грейбер, внучке раввина и американского портного Шмуэля Леви, основателя синагоги «Зохорей хама» и странноприимного дома над ней.

И вот однажды в Шушан Пурим[46] зашедший к нам в гости с подарками дядя Цодек случайно упомянул, что в Петах-Тикве доживает свои дни искуснейший специалист по солнечным часам, некогда установивший такие часы во дворе главной синагоги этой земледельческой колонии[47]. Отец, молившийся в «Зохорей хама» на протяжении многих лет и старавшийся быть

---

[46] Примечания: 46

Шушан Пурим, или Сузский Пурим, именуемый так по названию города Шушан (Сузы), в котором происходили события, описанные в библейской книге Эстер и вызвавшие появление праздника Пурим. Отмечается на следующий день после обычного Пурима в «городах, которые были обнесены стеной в дни Йеѓошуа Бин-Нуна» (Иисуса Навина) и в том числе в Иерусалиме.

[47] Примечания: 47

Большая синагога в Петах-Тикве (ныне — крупный израильский город) была построена в 1898 г., но солнечные часы на ней были установлены несколько позже.

среди прихожан, составлявших самый ранний миньян[48], тяжело переживал утрату солнечных часов, и им было немедленно принято решение отправиться сразу же после Пурима в Петах-Тикву.

Вернувшись оттуда, он рассказал, что мастер отказывается общаться с незнакомыми людьми. Отцу удалось встретиться с одним из его родственников, и тот после долгих уговоров поведал, что престарелый мастер страшится шейха Нимера Эфенди и что его не удается убедить, что Старый Иерусалим находится теперь под контролем иорданского короля Абдаллы, тогда как новая часть Иерусалима стала израильской. На все аргументы мастер отвечал, что арабы поныне преследуют его за то, что он отказался изготовить и установить солнечные часы на Храмовой горе. И хотя с тех пор прошло почти полвека, старик оставался уверен, что предводители Вакфа[49] помнят его отказ и убьют его, как только им пред-

[48] Примечания: 48

Миньян (букв. «счет», *ивр.*) — минимально необходимый для проведения общественной молитвы кворум из десяти взрослых мужчин.

[49] Примечания: 49

Вакф, или Вакуф — мусульманский орган, управляющий переданным на религиозные и благотворительные цели имуществом; в данном случае — иерусалимский Вакф, в фактическом управлении которого находится Храмовая гора с расположенными на ней мечетями Аль-Акса (Удаленная) и Куббат ас-Сахра (Купол Скалы).

ставится такая возможность.

Страхи старого мастера восходили к событиям, имевшим место в самом начале столетия. Среди мусульманских законоучителей разгорелся тогда острый конфликт по поводу точного времени полуденной молитвы, и шейх Нимер Эфенди счел, что наилучшим средством его разрешения явится установка на Храмовой горе солнечных часов — по образцу тех, что были установлены в Махане-Йеґуда. Но еврейский мастер придерживался запрета на восхождение на Храмовую гору, и ни обещанные ему тридцать тысяч наполеондоров, ни льстивые слова о том, что его поступок послужит сближению сынов Израиля и сынов Ишмаэля[50], не поколебали его решимости. Когда дело дошло до угроз, он бежал из города и по совету раввина Йосефа-Хаима Зонненфельда[51] втайне от всех поселился в Петах-Тикве. С тех пор он ни разу не приезжал в Иерусалим.

Итак, отец вернулся из Петах-Тиквы с пустыми

---

[50] Примечания: 50

Ишмаэль (Исмаил, Измаил) — старший сын Авраама, родившийся от рабыни Агари. Выражение «сыны Ишмаэля» часто подразумевает арабов.

[51] Примечания: 51

Йосеф-Хаим Зонненфельд (1848–1932) — иерусалимский раввин, духовный лидер наиболее непримиримого по отношению к сионизму направления в ультраортодоксальном иудаизме.

руками, однако там его постигло неожиданное откровение. Когда он в поисках старого мастера ходил по улицам этого поселения, его внимание привлекли эвкалипты, и ему вдруг стало ясно — яснее некуда, — что мы на протяжении многих поколений ошибочно исполняли заповедь о четырех растениях[52], используя в качестве «речных аравот», о которых говорит Тора, ветви малоприметного растения, тогда как в действительности Тора говорит о дереве, которое теперь называют эвкалиптом.

Мать поставила на стол перед отцом тарелку перловой каши и стакан с компотом из чернослива. Она не отреагировала на его сообщение, но, когда весной, примерно через месяц после поездки в Петах-Тикву, отец пропал, мать сказала офицеру полиции, расследовавшему его исчезновение, что она уже в тот вечер заметила, что ее муж повредился рассудком от чрезмерной усталости или из-за дальней поездки в незнакомое место. При этом, добавила мать, она была совер-

---

[52] Примечания: 52

Заповедь Торы предписывает в праздник Суккот взять «плоды прекрасных деревьев, и пальмовые ветви, и ветви густолиственных деревьев, и речных аравот», Ваикра (Левит), 23:40. Эти растения еврейская традиция отождествляет с цитроном, ветвями финиковой пальмы, мирта и ивы; удерживаемые вместе, они используются при совершении праздничной молитвы. Последнее из этих растений герой книги отождествил с эвкалиптом.

шенно уверена, что ее муж скоро придет в себя, стоит ему как следует выспаться и отдохнуть.

Поздним вечером, через три дня после своего исчезновения, отец вернулся домой. Раскрасневшийся от долгого пребывания на солнце, он привез с собой чемодан, наполненный завернутыми во влажную материю ветвями эвкалипта и ивы. В его взволнованном рассказе о богатой источниками земле и о насаженных прямыми рядами цитрусовых деревьях выделялись высокие эвкалипты, кора которых подобна человеческой коже и вокруг которых роятся осы и пчелы. Корка ссохшейся грязи на его ботинках свидетельствовала о пережитых им приключениях.

Мать неподвижно сидела на стуле, как будто чем-то пристыженная и бессильная перед лицом внезапной перемены, случившейся с ее мужем.

— Человек — странная машина, — пробормотала она наконец, ни к кому не обращаясь, и снова умолкла. Прошло еще какое-то время, и она сообщила, что, конечно, сходит в участок сказать полицейским, чтобы они прекратили поиски, хотя и не представляет себе, как будет извиняться перед дежурным сержантом.

Когда мать вышла, отец заявил, что полицейским нет до ее переживаний никакого дела,

поскольку все они заняты сейчас борьбой с черным рынком. Какая им разница, вернулся ли в свой загон потерявшийся агнец? Затем, рассеянно улыбнувшись, отец сказал, что им найдены бесспорные доказательства сделанного им открытия, и попросил меня принести трактат «Сукка»[53].

— Какое из ивовых растений именуется арава и какое цафцафа? — зашептал отец, водя пальцем вдоль строк. — У аравы ветвь красна, лист удлинен, край листа гладок. У цафцафы ветвь бела, лист кругл, край листа подобен зазубренной кромке серпа.

Отложив книгу на диван, отец достал из своего чемодана две ветки и попросил меня сказать, какая из них кажется мне, в свете только что прочитанного им, веткой аравы и какая — цафцафы. Мой ответ вызвал его радостный возглас, и он торжественно объявил, что теперь его правота доказана несомненно, поскольку даже ребенок не может ошибиться в опознании этих растений. Вслед за тем отец сообщил, что завтра же после молитвы зайдет к раввину Исеру-Залману Мель-

[53] Примечания: 53

Трактат Талмуда, посвященный заповедям, установлениям и обычаям праздника Суккот.

церу[54], чтобы рассказать о своем открытии.

3

Назавтра отец вернулся к полудню с горящим лицом и стал без устали ругать «паскудного раввина». Мать, озабоченная положением дел в лавке, попросила его надеть фартук и, притопнув по полу, дала ему понять, что он должен следить за своим языком в присутствии посторонних.

Когда лавка опустела, отец рассказал, что раввина Мельцера не было в ешиве, в связи с чем ему пришлось отправиться к раввину Боймелю в Шаарей Хесед[55]. Тот принимал пожилую женщину, вдову скончавшегося в начале сороковых руководителя важной иерусалимской ешивы. И поскольку рав Боймель не хотел оставаться с женщиной наедине, дверь его кабинета была приоткрыта, так что отец невольно услышал, с каким вопросом пришла к нему посетительница. Ей было важно узнать, не будет ли капля воды,

---

[54] Примечания: 54

Исер-Залман Мельцер (1870–1953) — известный иерусалимский раввин, многолетний глава ешивы «Эц Хаим».

[55] Примечания: 55

Шаарей Хесед — иерусалимский квартал с преимущественно религиозным населением, расположен к югу от упоминавшегося выше квартала Махане-Йеґуда.

свисающая с крана кипятильного бака после того, как из этого бака налили горячую воду в стакан, обладать статусом «открытой воды»[56]. Раввин долго справлялся в книгах, лежавших у него на столе, и, не сумев найти в них исчерпывающего ответа, взобрался по приставной лестнице к верхним полкам своего книжного шкафа. Спустившись оттуда с кипой респонсов, он снова погрузился в чтение и размышление, а затем сказал посетительнице, что перед повторным использованием кипятильного бака ей следует сливать небольшое количество воды — вместе с висевшей на кончике крана каплей. Он также похвалил женщину за заданный ею вопрос, отметив, что великие мужья Израилевы порицали в своих святых книгах тех, кто возымел дурное обыкновение пренебрегать указанием мудрецов не использовать «открытую воду», в которой, как мы знаем из Талмуда, змеи могли оставить свой яд.

Когда старушка наконец удалилась, рав Боймель протянул отцу свою мягкую влажную руку и попросил, чтобы тот показал ему курицу, которая, очевидно, находится в его закрытой кошелке.

---

[56] Примечания: 56

В Талмуде содержится указание не использовать воду и другие напитки, простоявшие ночь в открытом сосуде.

Отец, улыбнувшись, ответил, что он пришел к раввину не с курицей, а с важным для всего еврейского народа вопросом. Вслед за тем, выложив на заваленный книгами стол ветви эвкалипта и ивы, он поделился с раввином своим открытием.

Терпения раввина Боймеля хватило ненадолго. Едва ознакомившись с умозаключениями отца, он категорически заявил, что Рамбам[57] однозначным образом утверждает, что точное знание четырех растений, о которых говорит соответствующая заповедь Торы, передано нам прямой традицией от учителя нашего Моше[58] и что народ Израиля издревле использует в числе этих растений известные нам ивовые ветви. Обнаружив, что его слова не произвели на отца никакого впечатления, раввин поинтересовался, как его гость предлагает понимать слова ага-

[57] Примечания: 57

Рамбам, или Маймонид — р. Моше бен Маймон (ок. 1135–1204), знаменитый законоучитель иудаизма, философ и богослов.

[58] Примечания: 58

Моисей, согласно библейскому повествованию, — пророк и предводитель еврейского народа при исходе из Египта, через которого была дарована Тора.

ды[59], связывающие каждое из четырех растений с конкретным человеческим типом и, в частности, определяющие, что ива, не имеющая ни вкуса, ни запаха, символизирует пустейших людей, за которыми не числится ни знания Торы, ни исполнения заповедей. В то же время сломанный лист эвкалипта, отметил раввин, имеет резкий аромат.

На это отец ответил, что слова агады лишь подтверждают его правоту. Да, соответствующий человеческий тип не имеет за собой ни Торы, ни прилежного исполнения заповедей, но он все же включен в олицетворяемое четырьмя растениями единство Израиля и является необходимым элементом в этом единстве. На каком же основании он туда включен? Именно на том основании, что сторонний взгляд не обнаруживает в нем ни Торы, ни соблюдения заповедей, но это лишь видимость, а на самом деле в глубине его сердца, за коростой безверия и ереси, сохраняется пламенный очаг еврейства. Такой человеческий тип

---

[59] Примечания: 59

Агада (букв. «повествование», *ивр.*) — часть Устной Торы, которая не носит характера непосредственной юридической регламентации. В жанровом отношении к агаде относятся притчи, сказания о праведниках, гомилетические толкования Письменной Торы, нравоучительные сентенции, гимны народу Израиля и Святой земле, рассуждения философско-теологического характера и т. п.

наилучшим образом символизируется эвкалиптом, который сам по себе не имеет выраженного запаха, но, преломив его лист, мы сразу же ощущаем заключенный в нем аромат.

Отец добавил, что об этом же говорит и известное истолкование слов «и почувствовал запах одежды его», ведь предлагали мудрецы трактовать их как «и почувствовал запах предателей его»[60], настаивая на том, что даже еврейские отступники имеют благой аромат, поскольку и они соблюдают какие-то заповеди и даже стремятся иной раз зайти в синагогу — послушать чтение «Коль нидрей» с наступлением Йом Кипура[61] или порадоваться радостью Торы в праздник Симхат Тора. Верно, они делают это не ради заповеди, но от такого делания приходят со временем и к сознательному ее исполнению.

Раввин не дал отцу закончить его рассуждение,

---

[60] Примечания: 60

Данным истолкованием обыгрывается созвучие ивритских выражений «бегадав» («его одежд») и «богдав» («его предателей»), тогда как сама цитата имеет своим источником Берешит, 27:27, где говорится об Ицхаке, ощутившем запах одежд Эсава, которые надел на себя Яаков, пришедший к отцу за благословением.

[61] Примечания: 61

Начало Йом Кипура, или Дня Искупления, суточного поста, отмечаемого 10-го числа еврейского месяца тишрей (в сентябре-октябре), сопровождается торжественным чтением декларации «Коль нидрей» («Все обеты»), в которой содержится просьба об отмене и прощении опрометчиво данных обещаний.

посоветовал оставить суетные мысли и сказал, что сейчас отцу следует удалиться, дабы не отвлекать от изучения Торы ни его, ни себя самого.

Свой рассказ отец заключил тем, что рав Боймель, как и подобает человеку с такой фамилией[62], представляет собой чистейший елей и что даже моча его, наверное, чище рафинированного оливкового масла. Свои мысли отец решил изложить раву Циперу, который все же учился в венской школе раввинов и черпал свои знания у раввина доктора Цви-Переца Хаюта[63], так что мог считаться сосудом, содержащим благословение.

4

С приближением времени молитвы минха[64] мы отправились к раву Циперу.

Пока мы шли по улице Давида Елина, отец

---

[62] Примечания: 62

Боймель означает на идише «растительное масло».

[63] Примечания: 63

Цви-Перец Хают, или Хаес (1876–1927) — известный венский раввин, библеист и историк.

[64] Примечания: 64

Минха (букв. «Дар», *ивр.*) — ежедневная молитва, названная по одноименной храмовой жертве. Произносится с половины первого послеполуденного часа до захода солнца, но, как правило, ближе к заходу солнца.

рассказывал мне о красивых синекрылых и белогрудых птицах с красными клювами, ловко выхватывающих из воды то рачка, то рыбешку, о растущих вблизи речных потоков диких олеандрах, розовые и белые цветы которых могут быть опасны для глаз, и об эвкалипте, который арабы называют «еврейским деревом».

Дойдя до угла улиц Сфат Эмет и Йосефа Шварца, мы оказались у небольшого, огороженного почерневшими деревянными щитами двора, в котором была сокрыта от посторонних глаз могила Гурского ребе. Умиравший в разгар тяжелых боев за Иерусалим, он попросил быть похороненным возле своей ешивы — до тех пор, пока не откроется дорога на Масличную гору[65], и здесь, возле его могилы, мы неожиданно встретили су-

[65] Примечания: 65

Гурские хасиды получили свое название в честь польского города Гура-Кальвария, где жил основатель данного направления р. Ицхак-Меир Алтер (1799–1866), и сегодня они являются крупнейшей хасидской общиной в Израиле. Третий глава этого направления р. Йеґуда-Арье-Лейб Алтер (1847–1905) был автором книги «Сфат Эмет» («Правдивый язык»), давшей название гурской ешиве в Иерусалиме и улице, на которой она находится. Похороненный во дворе этой ешивы р. Авраам-Мордехай Алтер (1866–1948) был четвертым по счету Гурским ребе, и его могила так и осталась во дворе ешивы после Шестидневной войны 1967 г., открывшей израильтянам доступ к расположенному в восточной части Иерусалима, на Масличной горе, древнему еврейскому кладбищу. Рядом с ним позже был похоронен его младший сын р. Симха-Бунем Алтер (1898–1992), шестой Гурский ребе.

пругу раввина Ципера. Облаченная в багряницу с украшениями[66], она шла в сопровождении высокой и худой женщины, которая все время потряхивала белой коробкой для сбора пожертвований. На коробке были изображены ровные голубые волны под сияющим золотым солнцем, в обрамлении идущей полукругом надписи «Фонд микв»[67]. Отец поздоровался с женщинами, и ребецн[68] Ципер немедленно попросила его раскошелиться по случаю ежегодного сбора средств на учреждения, пекущиеся о чистоте супружеской жизни.

Отец опустил в белую коробку одну монету и поинтересовался, дома ли раввин Ципер.

Ребецн кивнула и пояснила, что, хотя в эти часы рав умерщвляет себя в шатре Торы[69], он будет готов принять отца, если тот желает об-

---

[66] Примечания: 66

В тесте используется намерено архаичное выражение, представляющее собой цитату из Шмуэль I (Царств I), 1:24.

[67] Примечания: 67

Миква — водный резервуар, используемый религиозными еврейскими женщинами для ритуального очищения после менструального кровотечения и в некоторых других ситуациях.

[68] Примечания: 68

Ребецн — уважительное обращение к жене раввина (*идиш*).

[69] Примечания: 69

Талмудическое выражение, подразумевающее человека, отдающего все свои силы изучению Торы.

ратиться к нему по важному и неотложному делу. Сам раввин, добавила ребецн, постоянно пребывает в высших мирах, ничего не слышит и не видит вокруг себя, но в ее отсутствие за ним присматривает соседский мальчик, подросток способный и превосходных манер — он-то и откроет нам дверь.

Отец благочестиво причмокнул, как он нередко делал, общаясь с особенно набожными людьми, и выразил уверенность в том, что лучше уповать на Господа, чем на человека[70], и что, поскольку в данном случае речь идет всего лишь о малолетнем подростке, истинным Оберегителем раввина, да удостоится он долгих и добрых дней, является Тот, под Чьим милостивым крылом все мы ходим.

Ребецн, поправив платок, заметила, что талмид хахам[71] нуждается в постоянном присмотре, что его ни на минуту нельзя оставлять одного и что в этом элементарном вопросе согласны все сведущие люди.

Расставшись с ней, мы направились к домам

---

[70] Примечания: 70
Цитата из Теѓилим (Псалмы), 118:8.

[71] Примечания: 71
Знаток Торы.

колеля[72] и по крутой лестнице поднялись из просторного двора на верхний этаж. Вдоль расположенных там квартир от лестницы вел крытый балкон, и, проходя к квартире, в которой жил раввин Ципер, мы могли на миг заглянуть в окно к каждому из его соседей.

Из-за запертой двери доносились приглушенные смешки. Отец дважды постучал, но лишь после третьего раза за дверью послышались шлепанье тапочек по полу и голос раввина:

— *А минут, а минут*[73].

Наконец дверь открылась. Рав Ципер стоял за ней в помятой одежде, поверх которой был небрежно наброшен сюртук. Взгляд его водянистых, отрешенных глаз настороженно ощупывал наши лица. В квартире, окна которой были

---

[72] Примечания: 72

Одним из значений слова «колель» в XIX и в начале XX в. было объединение проживавших в Эрец-Исраэль выходцев из определенной страны, причем речь шла о людях, принадлежавших к т. н. Старому ишуву или присоединявшихся к нему. В отличие от сионистского Нового ишува, декларировавшего ценность продуктивного труда и стремившегося к экономической независимости, общины Старого ишува существовали на денежную помощь евреев диаспоры. Колели осуществляли распределение поступавших из-за границы средств, ведали различными вопросами общинной организации и иногда имели свои дома, в которых членам данного колеля предоставлялось временное или постоянное жилье.

[73] Примечания: 73

Минутку, минутку (*идиш*).

плотно закрыты, стоял запах книг, корицы и валенсийских апельсинов. Рав Ципер провел отца в большую комнату, а я ненадолго задержался в прихожей, стены которой были покрашены масляной краской в светло-коричневый цвет с темными прожилками. Разделенные на прямоугольники решительными черными линиями, стены казались в темноте сложенными из природного известняка. Из спальни раввина раздался шорох. Одетый в красно-синюю футболку мальчик с девичьим лицом вышел оттуда и тихо, как кошка, выскользнул за входную дверь.

Ощутив неприятный привкус во рту, я захотел выйти на освещенный солнцем балкон, но отец позвал меня в комнату и велел сесть рядом с ним.

Рав Ципер сидел, откинувшись на спинку стула, и постукивал пальцами по столу. Он потупил взор, и его ниспадавшие крупными прядями блестящие маслянистые волосы были схожи с корнями странного дерева, изображенного на картине, висевшей у него за спиной. Густые, переплетающиеся ветви этого дерева напомнили мне большой теребинт, за ветви которого зацепился

волосами скакавший на муле Авшалом[74]. На каждом из листьев этого дерева мелким шрифтом Раши[75] было написано имя одного из великих предков сидевшего перед нами раввина.

Отец, обстоятельно излагавший суть своего вопроса, прервался на миг и сказал мне, чтобы я прекратил грызть ногти. Тут рав Ципер, оживившись, заметил, что я, благодарение Всевышнему, разумный ребенок с красивыми глазами и что меня не надо так строго одергивать из-за поступков, в которых душа человека не властна над его телом.

Выслушав отца с деланым участием, рав Ципер сказал, что нам не надлежит забывать об австралийском происхождении эвкалипта, лишь недавно укоренившегося в наших краях. Он также сослался на ботаническую премудрость, относящую иву и эвкалипт к двум совершенно разным семействам: ива принадлежит к ивовым,

---

[74] Примечания: 74

История гибели Авшалома (Авессалома), поднявшего мятеж против своего отца царя Давида, изложена в книге Шмуэль II (Царств II), гл. 18.

[75] Примечания: 75

Принятое название ивритского шрифта, разработанного в итальянских типографиях XV в., отличного от обычного ивритского шрифта и обычно используемого для печати комментариев к Танаху и Талмуду. Именуется таким образом, поскольку им чаще всего печатали знаменитые комментарии Раши — р. Шломо Ицхаки (ок. 1040–1105).

а эвкалипт — к миртовым. Присмотревшись к этим деревьям, добавил раввин, мы заметим, что ива сбрасывает свои листья зимой и что семена ее созревают весной, тогда как эвкалипт не сбрасывает своих листьев ни в дождливую пору, ни жарким летом, семена же его созревают осенью.

На это отец, извинившись, ответил, что как бы он ни уважал сидящего перед ним раввина, истина ему многократно дороже, и поэтому смолчать он не может. Во-первых, Австралия. Удаленность этого континента не составляет, по его мнению, ни малейшей проблемы, поскольку вечная Тора истинна во всякое время и во всяком месте. И если эвкалипт обладает всеми тремя указанными мудрецами признаками аравы, его ветви были кошерны для воздымания в праздник Суккот уже на третий день Творения, когда земля произрастила дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод[76]. Во-вторых, — тут отец счел нужным выразить свое удивление — с каких это пор раввин опирается на классификацию Линнея,

[76] Примечания: 76
Цитата из Берешит, 1:12.

который поистине есть трость надломленная[77], ведь его выводы не раз и не два решительно опровергались знаменитыми ботаниками.

Раввин улыбнулся. Ученые слова отца, сказал он, несомненно указывают на то, что произносящий их вхож во внутренние покои Торы, а потому будет лучше, если он, рав Ципер, тщательно взвесит изложенные ему аргументы. Ну а дня через два или три пусть отец пришлет меня к раввину после полудня за письменным ѓалахическим[78] постановлением, которое он к тому времени подготовит.

На улице отец сказал мне, что от раввинов нам, похоже, проку не будет. Учености рава Боймеля хватит, чтобы провести индийского слона сквозь игольное ушко, а эта птичка Ципер[79] — он, конечно, просвещенный венский доктор раббинер, но оба они, подобно прочим раввинам, трусова-

---

[77] Примечания: 77

Частый библейский образ ненадежного союзника, обычно употреблявшийся пророками в отношении Египта, на который цари Иудеи рассчитывали опереться перед лицом исходившей от Ассирии и затем от Вавилона опасности.

[78] Примечания: 78

Ѓалаха — еврейский религиозный закон (*ивр.*).

[79] Примечания: 79

Матронимическая фамилия Ципер образована от женского имени Ципора (Сепфора); так звали жену Моше (Моисея). На иврите это имя означает «птица».

ты или, скажем так, слишком опасливы. А там, где нет людей, каждому из нас надлежит быть человеком[80].

Все лето отец просидел за книгами. Предмет его размышлений так его занимал, что он стал говорить во сне. Настал праздник Суккот, утром отец отправился в синагогу, и мы с матерью, стоя у открытого окна, с тревогой смотрели ему в след. В руках у него были лулав и этрог[81], и к лулаву вместе с миртом были привязаны свежие эвкалиптовые ветви.

В тот день отец получил в синагоге прозвище Клипта[82], которым его называли за глаза до конца жизни.

— Презрение и людская хула неизбежно становятся уделом всякого первопроходца, — говорил отец матери, очевидно цитируя чье-то высказы-

---

[80] Примечания: 80

Парафраза высказывания, содержащегося в талмудическом трактате «Авот».

[81] Примечания: 81

Лулав — нераскрытый побег финиковой пальмы, этрог — цитрон. При исполнении заповеди о четырех растениях в праздник Суккот к лулаву привязывают ветви мирта и ивы.

[82] Примечания: 82

Образованное от «эвкалипт», это прозвище имеет в иврите выраженный негативный оттенок за счет своего созвучия со словом «клипа» («скорлупа», «оболочка»), служащего одним из обозначений сил зла в каббалистической литературе.

вание, почерпнутое им в вечерней газете или в висевшем на кухне отрывном календаре. Время от времени он отправлялся в свои путешествия, и с его возвращением у нас дома пахло, как в праздничной куще.

5

Прошло тринадцать лет, отец покинул этот мир, и в поисках его завещания мы с матерью обнаружили толстую тетрадь с пожелтевшими листьями, вложенную в том трактата «Сукка». На ее первой странице красовалась надпись «Исправление аравот», и эти слова отец вывел четким квадратным шрифтом. Ниже раввинским бисерным почерком было написано: «К прояснению сущности истинной аравы».

Густо исписанная тетрадь изобиловала цитатами из Талмуда и комментариев к нему, из сочинений позднейших законоучителей и из научных трудов по ботанике. В некоторых местах отец сопроводил свои рассуждения любительскими рисунками, кое-где между листов были вложены засушенные листья ивы и эвкалипта. По прошествии стольких лет они рассыпались, стоило к ним прикоснуться рукой. Текст прерывался на полуслове во второй половине тетради.

Мать, стоявшая рядом со мной и сквозь слезы разглядывавшая рукопись своего мужа, сказала, что плод отцовского вдохновения был убит бессердечными инспекторами Дова Йосефа. После их злосчастного визита отец потерял вкус к жизни и, оказавшись в плену у Риклина, постепенно ушел в тот мир, откуда не возвращаются.

Отцовского завещания мы так и не нашли.

Вечером пришел Риклин. Он впервые появился у нас с тех пор, как мать отказала ему от дома и велела оставить отца в покое. Дверь в квартиру была приоткрыта, и Риклин, вошедший без стука, уселся на тот же стул, на котором обычно сидел, когда бывал у нас прежде. Мать не подняла на него глаз и глухо процедила сквозь мокрый от слез носовой платок, что главный сват прибыл, так что можно уже и ставить свадебный балдахин. Риклин, привычный к тому, что скорбящие родственники выплескивают на него свою горечь, сделал вид, что не расслышал ее слов. Выждав минуту, он сообщил, что отец оставил у него свое завещание. Мать удивилась и, теперь уже посмотрев на гостя, мягко сказала:

— Реб Элие, принесите его.

Риклин протянул ей продолговатый конверт авиапочты и сказал, что выполнит все последние

распоряжения покойного.

Внимательно прочитав завещание, мать поинтересовалась, было ли оно написано отцом, да пребудет с ним мир, еще в те дни, когда они с Риклином подолгу просиживали вдвоем, вызывая мертвых. Риклин печально улыбнулся, линзы его очков запотели. Со времени Войны за независимость, рассказал он, отец каждый год в день смерти моего брата приходил на гору Сион, поднимался на крышу расположенной там гробницы Давида и смотрел оттуда на Масличную гору[83]. С помощью бинокля и заметных с большого расстояния ориентиров — одиноко растущего дерева, выделяющегося фрагмента ограды, изгиба спускающейся к Иерихону дороги — он находил могилу своего сына и произносил кадиш[84].

В один из таких дней — по подсчетам моей матери, примерно через полтора месяца после

---

[83] Примечания: 83

В период иорданской оккупации Восточного Иерусалима (1948–1967) израильтяне не имели возможности посещать расположенное на Масличной горе древнее еврейское кладбище.

[84] Примечания: 84

Прославляющая святость Имени Божьего и Его могущество молитва кадиш первоначально произносилась после изучения Торы, но со временем она стала постоянным элементом ежедневной молитвы, а с XII-XIII вв. приобрела также и значение молитвы, произносимой в память об умершем.

обыска, произведенного у нас инспекторами Министерства нормирования, — отец не сумел отыскать могилу своего сына. Все известные ему ориентиры оставались на месте, но маленькие надгробия исчезли, и весь детский участок кладбища был перепахан. Если бы не два американских туриста, оказавшихся в этот час вместе с ним на крыше, отец свалился бы оттуда и разбился о разбросанные среди сосен надгробия маленького христианского кладбища, расположенного на крутом склоне у подножья Сионской горницы[85].

Риклин также рассказал, что отец, желавший уберечь мать от лишних страданий, решил скрыть от нее факт исчезновения могилы. В то же время он вознамерился восстановить осквернённые и уничтоженные могилы, когда у евреев появится возможность вернуться на Масличную гору. С этой целью он тщательно изучил все вы-

---

[85] Примечания: 85

В качестве гробницы царя Давида и места последней трапезы Иисуса, или Сионской горницы, евреи, мусульмане и христиане фактически почитают одно и то же место. На этом месте, находящемся за стенами Старого города, сохранились остатки здания IV в., над которыми в XII в. крестоносцами была построена базилика, ее верхний этаж почитается христианами как Сионская горница, также он носит латинское название Coenaculum. Этажом ниже, в более древней части здания, находится место, почитаемое евреями и мусульманами как гробница Давида.

пущенные Ашером-Лейбом Бриском брошюры с описанием древнего кладбища, его различных участков и находящихся на них захоронений[86].

Сняв очки, Риклин протер их краем скатерти. Матерью только что упомянутого им Бриска, сообщил он, была Рохка Липелес, та самая праведная женщина, что жила в подвале большой синагоги «Бейт Яаков», во дворе «Хурвы»[87]. Эта Рохка приходилась дочерью старой Липеле, сочинившей книгу молений, которая так полюбилась еврейским женщинам, уточнил реб Элие. Здесь моя мать, позабывшая на миг о своем горе, спросила его с улыбкой, не та ли это соломенная вдова, что в канун каждого новомесячья ходила к гробнице Рахели[88] обутая в шлепанцы. Риклин утвердительно кивнул и сказал, что о человеке

---

[86] Примечания: 86

Бриск Ашер-Лейб (1872–1916) — иерусалимский литератор, один из первых энтузиастов-исследователей кладбища на Масличной горе.

[87] Примечания: 87

«Хурва» («руина», *ивр.*) — участок в Еврейском квартале иерусалимского Старого города, получивший свое название из-за того, что на нем начиная с XV в. последовательно строились и затем разрушались мусульманами ашкеназские синагоги. Наиболее известной из них стала построенная в 1857–1864 гг. величественная синагога «Бейт Яаков», но и ее постигла та же судьба: в 1948 г. она оказалась в зоне иорданской оккупации и была сразу же взорвана Арабским легионом, вместе с другими синагогами Еврейского квартала. С воссоединением Иерусалима в результате Шестидневной войны 1967 г. на ее месте была построена памятная арка, после чего, уже к 2010 г., синагога XIX в. была восстановлена с точным сохранением ее первоначального вида.

[88] Примечания: 88

Гробница праматери Рахели, одной из жен праотца Яакова и матери двух из двенадцати его сыновей, ставших, согласно книге Берешит, патриархами двенадцати колен Израилевых, находится на окраине г. Бейт-Лехем (Вифлеем), в 7 км к югу от иерусалимского Старого города по кратчайшей дороге.

нельзя судить по его внешнему виду.

Отец, добавил старик, не жалел своих денег и сил в поисках выпущенных Бриском брошюр, давно уже ставших библиографической редкостью. В конце концов ему удалось все их собрать. Риклин с отцом днем и ночью трудились над составлением точных карт каждого из участков кладбища, но дело это оказалось непосильным для двух немолодых и уже нездоровых людей, которым воздавалось за их труды лишь презрением и поношением со стороны домочадцев. Увы, собранные отцом брошюры и составленные им вместе с Риклином карты и записи лежат теперь без использования в конторе погребального братства.

Реб Элие встал и, уже оказавшись в коридоре, сообщил, что завтра он будет ждать нас во дворе больницы «Бикур холим», откуда погребальная процессия отправится на кладбище. Он также посоветовал матери завесить зеркало белой материей, чтобы душа умершего, все еще пребывающая в доме, не испугалась своего отражения и не ослабла.

Риклин ушел, мать бросилась на кровать. Комкая оставшийся у нее в руках продолговатый конверт, она раз за разом шепотом произносила

имя отца, и голос ее был таким мягким и нежным, каким я никогда его прежде не слышал.

6

Но в тот далекий полдень, в самом начале пятидесятых, мать, готовившая постельные принадлежности к глажке, быстро опрыскивала их своей легкой, словно порхающий голубь, рукой и без устали ругала отца и Риклина. Закончив работу, она встала у двери и ледяным голосом сообщила, что настало время открывать лавку.

Могильщик оторвал глаза от расчерченного на квадраты листа бумаги и сказал, что мы, то есть мать и я, напоминаем ему учеников, пришедших к сидевшим за трапезой в Бней-Браке мудрецам, дабы сообщить им, что наступило время чтения утреннего Шма[89]. Мать, не удостоив Риклина вниманием, сказала отцу, что его первейшей обязанностью является воспитание детей и что он плохо с этим справляется, если его единственный сын водит дружбу с таким сомнительным типом, как Ледер из школы слепых.

Отец пробормотал что-то неразборчивое, а Риклин, сердившийся на Ледера с тех пор, как тот

---

[89] Примечания: 89
Имеется в виду приводимый в Пасхальной агаде эпизод.

доставил ему большое неудовольствие в гостях у супругов Рингель — и об этом еще будет рассказано ниже, — охотно поддержал мать, заметив, что низкорослый сборщик пожертвований, очевидно, повредился рассудком. В последние годы перед провозглашением государства, добавил он с заговорщицким видом, ему не раз доводилось видеть Ледера сидящим в саду кафе «Пат» в обществе двух православных монахинь, которых он, Риклин, часто встречал и всегда любезно приветствовал на тропинках Масличной горы. А тому, кто полюбопытствует, что сам Риклин делал вблизи кафе «Пат», достаточно будет вспомнить, что мимо этого заведения он регулярно проходит по улице Ѓа-Солель, возвращаясь домой из конторы погребального братства.

Мать, припомнив, что Ледер уже и в юности увлекался монашками, все же удивилась, что он, не зная русского языка, умудрялся общаться с двумя московитками. Впрочем, промелькнувшее у нее сомнение не помешало ей опереться на сообщенные Риклином сведения, и она посоветовала отцу обратить внимание на слова реб Элие: отец должен наконец понять, что Ледер способен ранить сердце его ребенка, и не кончит ли тот подобно реховотскому Ѓольцману, который,

объездив весь мир, растратил остатки своего состояния на перья кичливых страусов[90].

Риклин прервал мать, заметив, что, несмотря на свою профессию, он хорошо разбирается в живых людях и знает, что на самом деле они крепки и устойчивы, пусть иногда и кажутся слабыми. А монахини, по поводу которых мать вроде бы выразила сомнение, хоть и принадлежат к православной церкви, превосходно говорят по-английски. Риклину об этом стало известно со слов одного из сотрудников польского консульства, отвечающего за работу телеграфного агентства своей страны. Тот близко знаком с обеими, и от него реб Элие знает, что одну из монахинь зовут мисс Мэри, что она приходится сестрой генералу Окинлеку[91] и что в Иерусалим она приехала много лет назад, совершая

---

[90] Примечания: 90

Шмуэль-Цви Ґольцман (1883–1960) — израильский религиозный предприниматель, уроженец Реховота, более всего известный тем, что в 1932 г. приобрел земли между Бейт-Лехемом и Хевроном, на которых позже были построены поселения района Гуш-Эцион (само слово «Эцион» является гебраизированной формой фамилии Ґольцман, происходящей от немецкого Holz — дерево, древесина). Одним из коммерческих начинаний Ґольцмана действительно было разведение страусов.

[91] Примечания: 91

Клод Джон Эйр Окинлек (1884–1981) — британский военачальник, фельдмаршал, в 1941–1942 гг. командовал британскими силами в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

свадебное путешествие со своим молодым супругом, который, кстати сказать, был депутатом британского парламента и известным предпринимателем. К вящему огорчению мужа, оказавшись в Иерусалиме, Мэри обнаружила, что ее сердце переполняет любовь к святому городу. Брошенный ею супруг вернулся в Альбион, а сама она поселилась на склоне Масличной горы и, поступив затем в православный монастырь Марии Магдалины, что в Гефсиманском саду, построила на свои средства русскую школу в Тур-Малке[92].

Вторую монахиню, сообщил Риклин, зовут Тамара, и она, настоятельница монастыря в Тур-Малке, является не кем иным, как княжной Татьяной Романовой, родственницей царя Николая Второго, чудом спасшейся от революционной расправы, бежавшей в Англию и выдавшей там свою дочь замуж за Чарльза Джонстона, британ-

[92] Примечания: 92

Тур-Малка (Царская гора, *арам.*) — упоминаемое в Талмуде еврейское поселение времен Второго храма и название его предполагаемого места. Здесь имеется русский Вознесенский монастырь, расположенный в иерусалимском квартале Ат-Тур, у южной вершины Масличной горы.

ского дипломата и губернатора Адена[93].

Мать не сумела скрыть своего удивления осведомленностью Риклина о тайнах русской колонии в Иерусалиме, но, заметив, что я все еще стою у входа в спальню, она вспомнила о Ледере и сказала с усмешкой:

— Кажется, об этом и говорил пророк, возвещавший, что все народы мира устремятся к Иерусалиму, хотя ему, конечно, не приходило в голову, что они направятся сюда по следам *того человека*[94]. А Ледер, подсказывает мне сердце, тоже является его тайным последователем.

Риклин промолчал. Своей сухой, скрюченной ревматизмом рукой он погладил меня по голове и затем извлек из сумки необыкновенно красный апельсин.

---

[93] Примечания: 93

Романова Татьяна Константиновна (1890–1979) — русская княжна императорской крови, правнучка Николая I, лишилась прав престолонаследия для своих детей, вступив в морганатический брак в 1911 г., и потому не была арестована после революции. Постриглась в монашество под именем Тамара в 1946 г. и была игуменьей Вознесенского монастыря в 1951–1975 гг. Аден был британским протекторатом в 1886–1963 гг.; сэр Чарлз Хепбёрн-Джонстон (1912–1986), поэт и переводчик произведений Пушкина, Лермонтова и Некрасова на английский язык, последний губернатор Адена, был женат на княжне Наталье Багратион, дочери Татьяны Романовой и ее первого мужа Константина Багратиона-Мухранского.

[94] Примечания: 94

Имеется в виду Иисус.

— Ты пробовал кровавые апельсины, *майн кинд*? — спросил он, протянув его мне.

Отец, встрепенувшись, сказал, что лучше не рисковать нарушением одной из семи заповедей, вмененных в обязанность даже народам мира[95]. Зачем мне есть этот плод, мякоть которого в самом деле кроваво-красного цвета?

Мать рассмеялась, позабыв на мгновение, что она сердится на отца, и сказала, что ее бабушка, да пребудет с ней мир, наивно считала кровавые апельсины гибридом помидора и померанца. Но услышать подобную чушь от отца, потратившего столько времени на изучение ботаники, она никак не ожидала.

Отец прикрыл глаза, и на губах у него появилась едва уловимая улыбка — такая же, как в тот день, когда его упорхнувшая душа вернулась в свое гнездо.

---

[95] Примечания: 95

Имеются в виду семь заповедей, данных, согласно Талмуду, потомкам Ноаха (Ноя), т. е. всему человечеству. Одна из них запрещает употребление в пищу плоти, отрезанной от живого животного, и ее расширительным вариантом для евреев является запрет на употребление крови.

Глава третья

1

С уходом Риклина отец тоже выскользнул из дома. Во дворе он несколько раз воткнул в рыхлую землю нож, которым гость резал кровавый апельсин. Госпожа Адлер, все еще мывшая окна своей квартиры, оторвалась от работы, пригладила пальцами редкие, непричесанные волосы и спросила, не собирается ли отец открыть у нас во дворе питомник для выращивания ножей. Отец сдержал улыбку и, не поднимая глаз на страдающую базедовой болезнью соседку, ответил, что дочери раввина пристало знать, как возвращают в кошерное состояние молочный нож, которым случайно нарезали мясо.

Мать, вопреки своему обыкновению, поджидала отца у порога. Когда он вошел, она тронула его за плечо и тихо сказала, что им нужно посоветоваться насчет меня, пока не упущено время и я еще не угодил в расставленную Ледером ловушку. Отец с самого лета чувствовал, что мать недовольна им, и теперь, не желая ее раздражать, пообещал, что вечером не останется на

ежедневный урок Талмуда, который проводит рав Симха-Зисл, и вернется из синагоги домой сразу после молитвы.

Впервые за долгое время отец с матерью сели ужинать вместе. Дверь на кухню была закрыта неплотно, и до меня доносились их приглушенные голоса. Через полчаса мать распахнула дверь и сказала, чтобы я зашел в кухню и дождался, пока отец закончит послетрапезную молитву, потому что ему нужно со мной поговорить.

Сидевший у небольшого стола отец беззвучно шевелил губами, водя ножом по клеенке, украшенной изображениями сердец с голубым орнаментом. Мать, повязав фартук, отвернулась к раковине, но, прежде чем взяться за мытье посуды, она все же сказала, что чуть не поседела сегодня, когда я появился у портнихи Багиры в обществе этого прохвоста. И она не станет требовать у меня ответов на все терзающие ее вопросы лишь потому, что боится за свое слабое сердце.

— Ты первый в нашей семье оказался так падок на общение с мерзавцами, — продолжила мать, бросив взгляд через плечо на отца, который молча собирал крошки в кучку, глядя на стоявшую на подоконнике номинальную свечу. — Да-да, — сказала она, указав на свечу покрытой мыльной

пеной рукой. — Расскажи своему дорогому сыну, что творил в Вене *дер алтер бохур*[96].

Отец сердито скрипнул зубами и, сделав вид, что не расслышал ее слов, спросил у меня, почему сын господина Рахлевского давно не заходит к нам. Он стал нахваливать моего одноклассника и назвал его образцовым мальчиком, отметив, что Хаим пишет замечательные стихи и рассказы, которые публикует «Давар лиладим»[97], и что его рисунки, вывешенные у входа в директорский кабинет, украшают вестибюль нашей школы. Мне было бы лучше дружить с Хаимом и с другими моими сверстниками, а не проводить время в обществе странного взрослого человека.

Уловка отца не заставила мать замолчать, и она сообщила, что первая жена отца, день смерти которой как раз сегодня, хорошо знала Ледера в его венский период. Мне было бы очень полезно услышать кое-что из того, что отец знает о нем. В этом случае, надеялась мать, я прозрел бы и не

---

[96] Примечания: 96

Здесь: старый кавалер (*идиш*).

[97] Примечания: 97

Детское приложение к газете «Давар» («Слово»), выпускавшейся конфедерацией израильских профсоюзов в 1925–1996 гг. и бывшей долгое время крупнейшим ежедневным изданием в Израиле. С 1936 г. «Давар лиладим» выпускался как самостоятельный детский журнал, оставаясь, однако, в тесной связи с указанной газетой.

поддавался коварным ледеровым чарам.

— Перестань, зачем ворошить теперь эту пакость, — взмолился отец, разбросав ножом хлебные крошки, собранные им со всего стола. Он перешел на идиш, однако произнесенная им фраза оказалась понятной:

— Тому, что зарыто в землю, приличествует молчание.

Но мать было не остановить:

— Когда Ледер издохнет, его нужно будет похоронить задницей вверх, чтобы всем было ясно, чем зарабатывал себе на жизнь этот адуламитянин![98] В Вене мерзавец не обошел стороной ни одного притона! И с чего это ты замазываешь теперь штукатуркой его похождения? Ведь это Ледер, никто другой, совратил Абале Ципера и утащил его в свои объятия от молодой жены, которая до сих пор не оправилась от позора.

— Хватит, хватит! — глухо сказал отец и закрыл лицо руками. — Ведь и ты, в конце концов, понимаешь, что ребенок должен относиться с почтением к своим учителям…

---

[98] Примечания: 98

Адулам (Одоллам) — многократно упоминаемый в Танахе город в Иудейской низменности. После продажи Йосефа в рабство Йеґуда, отделившись от своих братьев, поселился вблизи Адулама, и здесь происхождение из этого города, вероятно, фигурирует как метафора дурного соседства, дурной компании.

Ни он, ни мать не знали тогда, что Ледер сам рассказал мне кое-что о тех днях в нашу вторую встречу, состоявшуюся примерно за год до этого разговора.

2

Через неделю после нашей первой встречи у здания «Сансур» я снова увидел Ледера, теперь уже во дворе своей школы, где он стоял, поджидая меня. Я заметил его из окна еще во время урока Торы, на котором наша учительница госпожа Шланк рассказывала о совершавшихся с помощью птиц колдовских ухищрениях Балака[99]. Пышные рукава ее платья ходили волнами, когда она взмахивала руками с короткими, крепкими пальцами, в тот час таинственно напоминавшими когти хищной птицы. Учительница показывала нам, как Балак хватает зазевавшуюся в траве птицу, подбрасывает ее в воздух, а затем запускает в клетку, где перед ней совершается воскурение, заставляющее ее подать голос.

---

[99] Примечания: 99

Балак бен Ципор (Валак, сын Сепфора) — упоминаемый в книге Бемидбар (Числа) моавитский царь, испугавшийся появления у своих границ сынов Израиля, шедших из Египта в Землю обетованную, и нанявший прорицателя Бильама (Валаама), чтобы тот проклял Израиль. Имя отца Балака означает «птица», что и нашло выражение в упоминаемом здесь истолковании.

Закрытые тетради лежали перед нами на партах. Классную комнату заполнял громкий голос учительницы, с большим пафосом излагавшей события, случившиеся в тот день на горе Пеор[100]. Госпожа Шланк встала со своего места, стряхнула с юбки остатки мела и повела речь о том, как огорчился Балак, увидев, что выпущенная им птица распустила крылья над пустыней и безвозвратно улетела ввысь, преследуемая пламенем, которое касается ее крыл, но не может ее остановить.

Эту часть своего рассказа она сопроводила широким движением руки в сторону распахнутого окна, за которым виднелись высокое небо, промытое недавним дождем, и линия горизонта над Армон-ѓа-Нецивом[101] с клубящимся там, вдали, шлейфом серого дыма. Внизу среди луж расхаживал Ледер. Время от времени он останавливался и что-то чертил на мокрой земле кончиком своего зонта.

Учительница, вернувшаяся тем временем на

[100] Примечания: 100

Одно из мест, упоминаемых в повествовании о безуспешных попытках Балака добиться от Бильама нужного ему проклятия.

[101] Примечания: 101

Армон-ѓа-Нецив — бывший дворец Верховного комиссара подмандатной Палестины, ставший затем штабом ООН на Ближнем Востоке; дал название прилегающему к нему району в юго-восточной части Иерусалима. В описываемый период находился в демилитаризованной зоне между границами Израиля и Иордании.

свое место, сообщила, что Балак был хитрым злодеем и что он хорошо знал, чем соблазнить Бильама, который хоть и был величайшим пророком народов мира, оставался легкомысленным разгильдяем. Он отрастил себе чуб и сквернословил, а это, разумеется, помогло Балаку, умевшему заколдовывать птиц, увлечь и его своей безумной затеей. Но моего внимания не привлекали тогда ни рассказ учительницы, ни танцовщицы в лиловых кринолиновых юбках, которых рисовала на обложке своей тетрадки с надписью «Тора» моя соседка по парте Тхия Раппопорт. Едва дождавшись перемены, я выбежал вместе со всеми на залитый светом двор.

Ледер дожидался меня под гранатовым деревом. Прикрыв глаза ладонью от солнца, он пристально осматривал толпившихся во дворе учеников и, заметив меня, быстро подошел и воскликнул:

— Баркай! Баркай![102]

Вслед за тем Ледер протянул мне руку и сказал, что он, разумеется, знает, что меня не зовут Баркай, но ведь всякому просвещенному человеку

---

[102] Примечания: 102

Это слово, означающее «первые лучи солнца» или «утренняя звезда», приводится в Талмуде как восклицание, котором в Храме оповещали о наступлении времени утренней службы.

известно, что это слово состоит из тех же букв, что и «Эврика!»[103], знаменитое восклицание Архимеда, означающее по-гречески «Я нашел!» и произнесенное великим ученым в тот момент, когда ему открылось, что при погружении в жидкость тело теряет в своем весе столько же, сколько весит вытесненная им жидкость.

— Тебе многому еще нужно учиться, — заявил Ледер отеческим тоном, и тут же поинтересовался, кто у меня учительница.

— Госпожа Шланк.

— Цецилия Шланк? — переспросил Ледер.

— Нет, Цила Шланк, — поправил я его.

Ледер, удержавшись от более смачного ругательства, сказал, что ее девичья фамилия Шланк точно выражает суть ее семейства, в котором все как один — сущие змеи и аспиды[104], но свое имя Цецилия она сменила на Цилу, выйдя в Вене замуж за раввина Ципера. Брак их, однако, распался через полтора года, поскольку она, как выразился Ледер, «не была из самых прилежных

---

[103] Примечания: 103

Здесь нужно учитывать особенности ивритского консонантного письма.

[104] Примечания: 104

В немецком языке слово Schlange означает «змея», и таково же его значение в идише.

учеников основоположника движения мусáр рабби Исраэля Салантера»[105].

Положив руку мне на плечо, Ледер потихоньку отталкивал меня от тропы, ведущей к пруду Мамилы[106], и продолжал свой рассказ. Он встретил сладкую парочку в Вене в начале двадцатых годов. Абале Ципер, с которым Ледер был знаком со времен своего иерусалимского детства, прилежно занимался в раввинской школе, черпая премудрость Торы из уст раввина Хаюта, а Цецилия Шланк — лембергская мадам[107], как назвал ее Ледер, — тем временем кружила головы местным деятелям «Поалей Цион»[108] и повсюду таскалась за ними.

Сам он впервые увидел ее в старом театре на выступлении виленской труппы. Сидя на галерке,

---

[105] Примечания: 105

Исраэль Салантер (1810–1883) — знаменитый литовский и позже прусский раввин. Созданное им и получившее широкое распространение в ортодоксальных еврейских кругах движение мусáр («этика») постулировало чрезвычайно серьезное отношение к вопросам личной морали.

[106] Примечания: 106

Древний прямоугольный водосборный резервуар, созданный в бывшей каменоломне, находящийся в центральной части современного Иерусалима, вблизи квартала Мамила, и впечатляющий своими размерами: 97 на 65 метров при глубине 6,6 метра.

[107] Примечания: 107

Лемберг — название города Львова, когда тот был частью австрийской провинции Галиция и Лодомерия.

[108] Примечания: 108

«Поалей Цион» («Рабочие Сиона») — сионистское социалистическое движение, возникшее в 1898 г. и разделившееся позднее на многие фракции, часть из которых составили впоследствии, вместе с другими левыми сионистскими группами, основу возглавлявшейся Давидом Бен-Гурионом Рабочей партии Эрец-Исраэль (МАПАЙ).

Ледер следил за незабываемой игрой Александра Гранаха, когда вдруг, оторвав взгляд от сцены, он заметил в одной из лож Залмана Рубашова и Берла Локера. Оба были со своими женами, и вместе с ними в ложе находились еще несколько молодых людей, приехавших в Вену, как тогда выражались, «подышать Европой» — за счет партийной кассы, уточнил Ледер. В этой группе его внимание привлекла рыжеволосая молодая особа, игравшая своими длинными косами и посылавшая долгие взгляды сидевшему в соседней ложе Исраэлю Шохату[109].

В антракте Ледер спустился на ярус к ложам, занятым сионистами. Рубашов громко приветствовал его и затем сказал, причмокнув:

— *А гройсер идишер кинстлер, дер дозикер Гранах!*[110] Тот, кто не видел его в роли Шейлока на подмостках берлинского театра Германы Кранер,

---

[109] Примечания: 109

Александр Гранах (1890–1945) — немецкий актер еврейского происхождения, уроженец Галиции. Залман Рубашов (Шазар) (1889–1974) — известный литератор, историк и сионистский общественный деятель, третий президент Израиля. Берл Локер (1887–1972) — известный сионистский деятель, депутат кнессета, председатель Еврейского агентства. Исраэль Шохат (1886–1961) — один из пионеров Второй алии, создатель первых военизированных еврейских организаций «Бар-Гиора» (1907) и «Ѓа-Шомер» (1909).

[110] Примечания: 110

Великий еврейский актер этот Гранах! (*идиш*)

вообще не видел настоящего театра. Там даже стены содрогнулись, когда этот галицийский потомок венецианского купца произнес: «Мне худо. Документ ко мне пришлите. Я подпишу»[111].

Молодая особа, которую Ледеру представили как Цецилию Шланк, сообщила, что она в первый раз видела Гранаха в «Разбойниках» Шиллера, где тот играл вместе с легендарным Моисси, исполнявшим роль Шпигельберга. Разговор о знаменитом актере продолжился, но рыжеволосая особа вскоре покинула беседующих, и Ледер после антракта приметил ее «в кулуаре» томно беседующей под газовым фонарем с длинно-кудрым молодым человеком, чьего лица он не разглядел.

Четыре месяца спустя Ледер стоял на тротуаре вблизи здания австрийского парламента и смотрел на участников проходившей мимо него первомайской колонны. Среди них он снова увидел «рыжую корову», шагавшую рядом с Рубашовым и размахивавшую красным платком. Та адресовала ему приглашающий жест, но Ледер, хоть и удивился тому, что красотка запомнила его лицо после минутной беседы в полумраке старо-

---

[111] Примечания: 111
Цитируется по переводу Т. Щепкиной-Куперник.

го театра, отказался присоединиться к колонне, и рыжеволосая особа снова устремила свой взгляд вперед, подхватив слова пролетарской песни.

— А теперь эта змея, ходившая кривыми путями в замужестве, учит вас тому, что женский голос подобен срамному месту и что вся слава дочери царской внутри[112], — бросил Ледер, усевшись на одно из покосившихся надгробий старого мусульманского кладбища. Проследив за его взглядом, я увидел, что он смотрит на стаю светло-рыжих собак, резвившихся у самого берега пруда.

3

В ходе наших встреч Ледер часто рассказывал мне о времени, проведенном им в бывшей столице империи. Однажды мы сильно удалились на юг и дошли до железнодорожного вокзала в Эмек-Рефаим. Здесь Ледер прервал свою стройную лекцию о значении, которым будет обладать язык эсперанто в линкеусанском государстве, и сказал, что ему хочется отдохнуть в тени на одной из привокзальных скамеек. Когда он снял сандалии и вытянул ноги, я впервые обратил внимание на его распухшие ступни и необычай-

---

[112] Примечания: 112
Цитаты из Талмуда («Брахот», 24а и др.) и Теѓилим, 45:14.

ный размер его обуви.

Вена, сказал Ледер, окинув взглядом скромное здание иерусалимского вокзала, заранее представлялась ему величественным царственным городом, но первое впечатление разочаровало его. Приехав туда на поезде, он, естественно, прежде всего увидел огромное здание городского вокзала, неприятно поразившее его своим блеклым светло-коричневым цветом с оранжевым оттенком. Лишь позже он узнал, что такова была принятая окраска правительственных зданий в бывшей Австро-Венгерской империи.

Та зима выдалась в Вене холодной. По ночам многие жители города, включая людей известных и представительных, в числе которых были верховные судьи, тайком приходили в городские парки и на бульвары, срубали растущие там деревья и распиливали их на дрова. Ледер и Абале Ципер за гроши снимали просторную комнату в прилегающей к университету части города. Голубой потолок этой комнаты подпирали по углам лепные розовощекие серафимы с младенческими лицами. Хозяйка, старая и слабая женщина, была не в силах взять в руки топор, и ей приходилось топить камин номерами «Нойе

фрайе прессе»[113], тщательно собиравшимися ее покойным супругом на протяжении многих лет.

В одну из тех холодных ночей высунувшиеся из-под одеяла ноги Ледера закоченели, и если бы не Абале Ципер, быстро разогревший воду на спиртовке и до утра накладывавший горячие компрессы на ступни своему другу, Ледеру пришлось бы ампутировать пальцы.

С юга раздался гудок поезда, выезжавшего к Иерусалиму из горного ущелья. Ледер подобрал ноги и прикрыл глаза, он жадно вдыхал запах шпал, пропитанных остро пахнущим антисептическим веществом. На заспанном вокзале обозначилось некоторое оживление, и на соседнюю с нами скамейку сели молодые мужчина и женщина, по виду кибуцники. Мужчина читал газету, женщина укачивала младенца и пела ему колыбельную.

Ледер навострил уши, открыл глаза и обулся. Запах креозота, сказал он, будит в нем жажду странствий, давно не знавшую утоления. Мы направились к выходу из вокзального двора, и Ледер сообщил, что за свою жизнь видел немало

---

[113] Примечания: 113

Влиятельная венская газета либерального направления, выходила в 1864–1938 гг. Многолетним автором этого издания был Теодор Герцль, основоположник политического сионизма.

крестьян и крестьянок — в поездах, где ему не раз доводилось подолгу находиться в их обществе, и в горных деревнях, где он, бывало, останавливался в крестьянских домах. Это были невежественные люди, газет они не читали, но, находясь в их среде, он ни разу не видел, чтобы женщина убаюкивала своего ребенка песней с такими идиотскими словами: «В каменоломне разбился твой отец, душа его ныне во тьме»[114]. Вслед за тем Ледер указал на свою ладонь и сказал, что прежде на ней вырастут волосы, чем у нас появится порода истинных земледельцев — таких, как в горах Тироля.

Снова раздался гудок, теперь уже близкий и резкий. К перрону подошел поезд, и Ледер стал разглядывать выходивших из него пассажиров. Их было совсем немного. Когда он впервые сошел с поезда в Вене, вспомнил Ледер, его вид вызывал у горожан одновременно насмешку и жалость. Подобно большинству прибывающих в Вену с Востока, он был одет в белый летний костюм, купленный в Александрии, где он взошел на борт

[114] Примечания: 114

Из песни «Святой город Иерусалим», написанной на слова Иммануэля Ґа-Руси (Новогребельского) в 1928 г. Лирическая героиня этой песни, овдовевшая прачка, жалуется сыну на свою горькую долю, одновременно утешая его тем, что и он, когда вырастет, станет каменотесом и что его трудами будет отстроен Иерусалим.

отплывавшего в Триест парохода. За время плавания и последующего путешествия поездами костюм почернел от дыма, но не этим Ледер вызывал смех, заходя в кафе на Рингштрассе. Дамы смеялись над ним украдкой, стараясь прикрыться веером, счел нужным отметить мой спутник. И лишь через две недели, встретив Абале Ципера и Любу Этингер в залах Шёнбруннского дворца, Ледер узнал от них, что в Вене только официанты носят белый костюм с черными ботинками.

— Любу Этингер? — удивленно переспросил я.

Ледер умолк, его тонкий рот искривился, и я понял, что он смущен. Сорвав ветку с росшей у дороги серебристой оливы, он зажал ее кончик зубами и сказал, что художники будущего изобразят его в облике голубя с оливковой ветвью, несущего человечеству мирную весть Поппера-Линкеуса. Первую жену отца и историю своего знакомства с ней в Вене он больше не упоминал.

4

Вместе с большим портретом, который был снят со стены и запрятан в дальний угол чулана в тот день, когда отец взял мать в жены, и сам образ его первой жены погрузился в глухую сумеречную зону семейных воспоминаний. Я никогда

не слышал, чтобы отец говорил о ней. Встреч с ее немногочисленными родственниками он избегал. Речь о ней зашла лишь однажды, когда отец сидел летней ночью у нас во дворе с господином Рахлевским. Они ели мускатный виноград, и сосед вспоминал о своем возвращении с маньчжурского фронта после русско-японской войны.

Красивый и вежливый юноша, ветеран 8-го пехотного полка, все еще одетый в мундир царской армии, он прогуливался по улицам своего родного городка на краю Волынской губернии, поигрывая, как было тогда принято, тростью. Осмотрев открывшееся в его отсутствие фотоателье «Прогресс» («Погода не помешает — мы фотографируем»), он направился к княжеским могилам Олеговых времен, удостоившимся незадолго до этого посещения Николаем Вторым. Лишь его плечо, слегка скошенное от долгого ношения винтовки на ремне, напоминало об оставшихся позади бесконечных странствиях и ночевках на дальних железнодорожных станциях, посреди запахов мокрой псины и потных портянок. Таинственный свет русских просторов — и маленькая Люба Этингер, склонившая голову ему на плечо, ощупывает медные пуговицы с двуглавыми императорскими орлами у него на

груди, касаясь их фиолетовыми, липкими от ягод пальцами.

— Да, — произнес отец треснувшим голосом. — Она любила ягоды.

Сосед знал Любу девочкой.

В предложенной фотографом позе, положив руки в тонких кружевных перчатках на спинку стоящего перед ней стула, она смотрела перед собой гордым и грустным взглядом, который как будто терялся в пространстве, так что весь ее облик создавал ощущение сдержанного аристократизма. Прекрасная в своей печали, запечатленная фотографом женщина отвернулась от брошенных мастерских Тель-Арзы и покрытых иерусалимскими лютиками склонов за ними[115], и теперь ее лицо, обращенное к дальней стенке чулана, покрывалось пылью и паутиной, теряя былую четкость черт.

Вернувшись домой после Шестидневной войны, я неожиданно обнаружил ее поблекший, обкрошившийся по краям портрет стоящим на

---

[115] Примечания: 115

Тель-Арза — построенный в начале 30-х гг. прошлого века религиозный район в северной части Иерусалима. До Шестидневной войны 1967 г. сразу же за ним проходила граница с Иорданией, и к Тель-Арзе примыкала тогда главная городская промзона Иерусалима. Цветок, именуемый в иврите «иерусалимским лютиком», называется по-русски «лютик многоцветковый» (*лат.* Ranunculus polyanthemos).

этажерке рядом с фотографией отца. Мать, заметив мое удивление, объяснила, что теперь, когда дорога на Масличную гору открылась, нам нужно восстановить и Любину могилу, вместе с могилой моего брата, поскольку отец, да пребудет с ним мир, несомненно, хотел бы, чтобы мы сделали это.

В то время мать часто бывала у Риклина в конторе погребального братства, и когда разрушенные могилы были отысканы, она перевела немалую часть сбережений, откладывавшихся ею «на черный день», изготовившим новые надгробия рабочим. С приближением месяца элуль[116] мы вместе отправились на Масличную гору в первый раз поклониться обновленным могилам. По всему склону были видны собиравшиеся у надгробных памятников группы людей, а внизу, у самой Иерихонской дороги, под навесом, установленным во дворе недостроенной мечети, мы увидели Риклина. Склонившись над столом с разложенными толстыми тетрадями и картами, он помогал тем, кто к нему обращался, отыски-

[116] Примечания: 116

Элуль — последний предновогодний месяц еврейского календаря, обычно приходится на август-сентябрь. Канун этого месяца известен в еврейской традиции как «малый Йом Кипур», и у некоторой части религиозных евреев принят обычай посещать в этот день могилы близких.

вать нужные им могилы. Заметив меня и мать, он поспешил встать нам навстречу и, протянув исписанную отцовским почерком тетрадь, указал левой рукой на заполненное людьми кладбище, обнял меня за плечи и сказал:

— Жаль, что отец этого не видит. — Вслед за тем Риклин обратился к матери и произнес нараспев: — Удержи голос твой от плача, майн либе фрайнд, ибо есть награда за труд твоего мужа, говорит Господь[117].

Он указал на листке бумаги точное месторасположение нужных нам могил, передал листок одному из толпившихся под навесом молодых людей в долгополых лапсердаках и сказал, чтобы тот сначала отвел нас на детский участок, а потом наверх, в прилегающую к гостинице «Интерконтинеталь» часть кладбища.

Мать долго стояла у могилы моего брата, гладила серый камень маленького надгробия и беззвучно читала высеченную на нем краткую надпись. Когда мы отошли наконец от могилы,

---

[117] Примечания: 117

Майн либе фрайнд — моя дорогая подруга (*идиш*). В целом же это предложение представляет собой парафразу широко известного стиха из книги пророка Ирмеяґу (Иеремии), 31:15: «Удержи голос твой от плача и глаза твои от слез, ибо есть награда за труд твой, говорит Господь, и возвратятся они из земли неприятельской». Этими словами Всевышний обращается к праматери Рахели, оплакивающей уход в вавилонское изгнание своих далеких потомков, и ободряет ее.

она обратила свой взгляд к безоблачному небу и сказала мне шепотом, стараясь, чтобы ее не услышал сопровождавший нас молодой человек:

— Я не прощу Ему этого до своего последнего дня.

Наш спутник бодро взбирался вверх по тропе, подобрав полы своего сюртука, чтобы к нему не прицепились колючки, а мы медленно шли за ним. По дороге мать рассказала, что в день ее свадьбы они с отцом поднимались к Любиной могиле этой же тропой. Отец захотел проститься с первой женой прежде, чем введет к себе в дом другую, и мать вызвалась его проводить. Она молча шла рядом с ним, пытаясь услышать сердце незнакомой ей женщины, лишившейся надежд и дремавшей целыми днями у окна, не находя себе места под ярким солнцем и тоскуя по ручьям и ягодным зарослям своего детства. Проводник нетерпеливо дожидался нас у могилы. Он что-то прошептал матери на ухо и, получив от нее плату, быстро побежал вниз по крутому склону, похожий на черную горную козу. Когда он удалился, мать улыбнулась сухими губами и сказала:

— В истинном мире над человеком не властны ни ревность, ни страсть, и там уже не имеет силы заклятие рабейну Гершома. Так что и я, когда

настанет мой час, смогу расположиться рядом с отцом и женой его юности в шатре из левиафановой шкуры и вкусить яств из мяса дикого быка[118].

Прикрыв глаза ладонью от солнца, она посмотрела на восток, в сторону белеющих холмов Иудейской пустыни. На следующий день после свадьбы они с отцом отправились на прогулку в окрестности Иерихона, вспомнила мать. Эта прогулка оказалась единственной за все годы ее замужества, и ей навсегда запомнилось многое из увиденного тогда. Сине-голубая птица с каштановыми пятнами на крыльях выписывала немыслимые пируэты среди скал, сопровождая их благозвучной трелью, взволнованной и в то же время меланхоличной. В крытой галерее прилепившегося к обрыву греческого монастыря их с отцом встретили разукрашенные павлины, исполнявшие сложный танец. Издаваемые ими

---

[118] Примечания: 118

Рабейну Гершом бен Йеѓуда (960-1028?) — знаменитый раввин, жил в Майнце, один из первоучителей ашкеназской общины, часто именуемый Светочем диаспоры. Его наиболее известным установлением стал запрет многоженства, принятый с тех пор ашкеназскими евреями. Пир праведников, сидящих в шатре из шкуры левиафана, вкушающих мясо дикого быка, пьющих вино, выдержанное с первых дней Творения, слушающих слова Торы из уст Моше и наслаждающихся игрой царя Давида на арфе, является одним из принятых в иудаизме метафорических образов счастливой доли в Будущем мире.

звуки резали слух, но старый монах, красивший церковный купол в цвет синьки, используемой при стирке белья, рассказал гостям, что мясо павлинов никогда не гниет, потому что они испили из чаши вечной жизни. Матери также запомнились седые волосы этого монаха, увязанные в тугой узел на шее.

Положив камешек на могилу своей предшественницы, мать сказала, что теперь, если я не спешу, она хотела бы спуститься в Йеґошафатову долину[119], в которой не была уже много лет. Спуск оказался труден, и мне пришлось поддерживать мать, все время спотыкавшуюся об обломки разбитых надгробий, которыми были заполнены узкие проходы между могилами. Ее рука показалась мне костистой — в ней больше не было теплой мягкости, к которой я привык в те времена, когда она садилась ко мне на кровать и гладила мое лицо, пока я не проснусь, причем пальцы ее источали эфирный запах апельсина, кожуру которого она успела надрезать, чтобы мне легче было почистить его на десятичасовой перемене.

— Ты стеснялся давать мне руку на улице, —

[119] Примечания: 119

Йеґошафатова (Иосафатова) долина — название участка Кедронской долины там, где она отделяет Масличную гору от Старого города.

прошептала мать, а потом тихо пропела далеким, печальным голосом: — Кру-кру-кру-кружили журавли, жу-жу-жу-жужжали пчелы…

Вслед за тем она стала вспоминать мучения, которые безропотно сносились ею ради того, чтобы сделать из меня человека. В коридорах городского отдела образования ей пришлось натерпеться позора, чтобы вытащить меня из находившейся вблизи нашего дома «конюшни господина Фридмана». Там мне надлежало учиться по разнарядке властей, но мать настояла, чтобы меня записали в школу в центре города, где учились дети учителей и чиновников, а не только уличные мальчишки. Не жалея сил, она провожала меня от дома до школы и от школы до дома, чтобы я не переходил один опасные улицы, и, конечно, она помогала мне нести школьный ранец и пакет с завтраком. Один из мальчиков, вспомнила она, прикусив от обиды губу, думал, что она мне вовсе не мать, а приставленная ко мне домработница. К такому умозаключению он пришел из-за того, что ее внешний вид был слишком жалок, но она не стала исправлять его ошибку, потому что не хотела, чтобы я потерял уважение своих соучеников. И все равно — проклятый Ледер разрушил ее благие замыслы.

— Ты чувствуешь, как эта змеюка, — мать воспользовалась словом, принятым у старых иерусалимцев, — как эта змеюка ползает тут, у нас под ногами? — Немного успокоившись, она продолжила: — Вот сегодня, когда ты и сам уже отец, можешь ли ты объяснить мне это безумие? Как ребенок, у которого все было в жизни, учившийся у замечательных педагогов, из которых вышли со временем даже и университетские лекторы, и в товарищах у которого были дети из самых хороших домов — как такой ребенок мог увязаться за прощелыгой? Я этого до сих пор понять не могу.

Направление нашей беседы не нравилось мне, и я ответил матери, что никто, в том числе и я сам, не может проникнуть в душу ребенка и точно определить, что в ней тогда происходило. Но при этом правильно будет сказать, что Ледер, был хоть и самоучкой, но все же своего рода философом и что он открыл мне окно в мир утопической мысли, взволновавший мое воображение.

Мать насмешливо повторила иностранные слова, которыми я воспользовался, и сказала, что она пусть и не получила полноценного школьного образования и не имела впоследствии времени, чтобы ходить на популярные лекции для по-

сетителей Народного дома, все же располагает достаточным здравым смыслом, чтобы увидеть огромное расстояние от Ледера до философии.

— Теперь мы оба — взрослые люди, — произнесла она, когда мы пересекали поток движения на Иерихонской дороге, — и ты можешь хотя бы однажды выслушать правду не обижаясь. Ты и университет оставил из-за него, уверовав, что на философском факультете тебя встретят увенчанные коронами мудрецы, решающие проблемы вселенной, перекатывая языком слова Спинозы и Канта.

Мать также считала, и в этом она была отчасти права, что Ледер привил мне склонность выискивать в событиях и явлениях нечто пикантное:

— Именно поэтому ты никогда не читаешь книги от начала до конца. Только предисловия и слова благодарности, да еще выискиваешь посередине какие-нибудь бессмысленные рассказы и пустые остроты. Поэтому у тебя и диплома нет до сих пор. Тебе все еще кажется, что жизнь — это четвертая часть «Книги острот и шуток» Друянова[120].

С не меньшей жестокостью мать утверждала,

---

[120] Примечания: 120

Алтер Друянов (1870–1938) — израильский литератор, переводчик, журналист, фольклорист.

что дружба с Ледером во многом предопределила мои последующие отношения с окружающими и, в частности, мое пристрастие к общению со стариками:

— Мы с отцом никогда не могли понять, что ты в них находишь. Часами ты мог просиживать за разговорами с ними, как будто вы в детстве в одной речке купались или прибыли в Страну Израиля на одном пароходе.

Ей казалось, что ноги вели меня к старикам из-за того, что я изначально был склонен добиваться чужого внимания самыми простыми путями. И если в общении со сверстниками я должен был предпринимать значительные усилия, чтобы добиться признания, то старики щедро хвалили меня уже только за то, что я слушал их россказни и поучения с широко разинутым ртом.

Наблюдая мой жизненный путь со стороны и зная, как стремителен и жесток бег времени, добавила мать, она видит, что уже недалек тот день, когда я и сам стану одиноким стариком, ищущим внимания рано поумневших детей. Она хорошо представляет себе, как я буду делать сочувственно-глубокомысленный вид, внимая их незрелым сомнениям в существовании Бога и в уготованном нам воздаянии в загробном

мире. Утешается же она мыслью, что найти правильный путь в жизни мне, возможно, поможет хорошее воспитание, которое они с отцом постарались мне дать.

Слева от нас в русле Кедронской долины открылся величественный памятник Авшалома[121]. Мать сняла темные очки и взобралась на высеченную в скале вокруг памятника площадку. Ощупывая красноватые прожилки в огромных камнях, она обошла монумент и, откинув голову назад, посмотрела на каменный цветок лотоса, венчающий конический купол надгробия.

После этого мы уселись на ведущих в Йеґошафатову пещеру ступенях, обретя желанное укрытие от зноя в почти влажной прохладе погребального зала. Когда она была девочкой, вспомнила мать, нижняя часть надгробия еще оставалась засыпанной землей и камнями. Царившее здесь запустение запомнилось ей как давний сон, окутанный желтоватым светом, глухим и про-

---

[121] Примечания: 121

Под названием Яд-Авшалом, или памятник Авшалома (Авессалома), известна высокая монументальная гробница I в. до н. э. Народная увязка этой гробницы с мятежным сыном царя Давида Авшаломом, умершим за много столетий до ее постройки, возникла в связи с библейским повествованием о том, что не имевший сына Авшалом еще при жизни поставил себе памятник в Царской долине, см. Шмуэль II, 18:18. Слева от гробницы находится вход в упоминаемую ниже в тексте Йеґошафатову пещеру.

зрачным одновременно.

— Но ты видишь! — воскликнула она, неожиданно подскочив со своего места. — Эта змеюка повсюду ползает за нами.

В один из тех давних дней, рассказала мать, возле их дома столпилась группа рассерженных ешиботников, среди которых был и молодой Ледер. Собравшиеся вознамерились помешать британской археологической экспедиции, расчищавшей завал у подножия гробницы. Ярость ультраортодоксов вскипела, когда они увидели, что в ходе раскопок археологами, расчищавшими основания колонн, был снесен возведенный вокруг монумента каменный забор, в результате чего прилегавшие к нему могилы обрушились и находившиеся в них кости рассыпались. Возглавлявший ешиботников реб Йона Цвабнер велел им лечь на обрушившийся грунт, и они покинули подступы к гробнице лишь после того, как явившиеся на место происшествия турецкие охранники их крепко поколотили.

Тем не менее археологи были напуганы, и раскопки в этом районе возобновились только через семь лет, с установлением английской власти. Иерусалимские ревнители устоев и теперь препоясали свои чресла и вышли в Кедронскую долину

под предводительством реб Довида Ледера. но его сына среди них уже не было. Никто в Иерусалиме не знал, куда он подевался после того, как уехал в Бейрут с двумя китайскими монахинями.

Во главе археологической экспедиции, рассказала мать, теперь стояли профессор Нахум Слушц и Ицхак Бен-Цви, призвавшие на помощь квартировавших в монастыре Ратисбонн членов Трудового батальона[122], и те быстро приструнили раввинов и ешиботников. У реб Довида Ледера после встречи с ними оказалась сломана рука. Пришедший навестить его Люблинский гаон[123] объявил, что Высшее Провидение проявило себя в этом случае по принципу «мера за меру». Таинственные слова глубокого старца собравшимся разъяснил сопровождавший его раввин Вино-

[122] Примечания: 122

Ицхак Бен-Цви (1884–1963) — один из пионеров Второй алии, историк, известный общественный и политический деятель, второй президент Израиля. Трудовой батальон им. Йосефа Трумпельдора — существовавшая в 1920–1929 гг. рабочая коммуна, подряжалась на осуществление общественных работ в различных районах Эрец-Исраэль, включая Иерусалим. Максимальное единовременное число коммунаров составило в 1925 г. 660 человек, а всего через Трудовой батальон, существовавший на условиях полного коллективизма, прошли около 2500 человек.

[123] Примечания: 123

Носивший этот титул известный хабадский раввин Шнеур-Залман Фрадкин из Люблина умер в 1902 г., и здесь, вероятно, имеется в виду его сын и преемник р. Дов-Бер Лядер (по названию города Ляды, в котором зародилось хабадское направление хасидизма).

град: оказывается, в Иерусалиме было издавна заведено, что отец бунтующего и непослушного сына ведет его к памятнику Авшалома и бьет там по руке, дабы напомнить ему и всем окружающим, что бывает с сыном, восстающим на своего отца. Реб Довид, жалевший своего сына, не учил его розгой и в результате привел его туда, где тот обретается ныне. И вот теперь сам он наказан тем, что какой-то оболтус сломал ему руку на том самом месте, где он должен был вовремя одернуть своего сына.

5

Эту историю из своего прошлого Ледер вкратце поведал мне в нашу вторую встречу. Если бы он не приехал в Вену в ту пору, когда душа молодого человека так впечатлительна, а сердце так жаждет познания, то и проходил бы всю жизнь среди надгробий Масличной горы, и его кругозор был бы наглухо ограничен холмами Иерусалима, говорил он. В Вене же он полюбил человеческую культуру во всем ее бесконечном разнообразии, и ни голод, ни холод, ни распухшие ноги не могли ему помешать. Он регулярно ходил в музеи, проводил по многу часов за изучением коллекции Лихтенштейнов, каждый раз

заново застывал у «Шубки» Рубенса, восхищался красочными окаменелостями, раковинами и морскими животными в геологическом отделении Музея естествознания, но с особенной силой его пленили ближневосточные археологические коллекции, выставленные в Шёнбруннском дворце.

Лишь там, в тысячах миль от своей восточной страны, он познакомился с историей Иерихона, в котором никогда не бывал, осознал связь талита, в который облачались его близкие и далекие предки, с бедуинской абайей и увидел сходство тфилин с черным обручем икаль[124]. И еще многие истины о его собственном прошлом и о прошлом его страны — из тех, что признаются любым культурным человеком, — открылись Ледеру в Вене.

Но со временем он убедился, что все эти вещи

---

[124] Примечания: 124

Учитывая, что абайя — женская одежда, естественно предположить, что автор имеет в виду куфию, популярную у арабов мужскую головную накидку. Куфия часто носится с обручем черного цвета, икалем, придерживающим накидку на голове. Тфилин — две коробочки из выкрашенной в черный цвет кожи, в каждой из которых содержатся написанные на пергаменте четыре отрывка из Торы. При помощи продетых через основания этих коробочек черных кожаных ремней тфилин накладывают и закрепляют одну — на обнаженной плечевой мышце левой руки («напротив сердца»), вторую — посередине верхней границы лба. Религиозные евреи накладывают тфилин в будни на время утренней молитвы.

лишь отвлекают его от главного. Открытие поразило его как гром среди ясного неба, когда он оказался в деревушке неподалеку от Вены и с удивлением обнаружил там, в одной из покосившихся крестьянских хижин, рояль. На крышке рояля были разбросаны ломти сыра и куски свинины; маленькая белесая девочка, почти альбиноска, тыкала толстым пальцем в клавиши. Ледер поинтересовался, откуда здесь рояль, и хозяин дома ответил, что в дни голода он выменял его на продукты у какого-то венского богача.

Ночной дождь сделал скользкой тропу, петляющую среди надгробий сада Мамилы. Ледер встал, начертил концом своего зонта на влажной земле ряд чисел и произнес получившееся:

— Один, два, четыре, восемь, шестнадцать, тридцать два, шестьдесят четыре, сто двадцать восемь, двести пятьдесят шесть, пятьсот двенадцать…

Затем под первой строкой он вывел еще одну, также перечислив вслух:

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять… — Закончив, Ледер спросил меня, понял ли я, что он имеет в виду.

Я ответил смущенной улыбкой. Ледер стряхнул с зонта налипшую на него грязь и сказал, что

нижние чины продовольственной армии должны будут в точности следовать линкеусанской доктрине, и понимания ее философских оснований от них не потребуется.

— Тебе же я предрекаю блестящее будущее, — торжественно заявил он. — Однажды ты станешь у нас офицером высокого ранга, поэтому просто обязан подтянуться в теории.

Вслед за тем мне было разъяснено, что два ряда чисел являются ключом к теории народонаселения Мальтуса.

Ледер в мрачных выражениях описал грядущий мальтузианский апокалипсис. Из разверстого чрева раскинувшей ноги толстой похотливой женщины выходят сонмы людей. Их бесконечный поток делится на реки и ручьи, покрывая всю землю. Люди набрасываются на поля и стада, мгновенно пожирая все, что те могут произвести. Указав зонтом на верхний ряд чисел, Ледер сообщил, что тот представляет собой возрастающую геометрическую прогрессию, которая выражает чудовищные темпы роста населения земного шара: в каждом поколении количество обитателей планеты увеличивается вдвое. В то же время нижний ряд представляет собой умеренную арифметическую прогрессию, которая выражает

темп роста производства продуктов питания в современном мире.

— Если бы не войны и эпидемии, сдерживающие рост населения острым серпом ангела смерти, — здесь Ледер окинул взглядом заросшие кустарником могилы старого кладбища, — человечество за каких-нибудь несколько десятилетий пришло бы к состоянию, при котором матери поедали бы своих младенцев. Но войн и эпидемий уже недостаточно, ведь наше общество потребляет намного больше своих истинных нужд и искусственно продлевает жизнь старикам и больным. В результате оно идет семимильными шагами к надвигающейся катастрофе.

На некотором расстоянии от нас, за куполом мамлюкского мавзолея по ту сторону прямоугольной ямы водосборного резервуара, неожиданно встал молодой человек. Увидев нас, он отвернулся, поспешно застегнул только что натянутые брюки и побежал к улице Принцессы Мэри[125], перескочив по пути кладбищенскую ограду.

Ноздри Ледера задрожали. От земли поднимался кислый запах. В том же месте, откуда только что появился молодой человек, раздвинулись ку-

---

[125] Примечания: 125

Ныне улица Царицы Шломцион (Шломцион ѓа-Малка) в центре Иерусалима.

сты, и из них вышла девушка в задравшейся выше колен юбке. На ее лице и красной блузке лежали солнечные полосы. Она заспанно потянулась и направилась в нашу сторону с вызывающим видом. Почесывая у себя под мышками, девушка прошла совсем рядом, и я расслышал, что она напевает песню, в которой повторялись слова «Аюни, аюни»[126].

Ледер положил руку мне на колено и, стараясь не обращать внимания на проститутку и на оставшийся после нее шлейф одеколонового запаха, сказал, что последователи Мальтуса были решительнее и последовательнее скромного английского священника. Они довели его теорию до логического конца, объявив, что в проституции заключено великое благо, поскольку она представляет собою мост, построенный людьми между их сексуальными устремлениями и страхом перед планетой, кишащей голодными ртами. В дни голода Вена была полна проститутками, и не случайно, добавил он, эти шалавы так любят кладбища и превращают их в рынки плоти. Смерть и сексуальное начало издавна идут рука об руку.

---

[126] Примечания: 126
«Мои глаза, мои глаза» (*арабск.*).

Ледер взглянул на зеленоватую воду в пруду и спросил, знаю ли я, что царь Ирод, который, конечно, ходил здесь когда-то, наблюдая за работой своих рабов, копавших этот резервуар, поместил тело Мирьям Хасмонеянки[127] в заполненный медом саркофаг и на протяжении семи лет совокуплялся с трупом всякий раз, как его одолевала страсть.

Затем, упершись подбородком в янтарный набалдашник на ручке своего зонта, Ледер пристально посмотрел мне в глаза и сказал, что если я не верю ему на слово, то могу справиться в трактате «Бава батра»[128], где об этом написано черным по белому.

6

Некрофильские наклонности Ледера не были тайной для моей матери. Данное обстоятельство неожиданно открылось мне в тот летний день, в

---

[127] Примечания: 127

Мирьям, она же Мариамна (53–29 до н. э.), была последней из принцесс Хасмонейского дома. Благодаря браку с ней и убийству ее дяди Матитьяґу-Антигона Второго, последнего из хасмонейских царей, Ирод стал в 37 г. до н. э. царем Иудеи, после чего Мирьям была казнена им по обвинению в попытке его отравить.

[128] Примечания: 128

«Бава батра» («Последние врата», *арамейск.*) — трактат Талмуда, посвященный в основном вопросам имущественного ущерба.

канун новомесячья элуля, когда мы поехали с ней в Иерусалим посетить восстановленные могилы моего брата и первой жены отца.

Вблизи моста через Кедронскую долину, напротив Львиных ворот[129], мать остановилась у знака, который десантники только что установили в память своих товарищей — бойцов разведроты, павших в сражении за город. Она молча прочитала имена погибших, боясь обнаружить среди них сыновей кого-то из постоянных клиентов своей продуктовой лавки, и затем спросила меня с деланой небрежностью, прекратились ли мои ночные кошмары.

Во время войны я был отправлен в состав северной похоронной команды, и нашей главной задачей оказалось опознание десятка молодых солдат, погибших на второй день боев, когда на их палатки рухнул иракский бомбардировщик. Прибыв на место, мы увидели столб огня и дыма, все еще поднимавшийся над широкой черной воронкой и черной же полосой, тянувшейся от эвкалиптовой рощи до точки, в которой Ту-16 прекратил свой последний страшный бег по земле. На всем своем протяжении эта полоса была

[129] Примечания: 129

Выходящие на восток, к Кедронской долине и Масличной горе, ворота в стене Старого города.

усеяна кусками искореженного металла. Тела членов экипажа и наших ребят были совершенно изуродованы, и мы на протяжении многих дней трудились над их опознанием и отделением друг от друга.

Об этом я не рассказывал матери, и она сама старалась не задавать мне лишних вопросов, но теперь, после долгой ходьбы по жаре, усталость и жажда переборoли ее смущение, и она твердо сказала, что даже если я и впредь ничего не стану ей говорить, материнское сердце обмануть не удастся. Ведь я для нее — раскрытая книга.

— Понятно, что ты знаешь теперь о жизни намного больше меня, — сказала мать. — И, наверное, тебе, уже имеющему собственного ребенка, настало наконец время понять, почему у меня озноб пошел по коже, когда я увидела тебя в компании Ледера.

То, что мать решила мне рассказать, открылось ей самой со слов ее брата Исраэля, погибшего в Войну за независимость от пули арабского снайпера, настигшей его, когда он переходил улицу Шамъа вблизи торгового центра. Упоминая своего брата, мать называла его не иначе как «юный Исраэль, да отомстит Господь за его кровь». За несколько часов до своей гибели Исраэль посту-

чался к нам в дверь — с позеленевшим лицом и обезумевшими глазами он попросил отца, чтобы тот проводил его до дому. Отец усадил его на кухне и налил ему коньяку, мать обмахивала веером его потное лицо, и Исраэль, служивший в народной дружине, рассказал, что он только что был в больнице «Бикур холим», куда свезли тела пятидесяти погибших в результате страшного взрыва на улице Бен-Йеґуды[130]. Изуродованные тела выложили на грунт во дворе, потому что в морге для них не было места. Люди во всем городе кусали себе руки от горя и ужаса, но Ледер, которого Исраэль увидел во дворе больницы, — он ходил среди тел и ощупывал их.

Мы медленно поднимались к высоким Львиным воротам, и мать сказала, что у нее будто камень сняли с души. Слева от нас, сразу же за оградой южного участка мусульманского кладбища, прилегающего к стене Старого города, из-под основания одного из надгробий выросла большая агава с мясистыми листьями и высоким побегом, на котором было великое множество желтых

[130] Примечания: 130

22 февраля 1948 г. группа арабских диверсантов, действовавших с помощью дезертиров из все еще остававшейся в Палестине британской армии, подорвала три здания на улице Бен-Йеґуды в самом центре еврейской части Иерусалима. В результате этой атаки погибли 58 и были ранены 38 человек.

воронкообразных цветков.

— Где я буду через восемь лет, когда она зацветет снова? — сказала мать и добавила примиренно: — Когда меня не станет, ты все-таки позаботься, чтобы хотя бы твои дети не общались с людьми типа Ледера.

7

Легкий ветер колебал кроны растущих вокруг пруда Мамилы кипарисов и эвкалиптов, сбрасывая с них капли утреннего дождя. Мальтузианская теория народонаселения, говорил Ледер, логически безупречна, но совершенно бесплодна, поскольку посреди ее шипов нет ни единой розы. А теория, не сулящая никакой надежды, будет в конце концов сочтена лживой.

В трещину надгробия, на котором мы сидели, прочно врос побег каперса, и Ледер попытался вырвать его, а затем спросил меня, прочитал ли я книгу Поппера-Линкеуса, которую он дал мне неделю назад в кафе «Вена». Сославшись на то, что учеба занимает все мое время, я ответил отрицательно. На самом деле за прошедшую неделю я несколько раз перелистывал эту книгу тайком, а однажды даже попытался начать читать ее подряд.

В целом книга была для меня сложна. Только та глава, в которой Поппер-Линкеус поведал о своем первом изобретении, едва не стоившем ему жизни, показалась мне интересной. Я живо представлял себе высоколобого длинноусого утописта вылезающим из пышущего жаром парового котла, в который он поместил свой прибор, опасаясь, что его изобретение будет украдено. Моему воображению рисовались его красные щеки и волосатые белые руки в коричневых пятнах ржавчины, отчаянный поиск лестницы, и затем — падение на скользкий заводской пол.

До нашего слуха донесся школьный звонок. Ледер внимательно посмотрел на меня, перевел взгляд на заросшее буйной фиолетовой бугенвиллеей каменное здание с готическими окнами и, скривившись, процедил:

— Ну что ж, отправляйся к своей Цецилии Шланк, а уж вечером я зайду к вам домой.

Я побежал, несколько раз оглянувшись на него. Ледер стоял, опершись одной рукой на одиноко растущее дерево и держа зонт в другой. Он рассматривал вечные сущности, и кустарник вокруг него становился тем гуще, чем дальше я удалялся.

Школьные ворота все еще были открыты, и

последние ученики — «великий сброд», называла их госпожа Шланк — медленно поднимались по лестнице. Я бросил последний взгляд на парк. Царившую в нем тишину едва нарушало легкое дуновение ветра в кронах растущих вокруг пруда деревьев. Ледера уже не было видно.

Высоко в небе, на фоне перистых облаков, парила хищная птица, прилетевшая сюда из пустыни в поисках жертвы. Ее большие, сильные неподвижные крылья ловили поток воздуха, а слегка склоненная вниз голова поворачивалась из стороны в сторону через равные промежутки времени, напоминая движение маятника. Вдруг крылья сложились, и птица камнем устремилась к земле.

Глава четвертая

1

Мать стояла на солнце, откинув голову назад и прикрыв один глаз. Перед другим своим глазом она держала куриное яйцо, которое проверяла на свет[131].

Я вернулся из школы, и она, как обычно, спросила, снискал ли я ныне милость в глазах Бога и людей, и дополнительно уточнила, хорошо ли я написал диктант. Вслед за тем, не отрывая взгляда от яйца, она попросила, чтобы я зашел в дом осторожно, на цыпочках, и не устраивал шума. У нас важный гость, объяснила мать, и она хочет сварить для него яйцо. Кто знает, добавила она после недолгой паузы, может быть, этот час станет временем благоволения и отца покинет злой дух, вселившийся в него, когда чиновники Дова Йосефа перевернули наш дом.

В тот день Риклин впервые появился у нас.

Он уселся во главе стола, передвинул с места на

---

[131] Примечания: 131

На предмет обнаружения пятен крови внутри яйца, в связи с запретом иудаизма на употребление крови в пищу.

место фарфоровую раковину, в которой лежало несколько яблок, и затеял долгий рассказ.

Со временем, когда Риклин матери опротивел, она стала говорить, что человек с тонким слухом уловил бы уже тогда в словах реб Элие шум камней и земли, которыми засыпают свежую могилу. Но в тот солнечный зимний день она стояла у входа на кухню в своем новом платье изумрудного цвета, поджидала пыхтящий чайник и с удовольствием слушала байки старого могильщика.

Войдя в дом, я услышал слова Риклина, что люди, существа материальные, в своей глупости полагают, что и смерть есть явление материальное, гнилостное, тогда как он, постоянно встречаясь со смертью по роду своих занятий, знает, что исход души из тела есть тончайший духовный процесс.

Риклин расслабился, взял яблоко из розовой раковины, поднес его к носу и с видимым наслаждением вдохнул его аромат. В смертный час чувства не оставляют человека единовременно, продолжал он делиться своими тайнами, но отходят от него постепенно, и обоняние, тончайшее и благороднейшее из человеческих чувств, покидает умирающего в самый последний момент.

Подняв очки на лоб, гость сообщил, что учитель наш Моше[132], да пребудет с ним мир, обонял в момент своей смерти яблоко, и душа оставила его тело, сопровождаемая благоуханием.

— Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой среди юношей, — напел Риклин фразу из Песни Песней, и лицо его вдруг озарилось. Луч света лег ему на щеку, скользнул по поднятой правой руке и так же быстро исчез, когда мать закрыла входную дверь и поспешила на кухню, бережно, словно птенца, держа в ладони яйцо.

Отец молча сидел на своем месте.

После обыска, проведенного у нас инспекторами Министерства нормирования, губы у отца одрябли, строй мысли изменился, и он попросту перестал говорить. Биньямин Харис, муж маминой подруги Аґувы, заметил ему однажды во время трапезы, которой провожают царицу-субботу, что люди нашего уровня не принимают на себя обетов молчания и безмолвствуют только во сне и между омовением рук и преломлением хлеба. Мать, напротив, стала говорить в его присутствии больше и громче, как будто обращаясь к

---

[132] Примечания: 132
Имеется в виду пророк Моше.

глухому. Но отец не размыкал губ и часто подолгу сидел, положив на колени свои отяжелевшие руки.

Риклин, привычный к тому, что его всю жизнь окружают природные молчальники, этого как будто не замечал. Он вернул яблоко в раковину и спросил отца, замечал ли тот, что люди обычно рождаются со сжатыми руками, а умирают, открыв ладони. Мать, слушавшая с кухни рассуждения старого могильщика, заглянула в комнату и сказала, что, если ей не изменяет память, она уже слышала нечто подобное от акушерки Булисы в тот день, когда родилась ее сестра Элка.

Огладив свои красноватые щеки, Риклин ответил, что слова истины распознаются легко, но ни он сам, ни сефардская старушка[133], подрабатывавшая иной раз омыванием одиноких покойниц, не сделали этого наблюдения первыми. Их упредил один из ранних законоучителей Мишны[134], давший также и объяснение отмеченному им факту: люди приходят в этот мир,

---

[133] Примечания: 133

В узком смысле этого слова сефардами называют потомков выходцев из Испании и Португалии, но оно часто используется как указание на всех евреев — не ашкеназов, т. е. не выходцев из Центральной и Восточной Европы.

[134] Примечания: 134

Мишна — древнейшая часть Талмуда.

желая сказать, что весь он принадлежит им, и поэтому младенцы рождаются со сжатыми руками, а, умирая, люди показывают, что ничего не уносят с собой из этого мира.

Мудрецы, сказал реб Элие, уставившись на свои желтые ботинки, являются той подзорной трубой, глядя в которую мы открываем для себя тайны мира. Тайны эти на самом деле открыты всякому глазу, только вот сами мы, в силу своей ограниченности, оказываемся неспособны их разглядеть.

Он протянул к матери пальцы — «словно свинья, протягивающая свои копытца», говорила она годы спустя, — и спросил, не замечала ли она, что каждый из пяти пальцев указывает на одно из пяти основных чувств человека. Сунув большой палец в рот, как младенец, Риклин объяснил, что он связан с чувством вкуса, указательный — с обонянием, средний — с осязанием, безымянный — со зрением, мизинец — со слухом.

Отец невольно провел средним пальцем по своей шее ниже затылка, и Риклин, краем глаза заметивший это, с усмешкой сказал, что слова, принадлежащие автору «Шульхан арба»[135], не

[135] Примечания: 135

Труд известного раввина Бахьи Бен-Ашера (1255–1340), жившего в Жероне и Сарагосе; посвящен законам и обычаям трапезы.

требуют дополнительной проверки.

Неожиданно лицо отца осветила улыбка, и он властным голосом, как в прежние времена, сказал матери, чтобы она оставила мужчин одних, а пока, в ожидании чая, принесла бы гостю еще фруктов, чтобы он подкрепил свое сердце. Мать удалилась на кухню и вскоре вернулась оттуда с тонким зеленым фарфоровым подносом — последним уцелевшим предметом из сервиза, доставшегося отцу от первой жены. Ножом с рукояткой из слоновой кости она стала чистить яблоко, но Риклин отвел ее руку и печально сказал, что он никогда не ест яблок «римская красота»[136], причиной тому его диабет. И тут же пустился в рассуждения о чудодейственных свойствах инсулина.

2

В свою последнюю зиму мать обычно сидела, выпрямив спину, на кровати напротив окна и безотрывно смотрела на облака, которые ветер гнал на восток, и на горный кряж, в земле которого ей было суждено обрести последний покой

---

[136] Примечания: 136

В оригинале используется ивритское название сорта яблок *Rome beauty*.

через несколько месяцев. В ту зиму она не раз говорила, что впервые ощутила прикосновение смерти, когда Риклин коснулся ее руки.

На тумбочке возле ее кровати, рядом с лекарствами, термосом и фотографиями внуков, стояла изготовленная из полистирола голова манекена, белая и безликая, с нахлобученным на нее париком серебристого цвета. Голова самой матери совершенно облысела от химиотерапии, но на подбородке и внизу щек у нее появились седые волоски. В таком виде мать стала походить на орла, и это сходство становилось особенно заметным, когда она вытягивала шею и ее голова высоко поднималась над воротом ночной рубашки.

Ужасно исхудавшая, мать пыталась согреться, надевая на себя фланелевые рубашки и шерстяные фуфайки, одну поверх другой. Когда боль утихала, она иной раз говорила, что наконец уподобилась первосвященнику, ведь теперь она одевается в восемь одежд. Случалось также, что она тихонько напевала слова из произносимой в Йом Кипур молитвы с описанием храмовой службы этого дня: «Воистину прекрасен был видом своим первосвященник, когда он выходил из святая святых, не претерпев там ущерба».

К груди мать прижимала свой урим ве-ту-

мим[137] — согревавшую ее бутылку с горячей водой. Она не отводила глаз от переменчивого неба и жадно ждала прихода весны, говоря, что всю жизнь хотела быть похороненной в солнечный день, чтобы провожающие не шли за носилками с ее телом под дождем, хлюпая ногами в грязи на тропинках Масличной горы.

— Ша, ша! — прерывала меня мать, когда я, пытаясь развеять ее мрачные мысли, бормотал, что ее состояние скоро улучшится. Она еще больше распрямлялась, приподнимала подбородок и говорила, что всем рожденным суждено умереть и что никому из нас не придет в голову слишком долго возиться с ее телом, когда ее час настанет. А пока мы должны радоваться тому, что ключи мудрости не отобраны у нее, и она сохраняет ясный рассудок.

— Не забывай, что поведал нам рав Симха-Зисл, когда мы справляли траур по твоему отцу, — не раз говорила она в заключение наших бесед.

Рав Симха-Зисл Лапин, хозяин маленького галантерейного магазина вблизи нашего дома, был

---

[137] Примечания: 137

Урим ве-тумим — упоминаемый, но не описанный в Торе «прибор» для испрошения воли Всевышнего, сакральный жребий. Хранился в одежде первосвященника или был ее частью.

в юности учеником Хафец Хаима в Радуни[138]. И вот однажды, рассказал он нам с матерью, его состарившийся учитель не смог объяснить своим ученикам одно место в им же написанной книге «Мишна брура». От полного конфуза великого человека спасло появление одного из его зятьев.

Дни стали длиннее, и мать больше не упоминала весну.

Во дворе напротив ее окна как-то сразу и неожиданно покрылось белыми цветами миндальное дерево, и по просьбе матери я не задергивал шторы. Она сидела в полумраке, опершись на подушки, и молча ела, когда ей подавали еду. Несколько раз она попыталась сойти с кровати и добраться до ванной, надеясь, что сможет самостоятельно постирать там свое белье, но, убедившись, что это ей не удается, отказалась от дальнейших попыток.

Бóльшую часть времени мать дремала. Проснувшись, она медленно открывала глаза и спрашивала меня, помню ли я тот обильный снег,

---

[138] Примечания: 138

«Хафец Хаим» («Жаждущий жизни», *ивр.*) — название наиболее известного произведения, написанного р. Исраэлем-Меиром ѓа-Коэном из Радуни (1838–1933), ставшее также названием его ешивы и принятой формой титулования его самого. Другой, упоминаемый ниже труд этого раввина «Мишна брура» («Ясное учение») представляет собой развернутый комментарий на первую из четырех частей классического свода еврейских законов «Шульхан арух» («Накрытый стол»).

что выпал в Иерусалиме вскоре после прихода англичан. Сначала я исправлял ее, напоминая, что в 1920 году меня еще не было на свете, но, когда она стала называть меня папой, мне стало ясно, что она уходит в неведомый мир, ближе всего к которому лежит светотень ее далекого детства.

Ее руки, подносившие к губам носовой платок и стиравшие им следы пищи с моего детского подбородка, когда мы собирались постучать в дверь к Аґуве и Биньямину Харис, лежали теперь поверх одеяла — хрупкие, слабые, в синяках от уколов. Свой часто вспоминавшийся мне носовой платок мать держала в кожаной сумочке, и он был пропитан запахами кожи и губной помады, вместе с дыханием ее уст. На смену ему пришла смоченная холодной водой и спиртом салфетка, которой я протирал теперь ее измученное лицо.

3

Как-то утром, в один из последних дней месяца адар[139], болеутоляющие средства, которыми я поил мать, заставили ее муку отступить, и она смогла сесть в изголовье кровати. Был ранний час, первый проблеск нового дня разогнал ца-

---

[139] Примечания: 139
Примерно соответствует марту.

ривший в комнате мрак и озарил ее слабым таинственным светом. Мать заговорила со мной на идише — чем острее становилась ее болезнь, тем напористее родной язык ее детства вытеснял иврит. На улице Сен-Поль[140], сказала она, под кипарисами во дворе румынской церкви на земле лежит мертвая птица, и ее засыпает снег.

— *Их вил гейн цум Шхемер тойер, их вил гейн цум Шхемер тойер*[141], — со всхлипом пролепетала она и снова погрузилась в дрему.

Совместный с отцом поход в снежный день к Шхемским воротам прочно врезался в ее память, и она часто рассказывала мне о нем в детстве, когда в Иерусалиме выпадал снег.

Протерев тыльной стороной ладони запотевшее оконное стекло, она бросала взгляд на участок двора возле дома, в котором жил по соседству с нами философ доктор Пелед, и на побелевшую от снега лестницу. Ей до сего дня непонятно, говорила она в таких случаях, куда

---

[140] Примечания: 140

Старое название улицы Шивтей-Исраэль в центре Иерусалима, было дано мандатными властями в честь находящейся на этой улице англиканской церкви Св. Павла, неподалеку от которой находится упоминаемая далее в тексте румынская православная церковь Св. Георгия.

[141] Примечания: 141

Я хочу пойти к Шхемским воротам (*идиш*).

они шли и зачем отец, покинув дом в снегопад, взял с собой ее, маленькую девочку. Годы спустя он рассказывал с гордостью, что им повстречался в тот день раввин Зонненфельд, и в ответ на вопрос, куда он пробирается через сугробы, почитаемый иерусалимский мудрец сказал, что ему чрезвычайно дорога заповедь обрезания. Поэтому, сообщил раввин, он идет в Меа Шеарим принять в легион Святого, благословен Он, еще одного еврея. Мать не помнила этой встречи, но зато в памяти у нее остались часы с римскими цифрами, стоявшие на подоконнике одного из домов на пути к Шхемским воротам. Стрелки часов показывали без пяти двенадцать, и она захотела получше разглядеть их, но отец оттащил ее в сторону и сказал, что она ослепнет, если будет смотреть на эти часы.

Значительно позже, когда она подросла и уже училась вышиванию в школе рукоделия «Шошана», окно с часами снова попалось ей на глаза. Пятнадцатого швата[142] они с подругами и учительницей пошли прогуляться в центр города и случайно оказались возле того дома. Кружевная занавеска не позволяла увидеть, что находится

[142] Примечания: 142

Шват — зимний месяц еврейского календаря. Пятнадцатое число этого месяца является полупраздничным днем.

за окном, но на вычищенной до блеска плитке подоконника по-прежнему стояли часы, а рядом с ними — стеклянная ваза с водой, в которой красовалась цветущая ветка миндаля. Часы показывали то же самое время, что и в тот раз, когда она впервые увидела их. Мать обратилась с вопросом к учительнице рукоделия, и та рассказала ей, что дом принадлежит чудаковатым американцам, поставившим себе целью сподвигнуть иерусалимцев к покаянию, и что часы, показывающие без пяти двенадцать, призваны, по их мнению, пробуждать в людских сердцах мысль о том, что конец света близок. Вечером она передала слова учительницы отцу, и тот сказал ей, что еврейские дети должны остерегаться миссионеров как огня, а на следующий день он не пустил ее в школу.

— *Их вил гейн цум Шхемер тойер*, — снова прошептала мать, проснувшись через несколько часов. Съесть кашу из молотого риса сама она уже не смогла, и с тех пор я кормил и поил ее с ложечки. Казалось, для нее уже ничто не было важным. Она послушно открывала рот, но узнать, наелась ли она и понравилась ли ей пища, мне больше не удавалось.

Я по-прежнему рассказывал ей о событиях

в мире, передавал слова ободрения от знавших ее людей, зачитывал письма ее сестры, приходившие все чаще и чаще, но она уже не прислушивалась к моим словам.

В день устранения квасного[143], в полуденный час, я застелил ей чистую постель, положил на ее столик белую глаженую салфетку и показал ей свой подарок — новый цветастый халат. Желая хоть немного порадовать ее, я сказал, что сегодня вечером седер[144] и что она обновит подаренный мною халат за праздничным столом. Выслушав меня, мать медленно прикрыла глаза и погрузилась в сон.

Я тихо вышел из дома и, вернувшись пару часов спустя, увидел ее пустую кровать. Мать обнаружилась на кухне — бессильно опершись о раковину, она держала в руке спичечный коробок.

— Не сердись на меня, не сердись, я не устроила пожар, — шептала она, пока я нес ее на руках и укладывал в постель. Ладони ее рук были в саже, зубы стучали. Отпаивая ее чаем, я непрерывно

---

[143] Примечания: 143

Т. е. в канун праздника Песах.

[144] Примечания: 144

Седер — торжественная трапеза в первый вечер праздника Песах, сопровождаемая чтением Агады — сказания об исходе из Египта.

спрашивал:

— Зачем, мама, зачем? — Но она ничего не отвечала.

В комнате вокруг швейной машинки, выдвижные ящики которой были опустошены, громоздились набитые всякой всячиной наволочки и полиэтиленовые пакеты. В мое отсутствие мать успела побросать в них нитяные катушки, иголки, клубки пряжи, выкройки, номера журнала «Бурда», вязальные спицы, фотографии, газетные вырезки. Мраморная столешница на кухне была усыпана десятками разрезанных пополам свечей, а в раковине аккуратно завернутые в газету и как будто приготовленные к тому, чтобы выбросить их на помойку, лежали парик, корсет, старый чайник, расчески, рожок для обуви, поднос для лекарств и новый халат. Повсюду были разбросаны горелые спички и обгоревшие по краям куски газетной бумаги, в воздухе витали хлопья сажи.

Я взялся было за наведение порядка, но мать напрягла последние силы, приподняла руку над одеялом и велела мне прекратить уборку.

4

Вечером того дня она потеряла сознание, а через четыре месяца в жаркий летний полдень

я увидел ее в последний раз. На заднем дворе больницы «Зив» реб Мотес, ставший со смертью Риклина старшиной погребального братства, легонько подтолкнул меня к входу в помещение, где совершалось омовение покойников. Его пол был залит водой, сразу же превратившейся в грязь под ногами вошедших. В одном из углов освещавшегося голой лампочкой пространства были свалены на пол мятые больничные простыни, рядом стояли большие жестяные бидоны — вроде тех, что использовались прежде разносчиками молока. В центре помещения, у водосборного отверстия в полу, на столе из нержавеющей стали лежала облаченная в саван мать. Вокруг ее тела горели свечи.

У стола, скрестив руки на выступающих животах, стояли две женщины, одна — низкорослая, другая — высокая и ширококостная. Их вид располагал к мысли о том, что они принадлежат к Старому ишуву, и, когда я встал у изголовья стального стола, высокая тут же сказала мне, что таков в этом мире путь всякой плоти и что мать станет доброй просительницей за меня и моих домочадцев, если я постараюсь отныне быть хорошим евреем.

Низкорослая прервала свою напарницу. В дет-

стве они вместе с матерью обучались молитве у жившей в Батей Найтин[145] ребецн Элиах, и теперь ей было горько узнать, какие страдания мать претерпела в последний период своей жизни.

— Сколь многих уносит это проклятие, — добавила омывальщица, не желая произносить название болезни. Сняв с полки склянку с песком, она велела мне вымыть руки, а затем быстро и точно исполнить ее указания.

Она приподняла край ткани, прикрывавший лицо и затылок покойной. Свои последние недели мать провела, лежа без движения на койке в санатории в Петах-Тикве, и все это время ее рот оставался открытым. Теперь он был заполнен ватой, и могло показаться, что в вату закутан маленький этрог[146], вложенный зачем-то ей в рот. Кожа у нее на лице еще больше посерела, но в остальном ее вид не изменился. Низкорослая

---

[145] Примечания: 145

Батей Найтин, или «Найтиновы дома» — название одного из внутренних кварталов в Меа Шеарим. Квартал был построен в 1901 г. на средства переехавшего в Иерусалим американского филантропа Менахема Найтина.

[146] Примечания: 146

Этрог — цитрон, одно из четырех растений, используемых для выполнения заповеди Торы в праздник Суккот. Оберегая этрог от малейших повреждений, его обычно хранят укутанным в вату, мягкие волокна и т. п.

омывальщица велела мне посыпать песок в глаза матери и сразу же закрыть их. Едва я сделал это, она прижала мою ладонь к холодному мертвому лицу, и я эхом повторил вслед за ней, слово в слово:

— Ибо прах ты, и в прах вернешься. А Йосеф возложит руку свою на твои глаза[147].

Вслед за тем омывальщицы снова закрыли голову матери краем савана и поторопили меня к выходу во двор.

Реб Мотес дожидался меня на пороге прохладного помещения морга. Надрезав острым ножом ворот моей рубашки, он сказал, что я сам должен порвать ее дальше «до сердца». Звук разрываемой ткани нарушил царившую тишину, и, когда он затих, мамины подруги дали волю слезам. Заґава Каганер сказала, что мать была ее личной Стеной Плача, и теперь, когда эта стена разрушена, она осталась совсем одинокой.

Узкий неровный двор был полон народу, многие теснились у его высокой каменной стены, защищавшей от палящего солнца. В тени перуанского перца, росшего по ту сторону стены, но

---

[147] Примечания: 147

Цитаты из двух разных мест в книге Берешит, 3:19 и 46:4, в первом случае — из слов Бога, обращенных к Адаму после грехопадения, во втором — из обетования Яакову перед его схождением в Египет.

перебросившего свои верхние ветви во двор морга, на табуретке сидела худая женщина, рядом с которой стоял молодой человек. Они не были мне знакомы, и я заключил, что им приходится дожидаться следующих похорон, поскольку они пришли слишком рано, но женщина, заметив разорванный ворот моей рубашки, спросила меня, прихожусь ли я сыном покойной. Получив утвердительный ответ, она сказала, что мы никогда не встречались и что имени ее я не знаю, но с моей матерью она была хорошо знакома. Молодой человек, оказавшийся ее сыном, протянул мне руку и представился именем Йеруэль.

— Йеруэль Барзель? — уточнил я, и тощая женщина, поправлявшая в эту минуту свою косынку, невольно отпрянула назад. Оказалось, все эти годы она была уверена в том, что их фамилия никому не известна в нашей семье.

5

И не так уж она была далека от истины. Кроме редкого имени ее сына, случайно открывшегося мне в один из тех дней, которые мать провела у постели своей умиравшей подруги Аґувы Харис, я не знал о них ничего.

Однажды, играя в одиночестве дома, я залез

в платяной шкаф, и там, под ровной стопкой сложенных простыней, обнаружил спрятанный конверт, в котором хранилась фотография мальчика шести-семи лет. В берете, со школьным ранцем за плечами, мальчик стоял у высокой лестницы, поставив одну ногу на ее нижнюю ступеньку. Слегка наклонившись к снимавшему его фотографу, он приветливо махал ему рукой. На обороте фотографии неуверенной детской рукой была выведена надпись печатными буквами: «Моей дорогой тете, от меня. Йеруэль Барзель, первый класс».

Вечером мать вернулась от своей ближайшей подруги с пылающим лицом. Она долго мыла руки теплой водой с лизолом, сменила одежду и затем, ни к кому не обращаясь (отец еще не вернулся из лавки), проговорила, что лишь теперь поняла, как прав был Тургенев, подметивший, что старая штука смерть, а каждому внове[148].

Поздними вечерами, когда мы с отцом уже засыпали, мать подолгу простаивала у косяка ведущей в спальню двери с книгой «Отцы и дети», взятой ею в библиотеке «Бней Брит». Теперь она устало спросила меня, где я был во второй поло-

---

[148] Примечания: 148

Фраза умирающего Базарова в разговоре с Одинцовой в 27-й главе романа «Отцы и дети».

вине дня, съел ли миндальное печенье и выпил ли стакан молока, специально оставленный для меня в ящике со льдом. Я утвердительно кивнул, продолжая листать тетрадку с уроками по ґалахе, из которой к завтрашнему экзамену мне было нужно выучить все относящееся к законам почитания родителей. Выждав какое-то время, я достал фотографию мальчика в берете и спросил мать, кто такой Йеруэль Барзель.

Мать замерла на мгновение, затем выхватила снимок у меня из руки и сказала ровным, сдержанным тоном, что ученику средней школы религиозного направления «Мизрахи» надлежит уважать известный запрет рабейну Гершома и понимать, что любой человек имеет право на то, чтобы без его дозволения никто не копался в его личных бумагах[149]. «Любой человек» подразумевает так же и мать, подчеркнула она.

С тех пор я никогда не произносил имени Йеруэля Барзеля, хотя иной раз, когда мать стелила чистое белье, мне доводилось о нем вспоминать и задумываться над тем, почему мать решила

---

[149] Примечания: 149

Школы «Мизрахи» — принятое прежде название государственных религиозных школ, связанных с одноименной религиозно-сионистской партией, в отличие от т. н. независимых ультраортодоксальных школ. Одним из установлений рабейну Гершома (см. в примечаниях выше) стал запрет на чтение чужих писем.

скрыть от меня факт его существования.

6

Бросив короткий взгляд на дверь морга, худая женщина сказала, что теперь она свободна от данного моей матери обещания никому не рассказывать о том, что ее сын был назван в память моего умершего в младенчестве брата.

— Но ведь моего брата звали Реувен, — возразил я.

Худая женщина грустно улыбнулась и, порывшись в своей сумочке, извлекла из нее маленькую, оливкового дерева, резную коробочку. В ней на синей бархатной подушечке лежал золотой медальон в форме сердца, прикрепленный к тонкой цепочке, тоже из золота. На лицевой стороне медальона была выгравирована надпись «Будет жив Реувен и не умрет»[150], на обратной — имя моей матери.

Взяв у меня медальон, женщина отряхнула его от песчинок, прилипших к нему с моих пальцев, и протянула его сыну.

— Теперь он твой, — сказала она ему. — Ты можешь носить его, если захочешь.

---

[150] Примечания: 150
См.: Дварим (Второзаконие), 33:6.

Моя мать навестила ее в первый раз через несколько часов после родов, рассказала она. Муж оставил ее в беременности, навсегда уехав в заморские страны, и у нее не осталось тогда ни друзей, ни родни. Ее соседки по больничной палате были окружены заботой многочисленных родственников, возле их кроватей все время появлялись букеты свежих цветов, и только она лежала там в одиночестве, словно брошенный в поле камень.

До сего дня, сказала худая женщина, она не может забыть изображение чернокрылого орла, кружащего над своими невидимыми птенцами: орел украшал синюю этикетку на бутылке темного солодового пива, которую мать поставила на ее больничную тумбочку. Присев рядом с ней на кровать, мать обняла ее поникшие плечи и твердо сказала, что тревоги вредят кормлению. Поэтому она будет ухаживать за одинокой роженицей, пока та не встанет на ноги.

Перед тем как расстаться с ней, мать, лицо которой вдруг поникло и сделалось усталым, неуверенно изложила свою просьбу. У нее был маленький сын, и она хочет, чтобы в мире осталась память о нем. Поэтому, спросила она, не согласится ли роженица дать своему сыну имя

Йеруэль, представляющее собой акроним слов «Будет жив Реувен и не умрет», которыми Моше благословил потомков Реувена, старшего из сыновей Яакова.

Мать не просила немедленного ответа. Такие вещи нужно обдумать, сказала она, направившись к выходу из палаты, и до обрезания еще есть достаточно времени[151]. В любом случае завтра она приведет сюда госпожу Ґохштейн, секретаря фонда помощи молодым матерям, а до тех пор ее собеседнице необходимо отдыхать и хорошо питаться, ведь волею судеб ей определено быть и матерью, и отцом своему новорожденному ребенку.

7

К госпоже Ґохштейн мать прониклась симпатией и даже почтением в ту пору, когда Риклин лишился в ее глазах прежней милости. В своих спорах с отцом, становившихся все более резкими, она стала упоминать госпожу Ґохштейн как достойную даму, подающую пример истинного человеколюбия. Мать не называла ее по имени,

[151] Примечания: 151

Имя еврейскому мальчику дается при обрезании, совершаемом обычно на восьмой день после его рождения.

но с подчеркнутым уважением произносила «госпожа Ґохштейн», настойчиво отмечая, что ее любящая рука протянута женщинам, приносящим жизнь в этот мир, тогда как отец без конца канителится с человеком, не вылезающим из мутных вод переправы через Ябок[152].

Риклина мать теперь не замечала. Она больше не заботилась о том, чтобы покупать к его приходу дозволенные диабетикам сладости, не накрывала в честь него стол и вообще старалась не находиться с ним в одном помещении, когда он приходил к отцу.

Вернувшись однажды из школы, я застал отца сидящим, как обычно, в компании Риклина, а мать — удалившейся в кухню, где она перебирала зерна чечевицы. Прижав меня к себе, мать спросила шепотом, хорошо ли прошел мой учеб-

---

[152] Примечания: 152

Ябок (Иавок в русской традиции передачи библейских топонимов) — река в Заиорданье, левый приток Иордана, ныне известный под арабским названием Зарка. Согласно библейскому повествованию (Берешит, гл. 32), праотец Яаков, возвращавшийся в Землю обетованную из Харана и ждавший пугавшей его встречи с братом Эсавом, пережил на берегу Ябока нападение неизвестного и борьбу с ним, в результате которой ему было возвещено его новое имя Израиль. «Переправа через Ябок» (Маавар Ябок) стала одной из метафор смерти в иудаизме после того, как р. Аарон Берахья из Модены выпустил в 1626 г. под таким названием книгу с описанием рекомендуемых умирающему молитв и обрядов, законов поведения для присутствующих при смерти, похорон, траура и пр.

ный день.

В комнате тем временем речь держал Риклин. Один из распорядителей ешивы «Эц Хаим», рассказывал он отцу, поведал ему о письме, присланном недавно главе этой ешивы раву Исеру-Залману Мельцеру его реховотским сватом равом Штейнманом. В письме раввин Реховота сообщал, что один из членов мошава Кфар-Билу несколько лет назад погиб в автомобильной аварии, и товарищи похоронили его под деревьями фруктовой плантации за пределами своего поселения. Год спустя в мошаве умерла женщина, и ее похоронили на той же плантации, в значительном удалении от первой могилы. И вот теперь, писал раввин Штейнман, в месяц ав случилось страшное несчастье. Девочка по имени Авива, дочь первого похороненного на плантации, погибла в автомобильной аварии на том же месте, в тот же день и час, что и ее отец[153].

Взволнованные этим событием жители Кфар-Билу заключили, что решение вопросов, связанных с погребением, требует религиозной компетенции, которой они, молодые мужчины

[153] Примечания: 153

Реховот — город в южной части израильской Приморской равнины. Мошав — кооперативное сельскохозяйственное поселение. Ав — летний месяц еврейского календаря, примерно соответствует августу.

и женщины, не обладают, и тело погибшей девочки было доставлено ими в Реховот. В письме рав Штейнман спрашивал своего иерусалимского свата, допустимо ли перенести с плантации находящиеся там захоронения и будет ли затем освободившееся место этих могил дозволено для обычного использования. А рассказывает он это отцу для того, подчеркнул реб Элие, чтобы тот осознал, как проявляет себя Провидение в подобных вопросах. Ведь возможно, что девочка Авива умерла для того, чтобы вселить страх Божий в сердца своенравных молодых людей из Кфар-Билу.

На лице у матери появилась гримаса отвращения. Она сильно ударила по столу кулаком, заставив задрожать стоявшую на нем тарелку с чечевицей, сорвала с себя фартук и объявила, что больше не может находиться под одной крышей с мерзавцем, не вытаскивающим своих ног из могильной ямы.

Риклин проводил нас сухой усмешкой, отец — рассеянным взглядом. Оказавшись на залитой полуденным солнцем улице, мы пошли, стараясь держаться поближе к стенам домов, дававшим хотя бы полоску тени. Голову матери покрывала прозрачная, словно фата, косынка. Ее дед по

материнской линии был в юности преданным учеником Хатам Софера в Пресбурге[154], и теперь она вдруг стала рассказывать мне историю из времен его ученичества. Однажды в канун Девятого ава, в последнюю трапезу перед постом, прадед возрыдал о разрушенном Храме. Подражая своему учителю, он собирал проливаемые им слезы в стакан и, когда тот наполнился, попытался выпить его содержимое, однако уже от второго глотка его вырвало, и несколько последующих дней прадед пролежал больной.

— Кубок страданий не должен быть стеклянным, — подвела мать итог своему рассказу. В этот момент мы уже стояли на вымощенной блестящей охряной плиткой лестничной площадке у входа в квартиру госпожи Ґохштейн.

Было заметно, что мы нарушили дневной отдых хозяйки, но та приветливо встретила нас. Имя моей матери госпожа Ґохштейн произносила с той любящей интонацией, какая бывала присуща бабушке в минуты благоволения. Погладив меня по голове, она сообщила, что знает мою

---

[154] Примечания: 154

Пресбург — немецкое название Братиславы в период вхождения Словакии в Австрийскую и затем Австро-Венгерскую империю. В первой трети XIX в. раввином этого города был р. Моше Софер (Шрайбер), умерший в 1839 г.;название одной из написанных им книг «Хатам Софер» («Подпись писца») стало принятой формой именования его самого.

мать с тех пор, как та была маленькой девочкой — замечательной девочкой с темно-русой косой и длинными тонкими пальцами. Кажется, в то время моя мать была даже моложе, чем я теперь, уточнила она. Прошло больше сорока лет, но ей по-прежнему памятно, как моя мать и ее старшие сестры, окруженные турецкими всадниками, собирали ячменные колоски в поле возле Батей Унгарин[155].

Приятная прохлада царила в просторной полутемной гостиной, посредине которой стоял тяжелый круглый стол, застеленный бархатной скатертью винного цвета. Взяв мать под руку, хозяйка протянула мне плитку шоколада в желто-зеленой обертке с изображением золотого птичьего гнезда. Они с матерью посидят за беседой в соседней комнате, а я смогу скрасить выпавшие на мою долю минуты ожидания лакомством «Нестле», сказала госпожа Ґохштейн.

Оставшись один, я несколько раз прошелся по гостиной, разглядывая предметы, сдержанно свидетельствовавшие о достатке хозяйки. В хрустальной вазе красовалась одинокая роза; рядом

[155] Примечания: 155

Батей Унгарин, или «Венгерские дома» — один из внутренних кварталов иерусалимского ультраортодоксального района Меа Шеарим, построен в последние годы XIX — начале XX в.

с парой типичных восточноевропейских подсвечников, производившихся фирмой «Фраже», покоилась гравированная серебряная шкатулка для конфет. В углу комнаты на большом радиоприемнике были выставлены несколько фотографий, и я счел тогда интересными две из них. На одной была запечатлена группа немолодых женщин в широкополых шляпах, с модными в начале двадцатых годов ридикюлями. Перед ними на изящном столике красовался торт с кремовой надписью: «Добро пожаловать, госпожа Сэмуэл, от товарищества вспомоществования роженицам». На краю этого снимка чья-то рука написала красивым почерком: «Встреча нашей сестры, замечательной еврейки Мирьям-Биатрис Сэмуэл»[156]. На второй фотографии молодой длиннолицый мужчина с плотно сомкнутыми губами и горящими глазами прижимался щекой к подбороднику скрипки. На лбу у скрипача лежала мятежная прядь волос. Также и под этим снимком имелась короткая дарственная надпись, выведенная быстрой рукой.

---

[156] Примечания: 156

Мирьям-Биатрис Франклин, в замужестве Сэмуэл, была женой Герберта Сэмуэла, британского политического деятеля, первого Верховного комиссара подмандатной Палестины, занимавшего этот пост в 1920–1925 гг.

— Это Йеґуди Менухин, — сообщила госпожа Ґохштейн, когда они с матерью вернулись в гостиную и застали меня разглядывающим фотографию молодого мужчины. Провожая нас к выходу, хозяйка дома легонько коснулась плеча моей матери и сказала:

— Кто знает, может быть, и ваш сын станет когда-нибудь знаменитым, как племянник.

С тех пор мать часто бывала у госпожи Ґохштейн и подолгу беседовала с ней. Вскоре в ее поведении обнаружились странности, объяснения которым мы не знали.

Однажды утром, еще до моего ухода в школу, мать сняла с чердака мою детскую коляску, пылившуюся там долгие годы, тщательно вычистила ее и покрасила алюминиевой краской ее поржавевшие детали. Достав из шкафа сверток моих детских пеленок, мать постирала их. Аґува Харис, увидевшая пеленки, вывешенные на просушку у нас во дворе, ворвалась к нам в дом с выражением крайнего удивления на лице и, затолкав мою мать в угол, потребовала от нее объяснений.

— Еще один ребенок? — с усмешкой переспросила мать. — Да ты, Аґува, с ума сошла.

Вернувшийся из лавки отец застал ее сидящей

на диване за штопкой пеленок, сильно покромсанных осколками снарядов, которые взрывались вблизи нашего дома в Войну за независимость. С тех пор как мать, поссорившаяся с ним после своего первого визита к госпоже Ґохштейн, объявила ему, что отныне в этом доме — «по шатрам своим, Израиль!»[157], отец не раскрывал рта. Промолчал он и теперь.

Вечерами, раз или два в неделю, мать уходила из дома с сумками в руках.

— Твоя мать приносила нам свежие яйца, куриное мясо, сливочное масло, — сообщила мне госпожа Барзель, всхлипывая и утирая мокрыми ладонями слезы. — Это были тяжелые, голодные времена, — напомнила она. — На черном рынке продукты продавались по заоблачной цене.

Когда Йеруэлю исполнился год, продолжила она свой рассказ, ее взяли на работу поварихой в столовую в Нижнем городе в Хайфе, и она была вынуждена уехать из Иерусалима вместе с сы-

---

[157] Примечания: 157

Часть фразы, произнесенной при отложении десяти северных колен Израиля от южного Иудейского царства, в котором правили потомки Давида: «И когда увидел весь Израиль, что не слушает их царь [Рехавам], отвечал народ царю: „Что за участь у нас в Давиде? Нет нам доли в сыне Ишаевом! По шатрам своим, Израиль! Теперь будешь знать [только] свой дом, Давид“. И разошлись все израильтяне по шатрам своим», Диврей ѓа-ямим II (Паралипоменон), 10:16. Здесь иносказательно: каждый в своем углу.

ном. Приезжать из Хайфы в Иерусалим ей после этого почти не удавалось, но ко дню рождения Йеруэля мать каждый год присылала поздравительную открытку с подарком для ее мальчика. Когда он пошел в первый класс, мать отправила ему школьный ранец. Через несколько лет, когда Йеруэль был принят в техническую школу при Технионе[158], мать отправила ему готовальню с чертежными инструментами.

В этом году, впервые со времени их отъезда в Хайфу, ко дню рождения Йеруэля от матери не пришло письма. Госпожа Барзель стала рассказывать мне, как именно она разузнала о болезни матери, но в этот момент два юноши в лапсердаках вынесли из морга раскладные носилки с деревянными шестами. Едва они установили их во дворе, закрепив шесты металлическими крючьями, трое бородатых мужчин вынесли оттуда же на руках завернутое в саван тело моей матери и положили его на носилки. Со словами «разломан силок, и избавлены мы»[159] реб Мотес разбил у порога кусок черепицы. Стоявшие неподалеку члены погребального братства повторили

[158] Примечания: 158
Израильский политехнический институт, действует в Хайфе с 1924 г.

[159] Примечания: 159
Теѓилим, 124:7.

за ним эти слова, после чего небольшая процессия направилась по крутому подъему к шумной улице Пророков.

Мы медленно шли, прокладывая себе путь среди спешащих машин. На противоположной стороне улицы из калитки в ограде католической школы «Сен-Жозеф-дель-Аппарисьон» выскочили несколько темноволосых девочек десяти-двенадцати лет, следом за которыми вышла пожилая монахиня. Одетые в бело-голубые платья поверх широких синих штанов, девочки построились парами и двинулись в сопровождении монахини по узкому тротуару, бросая украдкой взгляды на наши носилки.

На углу, у белого каменного здания, в котором до конца пятидесятых годов помещалась гостиница «Сан-Ремо», нас поджидал катафалк. Сложенные носилки были немедленно отправлены в его чрево. Присутствующие мужчины закончили произнесение псалмов, раздался шум заведенного двигателя, небритый рыжий водитель обернулся назад, и реб Мотес движением глаз показал ему, в какую сторону ехать. Когда машина двинулась вверх по улице Штрауса, старый могильщик склонился ко мне поверх лежавшего между нами тела матери и тихо сказал,

что оставляющим этот мир душам бывают дороги места их обитания при жизни. Поэтому, добавил он, матери будет приятно, если мы проедем мимо нашего дома. Того самого дома, в котором мы справляли траур по отцу и жили до тех пор, пока не покинули город.

8

Оба его высоких окна были закрыты стальными ставнями. Куст жасмина, который мы оставили совсем маленьким, разросся и, добравшись до бурого замкового камня, увенчал его свежей зеленой короной. Я единственный оставался теперь в живых из бывших здесь в тот далекий зимний день, когда мать, одетая в свое новое платье изумрудного цвета, порхала из кухни в комнату, стараясь угодить Риклину. Он впервые пришел к нам в дом, и с его появлением мать связывала надежду на то, что отца покинет злой дух, вселившийся в него, когда у нас побывали ангелы-разрушители Дова Йосефа.

Из кухни донесся шум вскипевшего чайника, и мать, торопливо постелив на край стола перед Риклином белую салфетку, подала ему на тарелке яйцо, порезанный ломтиками помидор и домашние сухари, засушенные ею из остатков субботней

халы. После этого она попросила гостя сразу же омыть руки и приступить к трапезе, чтобы яйцо не остыло и не утратило свой медовый вкус.

Риклин, поднявшись со стула и приняв из рук матери полотенце, поблагодарил ее за хлопоты. Вообще-то он уже подкрепился сегодня в столовой Бумгартена, сказал гость, но мать не хотела его слушать. Разве могут яйцо, варившееся на керосинке всю ночь, и маслянистые чесночные гренки насытить работающего человека? И кто знает, добавила она, не пеклись ли эти гренки у Бумгартена в парафиновом масле.

Вернувшись с кухни, Риклин куснул сухарь и отвернул край салфетки, открыв деревянную поверхность стола, но мать сразу же сообразила, что он собирается сделать, и, предупреждая его намерение, сообщила, что яйцо сварено всмятку и в проверке на кровь не нуждается. Приличные люди, поделилась она своим мнением, едят крутые яйца только за праздничным столом в Песах или, напротив, в первую трапезу после похорон близкого человека.

Реб Элие отвечал с улыбкой, что ей, уроженке Иерусалима, не пристало выносить поспешного суждения о крутых яйцах, ведь с их помощью

рав Шмуэль Салант[160] сумел помирить двух рассорившихся партнеров. Сам реб Элие и двое его товарищей из погребального братства сидели тогда у раввина, мнению которого по ґалахическим вопросам они всегда следовали. И вот в узкую комнату во дворе «Хурвы», служившую кабинетом раввину Саланту, ворвался один из крупнейших в городе торговцев куриными яйцами. В последние дни, сообщил он, из его магазина каждую ночь пропадают десятки яиц, и кого же ему заподозрить в воровстве, как не своего партнера?

Рав Шмуэль Салант успокоил взволнованного посетителя. Созыв раввинского суда потребует времени, сказал он, а пока что пусть торговец сварит вкрутую полсотни яиц и поместит их в верхние ящики на своем складе. Посетитель не поверил своим ушам, но в точности исполнил данное ему указание.

На следующий день весь Иерусалим восхищался мудростью слепого раввина. Помирившиеся партнеры рассказали прихожанам «Хурвы», что утром, придя в свой магазин, они обнаружили на полу мертвую змею. Толстая, как балка в масло-

---

[160] Примечания: 160

Р. Шмуэль Салант (1816–1909) был главным раввином ашкеназской общины Иерусалима на протяжении 40 лет.

давильне, змея подавилась крутыми яйцами.

Риклин вылил сваренное всмятку яйцо в стеклянное блюдце и покрошил в него половину сухаря, продолжая рассуждать о превратностях смерти, которая, словно приоткрывающиеся на миг прозрачные окна, высвечивает тайны всего живого.

В оконное стекло постучали, и за складками занавески показалось лицо господина Рахлевского, отца моего одноклассника и хозяина расположенной неподалеку продуктовой лавки. Мать пригласила соседа в дом, сказав, что он поспел как раз вовремя и сможет сейчас выпить с нами чаю, такого же горячего, как и тот, что он пил когда-то зимними вечерами в России.

Гость сразу же сообщил, что у нас появился новый сосед и, судя по тому, что грузчики заносят к нему с утра десятки ящиков с книгами, с нами будет соседствовать глава ешивы, не меньше. Мать усмехнулась. Лучше увидеть своими глазами, чем строить догадки, сказала она, а ей как раз случилось заметить, что на переплетах книг, которыми грузчики заполняют квартиру нашего нового соседа, красуются тисненные золотом и серебром портреты Ленина и Сталина. Неожиданное известие огорчило господина Рахлевского.

Риклин вытер краем салфетки губы и подбородок — «подтерся халатом ближнего своего», сердито сказала об этом мать значительно позже, — и присоединился к беседе. По пути к нам он тоже заметил грузчиков, поднимавшихся и спускавшихся по лестнице, словно ангелы в сновидении Яакова, и те поприветствовали его со всей надлежащей любезностью, как это принято у коллег.

Курдские грузчики, объяснил реб Элие, наслаждаясь удивлением присутствующих, традиционно занимаются похоронами обитателей русской колонии в Иерусалиме. Проходя иной раз через Русское подворье к больнице «Авихаиль», он видит их: в черных шляпах они поджидают возле грузовика, стоящего у дверей большой церкви с десятью зелеными куполами. Когда колокола умолкают, двери церкви открываются, и бородатые православные священники выходят из них с иконами в руках, а за ними выносят гроб, покрытый черным покрывалом и украшенный белыми восковыми цветами, но не имеющий на себе знака креста. Грузчики принимают гроб, встают вокруг него в кузове, и машина отправляется в Эйн-Карем на русское кладбище. Грузчики — богобоязненные евреи, пояснил реб Элие, и

у них твердо заведено, что ни иконы, ни священники не приближаются к ним ближе чем на четыре локтя. Поэтому участникам похоронной процессии, священникам и белолицым монахиням, приходится ехать за еврейским грузовиком в своих машинах.

Господин Рахлевский поцокал языком и заметил, что в Иерусалиме все напоминает о смерти. Но было бы славно, добавил он, если бы наши богобоязненные курдские братья, носящие на своих плечах к могиле верующих русских, когда-нибудь похоронили также и красные книги русских безбожников. Пусть не в точности, но это пожелание исполнилось уже через несколько лет, когда и сам господин Рахлевский, и мой отец стали заворачивать сыр и маслины своим покупателям в листы принадлежавших доктору Пеледу книг.

Сосед выпил налитый ему стакан чая в два-три глотка, посадил меня к себе на колени и громко запел бурлацкую песню, с которой на Волге тянули против течения тяжелые баржи. При этом он качал меня из стороны в сторону, но вскоре утомился, поставил меня на ноги и сообщил, что его страдающие от ревматизма конечности уже слышат приближение дождя.

Все замолчали и посмотрели в окно на синее безоблачное небо. Лишь на западе, над горой, в светло-серой меловой почве которой моей матери было суждено обрести со временем последний покой, виднелось маленькое, с ладонь, облачко, разглядеть которое было можно только молодыми глазами.

Глава пятая

1

Верный своему обещанию, Ледер поздно вечером появился у нас.

Он впорхнул, как тяжелый мохнатый ночной мотылек. Побился о косяки в дверях, уронил у самого входа сумку, набитую жестяными коробками, квитанционными книжками и мешочками монет, и, сразу же объявив, что давно здесь не был, постучал по кружке для пожертвований школе слепых. Никто, кроме меня, не обратил внимания на его появление.

В полуоткрытую дверь был виден силуэт отца, сидевшего в неосвещенной соседней комнате. Он спал, сидя перед радиоприемником, зеленый глаз которого отбрасывал на его лицо таинственно мерцающие блики. На кухне Аґува ругала мать, размахивая перед ней моей тетрадкой по математике. Как может мать красоваться в своем новом платье, испещренном мелкими крестиками, говорила она, когда даже преподаватели в школах «Мизрахи», которых вот уж не заподозришь в чрезмерной богобоязненности, пишут знак плюс

без нижнего штриха, чтобы он не выглядел, как, прости Господи, крест.

Низкорослый сборщик пожертвований насмешливо прислушался к доносившейся из кухни перепалке, изобразил на лице блаженство, подставив ухо слышавшимся из соседней комнаты звукам пения кантора Секунды[161], и направился к висевшей у электрического счетчика на стене желтой коробке. Сняв с нее крышку, Ледер высыпал на стол находившиеся в ней монеты и сказал, что теперь, даже если мать зайдет и увидит, что мы здесь секретничаем, она ничего не заподозрит, раз он сидит, как крыса, над своими динарами.

— Жаль, тебе зеркало некому было подставить сегодня, — сообщил Ледер. — Выглядел ты, как пергаментная бумага.

В саду Мамилы, излагая мне мальтузианскую теорию народонаселения, Ледер нашел, что я стал похож на запуганных слушателей раввина Шолема Швадрона[162]:

---

[161] Примечания: 161

Шалом Секу́нда (1894–1974) — знаменитый кантор и американский еврейский композитор академической, эстрадной, театральной и литургической музыки.

[162] Примечания: 162

Рав Шалом (Шолем) Мордехай Швадрон (1912–1997) — известный иерусалимский проповедник.

— Ровно так они выглядят, когда реб Шолем срывает перед ними покров с преисподней и приглашает их заглянуть в ее тусклые синеватые недра и прислушаться к стонам злодеев, которые, стоя там по подбородок в кипящей сперме, умоляют своих собратьев не поднимать волну.

Ледер усмехнулся и сказал, что, если мне еще не приходилось бывать в набитом людьми и пропахшем потом зале синагоги «Зихрон Моше»[163], я должен непременно сходить туда в один из ближайших субботних вечеров. Это позволит мне убедиться в справедливости его слов о том, что смерть и сексуальное влечение идут рука об руку от любовного ложа к могиле, от четырех шестов свадебного балдахина к двум шестам погребальных носилок. И, что еще важнее, я пойму наконец, как велик человеческий страх перед болезнями и смертью.

— И не только любезный нашему сердцу реб Шолем вливает в души своей паствы эту пугающую сладкую смесь, — продолжил Ледер. — Точно так же ведут себя все проповедники, зовущие нас разрушить лживые декорации спокойного и безопасного мира, в реальность и прочность

[163] Примечания: 163

Иерусалимский квартал, прилегающий к улице Пророков и именуемый по названию находящейся в нем большой синагоги.

которого хотят верить люди.

Груда блестящего металла, перекочевавшего из кожаной сумки Ледера на стол, заметно уменьшилась, но зато теперь рядом с ней полукругом выросли башенки из монет одинакового достоинства. Ледер сообщил, что совесть не позволяет ему юлить и скрывать от меня истинную причину его ночного прихода в наш дом. Он долго мучился мыслью о том, что и ему, знаменосцу гуманного, утонченного линкеусанства, придется рано или поздно прибегнуть к тактике запугивания, чтобы пробить коросту равнодушия, покрывающую людские сердца. Но теперь, когда он окончательно заключил, что запугивание является совершенно необходимым и, как следствие, непредосудительным методом, у него не осталось сомнений в том, что вегетарианство представляет собой наименьшее зло.

— Вегетарианство есть наименьшее зло! — повторил он еще дважды.

Верно, однако, продолжил Ледер, что абстрактное вегетарианство, парящее в высших сферах, желающее создать рай на земле и ждущее, что полевые звери превратятся, вопреки своей природе, в мирных овечек, — такое вегетарианство далеко отстоит от земного, прагматичного лин-

кеусанства. Последнее, осознавая естественные пределы реальности, полагает, что и в них можно освободить созданных по образу Божьему от ярма рабства и пут зависимости. Разница налицо, но Ледер теперь осознал, что мы, линкеусанцы, должны заручиться поддержкой братского движения в нашей борьбе.

На столе стояли стакан молока и блюдце с вареньем, мой прерванный визитом Ледера ужин. Пододвинув их к себе, гость объявил, что он сегодня же намерен проверить свой вывод на моих родителях. Почему именно они избраны им для практического эксперимента? Все просто: моя мать известна своим упрямством и решительным нравом, а отец слыл до прихода в наш дом инспекторов Дова Йосефа человеком вдохновенным и равнодушным к людским насмешкам. Если их удастся сделать вегетарианцами, последние сомнения будут устранены и перед линкеусанством откроется дорога к широким массам.

— Главное, ты сохраняй спокойствие, — подмигнув, прошептал мне Ледер. Он стал с грохотом сбрасывать в стоявшую у него на коленях жестяную коробку столбики монет, и в комнату немедленно заглянули мать и Аґува, обе с испуганными лицами. Из спальни тут же послыша-

лось шарканье ног отца, заелозивших по полу в поисках тапочек.

— Мясо уготовано львам, молоко — телятам! — громко провозгласил незваный гость.

Вслед за тем он решительно воззвал к совести моей матери: как это она, пренебрегая заботой о здоровье своего единственного сына, дает ему пищу, предназначенную природой для животных, а не для людей, в теле которых отсутствует, как известно, расщепляющий лактозу фермент.

— И почему вы травите его джемом? — продолжил Ледер, не обращая внимания на неожиданно робкие возражения матери, говорившей, что врачи и медсестры рекомендуют такую пищу даже младенцам. Вывалив сливовое варенье в стакан молока и пронаблюдав за тем, как желеобразная масса погружается на его дно, он сообщил, что на фабриках эту пакость делают из гнилых, ни на что иное не годных фруктов, отвратительный вкус которых скрашивается лимонной кислотой и пищевыми красителями, разрушающими слизистую оболочку кишечника.

Постукивая пальцем по опустевшей коробке для пожертвований, Ледер перечислял различные виды вреда, причиняемого человеческому организму консервированной пищей: произво-

димая с применением ядовитых химических препаратов, она также впитывает в себя убийственные кислоты, выделяемые жестью консервных банок. Затем настала очередь белого хлеба и рафинированного сахара, которые превращаются жеванием в липкую массу, становящуюся идеальной средой для развития раковых опухолей. Лишь после этого обличительная проповедь Ледера обрушилась на безумие мясоедства и, шире, употребления в пищу любых продуктов животного происхождения.

— Задумывались ли вы, что человеческое тело есть бездонная бочка для кур, гусей и рогатого скота? — громыхал он.

Проповедник уже раскинул свою сеть, и теперь ему оставалось ловким движением затянуть ее. Если бы люди не подчинялись так своей страсти к обжорству, заявил Ледер, они были бы намного здоровее душой и телом. Но, главное, они освободились бы от ужаса перед голодом, войнами и унижением, малую толику которого вкусил и хозяин этого дома, когда сюда явились инспекторы Министерства нормирования.

Мать переводила испуганный взгляд с Ледера на отца и обратно. Она молча приняла из рук сборщика пожертвований зеленую карточку с

изображением теленка, льва и раскормленного барана, мирно сгрудившихся вокруг пастушка, и ничего не сказала в ответ, когда Ледер объявил ей, что в вегетарианстве заключено решение самых острых проблем человечества. Ободренный эффектом своих слов, он ткнул липким пальцем в набранную мелким шрифтом надпись под любительским рисунком на карточке. Переплетная мастерская господина Гринберга, пояснил Ледер, расположена в доме армянина Паскаля возле гостиницы «Каменец»[164], и в ней, наряду с коричневым сахаром, пророщенными зернами пшеницы и наставительной литературой, можно найти исцеление для тела и истинное отдохновение для души.

Послюнявив грифель химического карандаша, Ледер выписал родителям квитанцию и тут же спросил, сможет ли ребенок показать ему, где поселился наш новый сосед, чтобы он и у него дома оставил коробку для пожертвований. Мать ущипнула меня за руку, давая понять, что я не

---

[164] Примечания: 164

Яаков Паскаль (урожд. Акоп Мурадян, 1832–1911) — известный предприниматель, учредитель Австрийской почты в Иерусалиме, вице-консул и позже консул Австро-Венгрии в турецкой Палестине, активно содействовал реализации еврейских проектов развития в Иерусалиме и Яффо. Гостиница «Каменец», названием которой стала фамилия ее владельца, была первой еврейской гостиницей в Иерусалиме, находилась между улицами Пророков и Яффо.

должен выходить ночью из дома, и ослабевшим голосом сказала, что ребенку пора спать. Не обратив внимания на ее слова, Ледер вывел меня наружу.

2

— Да ты с ума сошел, кто приходит к людям с такими визитами в полночь? — остановил меня Ледер, когда я потянулся к калитке, ведущей во двор к доктору Пеледу.

Он снял мою руку с ржавой щеколды, влажной в этот час от ночной росы, и сказал, что не сомневался, что я сам догадаюсь о цели его уловки: ненадолго оторвать меня от матери и от этой стервы, высосавшей всю кровь Хаиму Сегалю и Биньямину Харису. Назвав Аґуву черной вдовой, Ледер выразил уверенность, что она обескровит еще полдюжины мужчин, за которых наверняка выйдет замуж прежде, чем тысячеглазый ангел[165] раздавит ее своим башмаком.

— Ты видел, как они испугались? — сказал Ледер, обдав меня своим дыханием. Его последние сомнения в правильности избранного подхода

---

[165] Примечания: 165

В Талмуде (трактат «Авода зара», 20б) про ангела смерти говорится, что он «весь полон глаз».

мать завтра же устранит самим фактом своего появления в магазине господина Гринберга.

Мать прокричала в темноту:

— Хватит, уже поздно, возвращайся домой!

Ледер поглядел на ее силуэт в светящемся квадрате окна и сказал, что я мог убедиться сегодня, как легко напугать людей и управлять ими с помощью страха.

— Тот, кто становится вегетарианцем, способен отличать второстепенное от главного в вопросах, касающихся базисных нужд человека, — добавил он. — Про такого человека можно сказать, что он прошел половину пути к линкеусанскому мировоззрению, основанному на идее контролируемого минимального потребления.

Из окна снова раздался крик матери. Ледер сорвал усик с разросшегося по ограде дома доктора Пеледа куста страстоцвета. Сегодня он доверил мне одну из важнейших тайн нашей будущей тактики, и поэтому я должен как можно скорее явиться в штаб продовольственной армии, находящийся на данном этапе у Ледера дома, и принести там присягу строящемуся линкеусанскому государству.

— Нам предстоит еще долгий и трудный путь, мой друг! — с этими словами Ледер козырнул мне

и скрылся в кружевном сине-черном сумраке ночи.

Дома меня встретил запах спирта и ДДТ. Мать и Аґува производили дезинфекцию: мать оттирала стул, на который незваный гость положил свою шляпу, а ее подруга энергично чистила спинку стула, на котором Ледер сидел.

— Обожди, не заходи сюда! — остановила меня Аґува. Затем она велела мне раздеться у порога и там же оставить на ночь всю мою одежду.

Мать тем временем наполнила таз водой и насыпала в него марганцовки, кристаллы которой оставляли за собой в воде извилистые пурпурные хвосты. Закатав рукав платья, она перемешала воду, окрасившуюся в яркий свекольный цвет, и сказала, что я должен окунуть туда лицо и руки — на тот случай, если на меня попала капля нечистой ледеровской слюны. Аґува наблюдала за происходящим со стороны. Ее рот искривила гримаса отвращения, и она тихо проговорила, что вообще-то меня следовало бы поместить в карантин дней на сорок.

Мать вытащила руку из таза, смахнула с нее капли воды и, притянув мои пальцы к носу, спросила, почему они пахнут ржавчиной. Аґува, усмехнувшись, ответила за меня:

— К колеснице сатаны прикоснулся, так что теперь его руки отмоет только огненная вода.

Они улыбнулись друг другу. Их дружба, едва не давшая трещину в ходе недавнего спора о крестиках, вернула себе прежнюю прочность с появлением Ледера, и Аґуве не пришлось уходить из нашего дома, театрально хлопнув дверью — с обещанием, что нога ее больше не ступит на этот порог. Такие обещания многократно давались в прошлом и всегда нарушались ею через две-три недели под каким-нибудь благовидным предлогом. В этот раз дело закончилось миром, и Аґува стала, как обычно, распоряжаться у нас. Она широко распахнула окна, чтобы воздух в доме очистился от тлетворного дыхания Ледера, бросила в раковину зеленую визитную карточку магазина вегетарианских продуктов, плеснула на нее спирта и подожгла. Пока языки фиолетово-синего пламени плясали по днищу раковины, обходя стороной скопившиеся там лужицы воды, мамина подруга метала в Ледера громы и молнии.

Мать снова и снова просила ее замолчать, напоминая, что проклятия возвращаются к проклинающим, как голуби в окно голубятни, но Аґува не могла остановить изливавшийся из ее

уст поток серы и огня. Уходя от нас уже за полночь, она подвела черту, объявив, что берегущий свою душу должен сторониться не только самого Ледера, но и порога его дома, потому что земля, разверзнувшись, может поглотить вместе с Корахом всех, кто окажется рядом[166]. Ровно это, считала Аґува, и имели в виду мудрецы, оставившие нам поучение: «Горе злодею, и горе его соседу»[167].

3

Улицу, на которой жил Ледер, я долго обходил стороной. В ее верхней части находилась больница «Бейт ґа-Дегель»[168], где мне вырезали гланды прошлой зимой, и с тех пор я часто воображал себе это место и даже испытывал страстное жела-

---

[166] Примечания: 166

Корах (Корей в русской традиции передачи библейских имен) — персонаж книги Бемидбар (Числа), один из руководителей бунта против Моше и Аарона в период странствий вышедших из Египта евреев в пустыне. Наказанием Кораху и его сообщникам стало то, что земля под ними и их шатрами разверзлась и поглотила их.

[167] Примечания: 167

Мишна, трактат «Негаим», 12:6.

[168] Примечания: 168

Построенное в 1897 г. здание английской миссионерской больницы. В феврале 1948 г. это здание, использовавшееся британскими властями как база мобильных отрядов полиции, отошло под контроль еврейских вооруженных отрядов, и над ним был вывешен флаг еще

не провозглашенного Государства Израиль, в результате чего за зданием закрепилось название «Бейт ѓа-Дегель» («Дом с флагом»). Вскоре туда была эвакуирована больница «Хадасса», находившаяся прежде на горе Скопус, которая превратилась во время войны в изолированный анклав. В 1963 г., с окончанием строительства нового комплекса зданий «Хадассы» в Эйн-Кереме, здание «Бейт ѓа-Дегель» было возвращено прежним владельцам, и теперь в нем находится англиканская школа, в которой учатся дети служащих в Иерусалиме иностранных дипломатов.

ние вернуться туда, вскарабкаться на каменный забор и посмотреть на больных, которые, стоя у окон, тоскливо взирают на занятых своими делами прохожих. Но в то же время меня что-то удерживало от возвращения туда. Мне хотелось отвернуться от этого места, в котором — ведь так и будет? — я окажусь когда-нибудь снова и буду стоять у окна бледный, с прозрачной кожей, в истрепанном халате, и точно также буду смотреть на возвращающихся из школы детей, думая о своей печальной участи.

Но вскоре я все же нарушил и свой обет, и строгое предостережение подруги моей матери. Через несколько дней после ночного визита Ледера наш класс ездил на экскурсию в «Мисс Кэри»[169]. По возвращении автобус высадил нас у дома

[169] Примечания: 169

В 1939 г. на расположенной к юго-западу от Иерусалима горе Ора по инициативе и на средства английской миссионерки мисс Элис Мэй Кэри (1879–1957) был построен т. н. храм трех монотеистических религий. В годы Второй мировой войны вблизи этого места находился пункт временного размещения беженцев, в результате Войны за независимость Израиля оказавшийся у самой границы «храм трех религий» остался без использования, ныне его охраняемое государством здание используется как клубное помещение расположенной на горе Ора военной базы.

судьи Мани[170] напротив школы Альянса, и я, движимый неведомой силой, направился к улице Пинеса и затем побежал по ней, стараясь не обращать внимания на насмешки одноклассников. Справа от меня находилось здание больницы, источавшее, как мне казалось, тошнотворный пугающий запах. Ледер поджидал меня, стоя у окна своего дома на углу улицы Давида Елина.

Облаченный в шинель и картуз, он озирал проходившие перед ним невидимые полки продовольственной армии. Пожалуй, он напоминал в тот момент насупившихся советских вождей с обложки журнала «Огонек», который читал тайком наш сосед господин Рахлевский. Стоя на трибуне мавзолея, за которым возвышалась кремлевская стена, они приветствовали участников проходившей по Красной площади первомайской демонстрации. Так же и Ледер стоял сейчас, подняв руку в приветствии. Увидев меня, он жестом показал, что сейчас спустится ко входу в свой дом.

— Тора старается вернуться в свою оби-

[170] Примечания: 170

Элияґу-Моше Мани (1907–1993) — известный юрист, судья Верховного суда, в 1973 г. его кандидатура выдвигалась на пост президента Израиля.

тель[171], — сказал он, запыхавшись от бега по лестнице, и пригласил меня подняться к нему. К резной решетке, закрывавшей пространство под замковым камнем в подъезде здания, была примотана проволокой пара покрашенных в зеленый цвет бычьих рогов. Ледер, презрительно усмехнувшись, сообщил, что это одна из выходок господина Бехора, повесившего рога на дом как оберег от сглаза, во исполнение сказанного в предсмертном благословении Моше колену Йосефа: «Величием он подобен первородному быку»[172].

— Добро пожаловать в штаб продовольственной армии! — провозгласил Ледер, открывая передо мной дверь своей квартиры. Эти слова он постарался произнести металлическим голосом.

Прихожая была освещена желто-коричневым светом: лучи солнца проникали сюда через заклеенные упаковочной бумагой окна. На полу комнаты были разложены многочисленные

---

[171] Примечания: 171

Изначальный смысл этого содержащегося в Талмуде (трактат «Бава мециа», 85а) выражения подразумевает того, кто принадлежит к семье, многие поколения которой известны своими успехами в изучении Торы.

[172] Примечания: 172

Дварим, 33:17. Существенно и то, что фамилия Бехор означает «первородный», и именно это слово фигурирует в тексте благословения.

чемоданы, связанные между собой брючными ремнями и галстуками; здесь же в беспорядке валялись пары свернутых в клубки носков и жестяные коробки для пожертвований. На столе завядшие листья красной капусты соседствовали с неровно оторванной половиной буханки хлеба и апельсинами, наполнявшими комнату своим ароматом.

— В горестной юдоли реальности медлить нельзя, — сказал Ледер, приподнимая край армейского одеяла, которым был завешен вход в соседнюю комнату. Много позже я не раз видел на Синае, что одеяла точно так же использовались устроителями полевых командных пунктов.

Согнувшись, я прошел в просторное помещение. Залитое ярким солнечным светом, оно представляло собой образец безукоризненного порядка, и я сразу же догадался, что здесь находился мозговой центр продовольственной армии. Вдоль всех четырех стен стояли выкрашенные в зеленый цвет скамьи. Напротив входа над черной школьной доской висел на стене большой портрет Поппера-Линкеуса — тот самый, который Ледер показал мне, открыв немецкую книгу, при нашей первой встрече у русского магазина в здании «Сансур». По обе стороны от висевшего

на стене портрета были закреплены зеленые полотнища с выполненными белыми буквами надписями. Одна из них гласила: «Пока хоть один человек страдает от голода, существующий общественный порядок ничего не стоит». Другая вторила ей: «Минимальный уровень жизнеобеспечения для каждого — веление времени».

Чувствуя, что у меня закружилась голова, я осматривал комнату, переводя взгляд с одного предмета на другой. Ожидавший моей реакции Ледер напевал у меня за спиной:

> *Мы — солдаты без званий, бойцы без имен,*
>
> *А вокруг — торжество смертной тени.*
>
> *Быть в строю до конца — вот наш гордый закон!*
>
> *Никогда не согнем мы колени...*[173]

В углу комнаты, между двух перпендикулярных друг другу окон, стоял портновский манекен,

---

[173] Примечания: 173

Из стихотворения Авраама-Яира Штерна (1907–1942), создателя и первого командира действовавшей в 1940–1948 гг. в подмандатной Палестине подпольной организации «Борцы за свободу Израиля» («Лехи»). Цитируемое в переводе Ханоха Дашевского стихотворение было гимном этой организации.

на котором висел полувоенный френч цвета травы, с коричневыми воротником, погонами и застежками. Работа над ним, очевидно, продолжалась, поскольку он был сшит наметочным белым стежком. Я ощупал манекен и зеленый берет, наброшенный на выпиравшую из него сверху гладкую деревянную болванку. К берету была прикреплена булавкой самодельная кокарда с эмблемой, которую я уже видел на лацкане ледеровского пиджака в кафе «Вена»: парусный корабль с увенчанной лучащимся глазом мачтой. Надев берет себе на голову, я повернулся к Ледеру.

Тот прекратил пение и сказал, что форма продовольственной армии мне очень идет.

— Мы пока что подпольная армия, — добавил он. — Но в тот день, когда мы предъявим себя народу и объявим массовый призыв в наши ряды, нам будет нужно обеспечить призывников униформой.

Затем Ледер ткнул пальцем в манекен и сообщил, что предложенный им проект униформы успешно реализуется благословенными ручками портнихи Багиры Шехтер.

Поправив стоявшую под портретом седовласого мыслителя скамейку, он предложил мне сесть,

но сам по-прежнему расхаживал по комнате, время от времени выглядывал в окно и, похожий на дирижера духового оркестра, ловко крутил в пальцах тонкую, гибкую трость. Улица Давида Елина, которую я хорошо знал с тех пор, как стал ходить с отцом в синагогу, выглядела отсюда необычно: из окна ледеровской квартиры она казалась таинственной и утонченной. Через чуть запотевшие стекла виднелись старые зеленые кипарисы, отражения каменных зданий розовели на мокром асфальте. Нечто подобное я случайно увидел впоследствии на картине Альбера Марке «Набережная Конти в дождь».

Резкий хлопок разорвал воздух возле моего уха. Ледер засмеялся и сказал, что вот я опять, как это свойственно иерусалимцам, предаюсь своим грезам. Коснувшись тростью берета у меня на голове, он спросил, понял ли я значение рисунка на его кокарде. Я предположил, что это эмблема судоходной компании, на одном из кораблей которой он прибыл когда-то в Европу, и мое предположение снова заставило Ледера засмеяться. Он в очередной раз презрительно отозвался об образовании, которое я получаю в школе, и сообщил, что, если бы я читал «Фауста» Гёте, уже и сама фамилия Линкеус не показалась бы мне странной,

поскольку я знал бы тогда, что так звали одного из героев греческой мифологии. Протянув руку к полке, на которой им были сложены книги и статьи, имевшие отношение к нашей будущей деятельности, Ледер снял с нее пухлый том в зеленом переплете и стряхнул с него пыль. В 1899 году, сказал главнокомандующий продовольственной армией, Йозеф Поппер выпустил это произведение, «Фантазии реалиста», не под собственным именем, а под псевдонимом, который он взял в честь Линкеуса — вдаль смотрящего кормчего на корабле аргонавтов.

— Наша эмблема — символическое выражение линкеусанской мечты.

С этими словами Ледер бережно снял берет с моей головы и вернул его на выпиравшую из манекена болванку.

— Можно надеяться, в будущем люди настолько очистятся, что у них уже не будет потребности во внешних знаках и всяческих побрякушках, одна-

ко Писание, как ты знаешь, говорит о сущем[174]. И сын Амрама[175], знавший, что великое сборище, выведенное из Египта, не может обойтись без жертвоприношений, бывших естественным делом у древних народов, точно так же знал, что его современникам необходимы внешние символы — гимны, знамена и прочая детская чепуха.

— Нам открыта истина, и мы сосредоточиваемся на сути своего дела, — продолжал Ледер. — Но можем ли мы освободить себя от того, чтобы запачкать свои руки кровью, околоплодными водами и плацентой, если это необходимо для достижения поставленной нами цели?

Данное рассуждение привело его к тому, что мы должны уже сейчас разработать устав нашей армии, модель ее организации и правила призыва в нее:

— Никто не станет спорить, что важнейшей

---

[174] Примечания: 174

Одно из принятых в Талмуде правил интерпретации Писания приводится в Мишне (трактат «Бава кама», 5, 7) и подразумевает, что используемый при изложении какого-то закона частный случай («сущее») избран по признаку своей распространенности, а связанный с ним закон имеет общее приложение ко всем схожим случаям. Ледер использует это правило иносказательно: мы должны исходить из того, что имеется в наличии, т. е. видеть людей такими, каковы они сегодня.

[175] Примечания: 175

Амрам — отец Моше.

задачей продовольственной армии является освобождение человечества от ужасов голода. Уж хотя бы здесь, где только мы двое, с этим точно никто не станет спорить. Но, с тех пор как Поппер-Линкеус скончался, многие условия изменились. Поэтому нам необходимо решить, будут ли мужчины служить в продовольственной армии по двенадцать лет, с восемнадцатилетнего до тридцатилетнего возраста. В этом случае срок службы для женщин составит семь лет. Или, может быть, нам следует принять точку зрения, которой придерживается Атлантикус во «Взгляде на будущее государство», с опорой на выглядящее весьма достоверным статистическое исследование. Его вывод состоит в том, что в наше время пятилетней службы достаточно, чтобы обеспечить необходимый уровень пропитания для всех.

Казалось, Ледер склоняется ко второй точке зрения:

— Тот, кто следит за развитием производственных процессов в последние годы, легко убеждается, что даже и пяти лет работы окажется слишком много для обеспечения всеобщего необходимого минимума. Ведь основная масса рабочей силы в цивилизованных странах занята сейчас производством предметов роскоши

и оружия, не имеющих никакой ценности для человека.

4

Ледер долго еще теоретизировал на тему продолжительности службы в продовольственной армии. Он поочередно приводил аргументы в пользу каждой позиции, снимал с полки книги и зачитывал фрагменты из них, рисовал на доске графики и параболы, писал сложные математические формулы. В конце концов, перевозбудившись, он сломал кусок мела об доску, швырнул его осколки на стол и постановил, что вопрос о возрасте завершения службы в продовольственной армии остается открытым, но в вопросе о возрасте призыва в нее нет места двум мнениям: по достижении восемнадцати лет мобилизации подлежат все юноши и девушки. При этом Ледер, вопреки мнению Линкеуса, полагал, что еще прежде того для молодых людей допризывного возраста должны быть учреждены молодежные батальоны, по образцу таковых в Израиле или русского комсомола. Задачей этих формирований станет подготовка командных кадров для продовольственной армии и воспитание школьников в духе ценностей самоограничения и умения

довольствоваться малым.

— Молодежь — наше будущее! — выкрикнув эти слова, Ледер неожиданно захохотал. — *Ду зэст ойс пункт ви а мейделе*[176].

Его палец указывал на мои красные галоши. Человек, которому он приготовил роль командующего молодежными батальонами, не должен выглядеть как девчонка, на которую мать нахлобучила кричащий кукольный наряд.

Сквозь душившие меня слезы стыда я попытался объяснить Ледеру, что носки моих единственных ботинок пришлось обрезать, потому что в них уже не помещались выросшие пальцы ног. И что, если бы я не согласился обуть эти галоши, присланные нам тетей Элкой из Южной Африки вместе с другими ношеными вещами — тетя отправляла нам такие посылки время от времени, — мать не отпустила бы меня сегодня на школьную экскурсию в «Мисс Кэри».

— «Мисс Кэри», — Ледер повторил мои слова с мечтательной интонацией в голосе. — Ты был сегодня в «Мисс Кэри»…

Отложив книги и оставив свои незавершенные расчеты, он стал рассказывать, что в начале

---

[176] Примечания: 176
Ты выглядишь просто как девушка (*идиш*).

сороковых мисс Кэри часто приглашала его на предвечернее чаепитие. Гости английской монахини собирались в тенистой сосновой роще. Среди них были евреи, арабы и христиане, и все вместе они пили чай, подававшийся в великолепных фарфоровых чашках. Облаченная в золотистую мантию хозяйка выглядела при этом подобно принцам пустыни. В виду облитых светом гор она собственноручно наливала чай своим гостям, вдыхавшим запахи степного кустарника и пряный аромат шалфея. С приближением заката все поднимались к святилищу на возносящуюся над Эйн-Керемом гору Господню[177]. Там каждый уединялся со своим божеством в одном из приделов, построенных мисс Кэри для каждой из трех монотеистических религий, или в четвертом приделе, предназначавшемся для тех из ее гостей, кто не считал себя принадлежащим ни к одной из религий. По выходе из святилища гости мисс Кэри подолгу стояли среди сосен, глядя на запад, любуясь, как солнце садится в синеющую на горизонте полоску Средиземного моря, и внимая рассуждениям хозяйки о грядущем религиозном единстве в мире.

---

[177] Примечания: 177
Перевод арабского названия горы Ора — Рас-ар-Раб.

— А теперь, все так же ли там красиво? — спросил Ледер, не отрывая своего взора от воображаемых далеких вершин.

Я промолчал. В роще на склоне горы, называвшейся теперь Ора, многие сосны были срезаны взрывами снарядов, другие полностью обгорели, но остались стоять. Среди них извивались выкопанные в Войну за независимость траншеи, они тянулись к самой вершине и окружали здание из белого камня, о котором мечтательно вспоминал Ледер. Проложенная к этому зданию мощеная дорога была сильно повреждена, и для того, чтобы машины могли ездить по ней, ее во многих местах покрыли железной сеткой.

Обращенные во все четыре стороны света окна святилища — к Иерусалиму на восток, к Риму на запад, к Мекке на юг и к бесконечным атеистическим просторам на север — были заложены обветшавшими мешками с песком. Сложенный из ровного тесаного камня купол здания был искромсан осколками и пулями. В самом здании царило запустение. Толстые ковры с символикой трех религий, покрывавшие его пол во времена мисс Кэри, давно исчезли, и вместо них пол покрывали обломки камней, покосившиеся ящики от патронов и ржавеющие консервные банки.

В помещении стоял запах мочи, стены были испещрены грубыми солдатскими надписями и безыскусными изображениями голых женщин, трясущих своими грудями и широко раздвигающих свои огромные ноги перед направленными им в промежность фаллосами. Некоторые из этих рисунков и надписей были выполнены окунутыми в экскременты палочками.

На спуске к Эйн-Керему наша учительница госпожа Шланк объявила короткий привал. Мы сидели вокруг нее на камнях, чувствуя, как прохлада влажного камня передается нашим телам через тренировочные штаны. Указав в сторону оставшейся позади вершины, госпожа Шланк сказала, что нам надлежит навсегда запомнить то, что мы сегодня увидели, и никогда в будущем не соблазняться пустыми мечтаниями *лжепророков*.

Желая придать своим словам большую силу и наглядность, наша сивилла подобрала синий флакон от лекарства, валявшийся на дне одной из придорожных траншей — очевидно, с тех пор, как его бросил там полевой санитар в разгар ата-

ки на бандитское гнездо[178]. Она плеснула в него воды из фляги и потрясла флакон перед солнцем, в лучах которого ультрамариновый сосуд показался великолепной, сияющей глубоким светом звездой. Вслед за тем госпожа Шланк размахнулась и бросила флакон далеко вниз по склону, где тот, ударившись при падении о камень, разбился вдребезги.

Госпожа Шланк расправила складки на своей шотландской юбке, разомкнула и снова сомкнула большую золоченую булавку у себя на бедре и сказала, что так же разбивается любая утопия при столкновении с реальностью. Мы все еще смотрели на небо, пытаясь удержать в воображении исчезнувшую красоту. Тишину прервал визг свиней, которых забивали внизу, во дворе русского монастыря.

— Драгоценная она женщина, — сказал Ледер.

— Кто? Госпожа Шланк? — удивился я.

— Проснись уже, ты не в школе, — сердито бросил мне Ледер.

---

[178] Примечания: 178

Район горы Ора, контролировавшийся силами западного крыла египетской армии и формированиями местной арабской Армии священной войны (представляется, что именно их герой романа называет бандитами), был взят силами израильской бригады «Эциони», которой командовал Моше Даян, 18 октября 1948 г. в ходе операции «Йекев» («Винодельня»).

Главной слабостью мисс Кэри он считал романтический взгляд на мир:

— Ее храм трех религий, эти чаепития с Мусой Алами, настоятельницей Тамарой и доктором Магнесом[179], бедуинские абайи с золотым шитьем — все это не те вещи, с которыми ты можешь явиться сегодня в жестокий мир. Конечно, мисс Кэри застроила Рас-ар-Раб замечательными домами, гостеприимно поджидавшими ее единомышленников, которые явятся со всех концов света скрасить ее досуг и помочь ей в осуществлении идеи всеобщего религиозного братства. Но дома — не главное. Если их не разрушит война, то заберет социальная служба, чтобы разместить там психиатрический санаторий или убежище для сбившихся с пути девушек, благо эти дома находятся в удалении от города. А построенную ею церковь возьмет себе армия. Место там высокое, удобно антенны ставить.

Дома — не главное, — Ледеру явно понравилась

---

[179] Примечания: 179

Муса Алами (1897–1984) — известный арабский общественный деятель, высокопоставленный чиновник мандатного правительства Палестины, считался сравнительно умеренным представителем палестинского национального движения. Йеґуда-Лейб Магнес (1877–1948) — известный ученый, педагог и общественный деятель, первый канцлер и затем президент Еврейского университета в Иерусалиме, один из лидеров пацифистского движения «Брит Шалом» и активный сторонник еврейско-арабского сотрудничества.

эта чеканная фраза, и он повторил ее несколько раз, прежде чем перешел к своему практическому выводу: — Тот, кто хочет осуществить утопию, должен вести настойчивую пропаганду своих идей, а не сидеть в уютной пещере, поджидая случайную добычу.

Весь фасад здания на противоположной стороне улицы был обклеен предвыборными плакатами партии МАПАЙ, и повторявшаяся там во множестве буква алеф[180] придавала ему вид страницы из ученической тетрадки первоклассника. Указав на это здание, Ледер заметил:

— Только благодаря основательности и упорству Бен-Гуриона, который в тридцатых годах ездил из местечка в местечко и убеждал сионистов голосовать за него, вся еврейская Европа пала к ногам социалистов, как спелый плод.

Ледер отодвинул одну из настенных занавесок, и глаза Поппера-Линкеуса на портрете наполнились задумчивым восхищением. Его и нашим взорам предстала мазонитовая плита, к которой посередине был приколот кнопками лист бумаги с надписью «Деятельность в кружках и группах».

---

[180] Примечания: 180

Алеф, первая буква ивритского алфавита, была символом партии МАПАЙ на избирательных бюллетенях.

От него во все стороны тянулись нити, привязанные своими противоположными концами к булавкам с цветными головками. Каждой такой булавкой к плите был приколот листок, надписанный аккуратным почерком. Ледер переводил свой жезл от одного листка к другому: «Организация владельцев прачечных», «Клуб женщин „Мизрахи“ — Оман» (здесь Ледер счел нужным пояснить, что женщины — самые активные потребительницы продовольствия, и поэтому в их руках находится ключ к успеху всего проекта), «Синагога „Шират Исраэль“», «Кооперативная столовая», «Фабрика Фридмана». Дойдя до верхней булавки, вколотой там, где на циферблате часов было бы указано 12, Ледер торжественно прочитал:

— Венский кружок.

5

Вену Ледер назвал главной ставкой в нашей игре.

— Люди ясного рационального мышления, препарируя факты холодным скальпелем логики, не без основания скажут, что никакого прока от Вены нашему движению не будет, — объяснял он. — Венцы большей частью привержены по-

казной мишуре и ведут соответствующий образ жизни. Их рты если не напевают мелодии Иоганна Штрауса, то жуют дорогие пирожные, и, казалось бы, где они и где теория линкеусанства, вся основанная на императиве скромности и умении довольствоваться малым? Скажут, не лучше ли нам сберечь свои силы и предоставить венцев самим себе? Но что бы там ни было, Вене суждено стать духовной столицей грядущего линкеусанского царства, мощным магнитом для всех сознательных линкеусанцев, которые будут искать в этом городе отпечаток величия, оставленный благородным основоположником нашей доктрины.

Голос Ледера зазвучал так, будто он говорил издалека. В Вене разворачивалась жизненная драма Поппера-Линкеуса, в Вене им было создано его замечательное учение, в Вене навсегда закрылись его ясные очи, и там же, в распутной Вене, он, Ледер, часто бывал у великого мыслителя. Скромный дом основоположника в Хитцинге был свидетелем его человеческого подвига: полупарализованный, прикованный к своему креслу, страдавший жестокими болями Поппер не оставлял интеллектуальных трудов, и сюда, в Хитцинг, к нему приезжали лучшие люди того времени.

Профессор Эйнштейн беседовал с хозяином дома о физике, бессмертный актер Александр Моисси ценил возможность поговорить с ним о сценическом искусстве, актриса Ида Роланд зачитывала Попперу знаменитые пьесы.

Но поистине незабываемым для Ледера оказался день 21 декабря 1921 года. Он был тогда в числе десяти человек, присутствовавших при бракосочетании Поппера с его помощницей Анной Кранер. Церемонию проводил раввин доктор Фойхтванг. Невестой великого человека была семидесятилетняя женщина, простая крестьянка-католичка из Бургенланда. Поппер называл ее Анерель, и она на протяжении многих лет преданно ухаживала за ним. Пожелав сделать ее своей законной наследницей, Поппер решил жениться на ней, и непосредственно перед церемонией бракосочетания Анна приняла иудаизм. В глазах у присутствующих стояли слезы, когда раввин, преклонив колени перед ложем умирающего Поппера, попросил того подписать брачный контракт. Рядом с раввином стояла Маридель, ближайшая родственница новобрачной. Одетая в нарядное платье, она скорбно осеняла себя крестным знамением.

На следующий день Ледер снова пришел на-

вестить Поппера и узнал о его кончине. Голова великого человека покоилась на бархатной подушке, глаза его были закрыты. У тела стояли доктор Ганс Мартин, бывший личным врачом покойного, Мендель Зингер, профессор Ерузалем[181] и, конечно, две женщины, сопровождавшие Поппера на протяжении всей его жизни. Супруга профессора Ерузалема сообщила присутствующим, что Поппер, узнав о решении венского муниципалитета назначить ему почетную пожизненную пенсию, сказал, что у него осталось только одно желание — чтобы о праве называться его родиной спорили семь городов, как это было с Гомером.

— А снаружи Вена жила своей жизнью, и ей не было дела до угасшего в ее небесах светила, — продолжил Ледер. — Но возможно ли, что появление и исчезновение такого гиганта вообще не оказало воздействия на людские сердца?

Он находил подобное немыслимым и полагал, что жизнью и смертью Поппера на венцев было оказано таинственное влияние. В складки их

[181] Примечания: 181

Мендель Зингер (1890–1976) — писатель, публицист, сионистский общественный деятель, уроженец Галиции, жил в Вене в 1914–1934 гг. Вильгельм Ерузалем (1854–1923) — австрийско-еврейский историк, психолог и педагог, профессор Венского университета.

сознания заброшены семена любви и почтения, которые непременно прорастут через какой-то срок, если не у современников Поппера, то у их потомков.

— Кто знает, возможно, решающий час настанет уже сегодня вечером, и нам нельзя его упустить! — воскликнул Ледер.

За окном начал накрапывать дождь, стекла снова запотели. Ледер расхаживал по комнате, потом подошел к окну и написал на нем пальцем свои инициалы. То же самое он сделал у второго окна. Сегодня вечером, объявил он, ему предстоит обрезать необрезанные сердца иерусалимцев и венцев[182]. Одновременно. Представители Старого ишува приглашены, в исключительном порядке, на встречу венского кружка. Расхожее присловье «нет пророка в своем отечестве» будет опровергнуто ныне дважды: выходцы из Вены признают учительство Поппера-Линкеуса, а иерусалимский Старый ишув, из среды которого вышел он, Мордехай Ледер, наконец-то признает величие своего земляка и собрата.

Стоя ко мне спиной, он стал снова выписывать

[182] Примечания: 182

Библейское выражение «необрезанное сердце» (см., например, Ваикра, 26:41) является метафорой упрямства, непослушания, отказа признать истину.

на запотевшем стекле свои инициалы. Потом пририсовал к ним лучащийся глаз. Серое небо и кроны деревьев за окном то становились видны мне, то заслонялись его фигурой. Ледер насвистывал веселую песенку, и мне показалось, что он вообще позабыл о моем присутствии в комнате. Желая вернуть его внимание, я спросил, не подразумевает ли он под встречей венского кружка банкет, который устраивает сегодня наша соседка, мастер постижерных работ госпожа Рингель по случаю какой-то там годовщины визита императора Франца Иосифа в Святую землю.

— Откуда ты знаешь? — в голосе Ледера прозвучали удивление и обида человека, чья сокровенная тайна неожиданно оказалась достоянием посторонних. Я попытался успокоить его и стал объяснять, что госпожа Рингель и ее муж — наши соседи, что я часто бываю у них дома и лишь поэтому осведомлен о планируемом мероприятии. Ледер оставался глух к моим объяснениям. Мрачное недоверие не покинуло его, даже когда я поклялся, что покрою нашу дружбу позором, если выдам кому-нибудь его тайну.

— Ты принесешь сегодня присягу поппер-линкеусанской продовольственной армии, и будь что будет! — произнес он наконец и погрозил

мне пальцем.

Мое дальнейшее уклонение от присяги, добавил Ледер, вызовет самую строгую реакцию военного совета.

6

Церемония присяги проводилась тайно, в лучших традициях подпольной революционной романтики.

Ледер сказал, чтобы я вышел в соседнюю комнату и дождался там завершения приготовлений. Из-за двери можно было расслышать, что он лихорадочно мечется, передвигает мебель, открывает и закрывает окна. Когда я был снова допущен в помещение штаба, там царила темнота, которую едва рассеивала слабая лампочка в сине-белом эмалированном абажуре. Свисавшая с потолка на длинном электрическом проводе, она почти достигала стола и освещала расстеленный на нем бархатный флаг цвета желчи и старую книгу, лежавшую на вышитом посередине флага гербе.

— Это Библия нашего движения, — объявил Ледер, бережно открывая книгу и показывая мне дарственную надпись на ее форзаце. Скачущие неровные буквы заставляли предположить, что надпись выведена дрожащей старческой рукой.

Ледер предоставил мне самому помучиться над немецким текстом, а потом сообщил, что работа Поппера «Право на жизнь и обязанность умереть» была подарена ему автором с личным посвящением.

Верховный главнокомандующий продовольственной армии велел мне положить на книгу правую руку и в точности повторить за ним слова присяги:

— Я обязуюсь хранить верность… И даже отдать свою жизнь…

Голос Ледера звучал в темноте отчужденно и торжественно. Казалось, церемония близка к завершению, когда он вдруг прервал ее, выскочил в соседнюю комнату, вернулся оттуда с потрепанным чемоданом, положил его на скамью, раскрыл и, покопавшись в чемодане какое-то время, извлек из него чехол с тфилин. На давно полинявшем коричневом чехле посекшейся золотой нитью были вышиты инициалы «Д. Л.». Положив тфилин на немецкую книгу, Ледер потребовал, чтобы я повторил за ним слова присяги с самого начала.

— С добрым почином! — взволнованно сказал он, завершив церемонию.

Оказалось, я первым — после него, разумеет-

ся, — присягнул продовольственной армии, но Ледер не сомневался, что под наши знамена уже в недалеком будущем встанут бесчисленные полки. Раздвигая шторы и раскрывая ставни, он извинился, что ему пришлось неожиданно прервать церемонию и отступить от обычных официальных правил принесения присяги. Я и сам должен понимать, добавил он, что ему необходимы различные меры предосторожности. Лишь теперь, когда я возложил руку на принадлежавшие его отцу тфилин, он может быть окончательно уверен, что я никогда его не предам.

Ледер поставил книгу обратно на полку, поместил в выдвижной ящик стола бережно сложенный флаг и приподнял обитую синей клетчатой тканью крышку чемодана, намереваясь вернуть в него чехол с тфилин. Из-под крышки блеснула золотая монета.

— Это настоящее золото? — удивился я.

Ледер извлек из чемодана заинтересовавший меня предмет, оказавшийся прикрепленной к красно-белой ленте медалью. Ледер назвал ее орденом и сообщил, что его дед по материнской линии был награжден им за то, что сопровождал императора Австро-Венгрии в путешествии по

Иудейской пустыне и Моавским горам[183]. Лучи свисавшей с потолка электрической лампочки поблескивали на лысине и на носу у Франца Иосифа, чей портрет украшал аверс медали.

— Я и забыл, что ты еще ребенок, — улыбнулся Ледер. Его настроение явно улучшилось, и он сказал, что в этом чемодане многое может меня заинтересовать.

Достав старый снимок, на котором были изображены реб Довид Ледер, доктор Яаков де Хаан и Хаим Сегаль, первый муж Аґувы Харис, он сообщил, что его отец запечатлен здесь после встречи с Верховным комиссаром. Канцелярия Герберта Сэмуэла находилась тогда в Августе-Виктории[184], уточнил Ледер, и именно там была сделана фотография.

— А это мой отец получил от эмира Абдаллы, — сообщил он, демонстрируя мне куфию с золотым шитьем и прилагающийся к ней черный шнур. Ледер-старший удостоился этого подарка в Тран-

---

[183] Примечания: 183

Моав — историческая область на территории современной Иордании, расположена между лежащими к северу и к югу от нее историческими областями Гильад и Эдом.

[184] Примечания: 184

Августа-Виктория — расположенный на Масличной горе в Иерусалиме архитектурный комплекс, включает в себя больницу и лютеранскую церковь Вознесения при ней, построен в 1907–1910 гг., назван в честь королевы Пруссии и германской императрицы.

сиордании: депутация ультраортодоксального еврейства отправилась туда, дабы предстать перед Хусейном ибн Али, королем Хиджаза, и известить его величество, что богобоязненные евреи Иерусалима решительно отвергают декларацию Бааль-Пеора, иначе именуемого Бальфуром[185], и изъявляют преданную дружбу своим мусульманским братьям.

На дне чемодана лежал револьвер.

— Это будет оружие продовольственной армии? — спросил я.

— Дурачок, — ответил Ледер. — Единственным оружием продовольственной армии станут руки.

Что же до револьвера, то его Ледер-старший получил от британской полиции как средство самообороны после того, как доктор де Хаан, выходивший из больницы доктора Валаха[186]

---

[185] Примечания: 185

Бааль-Пеор (Бельфегор и Ваал-Фегор в русской традиции передачи библейских имен) — одно из божеств Моава и название посвященного ему места, в котором вышедшие из Египта евреи предались идолопоклонству и блуду перед вхождением в Землю обетованную. Декларацией Бальфура (1917) объявлялось о сочувствии британского правительства планам создания еврейского национального дома в Эрец-Исраэль.

[186] Примечания: 186

Имеется в виду иерусалимская больница «Шаарей Цедек», учредителем которой стал в 1902 г. немецко-еврейский врач д-р Моше-Мориц Валах (1866–1957)

после вечерней молитвы, был убит посланцами «Хаганы».

— В общем, всякая ерунда, — с этими словами Ледер закрыл чемодан, и я увидел на его крышке наклейку с синими полями. Такими же наклейками мы пользовались в школе, помечая своими именами тетради и указывая на них, по какому предмету эта тетрадь. На ледеровской наклейке было аккуратным почерком написано слово *reliquia*.

— Святые остатки, — Ледер перевел для меня иностранное слово. — Как волос из бороды Мухаммеда или платок, которым Вероника отерла пот и кровь с лица Иисуса.

Только человеческая слабость, понятная, но непростительная, мешает ему выкинуть этот чемодан вместе со всем его содержимым, признался Ледер. Затем он подвел меня к выходу, козырнул мне и, как обычно, положил конец нашей встрече словами:

— Нам предстоит еще долгий и трудный путь, мой друг!

Глава шестая

1

Ледер набросил мне на плечи прорезиненную накидку, открыл передо мной дверь подъезда и спросил, приглашен ли я на банкет, который устраивает сегодня госпожа Рингель в своей кальварии[187]. Попытавшись изобразить рукой в воздухе череп, он сказал, что, если бы путешествовавшая по Святой земле византийская царица Елена оказалась во дворе у нашей соседки и увидела выставленные там деревянные головы, она без колебаний освятила бы это место и нарекла бы его Кальварией-Нотр-Дам на Волосах[188].

Вместе со своим супругом госпожа Рингель проживала в квартире, отделенной от нашей тонкой перегородкой. Посередине перегородки была дверь без ручки, напоминавшая о временах, ко-

---

[187] Примечания: 187

Кальвария — принятая у католиков форма названия Голгофа, от латинского *Calvariae locus*, т. е. «место черепов».

[188] Примечания: 188

Обретением многих своих реликвий в Святой земле христианство обязано паломничеству царицы Елены (ок. 250–330), матери императора Константина.

гда оба помещения составляли одну квартиру. По субботам отец, стоя у этой двери, прислушивался к доносившимся от Рингелей звукам включенного радиоприемника, после чего он мог поделиться новостями с прихожанами в синагоге, которые, как и он сам, радио по субботам не включали.

Однажды он удостоился благодаря этому особенных почестей. Дело было зимой, в самом начале пятидесятых годов, и среди прихожан распространился тогда слух о том, что ночью египетский флот высадил десант в Тель-Авиве. Люди были напуганы, но отец успокоил их, сообщив, что два египетских корабля, попытавшихся обстрелять тель-авивскую набережную, были тут же отогнаны патрульными катерами израильских ВМС. Реб Симха-Зисл, неофициально считавшийся раввином нашей синагоги, обнял отца и произнес сквозь слезы:

— Время делать для Господа, нарушили Твой закон[189].

Затем, успокоившись, он велел прочитать мо-

[189] Примечания: 189

Прямой смысл этого стиха (Теѓилим, 119:126) состоит в том, что праведным и благочестивым настало «время делать для Господа», потому что злодеи «нарушили Твой закон», однако в талмудической традиции этот стих чаще используется в иносказательной интерпретации: когда наступает время делать для Господа, Его закон может быть нарушен в той или иной частности.

литву за мореплавателей, прокладывающих в бурных водах тропы свои, и оказал отцу честь, вызвав его к Торе. Но, несмотря на включенный по субботам приемник Рингелей, благодаря которому отец часто оказывался долгожданным вестником в синагоге, особенной дружбы между моими родителями и жившей по соседству четой не водилось.

Бывало, по вечерам из-за перегородки доносились крики и жалобный плач, способные напугать наших случайных гостей, однако Аґува Харис умела унять тревогу и предотвратить ненужный вызов полиции. Так уж заведено у этого *дайч митн байч*, немца с плеткой, говорила она: только отхлестав свою жену, он может ее приласкать, а та, словно кошка, мурлычет в ответ и раскрывает ему объятия. Мать поддакивала Аґуве:

— Видели бы вы ее наутро после такого концерта! Нарядившись, будто невеста, она выходит во двор и развешивает сушиться свою черную амуницию.

Это зрелище мать находила зазорным, но однажды, вскоре после того как она в очередной раз оказалась его свидетельницей, ей пришлось обратиться к соседке за помощью. Напуганная

исчезновением отца, который впервые отправился на поиски настоящей аравы, мать решила обратиться в полицию. И поскольку оставить меня было не с кем, она первый раз в жизни постучалась к соседям.

— *Schämen macht einen Fleck!* — сказала госпожа Рингель, увидев, что я прячусь за юбку матери.

И поскольку я все еще отказывался зайти к соседям, мать перевела мне эту немецко-еврейскую поговорку:

— Стыд оставляет пятна.

Если я позволю ей отлучиться, добавила она, госпожа Гелла разрешит мне сесть в парикмахерское кресло и поднимет меня в нем высоко-высоко.

Оказавшись тогда у соседей, я впервые ощутил запах паленых женских волос — в них тушили окурки — и разнообразных косметических препаратов, хранившихся в красных и зеленых флаконах. Тот же запах встречал меня на протяжении всего следующего лета, когда я прибегал к Рингелям укрыться от горечи, переполнявшей сердце моей матери. Хозяйка дома щипала меня за щеку липкими пальцами в чужих волосах, давала мне медовый леденец со стершимся от влажности изображением пчелы и объявляла,

что лучшие манекенщицы Лондона и Парижа ждут меня с нетерпением. Повсюду в комнате и вокруг кресла, в котором обычно дремал, зажав булавку в губах, господин Рингель, были разбросаны иностранные журналы мод, служившие его жене источником вдохновения.

Окна квартиры и ночью, и днем были задернуты черными шторами. Госпожа Рингель, так и не привыкшая к яркости местного солнца, работала при свете торшера, длинная бронзовая ножка которого повторяла форму готической башни венского собора Святого Стефана. Подобно своему мужу, она редко вставала с места и, желая подкрепиться, наливала себе кофе из термоса и отламывала кусочек посыпанной сахарной пудрой оладьи.

На столе перед ней стояли тиски с зажатой в них деревянной головой, и такие же головы были разбросаны у Рингелей во дворе. Поверх помещавшейся на столе головы была натянута сетчатая основа будущего парика, закрепленная воткнутыми в ту же болванку длинными металлическими булавками. Извлекая отдельный волос из пряди, которую она удерживала средним и указательным пальцами левой руки, госпожа Рингель аккуратно вставляла его в ячейку осно-

вы и закрепляла там. Свою проворную работу она сопровождала напеванием веселых танцевальных мелодий.

Пребывая однажды в приподнятом расположении духа, госпожа Рингель высказала убеждение, что родители растущих в Палестине детей принесли бы своим чадам большую пользу, если бы вместо того, чтобы пичкать их хасидскими легендами и канторскими песнопениями в стиле сестер Малявских[190], знакомили их с европейской музыкой. О, если бы герр Рингель был мужчиной, она прямо сейчас показала бы мне, что такое настоящий вальс! Однако на господина Рингеля ее слова не произвели впечатления, и он по-прежнему сидел неподвижно в кресле, уставившись на фарфоровую тарелку с изображением набережной Дуная, по которой степенно прогуливались красиво одетые господа и дамы с раскрытыми солнечными зонтиками. Белая с синим рисунком тарелка висела на перегородке, за которой находилась наша квартира.

Когда с улицы доносился нестройный шум жен-

[190] Примечания: 190

Популярная в 50-х гг. прошлого века американская семья исполнителей канторской и народной еврейской музыки. Вместе с отцом семейства композитором и кантором Шмуэлем Малявским на сцене выступали два его сына и четыре дочери.

ских голосов, госпожа Рингель приподнималась со своего места, отворачивала край шторы и выглядывала в окно. В таких случаях их маленький двор бывал заполнен облаченными в темные одежды религиозными женщинами, кудахтавшими на идише с выраженным венгерским акцентом. Испуганная девушка, окруженная ими со всех сторон, шла, прикрывая обеими руками свои волосы под шелковой белой косынкой. Госпожа Рингель возвращалась на свое место, гасила сигарету в полоскальном тазу и велела своему супругу и мне покинуть помещение. Выказывая своим видом крайнее неудовольствие, господин Рингель вставал, брал меня за плечо, и мы с ним уходили в соседнюю комнату. Закрывая дверь, он оставлял узкую щель и шепотом говорил, что, если нам повезет, мы увидим сейчас, как золотушной невесте сбривают ее девичью косу. Увы, сгрудившиеся в комнате женщины с толстыми красными мочками ушей всегда закрывали невесту от нас, а их напев «Невеста красивая, невеста благочестивая!» заглушал стук ножниц и жалобные всхлипы постриженицы. Нервно ковыряя булавкой в зубах, господин Рингель говорил, что, если меня одолеет соблазн и я захочу изведать вкус греха, он позволит мне незаметно погладить

отрезанную косу, прежде чем фрау Рингель сделает из нее парик с запахом смерти.

2

Такое времяпрепровождение, ставшее обычным для меня за весенние и летние месяцы, прервалось наутро после субботы «Нахаму»[191]. Со двора у Рингелей исчезли деревянные головы, а на двери их квартиры появился приколотый кнопками листок с надписью на корявом, изобиловавшем ошибками идише: правление венского салона извинялось перед своими почтенными клиентами в связи с временным прекращением обслуживания по случаю отъезда госпожи Рингель в летний отпуск, который закончится 19 августа.

Тем не менее, потянув дверь на себя, я обнаружил, что она не заперта, и зашел внутрь. Помещение, служившее кабинетом госпоже Рингель, неузнаваемо преобразилось. Из него исчезли парикмахерское кресло и висевшее перед ним большое зеркало. Рабочий стол госпожи

---

[191] Примечания: 191

Первая суббота после поста Девятого ава, в которую читают 40-ю главу из книги пророка Йешаяѓу, начинающуюся словами «Утешайте, утешайте народ Мой». Нахаму́ — утешайте (*ивр.*).

Рингель, заставленный обычно деревянными головами, засыпанный булавками и прядями волос, был застелен чистой плюшевой скатертью цвета душицы с изображениями ветвисторогих оленей по краям. На столе стояла высокая ваза с золотисто-зелеными павлиньими перьями, каждое из которых украшал на конце многоцветный глазок. Царивший в комнате запах стал менее острым, и к нему подмешался аромат мази «Брассо»[192].

Госпожу Рингель я с трудом разглядел в полутемной кухне, но сама она заметила меня, как только я появился в квартире, и теперь вышла мне навстречу, держа перед собой в руках, словно щит, овальный медный поднос.

— Мы должны соблюдать осторожность, — сказала она и велела мне закрыть за собой дверь.

Последовав за ней на кухню, я услышал, что хозяева дома делают все возможное, чтобы не встревожить большевистских медведей. Однако, убедившись за время нашей дружбы, что я мальчик умный и добрый, госпожа Рингель решается сообщить мне, что даже теперь, когда

[192] Примечания: 192

Популярный некогда препарат для полировки металлической посуды и т. п.

плоньский коротышка[193] деспотически правит своим народом, они с Генрихом хранят верность Габсбургскому дому. Прислонив медный щит к ящику со льдом, она чуть отодвинула штору кухонного окна и позволила солнечным лучам озарить отчеканенного на нем двуглавого орла и императорскую корону над ним.

— Сохрани в своем сердце эту картину, мой мальчик! — высокопарно произнесла госпожа Рингель.

Мне с трудом удалось утаить улыбку, когда она выразила уверенность, что я впервые имею честь лицезреть великолепный герб Австро-Венгерской империи. В ящике бабушкиного стола, рядом с фотографиями ее внуков, пузырьком камфары, защищавшей, как она полагала, от полиомиелита, и письмовника, из которого она заимствовала черновики писем, отправлявшихся ею дочери Элке в *Зюйд-Африку*, долгие годы хранилась пачка серо-голубых облигаций выигрышного займа с отпечатанными на них ярко-синими двуглавыми орлами. Перед наступлением праздника Песах бабушка удаляла осевшую на облигации пыль,

[193] Примечания: 193

Давид Бен-Гурион (1886–1973), первый премьер-министр Государства Израиль, был родом из города Плоньск, ныне на территории Польши, и отличался невысоким ростом.

выбивая толстую пачку о подоконник. Если бы ее покойный муж не был слепым почитателем Фройма-Йосла[194], всякий раз говорила она при этом, имевшиеся у него деньги были бы потрачены на покупку земельного участка у Яффской дороги, доходами от которого кормились бы и мы, и наши потомки. Но свои деньги он предпочел израсходовать на приобретение цветных бумажек, негодных даже на то, чтобы обклеивать ими стены.

Госпожа Рингель вернулась к прерванному моим появлением занятию и стала бережно натирать смоченной в чем-то сером ватой распахнутые крылья орла, его золоченые клювы и когти, червленые языки, обнаженный серебряный меч в его правой лапе и золотой шар державы в левой. Через несколько дней, сообщила она, наступит 18 августа. В этот день у них дома будут отмечать тезоименитство Франца Иосифа, и супруги Рингель будут несказанно счастливы, если я, их маленький друг, зайду к ним поднять бокал в честь покойного императора.

---

[194] Примечания: 194

Фройм-Йосл — иронически переиначенное на еврейский манер имя Франца Иосифа (1830–1916), предпоследнего императора Австро-Венгрии.

3

Совершавшиеся у Рингелей лихорадочные приготовления не могли остаться не замеченными моей матерью, и, хотя ее сердце было охвачено тревогой в связи с частыми исчезновениями отца, она не удержалась и спросила меня, не означает ли поведение моих немецких друзей, что в Израиль возвращается их дочь Амалья. Упомянув ее, мать сообщила, что эта легкомысленная девица крутила шашни с английскими солдатами в кафе «Риц» и в находящемся напротив кинотеатра «Эдисон» ресторане Коэна, а под конец уцепилась за хлыст австралийского офицера и бежала с ним на край света.

В серванте у Рингелей мое внимание привлекла подставка для ножей с желтыми ручками, лезвия которых выглядели в ней, как струны в арфе. Тыльной стороной к ней была приставлена фотография, снятая посреди огромной ананасовой плантации: светловолосый мужчина обнимал за плечи молодую женщину. Замерев однажды у этого снимка, я шепотом спросил у госпожи Рингель, на каком континенте находятся эти удивительные, уходящие за горизонт плантации, и она, поспешно сунув мне в руки новый журнал

с описанием осенней коллекции мод, заявила, что молодым людям приличествует смотреть в будущее, а не копаться в прошлом.

Тем не менее неделю спустя, когда совершавшиеся у нее дома приготовления к празднованию тезоименитства Франца Иосифа были в самом разгаре, она по собственной инициативе нарушила заговор молчания. Сняв фотографию с полки серванта, госпожа Рингель сказала, что наша дружба теперь скреплена узами тайны, и поэтому она может поведать мне, что молодая женщина на фотографии — ее единственная дочь, живущая в далеком австралийском Сиднее со своим мужем и двумя маленькими детьми.

Здесь у ее дочери не было бы никакой жизни, продолжала, заметно повысив голос, госпожа Рингель, поэтому она была совершенно права, когда искала общества людей культурных, воспитанных, деликатных — и отворачивалась от своих одноклассников, которых смешили ее молочная кожа и длинные пальцы прирожденной пианистки. И также правильно она поступила, отказавшись прислушаться к увещеваниям своей школьной учительницы, имевшей наглость называть ее Амальей, как будто она корова в кибуцном стойле, и заставлявшей девочку

стыдиться своего истинного имени Елизавета Амалия Евгения, данного ей, конечно, в честь императрицы.

С этими словами госпожа Рингель перевела взгляд на портрет императорской четы. В волосы красивой женщины, стоявшей рядом со своим царственным мужем на фоне овального гербового щита, были вплетены белоснежные орхидеи. Мне было предложено убедиться в том, что горячо любимая супруга императора отличалась редкой, классической красотой. И, кроме того, взволнованно говорила госпожа Рингель, она обладала широким образованием в вопросах литературы и искусства, проявляла живой интерес к творчеству Гейне и к произведениям поэтов классической древности, простирала покрова либерализма и прогресса над своей великой страной. Увы, судьба была сурова к этой прекрасной, благородной женщине: после трагической гибели своего сына Рудольфа императрица удалилась от двора, стала путешествовать по миру и в конце концов пала жертвой бездушного итальянского анархиста, заколовшего ее на набережной в Женеве.

— Генрих! — обратилась госпожа Рингель к своему мужу, отрезавшему себе еще один кусок

каштанового торта с кремом. — Не соблаговолишь ли ты рассказать нашему другу о поместье Ахиллион на острове Корфу?

Господин Рингель, как будто впав в забытье, стал расхаживать по тихим тропинкам среди мраморных муз. Он остановился у портика напротив скульптуры умирающего Ахилла, зашел в покои императрицы и вспомнил, что та укрывалась в них от мирской суеты, затем поднялся к верхним садам и стал озирать оттуда греческий город, лежащий у синего моря, в окружении оливковых рощ и цитрусовых плантаций.

На столе, среди пирожных «Снежки в шоколаде» и засахаренных фруктов, стояла пузатая бутылка вина. В ее темном стекле я увидел перевернутое отражение комнаты, слабо освещенной установленными в бронзовом канделябре свечами. Царивший в комнате полумрак создавал ощущение торжественности. В бутылочном стекле отражалась и моя собственная физиономия — вытянутое лицо мальчика, внемлющего рассказам своих друзей о далеких островах. Внезапный удар кулаком по столу заставил всколыхнувшееся пламя свечей заплясать на моем отраженном лице, а с улицы, из-за толстых бархатных штор, донеслось громкое балканское пение, переме-

жаемое повторяющимся выкриком: «Ясо! Ясо!» Солдаты расположенного неподалеку лагеря «Шнеллер»[195] совершали ночную пробежку.

Вытянутые губы госпожи Рингель блестели, она еще раз хлопнула по столу и сказала, что недалек тот день, когда варвары-греки сдадут последнее творение вдохновенной императрицы Елизаветы в аренду алчным американцам, которые устроят во дворце казино — и это ее пророчество исполнилось через несколько лет[196]. Господин Рингель, сжимавший коленями бутылку вина, нежно ответил супруге, что его маленькая красавица не должна печалить себя вещами, над которыми мы не имеем власти, и что время токайского уже настало. С этими словами он энергичным движением вытащил пробку.

Когда тосты были произнесены и мы уселись за стол, господин Рингель обнаружил, что моя

---

[195] Примечания: 195

Построенное в 1861 г. немецким миссионером Иоганном Людвигом Шнеллером здание Сирийского сиротского приюта в Иерусалиме в годы Второй мировой войны отошло в пользование британского мандатного правительства Палестины, а после провозглашения независимости Израиля долго использовалось его армией.

[196] Примечания: 196

Построенный в 1890 г. австрийской императрицей на греческом острове Керкира (*итал.* Корфу) дворец Ахиллион был передан в управление частной компании в 1962 г. и более двадцати лет использовался как казино.

рюмка осталась полной. Я попытался объяснить, что у нас дома не пьют алкоголь и что отец даже субботнюю трапезу освящает над виноградным соком, но мои слова не возымели действия на хозяина дома. Он решительно настаивал, чтобы я выпил вина, за которое в эти дни суровой экономии и жесткого нормирования ему пришлось заплатить в магазине «Скрип» несусветные деньги. А если я боюсь опьянеть, господин Рингель заверяет меня, что мои опасения совершенно напрасны, поскольку и сам он пил в моем возрасте токайское в этот праздничный день.

О, что это был за праздник! На улицах его родного города вечерний ветер колыхал развешанные повсюду императорские флаги, в окнах домов во множестве светились зажженные свечи. Сопровождаемое оркестром и факельщиками праздничное шествие направлялось к зданию большой синагоги, где глава общины встречал его молитвой «Дарующий спасение царям», а престарелый раввин Ринк произносил проповедь, специально приуроченную к событиям праздничного дня. Как и в прошлом, и в позапрошлом году она включала в себя напоминание о том. как, посетив сей город в самом начале своего славного царствия, молодой император поцеловал свиток

Торы, вынесенный навстречу ему старейшинами еврейской общины, а на вынесенные священниками кресты и хоругви взора не обратил.

Дома, продолжал свой рассказ господни Рингель, к их возвращению служанка уже успевала накрыть праздничный стол, и отец приносил из погреба запечатанную бутылку токайского, запасы которого мать пополняла по пути от Карпатских гор, где она проводила с детьми каждое лето.

Забыв о моем присутствии, супруги Рингель без устали нахваливали золотистое, цвета солнца в день жатвы, вино, сладость которого так приятно оттеняет намек на тонкую горечь. Они вспоминали золоченую императорскую карету на улицах Вены, запряженных в нее белых лошадей и окружавших ее венгерских гусар в леопардовых шкурах, а потом проклинали день, когда бездна разверзлась в Сараево.

Кажется, я уже дремал, когда пропахшую нафталином, вином и запахом догорающих свечей комнату вдруг наполнили далекие и торжественные слова песни, исполнявшейся на пьянящую, неведомую мне прежде мелодию:

Боже, царя нам превознеси,

Боже, страну нашу сохрани!
Сильный спасением в вере,
Правит он мудрой рукой!

Супруги Рингель самозабвенно пели стоя. Свое пение они сопровождали ритмичными взмахами рук, в которых держали черно-желтые флажки, и вызванное этим движение воздуха освежило мое лицо.

Когда комната погрузилась в тишину, госпожа Рингель включила электрический свет и сообщила, что они с супругом специально для меня исполнили гимн Австро-Венгрии на иврите, как пели его когда-то участники сионистских собраний в их родном городе. Поправив берет у меня на голове, она проводила меня к двери и еще раз взяла с меня обещание никому не рассказывать о том, свидетелем чему я оказался сегодня у них дома.

4

Мои друзья-монархисты очень старались не навлечь на себя гнев властей, и хотя они знали, что наслаждаются временным покоем, за которым придет неизбежное столкновение с действительностью, им и в голову не приходило,

что это случится так скоро.

Придя к ним наутро следующего дня, я увидел, что у них дома все вернулось к прежнему состоянию. Господин Рингель подал мне тарелку с оставшимися от вчерашнего празднества пирожными, а госпожа Рингель уже сидела на своем обычном месте, согнувшись над обтянутой сеткой деревянной головой, в которую были воткнуты длинные, как спицы, булавки. Оторвавшись от работы, она порылась в выдвижном ящике стола и протянула мне извлеченный оттуда продолговатый конверт авиапочты с окантовкой из синих и красных ромбовидных полосок. Конверт украшали зеленые марки с изображением маленького медведя на дереве, и госпожа Рингель, указав на него пальцем, спросила:

— Видел ли ты прежде коалу, мой добрый мальчик?

Отметив мое удивление, она улыбнулась и удовлетворенно сказала супругу, что своей реакцией я подтверждаю ее правоту, ведь она всегда говорила, что марки — лучшая школа для детей, растущих в отдаленных колониях. С моим уходом вчера, добавила госпожа Рингель, в ее сердце созрело решение: теперь они будут отдавать мне австралийские марки с конвертов, в которых

приходят письма их дочери, и благодаря этому я смогу познакомиться с удивительной фауной пятого континента. Мне откроется существование птицы-лиры, летучей лисицы, эму и других прекрасных животных, даже и названия которых неведомы моим учителям, ведь про них ничего не сказано в Торе.

— А знаешь ли ты, что такое бумеранг? — спросил из глубин своего кресла господин Рингель. Он поднял над головой изогнутую деревянную пластину, которая обычно использовалась в этом доме как пресс для бумаг, и издал громкий боевой клич, однако госпожа Рингель внезапно насторожилась и велела ему прекратить дурачиться. Подскочив к окну, она стала присматриваться к происходящему на улице. Ее муж предположил, что к ним наверняка ведут на постриг старшую дочь Йом-Това Шейнфельда, но госпожа Рингель, отмахнувшись от его слов и не поворачивая к нему головы, сказала, что лучше бы он поднялся и разузнал, в чем дело, а не сидел в своем кресле, точно несушка на яйцах. У почтового ящика на углу собралась толпа, добавила она, и надо бы проверить, не поджег ли его один из уличных мальчишек госпожи Адлер, ведь в ящике должно находиться и отправленное ими сегодня письмо.

— Война! Здесь будет война!

С этим воплем господин Рингель вскоре вернулся с улицы. Взволнованный, он стал метаться по комнате, время от времени прилипая к окну и выглядывая наружу. Прядь волос, выпавшая из левой руки госпожи Рингель, рассыпалась по столу. Неужели гражданская оборона снова заставит ее изрезать простыни на полосы, чтобы обклеить ими наискосок оконные стекла? Хозяйка дома была напугана, поскольку ей лишь недавно удалось оттереть со стекол остатки клея.

Слова супруги еще больше рассердили господина Рингеля, заявившего, что он не потерпит насмешек в этот трагический час, когда посланцы Коминтерна истребляют последние следы монархического правления в стране. Госпожа Рингель потупила взор, и ее муж сообщил, что у почтового ящика мандатных времен появилась бригада рабочих со сварочным аппаратом, зубилами и молотками. Под одобрительные выкрики собравшихся там же мальчишек они безжалостно сбивают с ящика британского орла и инициалы Георга Пятого. Господин Рингель вежливо спросил о причинах этого вопиющего вандализма, и тогда бригадир рабочих, направив на него электрод, велел ему уматывать, если он не

хочет, чтобы ему расплавили его золотые зубы.

Госпожа Рингель заново собрала рассыпавшиеся по столу волосы. Это не может ее удивить, сказала она, ведь уже в тот момент, когда сэр Алан Каннингем[197] взошел на палубу покидавшего Хайфу британского крейсера, у нее не осталось сомнений, что ужасный момент настанет. Конечно, она не могла знать, когда именно это случится, но так уж было предопределено, что монархическая символика оказалась низвергнутой в эти тусклые дни, когда сыр делают из молочного порошка, вместо кофе пьют суррогат из жареного арахиса, а яйца распределяют по карточкам.

Подав своему супругу термос, она предложила ему выпить кофе и поберечь себя, ведь теперь им придется действовать осторожно и расчетливо. Настало время для организации монархических сил, готовых выступить против существующей власти, и чем раньше это случится, тем лучше.

5

В последующие дни супруги Рингель то и дело возвращались к обсуждению своего плана. Ими рассылались письма друзьям во Францию

---

[197] Примечания: 197
Последний британский Верховный комиссар Палестины.

и Уругвай, и в этих письмах они, используя из страха перед цензурой сложные зашифрованные намеки, испрашивали у заморских друзей необходимую помощь. Зачастив в немецкую библиотеку на улице Ґа-Солель, они приносили домой и старательно изучали книги по истории Нового времени. В одну из суббот они отправились в Хайфу посоветоваться с доктором Бенедиктом Вайлем, который, как и они, отмечал тезоименитство покойного императора, следуя обычаям своего родительского дома в Моравии.

Из Хайфы госпожа Рингель вернулась в бодром расположении духа. Встретив меня в воскресенье радостной улыбкой, она сообщила, что их усилия приносят плоды, план обретает конкретную форму. Из беседы с господином Вайлем супруги заключили, что почитание императора поистине не знает границ: не только евреи — выходцы из Вены и Праги разделяют его, но также многие из тех, кому не посчастливилось быть в числе подданных Австро-Венгерской империи. И все это потому, что в шестидесятых годах прошлого века Франц Иосиф, посетивший Святую землю с коротким визитом, оставил по себе долгую и добрую память. Конечно, теперь уже не осталось в живых никого из жителей города, имевших

счастье лицезреть императора в Иерусалиме, по пути на торжественное открытие судоходства в Суэцком канале, но госпожа Рингель была уверена, что благодарная память о Франце Иосифе сохранилась в сердцах их потомков. Возвышенные чувства подобного рода люди впитывают с молоком матери, утверждала она.

Ни для кого не секрет, продолжала госпожа Рингель, что ей отвратителен отпечаток левантизма, которым отмечен облик местных старожилов. Их певучая речь изобилует турецкими словами и арабскими поговорками, да и помыслами своими они склонны к предательству, как греки из Святогробского братства. Известно, однако, что когда тебе нужно сплотить необходимую силу, ты не можешь привередливо требовать, чтобы твоими соратниками становились исключительно люди твоего круга.

Супруги Рингель все время твердили друг другу, что, если они хотят проложить путь к единению тайных сторонников Габсбургского дома, им нужно найти кого-то из местных евреев, хранящих в своих сердцах память об императоре. Увы, моя мать оказалась права: за годы своей жизни в Иерусалиме «полюбившиеся мне немцы» не приобрели ни друзей, ни приятелей. Свой вывод

она основывала на том, что в дни между Песахом и Шавуот и в период летнего траура[198] порог дома Рингелей не переступала ни одна живая душа, за исключением меня и кошки.

В ходе очередного семейного совещания господин Рингель высказал мысль, что нужные заговорщикам связи могут быть установлены с помощью одной из религиозных женщин, приводящих невест на постриг к его супруге, но та отвергла это предположение. Все ее клиентки, пояснила она, принадлежат к семьям выходцев из Венгрии и Буковины, прибывшим сюда относительно недавно. Нужные связи можно было бы нащупать с помощью женщин из Старого ишува, но те никогда не приходят в ее салон. Свои бритые головы они наглухо закрывают платком, поскольку у них в общинах даже парик считается подлежащим правилу «женские волосы подобны срамному месту».

У госпожи Рингель возникла другая идея. Два-три раза в неделю я ходил в библиотеку «Бней Брит» менять книги, и она посоветовала мне заглянуть в мемуары старых горожан, из которых,

---

[198] Примечания: 198

Согласно еврейскому закону, в течение семи недель между праздниками Песах и Шавуот и в трехнедельный период между летними постами Семнадцатого тамуза и Девятого ава не справляют свадеб.

как ей казалось, можно будет узнать, чьи предки были в числе людей, встречавших императора Франца Иосифа в Иерусалиме. Однако, произведя предложенные изыскания, я убедился в том, что посещение города германским императором Вильгельмом в самом конце прошлого века затмило и стерло из памяти горожан предпринятый тридцатью годами раньше визит Франца Иосифа.

6

Усилия супругов Рингель зашли в тупик, и когда они уже были близки к тому, чтобы оставить мысль об объединении тайных сторонников императора Австро-Венгрии, им подвернулся Риклин.

В то время реб Элие еще не подружился с отцом, но раз в неделю он приходил в принадлежавшую моим родителям продуктовую лавку за полагавшейся ему и его жене порцией яиц. Когда он появлялся на пороге в нарядном костюме, который служил ему одеянием во второй половине дня, отводившейся общению с живыми, все разговоры в лавке стихали. Риклин строго оглядывал присутствующих через толстые линзы очков, и люди безропотно освобождали ему путь

к прилавку. Пока мать отбирала для него самые большие и темные яйца, а отец вырезал карточку из его продуктовой книжки, старый могильщик перечислял имена скончавшихся за последнюю неделю людей и охотно сообщал испуганным покупателям, как и от чего умер каждый из них. Уложив яйца в сетку, он неизменно говорил матери на прощание, что желает ей обслуживать его еще долгие годы, ведь это намного лучше противоположной ситуации, в которой обслуживать ее пришлось бы ему.

— *Deus ex machina*, — сказала госпожа Рингель в связи с тем неожиданным способом, которым открылось, что именно Риклин способен устранить казавшееся непреодолимым препятствие с пути заговорщиков. — Благодаря мальчику Рахлевских с нами случилось чудо.

А случилось так. Неспешно пересекая двор, примыкавший к лавке моих родителей, Риклин обратил внимание на Хаима, вместе с которым мы извлекали из сосновой шишки орешки. Присмотревшись к моему однокласснику, он поманил его рукой, и, когда тот подошел, Риклин взял его за чуб и спросил:

— Знаешь ли ты, *вилдер юнг*[199], кем был реб Моше Юлес?

Хаим кивнул. Риклин, склонившись к нему, сказал, что, если бы тот, кого называли правой рукой и верной опорой брисского серафима[200], восстал из могилы и увидел, что его правнук Хаймэле, получивший свое имя в честь рава Хаима Зонненфельда, расхаживает по улице с непокрытой головой, он преисполнился бы стыда и поспешил вернуться в могилу.

Моему однокласснику удалось вырваться и, удалившись от своего обидчика на безопасное расстояние, он прокричал, что, если реб Элие не хочет понести наказание свыше, ему не следует возводить напраслину на достойных людей, потому что он, Хаим, снял головной убор специально для того, чтобы поприветствовать такого важного человека, как Риклин.

— Не воображай меня императором Францем Иосифом, — пропищал Риклин, высокий голос которого прозвучал тоньше обычного. — Все

---

[199] Примечания: 199
Дикий мальчишка (*идиш*).

[200] Примечания: 200
Моше-Йеѓошуа-Йеѓуда-Лейб Дискин (1818–1898) — знаменитый иерусалимский раввин, один из лидеров Старого ишува. До своего приезда в Иерусалим в 1877 г. был раввином в Бресте (Бриск), с чем и связано его почетное прозвище.

равно ничего от меня не получишь…

Заметив удивление в наших глазах, он всплеснул руками и сокрушенно посетовал на то, что потомки великих людей, возродивших ашкеназскую общину Иерусалима[201], ничего не знают о своих замечательных предках. Нам следовало бы бережно изучать их наследие, назидательно сказал Риклин, а мы тратим в школе время на жалкие бредни, которыми вожди ассимиляторов пичкали друг друга на своих конгрессах в Базеле, Лондоне и Цюрихе[202].

Вслед за тем реб Элие рассказал, что его дед и прадед Хаима Рахлевского входили в состав депутации, сопровождавшей императора при посещении строившейся в Старом городе синагоги «Тиферет Исраэль»[203]. Осмотрев синагогу, Франц

---

[201] Примечания: 201

На протяжении почти ста лет, со времени разрушения синагоги «Хурва» в 1720 г. и до 1816 г., османские власти не давали ашкеназским евреям селиться в Иерусалиме.

[202] Примечания: 202

Под «вождями ассимиляторов» персонаж романа подразумевает лидеров сионистского движения, в оппозиции к которым находилась значительная часть Старого ишува.

[203] Примечания: 203

«Тиферет Исраэль» («Краса Израиля», *ивр.*) — вторая после «Хурвы» по размерам и значению ашкеназская синагога Старого города, строилась в 1857–1872 гг., была взорвана иорданскими войсками сразу же после завоевания Старого города в 1948 г., восстанавливается в настоящее время.

Иосиф поинтересовался, почему у нее нет купола, на что Нисан Бак[204] находчиво ответил, что синагога сняла головной убор в приветствии его императорскому величеству. Полученный ответ доставил высокому гостю изрядное удовольствие, и тот немедленно пожертвовал тысячу франков на завершение строительных работ.

— Невежды! — укоризненно бросил нам Риклин и направился к входу в лавку, а я, оставив Хаима в одиночестве, бросился к соседям.

Услышав мое сообщение, господин Рингель, которого я застал за мытьем головы, повязал голову полотенцем и помчался вместе со мной в лавку. Покупатели слушали увлекательный рассказ реб Элие о смерти старого раввина из числа русских беженцев, который, находясь в больнице для лежачих больных, умер от того, что мывший его санитар включил по ошибке разогретую до температуры кипения воду, но с появлением выглядевшего, как индийский факир, господина Рингеля они раскрыли от удивления рты. Не обращая на них внимания, господин Рингель протолкался к Риклину, тронул его за плечо и

[204] Примечания: 204

Нисан Бак (1815–1889) — известный книгопечатник и общественный деятель, один из наиболее влиятельных лидеров ашкеназской общины в Иерусалиме во второй половине XIX в.

что-то прошептал на ухо.

Моя мать, занимавшаяся в это время пересчетом яиц, выпрямилась и испуганно спросила соседа, что случилось с госпожой Рингель, ведь она только сегодня утром поздоровалась с ней во дворе, когда вышла развесить постиранное белье. Риклин прервал ее, заявив, что не страдает от недостатка заказов и что матери не нужно искать для него дополнительную работу.

7

Вечером я застал Рингелей в приподнятом настроении. Супруги вместе сидели на диване и вырезали равнобедренные треугольники из бумаги черного и желтого цвета.

— Вот видишь, *либес кинд*[205], — сказала госпожа Рингель, легко приподняв и усадив меня на диван между собой и мужем, — никогда да не оставит человек молитвы о милосердии[206].

Прозвучавшее из ее уст высказывание мудрецов было наилучшим свидетельством того, что случилось в доме у Рингелей после того, как Ри-

---

[205] Примечания: 205
Дорогой ребенок, букв. «дитя любви» (*идиш*).

[206] Примечания: 206
Цитата из Талмуда (трактат «Брахот», 10а).

клин, приняв неожиданное приглашение, явился сюда и пробыл здесь до темноты.

Вручив мне ножницы и блюдце с миндальным клеем, госпожа Рингель объяснила, как нужно резать бумагу и склеивать из полученных треугольников императорский флаг, а затем стала превозносить достоинства герра Риклина, открывшего ей и ее супругу глаза на дальнейшие перспективы их начинания. В частности, Риклин объяснил им, что, если они хотят стать по-настоящему влиятельной силой, им необходимо сбросить одежды изгнания и придать своему движению местный колорит. Первым шагом к этому, уточнила госпожа Рингель, станет перенос императорского праздника с жарких дней месяца ав на осенний период. Новой датой праздника решено сделать 13 ноября — день, когда император впервые вступил в Иерусалим.

Принятое решение было отчасти обусловлено тем, что летом, после Девятого ава, многие жители города уезжают отдохнуть от жары в прохладный Цфат или к тель-авивскому морю. Важнее, однако, то, что европейский праздник ничего не говорит иерусалимцам, признала госпожа Рингель, в то время как воспоминание о визите императора в город живет в их сердцах.

С этого момента Рингели сосредоточили всю свою энергию на подготовке к празднованию восьмидесятой годовщины императорского визита, а Риклин помогал им советами. Он два-три раза в неделю появлялся у них, называл имена людей, пожелавших участвовать в банкете, и развлекал хозяев старыми байками. Так, могильщик поведал им о поездке в Европу, предпринятой редактором газеты «Ѓа-Ариэль»[207] с целью приобретения типографского оборудования. Заручившись рекомендацией доктора Йеллинека[208], он удостоился императорской аудиенции.

— Зеленая портьера распахнулась, и в залу вошел его величество император, — рассказывал Риклин, заставляя госпожу Рингель утирать слезы. — Ровным, благорасположенным тоном он поинтересовался у реб Михла Коэна, какова будет цель его издания. И реб Михл кратко ответил императору: просвещение и прогресс.

С таким же волнением были выслушаны его

---

[207] Примечания: 207

Газета на иврите, выходила в Иерусалиме в 1874–1877 гг. под редакцией Михла ѓа-Коэна (1834–1914), бывшего также одним из редакторов «Ѓа-Леванон» — первой ивритской газеты в Эрец-Исраэль, издававшейся с 1863 г.

[208] Примечания: 208

Аарон (Адольф) Йеллинек (1821–1893) — известный издатель и еврейский проповедник либерального толка в Вене.

рассказы о встрече реб Зелига Хойсдорфа[209] с высокопоставленными придворными советниками в Вене и о том, что рав Хаим Зонненфельд считал Франца Иосифа прямым потомком римского императора Антонина, водившего дружбу с рабби Йеѓудой ѓа-Наси, составителем Мишны.

Однажды вечером, незадолго до назначенной даты банкета, Риклин появился у Рингелей, держа под мышкой большой плоский предмет — тщательно завернутый, увязанный и накрытый поверху шерстяным армейским одеялом. Отведя бритву, протянутую ему нетерпеливым хозяином дома, Риклин аккуратно развязал все узлы, снял оберточную бумагу и провозгласил:

— Красу царскую да узрят глаза наши!

— Император! — ахнули Рингели и стали в волнении стирать пыль с картины краями своей одежды.

С потрескавшегося холста на них взирал старый император, препоясанный шпагой, в шляпе с перьями на голове. Этот написанный маслом портрет, сообщил Риклин восхищенным

---

[209] Примечания: 209

Азриэль-Зелиг Хойсдорф (1826–1905) — известный общественный деятель Старого ишува. С появлением в Иерусалиме консульств Германии и Австро-Венгрии представлял ашкеназскую общину города в контактах с дипломатами указанных государств.

супругам, он выпросил на время банкета у привратника школы «Лемель». Когда этому учебному заведению, первой современной еврейской школе в Стране Израиля, исполнилось пятьдесят лет[210], граф Голуховский, возглавлявший Министерство иностранных дел Австро-Венгрии, вручил портрет императора в подарок ее директору господину Коэну-Райсу, и картина висела в его кабинете вплоть до прихода англичан. Тогда ее пришлось снять по распоряжению Сторрза, британского военного губернатора Иерусалима.

Госпожа Рингель вскинула брови, обменялась выразительными взглядами с мужем и прервала Риклина, заметив, что сейчас не время ворошить прошлое и возвращаться к старым конфликтам монарших дворов Европы. Этого особенно не следует делать в присутствии ребенка, подчеркнула она.

Приготовления к банкету достигли высшей точки вечером 12 ноября. Когда с утихших улиц исчезли последние прохожие, у дома Рингелей остановилась машина погребального братства, из которой Риклин проворно выгрузил широкие строганые доски, раскладные металлические

---

[210] Примечания: 210
Школа «Лемель» была открыта в Иерусалиме в 1856 г.

опоры и рулоны белого полотна. Отпустив машину, он взялся за работу, и, пока господин Рингель натягивал от люстры к четырем углам комнаты праздничные гирлянды, изготовленные из шпагата с прицепленными к нему черно-желтыми флажками, Риклин расставил опоры, уложил на них доски и покрыл получившийся стол белым полотном. Ни ожидавшиеся гости, ни сами хозяева дома не могли догадаться, что им предстоит вкушать пищу на досках для омывания покойников, покрытых льняными полотнищами, в которые оборачивают тела перед погребением. Все это реб Элие позаимствовал со своего рабочего места.

Был поздний час, и мать, которой все меньше нравились мои длительные визиты к соседям, сердито постучала в перегородку, разделявшую наши квартиры.

— Соседка зовет своего единственного сына, — ехидно заметила госпожа Рингель, обращаясь к трудившимся над праздничным убранством мужчинам, и я был отправлен домой.

— Ты утром не сможешь встать, — недовольно сказала мать, встретившая меня у порога. — Забыл, что вы завтра едете в «Мисс Кэри»?

8

На следующий вечер, после школьной экскурсии в Эйн-Керем и моего знаменательного визита к Ледеру, я снова оказался у соседей.

Под гирляндами, за празднично накрытым столом сидели, источая медово-уксусный аромат, порядка десяти нарумяненных женщин. Вместе со своими худосочными, одетыми в белые рубашки мужьями они внимали Риклину, который, стоя во главе стола, напевно зачитывал из потрепанной книжки какой-то торжественный гимн. Позже я узнал, что это была Сионская песнь, сочиненная Йоэлем-Моше Саломоном[211]: ею встречали императора при въезде в Иерусалим учащиеся школ «Лемель» и «Дореш-Цион». На серванте позади Риклина в обрамлении павлиньих перьев был установлен портрет старого императора. В углу комнаты рядом с Багирой Шехтер сидел Ледер, сосредоточенно сдиравший наклейку со стоявшей перед ним бутылки. Исказившая его лицо гримаса красноречиво свидетельствовала,

---

[211] Примечания: 211

Йоэль-Моше Саломон (1838–1912) — раввин, издатель и общественный деятель, инициатор целого ряда проектов по созданию новых еврейских кварталов в Иерусалиме и удаленных от этого города земледельческих поселений.

что вокальные упражнения старого могильщика не доставляют ему удовольствия. Риклин любил петь, но, когда по субботам ему случалось вести общественную молитву в сопровождении хора мальчиков синагоги «Рухама», опытные люди сразу же выходили на балкон, говоря друг другу, что даже «Марсельеза» прозвучала бы в его исполнении как заупокойная молитва.

Ледер подмигнул мне и круговым движением руки показал, как я смогу пройти к нему за спинами сидящих людей. Подвинувшись на скамье, он освободил для меня место между собой и Багирой Шехтер. Смочив языком тыльную сторону наклейки, которую ему удалось отодрать от бутылки с пивом, Ледер приклеивал ее теперь к стенке бокала с вином. Свои манипуляции он сопровождал торопливой речью, нашептывая Багире и мне, что, когда соловей допоет эту многословную просвещенческую оду, иерусалимцы дадут волю своим языкам и, как водится в любом их собрании, предадутся воспоминаниям о великом прошлом, в котором сами они не отметились сколько-нибудь приличным участием.

И действительно, когда Риклин убрал в карман пожелтевшую книжку и поблагодарил супругов Рингель за то, что они предоставили свой

гостеприимный дом для проведения банкета по случаю очередной годовщины визита короля Иерусалимского в его царственный город[212], он сразу же перешел к изложению одной из своих семейных историй. Оказалось, старший брат его матери снова и снова возвращался в своих воспоминаниях к событиям того прекрасного утра, когда он, вместе с двумя десятками молодых евреев из Австрии, приветствовал императора в Моце, где тот остановился для краткого отдыха после изнурительного ночного перехода. Сделав рукой движение лихого рубаки, Риклин сообщил, что молодые люди спустились из Иерусалима верхом на белых конях, препоясанные широкими лентами цветов австрийского флага и с саблями на боку. Сойдя с коней, они низко поклонились императору, а затем, снова вскочив в седла, присоединились к императорскому конвою и сопровождали его величество до Шхемских ворот. Вместе с ними скакала сотня бедуинов из Заиорданья, и их верблюды были обучены одновременно становиться на колени передних ног.

---

[212] Примечания: 212

В полном виде титулатура Франца Иосифа включала упоминание о нем как о короле Иерусалимском наряду с другими многочисленными королевскими, эрцгерцогскими, герцогскими, великокняжескими, графскими и маркграфскими титулами.

Взявшая слово за Риклином госпожа Цимбалист рассказала, что ее дед реб Пинхас Фрост, обладавший лучшим в городе почерком, служивший делопроизводителем консульства и собственноручно писавший приветственные адреса графа Кабуги[213], был так же и тем, кто написал на пергаменте торжественное обращение к императору Францу Иосифу от еврейской общины Иерусалима. Госпожа Юнгрейз тоже вспомнила своего деда, которому принадлежала идея покрыть шатер, построенный у въезда в город для встречи императора, целыми лимонными и апельсиновыми деревьями с висящими на них плодами. Рвение его было так велико, что в преддверии императорского проезда по Старому городу он собственноручно убрал паутину из верхней части крытого перехода между улицами Красильщиков и Хабад.

Волнение присутствующих достигло предела, когда господин Рейзис поставил на стол инкрустированную перламутром шкатулку черного дерева. Такая же точно шкатулка, сообщил он, была изготовлена его прадедом Яаковом-Довом

---

[213] Примечания: 213
Консул Австро-Венгрии в Иерусалиме в 1867–1881 гг.

Якубом по заказу колеля «Унгарин»[214] и преподнесена Францу Иосифу жителями Иерусалима. По возвращении его величества в Вену, добавил господин Рейзис, она нашла свое место в личном музее императора, вместе с другими подарками его подданных.

— Фетишисты, — буркнул Ледер и глотнул вина из стоявшего перед ним бокала. Багира Шехтер, не разделявшая его скептицизма, вместе с другими участниками банкета умиленно ощупывала шкатулку господина Рейзиса.

Когда гости снова расселись, слово взяла хранившая до сих пор молчание госпожа Рингель. Эта шкатулка и этот пылившийся в школьном подвале портрет, как и многие другие предметы, обладающие столь же значительной исторической ценностью, когда-нибудь найдут свое место в музее, который будет построен в ознаменование незабываемого императорского визита в Иерусалим, сказала она. Госпоже Рингель представлялось несомненным, что такие предметы хранятся ныне во многих домах давних жителей города.

Гостям был подан кофе, о котором господин

[214] Примечания: 214

Общинная организация Старого ишува, объединявшая выходцев из Венгрии.

Рингель сказал, что он не уступает своим вкусом и качеством напитку, подаваемому в знаменитых кофейнях на Кернтнерштрассе. Вслед за тем Риклин постучал вилкой по бутылке и объявил, что теперь он предоставляет слово своему старому другу Мордехаю-Максу Ледеру, который, как и он, принадлежит к старой иерусалимской семье, передающей из поколения в поколение бесконечную любовь к императору. В отличие от многих присутствующих, подчеркнул Риклин, Ледер имел счастье провести лучшие годы своей жизни в Вене, во дворцах и учебных заведениях которой он впитывал красоту Йефета[215]. Соединение присущих Ледеру качеств, сказал в заключение Риклин, позволит ему навести мосты истинной дружбы между старыми жителями Иерусалима и приехавшими сравнительно недавно супругами Рингель.

9

В дальнейшем Ледер не раз говорил, что только моя боязнь облачиться в тогу Баруха бен Нерии

---

[215] Примечания: 215

Йефет (Иафет) — один из сыновей Ноаха (Ноя), брат Шема (Сима) и Хама. Потомкам Йефета еврейская традиция приписывает выраженное эстетическое чувство.

и рава Натана Штернгарца[216] лишает потомков достойного описания последовавшей за этим сцены метания бисера перед свиньями.

Свое выступление он начал с того, что его дед по материнской линии реб Михл Шварц удостоился в юности особой благосклонности императора. Документы эпохи упоминают о нем как о проводнике и переводчике тайной австрийской экспедиции в окрестности Иерихона и в горы Моава. За это — здесь Ледер обвел участников банкета пристальным взглядом своих раскрасневшихся от вина глаз и перешел на взволнованный шепот — он удостоился золотого ордена, который был вручен ему самим императором. Орден с большим гербом на одной стороне и с портретом императора на другой. Никто из присутствующих такого не видел, но, когда будет создан музей, о котором говорила госпожа Рингель, он, Ледер, без колебаний отдаст его в экспозицию, хотя ныне этот орден хранится среди самых дорогих его сердцу реликвий. О, тогда все желающие смогут насладиться видом

---

[216] Примечания: 216

Барух бен Нерия упоминается в Библии как человек, записывавший слова пророка Ирмеяґу, а р. Натан Штернгарц из Немирова был главным учеником р. Нахмана из Брацлава и составителем ряда книг, излагающих учение последнего, известное как брацлавский (бреславский) хасидизм.

двух хищных птиц, сжимающих своими когтями расположенный между ними щит, на котором изображены малый императорский герб и щиты входивших в империю земель!

Далее Ледер, долив вина в свой бокал, рассказал, что сам он в юности, как и все здесь присутствующие, испытал на себе манящее очарование Вены, великолепие и благожелательное веселье которой соединялись в его глазах в образе доброго императора, глядевшего на него с дедовского ордена. Увы, когда он попал в Вену, Франц Иосиф уже покоился в могиле, и великое прошлое этого города выглядело гниющей, облезшей декорацией, выброшенной в груду руин старейшей империи Европы.

И вот, когда многие жители Вены, включая почтеннейших ее граждан и даже верховных судей, страдали от голода и тайком срубали деревья в городских садах, чтобы хоть как-то согреться в своих холодных жилищах, в одном из удаленных от центра Вены городских кварталов старый бедный человек неустанно работал над «Программой социального минимума». Мужественно преодолевая трудности, он прокладывал человечеству путь к спасению от голода и ужасов борьбы за существование.

Немногие навещали тогда одинокого мыслителя и простую женщину, которая вела его домашнее хозяйство. Что же до самого Ледера, то он удостоился встречи. с великим утопистом и стал его частым гостем благодаря замечательному поэту доктору Аврааму Суннэ и редактору «Дер идишер арбайтер» Менделю Зингеру[217], с которыми познакомился в Вене.

— А как звали профессора? — поинтересовалась госпожа Цимбалист.

Ледер, усмехнувшись, ответил, что человек, о котором он говорит, был, в числе прочего, изобретателем воздушного конденсатора, сделавшего возможной революцию в современной промышленности. Но этот человек, которого Роберт Майер ставил в один ряд с такими крупнейшими учеными девятнадцатого века, как Тиндейл и Либих, не получил преподавательской должности в венском политехническом институте из-за своего еврейского происхождения. И все же имя этого великого человека, имя не

[217] Примечания: 217

Газета «Дер идишер арбайтер» («Еврейский рабочий») выпускалась в Вильне на идише партией Бунд в 1896–1915 гг. Автор, вероятно, имеет в виду газету «Дер юдише арбайтер», выпускавшуюся в Вене на немецком языке сионистским социалистическим движением «Поалей Цион» в 1927–1934 гг. Авраам Суннэ (Бен-Ицхак, 1883–1950) — ивритский поэт, уроженец Галиции.

имевшего академического звания Йозефа Поппера-Линкеуса навсегда останется вписанным золотыми буквами в историю европейской науки и общественной мысли, и его будут помнить, когда давно забудется память многих знаменитых профессоров, его современников.

Риклин, заметивший, что уставшая публика впадает в скуку от рассеянных пьяных слов Ледера, прервал его и сказал, что участники банкета будут рады услышать от него в заключение рассказ о встречах с придворными императора, без которых, конечно, не обошлось его пребывание в Вене.

Именно это замечание Риклина вывело оратора из себя. Ледер указал на императорский портрет и прохрипел, что взрослым разумным людям давно пора избавиться от чар, которые наводит на них этот голобородый гой в бакенбардах. Лето он проводил в Бад-Ишле, со зловещей интонацией отметил Ледер, и там, в промежутке между охотой и поглощением марципанов и ромовых баб из кондитерской «Цаунер», подмахнул документ, который привел к мировой войне.

Риклин обнял Ледера за плечи и попытался его успокоить, но тот ударил кулаком по столу и завопил, что его императорское величество

был ничтожным болваном, несущим бесспорную ответственность за гибель миллионов людей. И только десяток наивных иерусалимцев да еще пара галицийских ост-юден[218], изображающих из себя великосветских господ, не желают признать этого очевидного факта.

Теперь госпожа Рингель, молча взиравшая на Ледера остекленевшими глазами, замахнулась на него пивной бутылкой и закричала, что стража закует его в цепи.

Ледер зашелся заливистым пьяным смехом, протянул подсвечник с зажженными свечами к стоявшим возле императорского портрета павлиньим перьям и поджег их концы с многоцветными глазками.

Риклин и Багира Шехтер поспешно схватили его за локти и вытолкали во двор. Господин Рингель размахивал шляпой, пытаясь разогнать заполнивший комнату отвратительный запах паленых перьев. Гости один за другим покидали квартиру, стараясь уйти незамеченными.

---

[218] Примечания: 218

Ост-юден — «восточные евреи», принятое у евреев Германии название евреев из Восточной Европы, часто носило пренебрежительный характер.

Глава седьмая

1

— Меня вытащили оттуда точь-в-точь как австрийского принца, — со смехом вспоминал Ледер на следующий день. Сидя за столиком в кафе «Вена», он смотрел через широкое окно на Сионскую площадь, надувал щеки и с силой выдувал воздух, производя звук, недвусмысленно выражающий презрение.

Ледер и сам не был в этом уверен, но, кажется, байка о принце припомнилась ему из сборника народных историй, опубликованных галицийским бытописателем Бен-Йехезкелем[219]. Так или иначе, в глинской синагоге[220] рассказывали, что покончивший с собой кронпринц Рудольф, любимый сын Франца Иосифа, не был вынесен к могиле подобно обычным смертным. Вместо

---

[219] Примечания: 219

Мордехай Бен-Йехезкель (Ґальперин, 1883–1970) — педагог, эссеист, собиратель еврейского фольклора и исследователь хасидизма.

[220] Примечания: 220

Глина — населенный пункт в Хорватии. Допустив ошибку в авторском написании его названия, можно предположить, что речь идет о местечке Глиняны, ныне во Львовской области Украины.

этого ему в ноги вставили пружины, и казалось, что он идет сам, поддерживаемый с двух сторон свитскими офицерами.

Было естественно предположить, что, проснувшись наутро и увидев события минувшего дня в свете разума, Ледер устыдится своего поведения и запрется дома на несколько дней, предоставив новым событиям стереть память о предыдущих. Тем более вероятным казалось, что если он и решится выйти из дома, то не поспешит туда, где ему легко мог встретиться кто-нибудь из участников вчерашнего банкета. Не так обстояло дело в действительности.

Утром по пути в школу я размахивал пакетом с едой, безуспешно пытаясь развеять оставшийся в моей памяти запах паленых перьев. Пройдет три года, Ледер сойдет с ума окончательно, и такая же вонь окутает собравшихся у его дома, а самого хозяина санитары затолкают в машину больницы «Эзрат Нашим»[221]. Однако в тот день главнокомандующий продовольственной армией, выросший передо мной у входа в кафе «Вена»,

---

[221] Примечания: 221

Первая в Стране Израиля и на Ближнем Востоке психиатрическая больница, была создана в 1894 г. в Старом городе, перенесена в 1899 г. в новый иерусалимский район Мазкерет Моше, ныне функционирует в районе Гиват-Шауль как гериатрическая и психиатрическая больница «Герцог».

торжественно заявил:

— Нет, мой любезный друг, это не поражение в войне, а всего лишь проигранный бой!

Вслед за тем он провел меня к своему столику и добавил:

— Запах пороха не должен пугать того, кто вышел на битву!

В только что открывшемся кафе царила полутьма. Здесь явственно ощущался не выветрившийся с ночи запах табака и пива. Журналисты «Джерузалем пост» и иностранные корреспонденты, завсегдатаи этого заведения, еще не появились, и облаченный во фрак метрдотель, о котором рассказывали, что он обслуживал самого Томаша Масарика, использовал утреннее затишье для вразумления двух несчастных официанток. Стараясь не привлекать внимания немногочисленных посетителей, он быстро выговаривал им за что-то на венгерском.

В углу, под написанной маслом картиной с изображением струящейся среди скал и деревьев горной реки, Малкиэль Гринвальд корпел над одним из своих «Писем членам „Мизрахи“». Через несколько лет эти грубые, распечатанные на ротаторе послания приведут его на первые полосы газет в связи с обвинением в клевете,

которое выдвинет против него доктор Исраэль Кастнер[222]. Рядом с Гринвальдом сидели два адвоката-пенсионера, продолжавших шахматную партию, начатую ими, казалось, еще накануне. Никто из них не обратил внимания на мальчика, положившего свой школьный ранец на столик кафе и молча внимавшего взрослому человеку странного вида. Тот, с распухшими глазами, без устали втолковывал ему что-то.

— Политика есть искусство возможного, а не искусство желаемого, — произнеся эти слова, Ледер провел языком по губам от одного уголка рта до другого. — Мы, конечно, продолжим действовать во всех направлениях, но с этого момента нам следует избегать фронтальных атак.

Примером ему служил царь Давид, который не

---

[222] Примечания: 222

Малкиэль Гринвальд (1882–1968) — житель Иерусалима с 1938 г., родом из Венгрии, где позже погибла его семья. В начале 50-х выпускал самодельную газету под названием «Письма членам „Мизрахи“», в которой, в частности, обвинил д-ра Исраэля Кастнера, представлявшего в 1944 г. Еврейское агентство на переговорах с Эйхманом и его агентами в Будапеште, в содействии нацистским планам уничтожения венгерского еврейства. В 1953 г. Кастнер подал иск против Гринвальда в Иерусалимский окружной суд, который в 1955 г., признав клеветническим одно из частных утверждений Гринвальда, вынес в целом крайне неблагоприятный для Кастнера вердикт, в котором среди прочего говорилось, что тот «продал душу дьяволу». В 1957 г. начался кассационный процесс по иску Кастнера в Верховном суде, завершившийся год спустя его оправданием, но сам Кастнер к тому времени уже был убит членами т. н. црифинского подполья.

сразу занял Иерусалим, сердце Страны Израиля, но лишь после того, как установил свою власть над прочими ее областями. И даже тогда Давид прибегнул к военной хитрости. Подобно ему, и мы, говорил Ледер, оставим Вену напоследок, и тогда я, его верный военачальник, Йоав линкеусанства, проберусь в водопроводный туннель и удалю ненавистных его душе слепцов и хромых[223], каковые суть венцы, привычные лизать марципаны и задницу императора. Вот тогда-то мы и войдем триумфаторами в ее ворота.

— Небесная Вена ждет нас в изгибах будущего, подобно прекрасной невесте в свадебном убранстве, ждущей своего жениха, — провозгласил Ледер. Затем он обхватил голову руками и погрузился в размышления.

По прошествии недолгого времени мой друг стряхнул с себя пьяную дрему и заговорил еще оживленнее. Схватив деревянную планку, к которой была прикреплена утренняя газета, Ледер указал ею на Гринвальда и двух шахматистов. Теперь здесь сидят лишь этот старый бунтарь с

[223] Примечания: 223

Йоав бен Цруя (Иоав, сын Саруи) — племянник Давида и его главный военачальник на протяжении долгого времени. Таинственное упоминание о туннеле и удалении слепых и хромых содержится в повествовании о завоевании Давидом Иерусалима, см. Шмуэль II, 5:8.

козлиной бородкой да игроки в *ишкуки*[224], но не так обстояло дело в сороковых. Послеполуденные часы скрашивались здесь «Сказками Венского леса» в исполнении маленького оркестра. Вон там — газета на планке развернулась парусом, и Ледер указывал ею в сторону окошка, за которым официантки шушукались с поварихами, — вон в том запылившемся стеклянном шкафу были выложены лучшие в Иерусалиме фруктовые пирожные и кайзершмаррны. А теперь? Виолончелист, скрипачка и пианистка давно разбежались. Стеклянный шкаф пуст, и только заплесневевшие арахисовые пирожные хранятся где-то на кухне для постоянных клиентов.

— Это легкие колебания стрелки сейсмографа, но они предвещают мощное землетрясение, — объяснил смысл отмеченных им изменений Ледер. — Увы, люди не хотят понимать смысл ниспосылаемых им знаков. Они прячут голову в песок, успокаивают себя, держатся за иллюзии и не пытаются встретить грядущую катастрофу во всеоружии.

Он погрозил мне пальцем и продолжил:

— Истощение земли становится все более

[224] Примечания: 224

Средневековое название шахмат в иврите, вероятно происходящее от французского слова *échecs*.

острой проблемой, но безответственные европейцы не желают думать о благе будущих поколений и не используют землю для производства хлеба и хлопка. Вместо того чтобы накормить голодных и одеть нагих, они разбазаривают остающиеся у человечества ресурсы на производство изысканных яств и предметов роскоши для немногих. Час великого прозрения настанет, он уже близок, и тогда люди будут довольствоваться даже водорослями, лишь бы не умереть с голоду, но к тому времени мировой океан уже будет отравлен топливными отходами и детергентами из канализационных стоков.

Кафе быстро заполнялось людьми, однако пребывавший в пророческой экзальтации Ледер не замечал обращенных на него взглядов. Не заметил он и появления господина Рейзиса, доставившего накануне такое удовольствие участникам банкета у Рингелей инкрустированной шкатулкой своего деда. Рейзис, хозяин находившейся неподалеку сувенирной лавки, зашел в «Вену» выпить утренний кофе и оглядел помещение в поисках подходящей компании. Заметив нас, он подошел к нашему столику, коснулся края своей шляпы, отвесил Ледеру легкий поклон и сказал:

— А гут морген, герр Пау!

Последняя неоконченная фраза Ледера треснула, как тонкое, сильно разогретое стеклянное блюдце, к которому приложили кусок льда. Он встал и, не говоря ни слова, покинул кафе, а я поспешил за ним.

2

Не разговаривая друг с другом, мы поднимались по улице Бен-Йеѓуда. Ледер рыскал затуманенным взглядом по витринам и лицам прохожих, не переставая повторять услышанную им фразу:

— А гут морген, герр Пау.

По ту сторону мостовой, у входа в винный магазин «Кармель Мизрахи», господин Садомский, глава местного отделения ассоциации виноделов, о чем-то оживленно беседовал со стоявшим к нам спиной человеком с короткой армейской стрижкой. Садомский был, по своему обыкновению, одет в защитного цвета шорты, но прохлада зимнего утра давала себя знать, и на его плечи была наброшена козья шкура. Голову винодела покрывала широкополая австралийская шляпа, на боку висела кобура. Нахум Садомский имел репутацию смелого охотника, и мы, возвращаясь из школы, часто заходили к нему в магазин вы-

прашивать гильзы.

— Скажи, а правда ли, что до войны Садомский ездил в Иерихон и в Заиорданье? — спросил я своего спутника.

Ледер отвлекся от своих дум, посмотрел в сторону магазина и, не отвечая на мой вопрос, сообщил, что нам уготована замечательная иллюстрация к тому, о чем он сейчас размышлял. Когда мы переходили улицу, он успел шепнуть мне, чтобы я держал глаза открытыми и запомнил то, что увижу.

Вблизи заставленного стеллажами с бутылками магазина явственно ощущался винный запах. Липкий тротуар у входа и блестевшие на асфальте осколки стекла говорили о том, что при разгрузке прибывшего с винзавода грузовика здесь уронили ящик. Говоривший с сильным русским акцентом Садомский размахивал руками и увлеченно рассказывал своему собеседнику, как он пробирался сквозь высоченные заросли. Слушавший выражал кивками восхищение.

— Ну, что ты о нем скажешь? — с усмешкой спросил Ледер, когда мы отошли от магазина. — Натуральный Франц Иосиф.

— Кто Франц Иосиф? Садомский похож на Франца Иосифа?

— Идиот, я же сказал тебе смотреть внимательно, — раздраженно буркнул Ледер. — Нам придется теперь вернуться, — добавил он, — чтобы ты разглядел наконец своими слепыми глазами то, что должен был увидеть с первого раза.

Теперь я и в самом деле заметил, что выбритый подбородок и бакенбарды придают собеседнику Садомского сходство с императором, портрет которого Риклин доставил из школы «Лемель» для украшения вчерашнего банкета. Возле кафе «Атара» Ледер свернул в узкий проход и, убедившись, что за нами никто не следит, сказал, что этого болвана, владеющего табачным магазином на улице Мелисенды[225], наша соседка и ее друг господин Рейзис могли бы поставить себе царем. Для иерусалимского Густава Герлинга, как и для венского Фройма-Йосла, в этом мире не существует ничего, кроме женщин, огня и дыма, пояснил Ледер. Они щекочут бакенбардами бедра своих любовниц, скользят гладкими подбородками по

[225] Примечания: 225

Прежнее название улицы Царицы Елены (Элени ѓа-Малка) в центре Иерусалима. Мелисенда, дочь короля крестоносцев Болдуина II, правила в Иерусалиме в 1131–1153 гг. Елена, царица античного государства Адиабена, в начале I в. вместе со своим сыном Монобазом II (Монбаз) обратилась в иудаизм и снискала известность щедрыми дарами Иерусалимскому храму.

их животам, и все их помыслы сводятся к обогащению и разрушению жизни других людей.

— *А гут морген, герр Пау! А гут морген, герр Пау!* — С этими словами Ледер покрутил отставленным задом и изобразил руками раскрывшийся веер. Мерзавец Рейзис, уже с утра щеголяющий в одном из своих парижских костюмов, в кричащей шелковой сорочке и в шляпе борсалино, посмел назвать павлином его — человека, который, как и подобает истинному линкеусанцу, во всем следует принципам скромности и сознательно довольствуется малым. От кого он, Ледер, услышал это оскорбление? От устроителя салонных танцев в кафе!

— Ладно, хватит, — сказал себе Ледер и надолго умолк.

В следующий раз он заговорил, когда мы миновали квартал Нахалат-Шива и вышли к саду Мамилы. Здесь он прислонился спиной к столбу все еще горевшего уличного фонаря и сказал, что вчера вечером и сегодня утром мне довелось впервые отпить из кубка страданий, который судьба преподносит всякому утописту, когда тот, выйдя из тиши своего кабинета, пытается изменить мир.

Ледер снял с лацкана своего пиджака значок

с лучащимся глазом на мачте и, покрутив его в руках, прикрепил к тыльной стороне отворота, как тайный агент. Пока наши современники не дозрели до постижения мудрости Поппера-Линкеуса, сказал он, нам придется действовать скрытно.

— А ты, мой юный брат, да не устрашится сердце твое презрения гордецов![226]

Указав на высокие эвкалипты в саду, Ледер выразил уверенность, что тот, кто, подобно мне, видел унижение родного отца, получившего в синагоге презрительное прозвище Клипта за свою неготовность принять без раздумий чужое мнение, уж конечно не убоится этого Рейзиса, посмевшего назвать его, Ледера, герром Пау.

— Основание твое на святых горах[227], — продолжил Ледер, положив руку мне на плечо. — Ни в коем случае не забывай, что твой прадед искал время в горах, когда все еще здесь сидели, запершись в своих домах, а дед отправился в далекую

---

[226] Примечания: 226
Парафраза слов псалмопевца в Теѓилим, 123:4.

[227] Примечания: 227
Парафраза слов псалмопевца в Теѓилим, 87:1.

Латакию за таинственным тхелетом[228].

Мои предки гонялись за суетными наваждениями, пояснил Ледер. Современному человеку нет никакой нужды в том, что они считали сокровищами. Но даже и убежденный атеист не может закрыть глаза на их смелость, на присущее им презрение к чужим насмешкам и решимость следовать зову сердца.

— В твоих жилах течет их кровь, и тебе уготовано великое будущее, — мой друг-утопист снова заговорил с пророческим пафосом. — Только не дай твоей матери повлиять на тебя. У нее другая, тоскливая, литовская кровь, обычная для завистливых учеников Виленского гаона[229]. Не дай ей заразить тебя их ненавистью ко всему, что отмечено полетом фантазии.

---

[228] Примечания: 228

Тхелет — название дорогостоящей устойчивой синей краски, производимой из некоторого вида морских животных. Согласно заповедям Торы, эта краска использовалась при изготовлении цицит (кистей на краях четырехугольной одежды), а также чехлов для сосудов Скинии и священнических одежд. Традиция идентификации и производства тхелета, определяемого ныне как одна из разновидностей пурпура, была утрачена евреями в постталмудические времена, по всей видимости — в результате арабского завоевания Страны Израиля, разорившего районы его производства на побережье Средиземного моря.

[229] Примечания: 229

Виленский гаон — почетный титул р. Элияґу бен Шломо-Залмана (1720–1797), выдающегося еврейского законоучителя, принципиального противника хасидизма. Его последователи, жившие до начала XX в. главным образом в Литве, имеют репутацию чуждых эмоциональным

проявлениям людей со скептическим складом ума.

3

Мать никогда не скрывала своей неприязни к родственникам отца.

Ни одна ее ссора с ним не обходилась без того, чтобы она припечатала его предков, имевших печальную склонность оставлять своих жен, пускаясь в немыслимые предприятия, из которых они возвращались только в супружескую постель, на обрезание своих сыновей да к свадьбам детей.

— Как петухи, — цитировала мать в таких случаях презрительное высказывание мудрецов Талмуда. — И не делай вид, будто не понимаешь, о чем я. Почему все мужья помогают женам, только от тебя помощи не дождешься? Даже судья Фрумкин ходит по четвергам с женой на рынок, помогает ей совершать покупки и гордо несет за ней ворох сумок с продуктами, не смущаясь удивлением зевак. Ущерба своему достоинству он в этом не видит. А у нас все наоборот.

Когда мать совсем выходила из себя, что не раз случалось в период отцовских поисков истинной аравы, она шла в чулан и приносила оттуда медное стиральное корыто с выбоиной на днище. Этим корытом мой прадед был спасен от

обвала, вызванного цфатским землетрясением в тридцатых годах прошлого века[230]. В гневе мать швыряла его на землю, пинала ногами и кричала, что, если бы не эта посудина, ее жизнь была бы совсем другой. Отец закусывал в таких случаях губы.

— Почему ты молчишь? — кричала ему мать.

— А чего ты хочешь, чтобы и я тоже вопил? — отвечал отец.

Он никогда не пытался оправдываться и не защищал деяния своих предков, почти не вспоминавшиеся в нашей семье из-за того, что мать всякий раз бурно выражала свои чувства по отношению к ним. Но кое-что о них приоткрылось мне в тот день, когда отец в третий раз отправился на поиски истинной аравы и у нас заночевала тетя Цивья.

Утром того дня отец не вернулся с молитвы. Мать сама открыла лавку, делая вид, что отсутствие мужа нисколько ее не волнует. В перерыве между обслуживанием клиентов она присела подкрепиться йогуртом, пресным сыром и бутылочкой медового напитка «Цуф», приговаривая

---

[230] Примечания: 230

В результате сильного землетрясения в Галилее в 1837 г. еврейский квартал города Цфат был разрушен и там погибло порядка 2000 человек.

при этом, что не опечалится, если его заберет *Шварцер йор*[231], и не пойдет его хоронить, если он будет, словно кошка, раздавлен автомобилем на улице Яффо. Однако деланое равнодушие матери сменилось открытым приступом ярости, когда зашедшая в лавку госпожа Адлер между делом поинтересовалась у нее, приготовились ли мы к приему важного гостя. Заметив крайнее удивление на лице матери, наша страдающая базедовой болезнью соседка объяснила, что, проходя утром мимо автовокзала, она случайно увидела отца, садившегося в хайфский автобус. Из этого ею логическим путем был сделан вывод, что отец отправился в Хайфу встречать важного гостя.

Решительно разогнав покупательниц, не умевших скрыть своего любопытства, мать закрыла лавку и пошла в почтовое отделение Меа Шеарим отправлять телеграмму в Хадеру.

Тетка Цивья, старшая сестра отца, была единственным человеком, имевшим какое-то влияние на его мятежную душу. С тех пор как она вместе со своим мужем Танхумом Дейчем уехала из Иерусалима в Хадеру, прошло много лет, но ей по-прежнему удавалось уверенно управлять делами

---

[231] Примечания: 231
Черный год (*идиш*).

нашей семьи. Тетка утверждала, что взгляда на листья апельсинового дерева, ветви которого тянутся с улицы в окна ее квартиры, ей бывает достаточно, чтобы узнать, что в Иерусалиме приключилось что-то недоброе. И действительно, часто бывало, что она приезжала к нам еще до получения отправленной матерью телеграммы.

Так случилось и в этот раз.

4

В вечерний час, когда священники входят есть приношения[232], дверь нашей квартиры распахнулась и в ней показалась тетка Цивья. Вопреки своему обыкновению, она не была окутана сладким запахом ладана и не держала в руках банку домашнего цитронового варенья. Увидев нас с матерью сидящими посреди неубранных кроватей и банок с пучками эвкалиптовых и ивовых веток, тетка испуганно спросила, верно ли ей подсказало сердце, что с братом приключилась беда.

Мать пожала плечами и ответила, что ее золовке, возможно, пора оставить заботу о младшем брате и обратить наконец внимание на его

[232] Примечания: 232

Здесь цитируется фраза из самого начала Талмуда, открывающая обсуждение темы о времени чтения Шма по вечерам.

несчастную жену и растущего сиротой ребенка, которые изнемогают из-за постыдных причуд этого болвана. Тетка Цивья нахмурилась и взялась за ручку чемодана, показывая, что намерена немедленно покинуть наш дом. Мать поняла, что хватила через край, и попросила золовку присесть, заодно поинтересовавшись, как она успела получить отправленную в полдень телеграмму.

— Ты посылала депешу? — удивилась тетка Цивья.

Никакой телеграммы она не получала, а приехала к нам потому, что ее позвали в дорогу знаки. Мало того что листья на лезущих в кухонное окно ветках апельсинового дерева были совсем поникшими, так еще и в гостиной у себя тетка заметила навернувшиеся слезы на глазах у моей матери под фатой. Свадебная фотография моих родителей стояла у нее на комоде, застекленная, в рамке.

— Прекрасная молодая невеста стала вдруг такой грустной, — сказала тетка. И что же ей было делать? Оставив своему Танхуму пищу на керосинке, она села в первый же иерусалимский автобус.

— Я уже и забыла, что была когда-то молодой и красивой, — вздохнула мать, а потом доба-

вила, что в знаки она все же не верит. Листья апельсинового дерева наверняка покусаны средиземноморской мошкой, а слезы на глазах у невесты — не что иное, как проникшая под стекло влага.

Тетка Цивья уселась на край дивана, с которого мать убрала кипу только что постиранного и еще не разобранного белья, положила одну ногу на другую и стала медленно сматывать с нее эластичный бинт. Завершив эту процедуру с одной ногой, она взялась сматывать бинт с другой и в конце концов обнажила обе свои волосатые голени. Из-за этой ее особенности мать за глаза называла тетку царицей Савской, о которой она достоверно знала, что у той были волосатые ноги. Туго свернув бинты, Цивья сказала, что отдыхать ей, похоже, придется уже в могиле.

— Может быть, сходишь к соседям? — предложила мне мать, вспомнив заодно, что у Рингелей должны быть припасены для меня новые австралийские марки. Выходя из дома, я услышал, как тетка жалуется, что у нее не осталось сил нести на своих плечах всю эту семью.

Танхум Дейч сразу же после свадьбы позаботился о том, чтобы удалить свою молодую жену от ее родни. Реб Бенцион Ядлер — тот самый

проповедник, которого Агнон вывел в своем романе «Вчера и третьего дня» в образе раввина Гронема Якум-Пуркана, — искал тогда человека, который станет представителем иерусалимского раввинского суда в земледельческих колониях Самарии[233], и Танхум Дейч с радостью согласился стать таковым. Его обязанностью был надзор за отделением десятины и иных установленных приношений от производившейся земледельцами продукции, но, как говорил дядя Цодек, Дейч быстро понял, с какой стороны бутерброда намазано масло. Сбрив бороду и пейсы, он выбросил свой полосатый халат и устроился на работу чиновником в больничную кассу «Ѓистадрута»[234].

Под вывеской «Шелка Закс» тетка Цивья открыла у себя на дому ателье, в котором она учила жительниц Хадеры кройке и шитью и приторговывала остатками ткани. Вывеску украшала

---

[233] Примечания: 233

Шмуэль-Йосеф Агнон (1887–1970) — израильский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе. Географический термин «Самария» охватывает здесь также и северную часть израильской Приморской равнины. Русский перевод романа см.: Шмуэль-Йосеф Агнон. Вчера-позавчера. М.: Книжники, 2010,

[234] Примечания: 234

Белый в серую полоску халат был характерной одеждой иерусалимской ашкеназской общины Старого ишува и остается таковой у некоторой части иерусалимских ультраортодоксов до настоящего времени. «Ѓистадрут» — название конфедерации израильских профсоюзов.

бабочка со скроенными из разноцветных обрезков крыльями. Дяде Танхуму не нравилось, что жена «устроила рынок» у него дома, да и вообще, жаловался он моим родителям, когда мы раз в год, сразу же после праздника Шавуот, приезжали к ним в гости, много ли нужно семейной паре? Детей у них не было, и его заработка в самом деле хватало для пропитания семьи, но тетка Цивья упорно отказывалась закрыть ателье, дававшее ей собственный источник дохода и определенную независимость от мужа.

Тетка любила прихвастнуть, что дома у нее бывает «половина Хадеры», но при этом страшно скучала по Иерусалиму и, как сама она выражалась, «сидела на чемоданах» в ожидании дня, когда с выходом мужа на пенсию сможет вернуться в родной город. А пока этого не случилось, говаривал Танхум Дейч, его жена обеспечивает стабильный доход транспортному кооперативу «Эгед»: раз в две-три недели Цивья выезжала в Иерусалим первым автобусом и бралась здесь за управление делами нашей семьи. Она мирила своих братьев с их женами, навещала подруг и, когда ощущала тяжесть на сердце, шла поклониться могилам своих родителей.

Ее последней остановкой в Иерусалиме ста-

новился наш дом. Тетка приходила вечером — с неизменной банкой цитронового варенья для меня и с небольшим отрезом ткани для матери, из которого, как она уверяла, толковая портниха сумеет пошить рубашку, а если исхитрится, так даже и юбку. Для отца у нее были припасены рассказы о новых репатриантках, заполняющих ее дом и скупающих, «как саранча», остатки ситца и броката, к которым никто из солидных клиентов не проявляет интереса. Цивья не жаловала новоприбывших, называла их «понаехавшими» и, насладившись ломтиками консервированного ананаса, банку которых мать специально для нее открывала, заводила рассказ об обитательницах транзитных лагерей, смазывающих волосы маргарином за неимением бриллиантина и щеголяющих в розовых комбинезонах из искусственного шелка, которые им раздает «Сохнут»[235].

Ближе к ночи мать застилала для Цивьи мою кровать, отправляла меня спать с отцом, а сама садилась в кресло рядом с золовкой и тихо разговаривала с ней в темноте до тех пор, пока одну из

[235] Примечания: 235

«Сохнут» — агентство (*ивр.*), краткое название Еврейского агентства, основной задачей которого стало с провозглашением независимости Израиля содействие репатриации.

них не одолевал сон.

5

Вернувшись в тот вечер из ссылки к соседям, я неожиданно услышал от матери, что буду спать в своей постели. Гостье досталась кровать отца, ночевавшего, как все полагали, у резника в одном из далеких галилейских селений. Тетка Цивья уже лежала, укрывшись одеялом до носа, и молча рассматривала потолок. Ее вставные зубы, поблескивавшие в стакане рядом с кроватью, напоминали челюсти древнего морского животного. Когда я выключил свет в своей комнате, тетка снова заговорила с матерью, и ее лишившийся твердости голос был совсем не похож на тот, каким она говорила днем.

Моим появлением была прервана беседа про деда. Чем чаще он исчезал из дома, рассказывала гостья, тем больше его жена замыкалась в себе, и в конце концов она вообще перестала вставать с постели. Даже в жаркие летние месяцы бабка лежала под пуховым одеялом и поглаживала рукой белый пододеяльник. Движениями ее ладони обозначались маршруты воображаемых путешествий по ледяной пустыне, и эти путешествия часто заканчивались плачем.

— Моя маленькая девочка, — стенала бабка, имея в виду свою ладонь, — провалилась в глубокую снежную яму.

Она просила, чтобы ей принесли веревку и помогли вытащить малютку из смертельной ловушки.

— Она уже и по нужде ходила под себя, а ведь была нашей сверстницей, — говорила тетка Цивья. — Сколько ей тогда было? Лет сорок. Может, сорок три.

Тетке, молодой тогда девушке, пришлось в лучшие ее годы ухаживать за лишившейся рассудка матерью.

— И все это — ради синей слизи, — ядовито заметила моя мать. — Ради каких-то нелепых ракушек[236].

— Не греши языком! — одернула ее тетка и тут же поспешила напомнить, что ее отец был выдающимся знатоком Торы, чьи авторитетные суждения относительно библейского тхелета высоко ценили Радзинский ребе[237] и рав Йе-

[236] Примечания: 236

Имеется в виду поиск моллюсков, железы которых содержат сильные пурпурно-голубые красители и могут быть использованы для изготовления тхелета.

[237] Примечания: 237

По названию города Радзынь-Подляски в Люблинском крае Польше, где сформировалось одно из направлений хасидизма.

хиэль-Михл Тукачинский, величайшие учителя своего поколения.

Дома у них, вспоминала тетка, повсюду стояли склянки, прозрачные и янтарного цвета, и в них находились моллюски, которых ее отец привозил из своих путешествий.

— Совсем как ива и эвкалипт, цветущие в нашем раю! — отреагировала моя мать с прежней язвительной интонацией.

Тетка снова попыталась успокоить ее рассказом о мудрецах Торы и каббалистах, часто бывавших у них дома. Восхищаясь результатами изысканий ее отца, они не раз говорили, что, когда день Избавления настанет и Храм будет отстроен, он станет первым человеком, к которому обратятся за мудрым советом изготовители священнических одежд.

Однажды, продолжила тетка свою речь в темноте, в их бедную квартиру, находившуюся в одном из домов колеля «Унгарин», явились два элегантно одетых француза. Нахум Абушадид, преподаватель французского языка из школы Альянса, сопровождавший их в качестве переводчика, сообщил, что его спутники представляют парижскую фабрику Гобеленов, которая, как известно, является главным в мире производи-

телем текстильных красителей. Они специально прибыли из Европы, прослышав об открытиях деда, и рассчитывают приобрести у него лицензию на производство *Indigo israélien.* Французские гости кивали, и Абушадид дал понять, что они готовы заплатить любые деньги за собранных дедом моллюсков и известную ему рецептуру красителя.

Дед ответил на это, что он и в самом деле приблизился на расстояние вытянутой руки к открытию древнего тхелета, однако до конца это расстояние не преодолел. Но главное препятствие к тому, чтобы он поделился с французами результатами своих изысканий, состоит в том, что все его деяния совершались во имя Господа, а именно ради того, чтобы его единоверцы снова могли вплетать синюю нить в кисти на краях четырехугольной одежды. Он также видит своим мысленным взором священников, облаченных в небесно-синие одежды при совершении службы в отстроенном Храме. И уж совсем не для того он пускался в опасные странствия, чтобы парижские кокотки и их кавалеры являлись облаченными в тхелет в свои притоны разврата.

Абушадид, не на шутку перепугавшись, в самом общем виде известил французских гостей о

последовавшем отказе. Те изумленно смотрели на стоявшего перед ними непреклонного пресбургского еврея и на его жену, которая бессильно лежала в кровати и вела бесконечный разговор со своей путешествующей по складкам одеяла ладонью. Возможно, предположили французы, они специально посланы к деду Богом, чтобы избавить его от этой немыслимой нищеты, подобно явившимся к Аврааму ангелам, «как сказано в вашем Ветхом Завете».

Дед широко улыбнулся и сказал, что, поскольку его гости демонстрируют впечатляющие познания в Священном Писании, он ответит им с помощью понятного библейского образа. Только дураки продают свое первородство.

— Вот уж накидка, целиком сотканная из тхелета[238], — насмешливо прервала мать теткин рассказ.

Вспомнив речение «не будь чересчур праведным»[239], она допустила, что консилиум знаменитых французских врачей сумел бы поставить ее свекровь на ноги и вернуть ей рассудок.

---

[238] Примечания: 238

Традиционный иронический образ, подразумевающий совершенно безгрешного праведника.

[239] Примечания: 239

Коѓелет (Екклесиаст), 7:16.

Да к тому же, добавила мать, если бы бабка не умерла вскоре после визита французов, ее праведный муж испросил бы у ста раввинов особое разрешение и взял бы себе вторую жену.

— Хватит тебе уже, — отвечала тетка, ворочаясь на заскрипевшей кровати. — После смерти святыми назови[240].

Несколько дней спустя представители фабрики Гобеленов снова явились к упрямому иерусалимскому еврею. Насмотревшись вдоволь на склянки с моллюсками, они и теперь удалились ни с чем. Дед жаловался на докучавших ему парижских визитеров, но в глубине души гордился их вниманием и видел в нем подтверждение своей правоты.

Значительный поворот в его научно-ґалахическом исследовании стал результатом случая. Както раз дед явился к доктору Мазе, имея намерение пригласить того к постели своей жены. Ожидая в приемной, он разговорился с галилейским евреем по фамилии Элиович. Тот, обнаружив в окрестностях Тель-Хая растение, отвар которого

---

[240] Примечания: 240

В такую фразу могут быть сложены названия трех последовательных недельных разделов чтения Торы в книге Ваикра: «Ахарей мот», «Кдошим» и «Эмор». Прочитанные как фраза, эти слова обретают смысл «После смерти святыми назови», звучащий также и в общеизвестном присловье «О мертвых — только хорошее».

обладал прекрасным крепительным эффектом, привез свое зелье знаменитому иерусалимскому медику для клинических испытаний. Завязавшаяся в приемной беседа показала, что достигший Парижа слух об успехах деда на поприще восстановления древнего красителя докатился и до Нижней Галилеи. Так или иначе, Элиович сообщил своему собеседнику, что, увидев однажды в озере Хула участок с водой великолепно синего цвета, он нырнул там несколько раз и обнаружил моллюсков, выделявших ярко-синее вещество, придававшее соответствующую окраску воде.

Уже через несколько дней дед приехал в Йесуд́а-Маалу, встретил там Элиовича и отправился вместе с ним на поиск моллюсков. Они долго блуждали в топкой глине у берегов озера и, наверное, увязли бы там навсегда, если бы им не помогли пришедшие за тростником бедуины.

Вернувшись из Галилеи, дед привез с собой несколько закупоренных склянок с моллюсками в зеленой болотной воде. Он с удвоенной энергией возобновил свои опыты и вскоре произвел устойчивый ярко-синий краситель, который использовал для окраски шерстяных нитей. Те заняли почетное место на полке у него дома и с гордостью предъявлялись им посетителям.

Оказалось, однако, что открытый им способ производства синих нитей имеет авторитетных противников. Литовские раввины опирались на мнение Рамбама, считавшего, что искомый пурпур может быть произведен только из моллюсков Средиземного моря, обитающих у побережья надела Звулуна, о котором сказано: «У брега морей будет жить и у пристани корабельной, и предел его до Цидона»[241]. Как следствие, произведенный дедом краситель они не считали заслуживающим названия «тхелет». В то же время каббалисты из ешивы «Бейт Эль» опирались на «Зоґар»[242], где сказано, что моллюск для производства нужного красителя должен обитать в озере Кинерет, у берегов которого сокрыт посох мессии и которое, таким образом, станет отправной точкой освобождения Израиля. Отмечая близкое расположение и тесную связь озер Кинерет и Хула, они выражали уверенность, что сделанное дедом открытие позволяет евреям вернуться к полноценному исполнению запове-

[241] Примечания: 241

Берешит, 49:13. Звулун (Завулон) — одно из колен Израиля. Цидон — город Сайда (Сидон) на юге современного Ливана.

[242] Примечания: 242

Главный каббалистический труд, получивший распространение в XIII в.

ди о кистях на краях четырехугольной одежды с вплетением в них синей нити.

Разразившийся спор побудил деда отправиться в новые странствия, рассказывала тетка Цивья, и он исходил все побережье Средиземного моря от Хайфы до Цидона, а потом и до Латакии. Днем он рылся в песке, а на ночлег устраивался с рыбаками на берегу или забирался в какое-нибудь разрушенное здание. Однажды дед поскользнулся на скалистом обрыве, именуемом Тирской лестницей, и чуть не сорвался в море. Три недели спустя он вернулся домой с пустыми руками и сокрушенно процитировал сказанное в трактате «Менахот»[243] о том, что тхелет изготавливают из моллюска, который подымается в прибрежные воды раз в семьдесят лет. Свое фиаско дед связывал с тем, что не сумел рассчитать правильный срок его появления.

Правильный срок возвращения домой он тоже не сумел рассчитать. Сыновья встретили его на пороге с отросшими бородами, дочери — с заплаканными глазами. Жена умерла, пока он скитался.

---

[243] Примечания: 243

Один из трактатов Талмуда, основная тематика которого связана с хлебными приношениями и возлиянием вина на жертвенник в Иерусалимском храме.

— Каменные у них сердца, — со всхлипом сказала мать. — Что отец, что сын. У обоих каменные сердца. Когда мой исчез во второй раз две недели назад, тоже мог обнаружить по возвращении, что жены его больше нет.

Она встала, погасила свет в спальне и заглянула ко мне в комнату. Я притворился спящим.

— Ребенок устал от этого дня, — сказала тетка Цивья.

— Ребенок устал от этой жизни, — ответила мать и перешла на шепот.

Много лет спустя, уже будучи взрослым и даже женатым, я решился спросить у матери, что произошло с ней в тот день, когда отец исчез во второй раз.

— Так ты не спал, когда мы разговаривали с Цивьей? — спросила она с запоздалым упреком.

— Не спал.

— Вечером того дня у меня случился выкидыш.

6

О том, чем завершилась история новообретенного тхелета, отец рассказал мне, когда мы шли с ним ночью вдвоем на гору Сион, чтобы благословить там Творца по случаю завершения

солнечного цикла.

Древними астрономами было установлено, что один раз в двадцать восемь лет, в выпадающий на среду день весеннего равноденствия, восходящее солнце возвращается в ту самую точку на небосводе, в которой оно находилось в момент своего появления при сотворении мира.

Отец с большим волнением ждал наступления этого дня. Ему дважды доводилось видеть солнце в момент завершения двадцативосьмилетнего цикла, рассказывал он любому, кто был готов его слушать. В первый раз — трехлетним ребенком, когда он сидел на плечах у своего отца, поднявшегося на крышу синагоги «Хурва». Во второй раз он стоял со своими друзьями на горе Скопус, среди строившихся тогда зданий Еврейского университета, и вместе они наблюдали появление солнечного диска над горами Моава, за Иудейской пустыней. Теперь такая возможность была дарована ему в третий раз.

— А в четвертый раз, — тихо приговаривал отец, — в четвертый раз я уже буду над солнцем.

В ту ночь, со вторника на среду четырнадцатого нисана, отец не ложился вовсе. Он отгонял от себя сон черным кофе и сигаретами, а в два часа зажег свет, погладил меня по лицу и сказал, что, если

я не хочу пропустить восход солнца, нам нужно отправляться в дорогу.

Зеленоватый свет уличных фонарей пробивался сквозь заслонявшие их кроны деревьев и отбрасывал на каменные стены домов прозрачные хвойные тени, шевелившиеся с каждым дуновением ветра. Отец держал меня за руку.

— Запомни навсегда эту ночь, — говорил он. — Запомни ее, и это воспоминание еще не раз вернется к тебе. Например, уже в армии, когда ты будешь приставлен охранять какой-нибудь склад боеприпасов, в Араве[244] или где-то еще. И вот ты ходишь у этого склада, одетый в шинель, с тяжелой винтовкой на плече, глаза слипаются… Или, кто знает, ты выйдешь однажды ночью из дома и станешь бесцельно бродить по городским улицам, надеясь, что их пустота поможет тебе забыть о болезни, укрыться от подступивших страданий. А меня уже не будет в то время рядом с тобой…

Мы вышли на открытую местность, где нам в лицо ударил холодный ветер. Отец снял с себя и накинул мне на плечи пиджак. Его полы до-

---

[244] Примечания: 244

Арава — равнина, простирающаяся от южной оконечности Мертвого моря до Эйлата и Красного моря, вдоль границы между Израилем и Иорданией.

стигали моих щиколоток, и отец ободрил меня, сказав, что в следующий раз я точно так же сниму с плеч пиджак и накрою им своего сына, когда мы пойдем с ним произносить благословение на обновленное солнце.

Никогда больше мы не были с отцом так близки. Он, казалось, забыл о визите инспекторов Министерства нормирования в наш дом и находился в своем прежнем расположении духа. Был бодр, озорничал, перепрыгивал через плиты мостовой, рассказывал одну историю за другой.

Когда мы перешли по мосту долину Еннома и миновали старый, давно не дававший воды турецкий сабиль[245], на нас злобно залаяли собаки. Брошенные своими хозяевами, они были привязаны во дворе находившейся в долине под нами ветеринарной лечебницы. Испуганный их яростным лаем, я прижался к отцу, а он, обняв меня, напевно произнес слова мудрецов из трактата «Брахот»:

— С какого времени читают Шма по утрам? С того момента, когда можно уже различить между цветом тхелет и белым. Рабби Акива говорит:

---

[245] Примечания: 245

Сабиль — вид фонтана в восточной архитектуре, обычно представляет собой отдельно стоящее или пристенное сооружение, часто бывает украшен резьбой.

между ослом и онагром. Рабби Меир говорит: между волком и собакой.

В залитой молочным туманом долине справа от нас можно было вообразить очертания древнего тофета, в раскаленное чрево которого некогда вбрасывали приносимых Молоху в жертву детей. На юго-западном углу стены Старого города возвышалась обложенная мешками с песком сторожевая позиция, и стоявший на ней иорданский легионер должен был счесть безумцами евреев, шедших в столь ранний час неведомо куда. Что выгнало их ни свет ни заря из домов и теплых постелей?

Мы направились вверх по тропе, ведущей на гору Сион, и отец рассказал мне тогда, чем закончилась история с тхелетом.

Примерно через год после смерти моей бабушки дед имел неосторожность жениться на женщине из Трансильвании, вдове сатмарского хасида, и та стала мучить второго мужа своей ненасытной страстью к золотым украшениям — *цирунг*[246], как она их называла, — и к бархатным скатертям. Они прожили вместе два года, когда дед, вышедший из дома в подавленном настроении

---

[246] Примечания: 246
Ювелирные изделия (*идиш*).

и не замечавший, что вокруг него происходит, был сбит на улице Принцессы Мэри пьяным английским водителем. Сразу же по окончании семидневного траура его вдова выкинула в мусор склянки с моллюсками, куски окрашенной шерсти, все рукописи деда и его переписку с известными раввинами и исследователями. На стену квартиры она повесила собственного изготовления гобелен с изображением парусного корабля, стоящего на якоре вблизи песчаного, усыпанного ракушками берега. После этого она навсегда захлопнула перед детьми своего второго мужа дверь дома, в котором прошли их детство и юность.

Теперь мы уже были на вершине горы и взбирались на крышу старого здания по узкой винтовой лестнице, цепляясь в кромешной темноте за каменные стены, скользкие и маслянистые от прикосновения многих рук. Вдруг затхлая теплая тьма разом осталась позади, и мы оказались на крыше, обдуваемой ветром раннего иерусалимского утра. В сером первобытном сумраке — таком же, что стелился над водами в первый день Творения, — виднелись силуэты закутанных в талиты людей. Столпившись у каменной ограды с той стороны, откуда открывался вид

на Храмовую гору, они пристально смотрели на восток.

Внизу, прямо под ногами у нас, в Сионской горнице, заколдованной в этот час своей пустотой, легендарные пеликаны по-прежнему терзали себя и кормили собственной кровью птенцов; их изображения напоминали о последней трапезе Назарянина, в ходе которой тот, разделив с учениками хлеб и вино, предложил им свои тело и кровь[247]. Этажом ниже, в основании скалы, под накрытым черным покрывалом каменным надгробием покоился вечным сном Давид, царь Израилев. У его надгробия дремал сторож, приставленный оберегать свитки Торы и их короны.

Небосклон над горизонтом медленно алел, очертания гор на востоке проступали все резче, и теперь могло показаться, что вырезанные из черной бумаги горы наклеены на основу из красной бумаги. Отец молча глядел на Масличную гору, высматривая там, в еще не развеявшейся темноте, разрушенные надгробия над могилами, в которых так и не обрели надежного успокоения

[247] Примечания: 247

Свод над криптой в Сионской горнице подпирает мраморная колонна с рельефным изображением пеликанов на ее капители. В силу упомянутой автором легенды пеликаны являются одним из принятых символов в христианской иконографии.

его первая жена и мой брат Реувен. В глазах у отца блестели слезы. И тогда взошло солнце.

Это был первый восход, увиденный мною в жизни.

7

Мы уже вернулись на улицы проснувшегося города, когда отец со вздохом сказал:

— Тебе еще предстоит узнать, что время — великий дракон, хвост которого тянется из болот бесконечного прошлого, а глаза жадно рыщут там, где положен предел далям будущего.

Взглянув на меня, он проверил действие своих слов и добавил, что сегодня я стал свидетелем одного из вечных сражений, ведущихся людьми с этим драконом. Не имея в руках ничего, кроме своих календарей и хронометров, люди могут разве что поцарапать ему шкуру насечками отмеряемых ими часов, дней, месяцев, лет. Это неравная битва, но люди не оставляют попыток смирить чудовище.

— Мой дед гонялся за ним по горам, — сказал отец, указывая правой рукой на горизонт к востоку от нас. — Он не страшился его и верил, что время можно смирить молитвой, совершаемой в тот момент, когда тьма сворачивается перед

светом нового дня.

Все вокруг мирно спали, продолжил отец свой рассказ, когда мой прадед и его друг рав Хия-Давид Шпицер, автор книги «Ниврешет»[248], взбирались на вершину Масличной горы. Там, вблизи русской церкви — на ее высокую башню в те дни как раз поднимали колокол, который русские паломники волоком доставили в Иерусалим из Яффо[249], — они вставали лицом к востоку и записывали точное время, в которое верхняя кромка солнечного диска появлялась над горами Моава. Их товарищи, остававшиеся на крыше синагоги «Хурва», фиксировали точное время восхода, видимого в том месте, где находились они. Так им удалось установить, насколько восход в Иерусалиме задерживается тенью, которую отбрасывает на город Масличная гора.

Зимой и летом, ночь за ночью они поднимались

---

[248] Примечания: 248

Р. Хия-Давид Ґалеви Шпицер прибыл в Иерусалим из Пресбурга (Братиславы) в 1873 г. и не покидал город до своей смерти в 1915 г. Делом его жизни стало исчисление точных ґалахических сроков произнесения различных молитв и совершения иных действий, предписанных еврейским законом. Его книга «Ниврéшет» («Светильник»), содержащая элементы полемики с гелиоцентрической системой Коперника, вышла в 1898 г.

[249] Примечания: 249

Самый большой из размещенных на башне Вознесенского монастыря колоколов (308 пудов, или 5 тонн) был отлит в России и доставлен в Иерусалим в феврале 1885 г.

на вершины окружавших Иерусалим гор, пока не составили точную таблицу времен, с помощью которой стало возможно в любой день года совершать утреннюю молитву в самый ранний срок, по многократно упоминаемому в Талмуде обычаю древних. Прадед и его друзья, рассказывал отец, твердо верили, что, если многие сыны Израиля станут заканчивать чтение Шма с восходом солнца, смежая «Освобождение» с Молитвой[250] в краткий миг наибольшего благоволения свыше, путы времени будут разорваны. Но любовь ко сну — быть может, сильнейшая из людских страстей — погубила предпринятую ими попытку одолеть самого страшного из врагов человека.

— Теперь ты, возможно, поймешь, почему меня так расстроил пожар, уничтоживший солнечные часы в Махане-Йеґуда, — сказал, погладив мою руку, отец.

---

[250] Примечания: 250

«Освобождение» — название благословения, произносимого после чтения Шма, а Молитва (с прописной буквы) — название произносимой сразу же вслед за ним главной еврейской молитвы, иначе именуемой «Шмоне эсре», или «Восемнадцать», по числу входящих в нее в будний день благословений.

Мы вышли к зданию «Терра Санта»[251], в котором располагались тогда факультеты Еврейского университета, лишившегося своего прежнего места с превращением горы Скопус в изолированный от израильского Иерусалима анклав. Бросив взгляд на его верхние этажи, отец выразил уверенность, что я непременно стану со временем знаменитым ученым, коль скоро моими предками были такие замечательные люди. И кто знает, добавил он, может быть, именно мне суждено найти лекарство от полиомиелита, этой страшной болезни, уносящей столько человеческих жизней.

На губах у меня, вероятно, мелькнула недоверчивая улыбка, потому что отец тут же спросил, почему это Хаимке Вейцман, сын мотыльского

[251] Примечания: 251

Большое четырехэтажное здание францисканского колледжа Terra Santa («Святая земля»), расположенное на Французской (она же Парижская) площади в центре Иерусалима было построено в 1924–1927 гг. и использовалось Еврейским университетом до 1967 г., когда, с одной стороны, завершилось строительство его нового кампуса в районе Гиват-Рам и, с другой стороны, освобождение Восточного Иерусалима в результате Шестидневной войны позволило начать работы по восстановлению старого университетского кампуса на горе Скопус.

дровосека[252], мог спасти великую Британскую империю в годы войны, разработав способ изготовления ацетона из кукурузы и картофельной шелухи, а я не смогу принести исцеление страждущему человечеству? Ведь моими предками в трех поколениях были смелые, вдохновенные люди, не страшившиеся бросать вызов реальности! Да к тому же в моем распоряжении будут современные лаборатории Еврейского университета, — и отец снова указал на здание, мимо которого мы проходили.

— Ты еще Нобелевской премии удостоишься!

Он мечтательно изобразил мой триумф: вот я стою перед королем Швеции, надевающим мне на шею золотую медаль. И тогда, выступая перед участниками торжества, я, конечно, упомяну в своей нобелевской лекции отца, не жалевшего сил на изыскание истинной аравы и безропотно сносившего ради этого людские насмешки. Деда, странствовавшего по просторам бесконечной синевы. Прадеда, который каждую ночь оставался у переправы через Ябок и боролся с драконом

---

[252] Примечания: 252

Хаим Вейцман (1874–1952) — выдающийся ученый-химик, многолетний глава Всемирной сионистской организации и первый президент Государства Израиль, родился в селении Мотоль (Мотыли) в Белоруссии.

времени до зари.

— Если бы его колыбель стояла в Лондоне, а не в Иерусалиме прошлого века, твой прадед был бы назначен главным астрономом Королевской обсерватории в Гринвиче. И если тебе нужны доказательства, посмотри на доктора Песаха Хеврони[253], выросшего у него на коленях и получившего от него начатки своих познаний. Вот чего смог достичь иерусалимский юноша, не испугавшийся испытать себя в большом мире!

Отец стал восторженно рассказывать про замечательного математика, научные достижения которого снискали признание повсюду от Японии до Голландии и с которым пожелал лично встретиться профессор Эйнштейн в ходе своего визита в Иерусалим.

— Один час и десять минут, — со значением произнес отец. — Они встретились в библиотеке «Бней Брит», и ровно столько продолжалась беседа профессора Эйнштейна со скромным преподавателем учительского семинара. А когда

---

[253] Примечания: 253

Песах Хеврони (1888–1963) — известный израильский математик, лауреат Премии Вейцмана, родился в иерусалимской семье хасидов Хабада, был в юности блестящим учеником ешивы. Приступив к изучению математики только в юношеском возрасте, он продолжил учебу в университете Цюриха в 1909–1912 гг. и, защитив там докторскую диссертацию, добился больших успехов в своих дальнейших научных занятиях.

их беседа закончилась, Эйнштейн сказал, что Хеврони — единственный человек, до конца понимающий его идеи.

После войны, продолжал отец, Хеврони поехал в Вену, и этот великий город науки на протяжении четырех лет восхищался «звездой с востока», просиявшей в его небесах[254]. Известнейшие профессора выражали уверенность, что Хеврони проложит новый путь в математике. Красивейшие девушки искали его близости. Но он, закрывшись в своей комнате, корпел над книгами и безутешно оплакивал свою возлюбленную Стеллу — голландскую девушку, которая работала медсестрой в больнице доктора Валаха и умерла от сыпного тифа в мировую войну.

— Тебе это Люба рассказывала? — спросил я отца.

— Не твое дело! — раздраженно ответил он и тут же спросил, не от Ледера ли я узнал о его первой жене и об их венском знакомстве.

Я кивнул, испытав острую печаль от того, что возникшая между нами близость исчезла вместе с утренним туманом. Отец погрузился в свои мысли.

---

[254] Примечания: 254

Время и место заграничной учебы Песаха Хеврони указаны в романе неточно.

8

У входа в городской сад он сказал, что после бессонной ночи ступни его ног превратились в игольницы, и направился к скамье, располагавшейся так, что с нее открывался вид на весь сад. Из сумки с талитом отец достал термос и налил нам обоим чай. После этого он стал наблюдать за сценой, которая разворачивалась на лужайке перед нами: смелая ворона дразнила маленькую собачку — резко снижаясь, она ударяла ее крылом и взмывала вверх. За соснами вдали белело здание школы Шмидта[255], над которым выступали верхние этажи центрального почтамта и украшенная крылатым львом крыша здания «Дженерали»[256]. Прямо перед нами в низине находились пруд Мамилы и прилегающий к нему участок старого мусульманского кладбища,

---

[255] Примечания: 255

Немецкая католическая школа, построена в 1886 г. В начале Второй мировой войны школа закрылась, после провозглашения независимости Израиля ее трехэтажное здание использовалось как еврейская школа, а в 1983 г. отошло Музею итальянского еврейства, занимающему также и соседнее здание бывшего странноприимного дома для немецких паломников.

[256] Примечания: 256

Построенное в 1935 г. здание иерусалимского отделения итальянской страховой компании Assicurazioni Generali.

частое место наших с Ледером встреч.

— Что ты в нем нашел? — сердито спросил отец.

— В ком? — переспросил я, желая выиграть время и собраться с мыслями.

— В ком, в ком… в Ледере! Зачем ты придуриваешься?

Лицо отца покраснело от раздражения. И тогда, и в последующие годы родители безуспешно пытались понять, чем меня околдовал низкорослый сборщик пожертвований из квартала Рухама. Они снова и снова ревниво проверяли, не отравил ли он мою кровь.

Я, как мог, попытался объяснить отцу основы линкеусанской доктрины, но мои объяснения показались ему смешными, и он спросил, что эта белиберда может дать человечеству.

— Обеспечение продовольственного минимума для всех, — проговорил я, задыхаясь от обиды.

Отец засмеялся в голос и сказал, что эта задача уже решена. Наш приятель фармацевт господин Мордухович может обеспечить продовольственный минимум каждому — пачку шоколада «Экс-Лакс».

— *Экс-Лакс из а гутэ зах, м'эст а бисл м'какт а сах!* — не обращая внимания на мои слезы, изде-

вательски продекламировал отец. — Не знаешь, что это за шоколад? «Экс-Лакс» — хорошая вещь, съел кусочек — покакал в горшочек!

Глава восьмая

1

После досадного фиаско в «венском кружке» Ледер перенес передовой командный пункт продовольственной армии из кафе «Вена» в переплетную мастерскую Гринберга, располагавшуюся на улице Яффо, напротив школы Альянса. Там его КП находился вплоть до последовавшей два года спустя большой демонстрации против получения германских репараций[257], одним из результатов которой стало разоружение продовольственной армии.

— Наше движение избавилось от детских болезней, — заявил Ледер, когда утихли отголоски скандала, учиненного им на императорском банкете у супругов Рингель. — На смену наивной попытке завоевать улицу, немедленно убедив в нашей правоте широкие слои общества, включая

[257] Примечания: 257

Массовая демонстрация протеста, состоявшаяся в Иерусалиме 7 января 1952 г., когда кнессет приступил к обсуждению переговоров, которые велись в то время израильским правительством Д. Бен-Гуриона с возглавлявшимся К. Аденауэром правительством ФРГ. В числе организаторов этой демонстрации одновременно были правая партия «Херут», левосоциалистическая МАПАМ и Израильская компартия.

нелепых в своей косности подданных Франца Иосифа, приходит тактика сжатого кулака. Нам надлежит сформировать серьезное идеологическое ядро, которое подготовит конкретные рабочие планы для будущего линкеусанского государства и составит со временем его кабинет.

Сделав вираж вокруг воображаемой выбоины на дороге, Ледер испытующе посмотрел на меня. Необходимый актив для такого ядра уже существует, сказал он, и если я не забывчив, как кошка, то, разумеется, помню, что в ходе своего краткого ночного визита в наш дом он упоминал о веганской группе, которая формируется вокруг господина Гринберга. Припомнив что-то, Ледер прервал свою речь, а затем невзначай спросил, ходит ли теперь моя мать за покупками в магазин вегетарианских продуктов.

В дальнейшем мне не раз доводилось бывать вместе с Ледером на заседаниях вегетарианско-веганского комитета, проводившихся в доме у Гринбергов в ранние послеполуденные часы. Отец вместе с Риклином был тогда поглощен кладбищенскими изысканиями, мать занималась судьбой Йеруэля и его оставшейся без мужа матери, а я оказался предоставлен самому себе.

Минуя большой пустырь, на котором был поз-

же построен кинотеатр «Хен», мы входили во двор, окруженный заросшей каменной оградой. Во дворе был разбит огород, за которым усердно ухаживала госпожа Гринберг, и его следовало пересечь по мощенной плиткой дорожке. На цыпочках, с большой осторожностью, мы огибали мастерскую, в которой обычно еще сидел в это время флегматичный молодой человек в бухарской тюбетейке. Он размеренно водил окунутой в клей кистью по листам суровой хлопчатобумажной ткани, а сидевшая рядом с ним госпожа Гринберг сшивала отпечатанные листы в тетради, искусно орудуя большой изогнутой иглой. За ними, в темной глубине мастерской, угадывался силуэт типографской гильотины с угрожающе занесенным тяжелым сабельным резаком.

Заседания группы проводились в граничившем с квартирой Гринбергов заднем помещении мастерской. Эта комната с забранными противомоскитными сетками окнами содержалась в образцовом порядке. По утрам она использовалась как раздаточный пункт натуральных продуктов, и в ней ощущался устойчивый кислый запах пророщенной пшеницы со сладковатыми нотами коричневого сахара. На деревянных скамьях вдоль стен стояли приоткрытые мешки с

нешлифованным рисом, бургулем, гречкой, перловой крупой, а над ними, на крашеных синих полках, красовались пузатые стеклянные банки с сушеными яблоками, курагой и инжиром.

На заседаниях комитета неизменно священнодействовал господин Гринберг. Положив правую руку на двухтомную «Книгу веганства» и имея слева от себя полный стакан очищенных семечек подсолнечника, он излагал основы своей доктрины немногочисленным слушателям. Когда я впервые пришел в этот дом, господин Гринберг угостил меня густой тростниковой патокой, которую он тут же собрал в мешке коричневого сахара, и двумя расколотыми грецкими орехами. По случаю моего появления, сказал он, члены комитета прервут свои дискуссии относительно теоретических построений Руссо и Вольтера, дабы вернуться к волнующим сердце словам дорогого Льва Николаевича.

Напоминавшая толстую церковную Библию «Книга веганства» пестрела цветными войлочными закладками, и с их помощью Гринберг легко отыскал фрагмент, заполнивший комнату смрадом, лужами бычьей крови на скользком коричневом полу, занесенными кинжалами и подставленными под горячие алые струи жестя-

ными тазами. Присутствующих завораживали оставленные яснополянским старцем воспоминания о посещении скотобойни, а я не мог оторвать глаз от обложки, украшенной безыскусно исполненными портретами многих знаменитых мыслителей от Будды и Пифагора до Леонардо да Винчи и лорда Байрона. Своим оформлением обложка «Книги веганства» напоминала глянцевые плакаты со столь же аляповатыми изображениями мудрецов Израиля — такими многие украшают кущи в праздник Суккот. На корешке толстой книги виднелась эмблема издательства: преломляемый яблоком меч.

Когда господин Гринберг закончил чтение, в меня впился суровым взглядом член комитета, носивший, как я узнал позже, выразительное имя Ноах Лев-Тамим[258]. Окладистая борода, матерчатый пояс на чреслах и веревочные сандалии на ногах придавали ему заметное сходство с Толстым. Тот, кому перевернули душу слова великого писателя, сказал он, никогда в жизни не прикоснется к мясу. И вообще, добавил двойник Толстого, верно говорят, что большинство людей стали бы вегетарианцами, если бы каждому при-

[258] Примечания: 258
Ноах Лев-Тамим — Ной Чистосердечный (*ивр.*).

ходилось убить своими руками животное, мясо которого он собирается съесть за обедом.

В этой компании провидец линкеусанского государства высказывался осторожнее, чем в наших беседах наедине. Дав Лев-Тамиму договорить, Ледер оглянулся по сторонам и сказал, что, проходя по кварталу Геула, он не далее как сегодня стал свидетелем сцены, аналогичной той, какую Толстой наблюдал в своем городе. Напротив мясной лавки «Анда» остановилась большая красная машина, из кузова которой грузчики в запачканных кровью прорезиненных фартуках вынесли на плечах разрезанную на две части коровью тушу.

— Почему ты ходишь вокруг да около? — прервал его Лев-Тамим. — Нужно называть вещи своими именами: они несли мертвое тело, труп, падаль…

Ледер снова дождался паузы и выразил согласие с гневным пророком-толстовцем. Мало того, он высказал убежденность в том, что и само слово «кухня» следует заменить словом «овощеварня», которое будет подчеркивать, что там, где люди нашего круга готовят себе пищу, нет места плоти безвинно умерщвленных животных. Присутствующие согласно закивали, причем некоторые из

них удивлялись, как эта самоочевидная мысль не пришла им в голову прежде. Ободренный сочувствием аудитории, Ледер добавил, что ужасное зрелище, свидетелем которого он стал сегодня в Геуле, и, в частности, застывшие взоры в глазах перевернутых коровьих голов в чреве грузовика окончательно убедили его, что жизненный путь современного человека движется, выражаясь словами Стендаля, от красного к черному. От красного цвета грузовика, доставляющего ему кровавую пищу, к черной машине, которая отвезет его тело на кладбище.

— Ты еще упустил белую машину посередине, — бросил ему Лев-Тамим.

Присутствующие с интересом посмотрели на толстовца, и тот спросил их, сумеют ли они сосчитать людей, страдающих прямо сейчас в машинах скорой помощи и на больничных койках, призывая желанную смерть.

2

Заседания комитета часто превращались в арену энергичной полемики между соперничавшими вегетарианцами и веганами. Ледер шутливо объяснил мне однажды, что первые любят себя, а вторые — коров и что по этой причине

вегетарианцы позволяют себе ношение кожаных ботинок, тогда как веганы ходят в матерчатой и резиновой обуви.

Одно из особенно резких столкновений между двумя направлениями случилось, когда Гринберг с выражением зачитал приведенный в «Книге веганства» отрывок из «Заката и падения Римской империи», в котором Эдвард Гиббон описывает нравы татар:

— Отвратительные предметы, прикрываемые утонченным искусством европейцев, выставляются в палатке татарского пастуха во всей их отталкивающей наготе. Быка или барана убивает та же самая рука, из которой он привык получать свою ежедневную пищу, а его окровавленные члены подаются, после очень незначительной подготовки, на стол его бесчувственного убийцы.

При этих словах Лев-Тамим ударил по столу своим необструганным посохом и обратился к Гринбергу, религиозному еврею, с вопросом, почему тот набрасывается на татар и с их помощью уводит дискуссию в туманные дали:

— Посмотрите на себя! Не был ли и ваш Храм сущей скотобойней? А изломанные кости козла отпущения, которого сбрасывали в Йом Кипур с обрыва в Иудейской пустыне?! Не есть ли и это

акт вандализма?

Гринберг попытался смягчить настрой своего оппонента, но Лев-Тамим не отступал:

— Что будет в тот день, когда ваши ожидания сбудутся и Третий храм построят по предсказанию пророков? Ведь вы, господин Гринберг, левит, не так ли? Не значит ли это, что вы станете тогда, сообразно вашему званию, распевать гимны в момент совершаемого священниками заклания жертвенных животных? Именно так: вашими сладостными песнопениями будет сопровождаться убийство бесчисленных быков и баранов!

— Дом Господень, который будет поставлен во главу гор, станет Храмом духа! — отвечал Гринберг, нервно листая Танах[259], извлеченный им из ящика стола.

Наблюдавший за его действиями Лев-Тамим ядовито заметил, что хозяин дома может оставить книгу в покое, поскольку сказанное в ней о храмовой службе всем и так хорошо известно. Нелепо надеяться, добавил он, что священники согласятся принимать от сынов Израиля листья салата и шаровидные стебли кольраби вместо

---

[259] Примечания: 259

Танах — Еврейская Библия, акроним ивритских слов, означающих «Тора, Пророки, Писания».

положенных им по закону грудины и голени жертвенного животного. Вслед за тем толстовец изобразил готовность к примирению, признав бессмысленность споров о давнем прошлом и неведомом будущем. Гринберг охотно принял его предложение сосредоточиться на настоящем и поудобнее расположился в председательском кресле, но это была искусно расставленная ловушка.

— Так вот, о настоящем. Объясните нам, Гринберг, почему вы находите позволительным для себя накладывать тфилин, изготовленные из кожи зарезанного животного? — Лев-Тамим явно наслаждался растерянностью своего оппонента. — А ведь могли бы использовать тфилин из бакелита. Как по мне, они были бы ничуть не хуже.

На следующий день мы застали Гринберга за прополкой моркови в огороде.

Овощи для домашнего употребления супруги Гринберг собственными руками выращивали в сине-белых эмалированных тазах, прохудившихся дождевых бочках и старых канистрах со срезанным верхом. Увешанные томатами, перцами и баклажанами ветви посаженных Гринбергами кустов были подвязаны ботиночны-

ми шнурками к специальным подпоркам. Землю вокруг растений супруги тщательно разрыхляли вилками и удобряли светло-серым птичьим пометом. От каменного забора огород отделяли плодовые деревья, каждый персик, лимон и яблоко на которых были обернуты в газетную бумагу. Это одновременно защищало плоды от птиц и насекомых, так что хозяева сада могли не опрыскивать деревья ядовитыми химикатами в целях борьбы с вредителями. Непосредственно у стен дома были разбиты грядки с укропом и петрушкой, и там же хозяева посадили достигшие изрядных размеров подсолнухи и кукурузу. Грядки с рассадой, над одной из которых склонился Гринберг, были прикрыты от птиц пружинными металлическими кроватями.

Хозяин дома устроил нам экскурсию по своему огороду, и мы ходили за ним, поражаясь тому, как он хорошо разбирается в сельском хозяйстве. Ледер в конце концов не удержался и спросил, чему Гринберг обязан своей компетентностью. Изучал ли он садоводство по книгам или, может быть, методом заочного обучения в «Британских институтах»?

Вопрос рассмешил господина Гринберга, сказавшего Ледеру, что таким вещам не учатся на

старости лет и уж точно не по книгам. Затем, выдержав паузу, он сообщил, что его детство прошло в деревне возле Кармеля.

— Теперь вам все стало понятно? — спросил нас Гринберг с неожиданной озорной усмешкой.

К этому моменту Ледер заинтересовался газетным листом, в который был обернут один из лимонов, и он, кивнув, предположил, что Гринберг вырос в Зихрон-Яакове.

— Нет, — ответил хозяин дома.

— Тогда в Бат-Шломо? — вторично попробовал Ледер.

— Не угадаете. Мы из Архентины.

Сообщив о своем происхождении, Гринберг выразил удивление в связи с тем, что его сильный испанский акцент не позволил нам догадаться, откуда он родом.

— Так при чем здесь Кармель, если из *Архентины*? — обиженно передразнил собеседника Ледер.

Гринберг поправил подвязку ветвей сладкого перца, слишком сильно нависших над краем эмалированного таза, и рассказал, что некоторые из земледельческих колоний барона Ги́рша в провинции Энтре-Риос носили типичные еврейские названия — Кирьят-Арба, Рош-Пина,

Эвен-ѓа-Роша, Кармель[260].

Из дома глухо донесся размеренный стук, напоминавший удары церемониального посоха, которым бил по полу вышагивавший перед раввином Узиэлем кавас[261]. Ледер, порядком уставший от изучения грядок, воспользовался этим:

— Лев-Тамим посылает нам сигнал SOS с помощью своей палки. Он там явно засыхает от скуки среди мешков с бургулем и пшеном. Пока суд да дело, пойду поболтаю с ним.

Когда Ледер скрылся за персиковым деревом, хозяин дома сказал мне, что я, мальчик, учащийся в религиозной школе «Мизрахи» и носящий под рубашкой талит катан[262], наверняка и сам понимаю, что после вчерашнего богохульства

---

[260] Примечания: 260

Барон Морис де Ѓирш (1831–1896) — австрийский еврейский предприниматель и меценат, одним из благотворительных проектов которого стало создание в 1891 г. Еврейского колонизационного общества, занимавшегося организацией еврейской иммиграции в Аргентину и Канаду.

[261] Примечания: 261

Р. Бенцион-Меир-Хай Узиэль (1880–1953), был главным сефардским раввином подмандатной Палестины и, позже, Государства Израиль. Кавас (букв. «лучник», *турецк.*) — церемониальный телохранитель высокочтимого лица в странах, расположенных на территории бывшей Османской империи.

[262] Примечания: 262

Талит катан — малый талит, четырехугольная одежда с кистями на

краях, носимая религиозными евреями под верхней одеждой в течение всего дня, в отличие от обычного, или большого, талита, в который облачаются на время утренней молитвы.

он, Гринберг, не может продолжать общение с Лев-Тамимом, несмотря на близость их взглядов по вегетарианским вопросам.

— В душе он — резник, — категорично заявил Гринберг, снимая божью коровку с морковной ботвы и выпуская ее за ограду. — Разум не позволяет ему резать острым ножом горло коровам, поэтому он колет людей своим языком.

Гринберг погладил меня по голове, вернул на место сбившуюся мне на ухо синюю ученическую ермолку и сказал, что люди не приходят к своим убеждениям рациональным путем, но, главным образом, через пережитые ими обиды и травмы. Так, сам он никогда не стал бы вегетарианцем, если бы не распорядитель барона Ґирша, заставлявший его есть свинину. И не просто свинину — это было мясо свиней, которых кололи прямо у него на глазах во дворе поселковой администрации.

— Агрессия всегда приводит к противоположному результату, — сказал господин Гринберг, блуждая взглядом по кронам плодовых деревьев.

Позади своего собеседника я увидел невысокого старика, почти беззвучно приближавшегося к дому Гринбергов по пустырю со стороны улицы Яффо. Когда старик подошел достаточно близко,

я разглядел его аскетическое лицо в обрамлении белой бороды и глубоко посаженные глаза, во взгляде которых угадывалась мечтательная страстность.

— *Salution sinjoro Grinberg!* — приветствовал подошедший к воротам гость моего собеседника.

— *Salution sinjoro Havkin, kiel vi Fartas?* — отвечал Гринберг, поворачиваясь к старику и приглашая его зайти.

Он дружески положил испачканную землей руку на плечо гостю и сообщил мне, что сегодня мы имеем честь принимать у себя пионера еврейского вегетарианства в Стране Израиля, нашего господина и учителя Хавкина, успешно осуществляющего свою теорию на практике в созданном им хозяйстве в Иерусалимских горах.

— *Kiu estas tiu bela knabo?* — спросил, ущипнув меня за щеку, господин Хавкин.

— Я не понимаю по-испански.

— Это не испанский, а эсперанто, — ответил старик и тут же поинтересовался, рассказывали ли нам в школе о докторе Лазаре Заменгофе и о созданном им международном языке.

Вслед за тем гость спросил у Гринберга, кто этот милый мальчик, и я понял, что он повторяет заданный им прежде вопрос. Про эсперанто он

поспешил сообщить, что в недалеком будущем этот язык станет самым распространенным в мире и что мне следует приступить к его изучению прямо сейчас или, во всяком случае, как можно скорее. Свежесть детского восприятия такова, что я без труда овладею новым для себя языком, пообещал господин Хавкин.

Дебаты на заседании комитета в тот день естественным образом сфокусировались на эсперанто и по случаю присутствия почетного гостя протекали мирно. Гринберг усадил господина Хавкина в свое председательское кресло, а сам остался стоять по правую руку от него, готовый исполнить любое его поручение. Лев-Тамим не задирал докладчика и на протяжении всего заседания сосредоточенно вырезал перочинным ножом цветочный узор на своем посохе. Ледер записывал что-то в блокнот.

Хавкин начал с того, что со времени разделения языков недостроенная Вавилонская башня осталась стоять за спиной у людей, и отбрасываемая ею тень угрожает всем их деяниям:

— Нам следует преодолеть наконец последствия древней катастрофы и вернуться к изначальной реальности человечества, при которой на всей

земле был один язык и слова одни[263]. Не для того, разумеется, чтобы снова бунтовать против Неба, но чтобы привести к процветанию землю.

Старик долго перечислял достоинства «языка надежды»[264], и из его выступления можно было понять, что эсперанто легок для изучения, что его простая грамматика может быть полностью усвоена человеком средних способностей за несколько часов, что используемое эсперантистами фонетическое письмо достаточно богато, чтобы выразить все оттенки человеческой мысли. Но главным достоинством эсперанто выступавший считал нейтральность этого языка, столь важную в современном мире, расколотом на противостоящие блоки и ставшем ареной холодной войны, которая может в любой момент превратиться в горячую.

В финальной части своего выступления почетный гость процитировал совместное заявление, сделанное еще в 1924 году сорока членами французской Академии наук и характеризовавшее эсперанто как воплощение логики и простоты.

---

[263] Примечания: 263

Берешит, 11:1.

[264] Примечания: 264

Названием международного языка стало слово «Эсперанто» («Надеющийся»), служившее псевдонимом его создателю Л. Заменгофу.

Сделав эсперанто своим официальным языком, заключил Хавкин, вегетарианское движение сможет твердо рассчитывать, что его ценности станут уже в недалеком будущем достоянием всего человечества.

3

Встреча с Хавкиным явилась поворотным пунктом в истории линкеусанского движения. Когда мы, попрощавшись с членами вегетарианского комитета, вышли на улицу, заметно повеселевший Ледер сказал, что наше движение, демонстрировавшее в последнее время тревожные признаки стагнации, успешно преодолело свой кризис.

— Эсперанто открывает перед нами невообразимые прежде возможности! — увлеченно говорил он. — Нашим ближайшим шагом станет перевод «Всеобщей обязательной службы обеспечения питанием» на этот язык. Узкие национальные рамки должны быть разрушены! По всему культурному миру мы станем искать тех немногих, кто по собственному выбору использует в быту керосинку и ящик со льдом, не желая менять эти скромные средства на предметы роскоши. Мы найдем и соберем тех, кому ни газовая

плита, ни *фриджидер* не нужны!

Ледер перешел к частностям. Он уже завтра утром купит у Людвига Майера[265] книги, необходимые для самостоятельного изучения эсперанто, и через несколько недель приступит к работе над переводом важнейшего произведения Поппера-Линкеуса на международный язык будущего.

В субботу после полудня мы вместе отправились в Гиват-Шауль на ферму господина Хавкина. По дороге Ледер не терял времени и, постоянно заглядывая в самоучитель с зеленой пятиконечной звездой на обложке, заучивал почерпнутые из него фразы.

— *Mi lernas Esperanton, vi lernas Esperanton, li lernas Esperanton!* — прокричал он, когда мы вышли из города, и горное эхо ответило ему тройным «эсперанто». На обращенном к дому престарелых балконе психиатрической больницы, в которую судьба приведет Ледера по прошествии сравнительно недолгого времени, пациенты оставили свои нервические занятия. Прилипнув, как обезьяны в зверинце, к закрывавшей балкон металлической сетке, они разглядывали странного человека, бросавшего

[265] Примечания: 265

Создатель и владелец старейшего в Иерусалиме магазина научной литературы на иврите и иностранных языках.

бессмысленные слова яркому солнцу, и мальчика, который зачарованно шел рядом с ним.

Хавкина мы застали сидящим на балконе его дома под сенью виноградной лозы. Поглощенный чтением, он не сразу заметил двух путников, появление которых нарушало сонный субботний покой, царивший в этот послеполуденный час на немощеной улице пригородного поселка. Ледер присмотрелся к книге, которую читал Хавкин, беззвучно произнес ее напечатанное на обложке название и тихо сказал мне, что хозяин дома находится сейчас у постели умирающего Ивана Ильича и вместе с верным слугой больного держит у себя на плечах его распухшие ноги.

Вслед за тем Ледер взялся рукой за ограду и громко обратился к хозяину, процитировав, как я позже узнал, фразу Толстого:

— *Bonan Sabaton!* Умер он, а не вы, *sinjoro Havkin*.

— Что-что?

Книга выпала из рук хозяина дома. Растерянный вид господина Хавкина ясно свидетельствовал, что тот не может уразуметь, каким образом услышанные им слова вырвались с того места, где были сосредоточены его мысли, и донеслись до него со двора.

Ледер со смехом напомнил хозяину, что в субботу не подобает предаваться помыслам о страданиях.

— Зачем человеку вашего возраста читать эту депрессивную повесть, пусть и прекрасно написанную, но отнимающую желание жить? — спросил он у Хавкина. — В вашей замечательной библиотеке наверняка имеются хорошие, оптимистичные книги.

Хавкин провел нас по своему участку, среди расстилавшихся террасами полос возделанной земли. Указав дрожащей рукой на набухшие почки абрикосового дерева, он пообещал, что мы скоро сможем насладиться его сочными плодами. Под конец прогулки Хавкин сдвинул тяжелый каменный жернов с устья выкопанной им водосборной ямы и предложил нам заглянуть в нее. Там, далеко внизу, мы увидели отражения наших лиц, непрестанно менявшиеся с колебанием воды.

К делу, которое привело нас сюда, Ледер осторожно приступил, когда мы находились в пещере, о которой обустроивший ее Хавкин рассказывал, что во время войны она служила убежищем нескольким семьям его соседей. Хозяин любовно поглаживал влажные стены пещеры и, не скры-

вая гордости, рассказывал, как он использовал и расширил карстовую трещину в скале, собирая сколотые камни в три кучи, а не в одну, как практиковалось бойцами Трудового батальона. Ледер, против своего обыкновения, терпеливо слушал старика. Прошло немало времени, прежде чем он, улучив удобный момент, спросил у Хавкина, слышал ли тот об открытиях Поппера-Линкеуса в области авиатехники. Хавкин, широко улыбнувшись, ответил, что он хорошо знаком с биографией гениального еврейского страдальца из Вены и с его социально-экономическими воззрениями. Было время, добавил он, когда «Всеобщая обязательная служба обеспечения питанием» постоянно лежала у него на столе.

— А не полагаете ли вы уместным перевести этот замечательный трактат на язык эсперанто? — спросил Ледер, не смея поверить своей удаче.

— Это первостепенной важности книга, и она была бы, конечно, необходима каждой эсперантистской библиотеке. Дело, однако, в том, что нам не удалось найти переводчика, который взял бы на себя выполнение этой работы.

Ледер с детской радостью ткнул себя пальцем в грудь:

— *Ecce homo!*

Вытащив из-за пазухи самоучитель с зеленой звездой, он сообщил, что учит теперь эсперанто с утра до вечера и не сомневается, что уже через несколько недель сможет представить хозяину дома пробный перевод одной из глав книги Поппера-Линкеуса.

Дружески приобняв гостя, Хавкин спросил, созрело ли это решение у Ледера во время его выступления в переплетной мастерской.

Потом мы сидели на бетонном крыльце у входа в дом Хавкина, кололи выращенные хозяином орехи и смотрели на горы, нисходившие волнами на запад, к Приморской равнине. Ледер излагал выношенный им план сотрудничества эсперантистов, вегетарианцев и линкеусанцев, настаивая на том, что соединившиеся в этом союзе силы добра смогут взаимодействовать, не вступая в противоречия и, напротив, дополняя друг друга так, что каждая из них с наибольшим успехом приблизится к достижению своих целей:

— Эсперанто станет официальным языком линкеусанского государства. Это будет язык правительства, школы, университетского образования. Употребление в пищу мяса и рыбы будет

запрещено законом. Конфискованные скотобойни и мясные лавки отойдут в собственность казны. Всех принадлежащих к касте резников, рыбаков и мясников линкеусанское государство отправит в специальные школы перевоспитания. Яйца и молочные продукты будут допускаться в продажу по специальному разрешению, но их публичное употребление в пищу будет запрещено.

Старик внимательно слушал Ледера, и когда тот восторженно заявил, что во всех правительственных учреждениях и общественных местах линкеусанского государства будут вывешены на почетном месте портреты Йосефа Поппера-Линкеуса и доктора Лазаря Заменгофа, двух великих мыслителей, заложивших основы царства добра, лицо Хавкина исказила недвусмысленная гримаса отвращения.

— Слишком похоже на портреты Маркса и Энгельса на улицах Москвы, — сказал он. — Сам я определенно стар для участия в подобном начинании, да и вам имело бы смысл прислушаться к словам старика, не раз видевшего на своем веку, что случается с самыми возвышенными идеалами, когда они приходят в прямое соприкосновение с политикой. Не забывайте, молодой

человек, о крыльях Икара. И эсперанто, и линкеусанство рухнут с высот и вдребезги разобьются о почву реальности, стоит им слишком сильно приблизиться к пламени политических страстей.

— В этом нет никакой политики! — попробовал возразить Ледер, но Хавкин ответил, что не хочет сердиться попусту и тем самым нарушать свой субботний покой. Однако, если мы не спешим, добавил хозяин дома, он будет рад показать нам то, чем только и скрашен теперь его скромный досуг.

Оказалось, что Хавкин пробавлялся изготовлением типографских клише и лекал. Для работы ему служило небольшое помещение, стены которого напоминали красочный персидский ковер. Изображенные на них листья, сердца, треугольники и квадраты сплетались в причудливый орнамент, меняли форму и превращались друг в друга. Разглядывая их бесконечную последовательность, можно было ощутить себя путником, пробирающимся сквозь заколдованный лес.

— Орнамография, — пояснил Хавкин.

В 1900 году он окончил промышленную школу в Мюнхене, где им был разработан этот художественный стиль, и с тех пор все свое свободное время он отдает орнамографическому творче-

ству. Название оригинальному стилю было дано самим Хавкиным.

— С помощью созданных мною ключей из таких простейших форм, как квадрат и треугольник, может быть произведено бесконечное число органически связанных между собой орнаментальных элементов, — объяснял хозяин дома, демонстрируя нам брошюру в обложке цвета батата.

Ледер стал проявлять нетерпение. Он дал Хавкину понять, что у нас истекает время, но старик, не обращавший внимания на намеки незваного гостя, рассказал, что о его творчестве высоко отзывался сам Герман Штрук[266], а потом спросил у меня, нравятся ли мне его работы.

— Тебе следовало бы попробовать себя в этом, — сказал Хавкин и подарил мне на прощание придуманную им игру «Волк и овца». Игра позволяла тренироваться в орнаментике и выделении симметричных фигур.

---

[266] Примечания: 266

Герман Штрук (1876–1944) — известный художник, график и литограф, родился в Германии, примыкал к художественному движению «Сецессион», участвовал в сионистском движении как представитель религиозного движения «Мизрахи», в 1922 г. репатриировался в подмандатную тогда Палестину и поселился в Хайфе.

4

Ледер был разочарован результатами нашего визита в Гиват-Шауль, но не отчаялся и не отказался от своего плана.

— Свитая из трех нитей веревка не скоро порвется[267], — объявил он, когда мы, расставшись со стариком, направились в город и перед нами вытянулись на дороге наши удлиненные тени. — Мы молоды, полны сил, а Хавкина можно и впрямь не тревожить проблемами завтрашнего дня. Пусть проведет остаток жизни за этими арабесками.

На следующий день члены вегетарианского комитета с напряженным вниманием заслушали доклад Ледера, но, когда он закончил свое выступление, Гринберг сказал, что его план нереален в такой же степени, как и предложение тель-авивского вегана, выступившего перед членами комитета три месяца тому назад. Из дальнейших слов председателя стало ясно, что в связи с недостатком минералов в растительной пище тель-авивский гость предлагал своим собратьям съедать по ложке земли три раза вдень.

---

[267] Примечания: 267
Коѓелет, 4:12.

Ледер раздраженно ответил, что реалистичность его плана выверена до последней детали и что только его план способен придать политическую эффективность дебатам милой компании, которая регулярно собирается здесь, среди мешков с бургулем и пшеном, и ведет себя, словно группа заговорщиков-любителей.

— Вы хотите учредить партию, чтобы потом заседать за наш счет в доме Фрумина[268]? — язвительно спросил у докладчика Песах Явров, владелец галантерейного магазина на улице Ґа-Солель.

— Я уступаю вам дружбу с Нуроком так же охотно, как дружбу с Эремом[269], — отрезал Ледер. — И если кто-то еще не понял, я не говорю о попытке найти свое место в рамках существующего строя. Нами должны быть заложены основы принципиально нового государственного устройства, прекрасного и справедливого.

Лев-Тамим, имевший известную всем привыч-

---

[268] Примечания: 268

Дом Фрумина — здание в центре Иерусалима, в котором работал кнессет в 1950–1966 гг.

[269] Примечания: 269

Мордехай Нурок (1884–1962) представлял в кнессете первого созыва партию «Мизрахи» и занимал пост министра почтовой связи в правительстве Д. Бен-Гуриона. Моше Эрем (Казарновский, 1896–1978) был тогда же депутатом кнессета от левосоциалистической партии МАПАМ.

ку высмеивать ораторов, сидел, опершись о свой посох, и о чем-то сосредоточенно думал. В ходе последующих заседаний, на которых членами комитета вновь обсуждался трехчастный план Ледера, он неожиданно оказался его главным сторонником. Прения были долгими, и основное внимание в них уделялось сравнению идей Поппера-Линкеуса с другими социальными программами, от предложений Уильяма Бевериджа до Атлантической хартии[270]. В результате дебатов был постепенно выделен центральный вопрос: может ли современное социальное государство на Западе считаться воплощением линкеусанских идей или, напротив, оно цинично украшает себя социальными перьями, осуществляя на практике такую политику, которая решительно противоречит идеям великого гуманиста.

Эти прения были мне скучны, и, уставая от них, я то и дело старался улизнуть в переплет-

---

[270] Примечания: 270

Атлантическая хартия, один из программных документов антигитлеровской коалиции, была принята премьер-министром Великобритании и президентом США 14 августа 1941 г. Вскоре к хартии присоединились СССР и ряд правительств в изгнании, выступавших от имени оккупированных Германией европейских государств. Пятый и шестой пункты этого документа, касавшиеся вопросов послевоенного мироустройства, соответственно назывались «Глобальное экономическое сотрудничество и повышение благосостояния» и «Свобода от нужды и страха».

ную мастерскую, где мог играть с длинными полосами цветной бумаги, целые груды которых накапливались там под столами, или следить за работой госпожи Гринберг и ее молодого помощника в бухарской тюбетейке. Они работали молча, и лишь опускавшийся время от времени резак гильотины да ритмичные движения кисти, которой бухарец обмазывал переплетную ткань, нарушали царившую в мастерской тишину.

Когда мы возвращались от Гринбергов, Ледер не раз говорил, что их скромный и внешне запущенный дом, служивший прежде резиденцией австрийского вице-консула, станет со временем главным музеем линкеусанского государства, местом проведения обязательных школьных экскурсий и магнитом для паломников со всего света. Люди будут приходить сюда в надежде прикоснуться к священной истории, как приходят сегодня к столу, за которым работал Карл Маркс в библиотеке Британского музея.

— Мы делаем важное дело, даже если сейчас многое в наших действиях кажется тебе лишним и скучным, — с этими словами Ледер указал на деревянный забор, которым был огражден огромный котлован, выкопанный для строительства дома «Ґистадрута» на улице Штрауса. — Чем

глубже заложен фундамент, тем выше вознесется построенное на нем здание.

Внешне казалось, что Ледер и Лев-Тамим находятся в хороших отношениях. Они соглашались в том, что на стадии подготовки нового издания «Всеобщей обязательной службы обеспечения питанием» оригинальный текст книги, написанной в самом начале двадцатого века, должен быть адаптирован к экономической и социальной реальности сегодняшнего дня. Оба работали над переводом книги, один — на иврит, другой — на эсперанто. По их замыслу, оба переводных издания должны были выйти одновременно в издательстве вегетарианско-веганского комитета.

Но зревшая в моем друге подспудная неприязнь к Лев-Тамиму все чаще накатывала на него мутными волнами, и Ледеру приходилось соблюдать осторожность ради сохранения корректных отношений с партнером. Лишь однажды он дал себе волю в моем присутствии, пробормотав:

— Я не дам ему стать командующим армией…

Это случилось после долгой конфиденциальной беседы Ледера с неистовым толстовцем, имевшей место в лавке у Гринбергов, но я все же спросил:

— Кому?

Ледер, спохватившись, ответил, что ради со-

хранения единства в наших рядах мы должны научиться сдержанности и умению молчать, когда это необходимо.

5

Несмотря на свое желание избежать раскола в движении, Ледер все больше склонялся к тому, чтобы предложить пост верховного главнокомандующего продовольственной армией какому-нибудь всемирно известному деятелю. Когда он решился вынести этот вопрос на обсуждение вегетарианско-веганского комитета, скрывать свое недовольство пришлось Лев-Тами-му, и здесь толстовцу сослужила добрую службу его окладистая борода. Вовремя утопив в ней выражение досады, он сделал вид, что погружен в свои мысли.

Первыми в дискуссионное пространство были вброшены имена Альберта Эйнштейна, Мартина Бубера и Бертрана Рассела, однако Ледер дал им отвод, заявив, что физики, математики и философы не способны управлять государством, какими бы ни были их научные достижения и частные добродетели.

— Нам нужен кто-то типа Ганди! — говорил он. — Человек, подающий личный пример. Тот,

кто будет действительно подобен махатме, который ходил пешком из деревни в деревню, жил скромно и ежедневно по полчаса работал на прялке, желая наделить символическим смыслом свободу, основанную на личном труде и нежелании зависеть от посторонних. Только такой человек будет достоин высокого поста в линкеусанском государстве!

И тогда Явров предложил имя доктора Альберта Швейцера.

На это с удивившей всех резкостью отреагировал молчун Фрадкин, до сих пор не принимавший участия в спорах:

— Лучшего из врачей — в геенну![271]

Оказалось, что Фрадкин, проработавший много лет санитаром в английской больнице, пришел к твердому убеждению, что любой, даже самый успешный и праведный, врач может устроить у себя во дворе небольшое кладбище, которое будет заполнено теми, кого он погубил.

---

[271] Примечания: 271

Эти слова приводятся в талмудическом трактате «Кидушин», 82а, в ряду других наблюдений по поводу моральных качеств представителей различных профессий: погонщиков ослов, погонщиков верблюдов, мореплавателей, парикмахеров, лавочников, пастухов, поваров. Не вдаваясь в предлагавшиеся комментаторами объяснения этого утверждения, отметим, что практическая норма поведения в иудаизме предписывает больному обращаться к врачу, и престиж этой профессии у религиозных евреев весьма велик.

С Фрадкиным согласился Гринберг, заявивший, что нимб современного святого, которым окружен седовласый лик доктора Швейцера, есть не что иное, как результат хитроумной пропаганды, ведущейся анонимными скандинавскими концернами. Легенда о святом Юлиане двадцатого века[272] распространяется ими в своекорыстных коммерческих целях. От имени доктора Швейцера по всему миру собираются пожертвования, исчисляемые миллиардами долларов, и основную часть этих денег ушлые бизнесмены кладут себе в карман, хотя сам доктор Швейцер об этом, возможно, не знает.

Членов комитета ошеломили ядовитые подозрения богобоязненного переплетчика, но Гринберг не дал им опомниться:

— Слышал ли кто-нибудь из вас о докторе Ноахе Ярхо?

---

[272] Примечания: 272

Юлиан Странноприимец, он же Юлиан Бедный — католический святой, первые упоминания о котором относятся к XII в. Его жизнеописание гласит, что домой к находившемуся на охоте Юлиану приехали родители, которых приняла, накормила и уложила спать его молодая жена. Тем временем явившийся Юлиану сатана убедил его, что жена изменяет ему, и он поспешил домой, ворвался в спальню и, увидев под одеялом очертания мужчины и женщины, изрубил лежащих мечом. Сразу после этого он встретился с женой, сообщившей ему радостное известие о приезде родителей. Потрясенный Юлиан посвятил свою дальнейшую жизнь устройству больниц и странноприимных домов, на которые он израсходовал все свое состояние.

Оказалось, так звали врача, которого Гринберг знал в Аргентине. Оставив успешную практику в Киеве, он отправился в Энтре-Риос лечить колонистов в земледельческих поселениях барона. Строил своими руками больничные бараки, лично наблюдал за состоянием кухонь и проведением необходимых санитарных мероприятий, безотказно оказывал помощь любому. Мало того, доктор Ярхо оздоровил социальную и духовную жизнь колонистов. Его стараниями в провинции Энтре-Риос были учреждены сионистский центр и общество изучающих «Эйн-Яаков»[273], и все это — вопреки сопротивлению чиновников барона в Буэнос-Айресе, презиравших самоотверженного врача и чинивших всевозможные препятствия его деятельности.

— Ну в точности наш доктор Швейцер, — вставил Ледер.

— Да. Только вот доктор Ярхо был действительно скромным человеком. И лучшим доказательством его скромности является то, что никто из вас ничего не слышал о нем.

К сказанному Гринберг добавил, что, в отличие от знаменитого эльзасского врача, который

---

[273] Примечания: 273

Составленное р. Яаковом Ибн-Хабибом (ок. 1450–1516) собрание талмудической агады.

оставил в Европе жену и наверняка «женихался» каждую ночь с новой медсестрой, доктор Ярхо отправился в далекую Аргентину с молодой супругой, оставившей ради него комфортную городскую жизнь.

Лев-Тамим обнаружил, что против предложенной Ледером кандидатуры сложилась широкая коалиция, и это позволило ему присоединиться к противникам доктора Швейцера, не давая повода для подозрений в том, что он насмехается над своим партнером-соперником. Не признавая за раввинами и религиозными еврейскими судьями права властвовать над собой, сказал Лев-Тамим, он точно так же отвергает идею сделать главой линкеусанского государства христианского миссионера.

Но докладчика не удавалось выбить из колеи.

Национальная библиотека находилась тогда в здании «Терра Санта», и Ледер провел там немало времени за изучением книг и журналов, содержавших материалы о человеке, которого он прочил на роль главы нашего государства. Обстоятельно изучив биографию замечательного врача, посвятившего свою жизнь борьбе с болезнями, нищетой и невежеством в африканских джунглях, Ледер мог теперь убедительно защи-

тить семейную жизнь своего героя от нападок Гринберга. Все биографы Альберта Швейцера отмечают, с нескрываемым удовольствием сообщил он, что уже в свою первую поездку в Африку в 1913 году доктор отправился вместе со своей супругой Еленой Бреслау. И поскольку отвратительная попытка «архентинского переплетчика» возвести напраслину на безупречную семейную жизнь доктора Швейцера решительно опровергнута, все остальные его инсинуации также должны быть сочтены не заслуживающими доверия.

В наибольшей степени Ледера привлекал декларировавшийся Швейцером принцип благоговения перед жизнью, и он был счастлив обнаружить в путевых заметках кембриджского профессора Чарльза Герланда прямые свидетельства того, как сам доктор Швейцер следует этому этическому принципу в повседневной жизни. Некоторые из свидетельств Герланда он аккуратно переписал из британского географического журнала в свою записную книжку и теперь с выражением зачитывал присутствующим:

— На глазах у изумленных африканских рабочих пожилой врач спустился в яму, выкопанную ими для закладки фундамента нового здания

лепрозория, и извлек оттуда жабу, которая, оказавшись в ловушке, вот-вот должна была погибнуть. Любовь, подобно ненависти и болезни, передается от человека к человеку, и с тех пор примитивные туземцы усвоили доброе отношение к беззащитным животным.

Однако самая волнующая встреча с врачом из Ламбарене была уготована моему другу в торговавшем иностранной литературой магазине «Стеймацки»[274]. Ледер зашел туда забрать деньги, накопившиеся в коробке школы слепых. Он возился у прилавка с неподатливой крышкой, когда его взгляд случайно упал на обложку журнала «Лайф», с которой на него пристально смотрел знаменитый доктор, прятавший в пышных седых усах задумчивую улыбку.

Ледер так и не дал мне пролистать тот журнал, сказав, что я могу заляпать его страницы. Он сам показал мне статью с многочисленными иллюстрациями, на которых доктора Швейцера можно было видеть в разных местах медицинского комплекса, созданного им в верховьях реки Огове. На одной фотографии доктор в пробковом шлеме

[274] Примечания: 274

«Стеймацки» — старейшая и крупнейшая в Израиле книготорговая сеть, основана в 1925 г. в Иерусалиме, специализировалась на первых порах на продаже книг на иностранных языках.

и плотницком фартуке наблюдал за рабочими, покрывавшими оцинкованным железом крышу нового больничного барака. На другой он беседовал с африканскими женщинами, пришедшими справиться о состоянии своей соплеменницы. На третьем снимке доктор Швейцер кормил котенка, а за спиной у него открывался вид на великолепные экваториальные джунгли.

Иллюстрированный очерк завершала фотография, снятая поздней ночью в рабочем кабинете врача. Справа от доктора Швейцера виднелась тень от рояля, на котором он, случалось, играл произведения Баха, а слева от него на аккуратно застеленной кровати лежали белый халат и пробковый шлем. Сам доктор сидел за грубым деревянным столом и что-то сосредоточенно писал. Сопровождавшая фотографию подпись гласила, что великий гуманист неизменно сам отвечает на присылаемые ему письма.

— Ты видишь! — дрожащим голосом произнес мой друг. — Доктор так деликатен, так внимателен к людям!

Ледер с большой осторожностью уложил журнал в свою сумку и сказал, что он сегодня же вечером напишет доктору Швейцеру и предложит ему принять на себя пост верховного

правителя линкеусанского государства, который, вне всякого сомнения, наилучшим образом увенчает его долгое служение человечеству.

На следующий день мы отправились на центральный почтамт, чтобы надежнейшим образом гарантировать правильную доставку послания во Французскую Экваториальную Африку, а по пути оттуда зашли к Багире Шехтер, работавшей над изготовлением униформы для продовольственной армии. Читатель, должно быть, помнит, что дома у портнихи я неожиданно повстречался с матерью.

Глава девятая

1

— Ребенка нужно оберегать, — сказала Аґува Харис.

Мать в тот же день посвятила ее в тайну моих отношений с Ледером, и напуганная Аґува повесила мне на шею мешочек с кристаллами камфары, пообещав, что резкий запах смолы отгонит от меня Ледера и его присных, «как масло отталкивает воду». Она подняла из постели и притащила к нам своего хворавшего мужа, чтобы тот немедленно проверил все наши мезузы[275]. Произведя под ее пристальным взором необходимую проверку, Биньямин сообщил, что мезузы оказались дефектными, и Аґува торжествующе указала на маленькие свитки пергамента, оставленные им на столе. Стершиеся буквы в написанном на них тексте казались ей первопричиной всех бедствий, обрушившихся на нашу семью в последнее время.

---

[275] Примечания: 275

Мезуза́ (букв. «дверной косяк», *ивр.*) — прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме свиток пергамента, содержащий текст молитвенной декларации «Шма».

— Утечка водорода обрекает цеппелин на гибель, и точно так же испортившаяся мезуза открывает двери дома для бедствий, — объявила Аґува моей матери. — Тебе следует быть внимательнее к подобным вещам.

В ту неделю Аґува появлялась у нас ежедневно, и в ее сумочке каждый раз находился какой-нибудь странный оберег для меня.

— Я принесла ребенку ермолку Хафец Хаима, — сообщила она в один из своих внезапных ночных визитов.

Решительно сбросив с моей головы темно-синюю кипу, на которой было напечатано название нашей школы, Аґува заявила, что головные уборы учебных заведений «Мизрахи» ничуть не лучше пилеолусов Римского папы и банды его кардиналов. Вместо сброшенной ученической кипы она водрузила мне на голову старую, истрепанную и пропитавшуюся потом ермолку, выразив уверенность, что отныне надо мной будет простерт шатер мира и милости.

Мать опасалась, что из-за старой ермолки у меня заведутся вши или появится стригущий лишай, но подруга отмела ее возражения и даже хлопнула мать по руке, когда та потянулась к моей голове. Вши от радуньского праведника

чище используемых здесь мыла и щелока, твердо заявила она.

В другой раз Аґува ворвалась к нам, сжимая в руках вышитую салфетку, какой накрывают субботние халы. В салфетку был вложен ветхий бумажный лист из авторской рукописи «Пеат ґа-шульхан», книги рабби Исраэля Шкловского, написанной в Цфате в начале прошлого века[276]. Уверенная, что болезненный ход моих мыслей будет исцелен магическим сочетанием начертанных праведником букв, Аґува с большим трудом упросила жившую в Шаарей Хесед праправнучку знаменитого раввина расстаться с этим листом на какое-то время.

— Положи ему под подушку, — прошептала она матери.

Предпринимая все эти действия, Аґува на протяжении пяти дней вела себя так, будто я был неодушевленным предметом. Лишь на исходе субботы она впервые заговорила со мной, совершая волнообразные движения руками, следя за

[276] Примечания: 276

Р. Исраэль бен Шмуэль Ашкенази из Шклова (1770–1839) — знаменитый раввин, ученик Виленского гаона, в 1809 г. прибыл в Цфат и стал одним из духовных руководителей местной еврейской общины. Его главный труд «Пеат ґа-шульхан», или «Край стола», представляет собой свод религиозных законов, связанных с проживанием в Стране Израиля. Книга отражает учение Виленского гаона, впервые опубликована в 1836 г.

которыми, я испугался, что она схватит меня за шею:

— Ледер — порождение древнего змея. Он и сам змей, у которого выросли ноги. Маленькой девочкой я спустилась однажды в подвал нашего дома, и там, между фанерными стенами раскладной сукки[277] и сухими пальмовыми ветвями, мне попался на глаза клубок золотистых шелковистых шнуров. Красивых, блестящих, влекущих… Мать вовремя заметила, что со мной происходит, вытащила меня из подвала и сильно поколотила. Если бы она не сделала этого, я бы так и не успела понять, что потянулась к клубку ядовитых змей.

Вслед за тем Аґува повернулась к моей матери и сказала, что меня следует перевести в ультраортодоксальную школу для мальчиков «Шило» или в талмуд тору[278] «Явне», где я смогу получить нормальное еврейское образование.

Здесь отец, молча сносивший в течение долгого времени назидательные речи Аґувы и ее постоянное вмешательство в жизнь нашей семьи,

---

[277] Примечания: 277

Суккá — шалаш, куща, в современных условиях часто представляет собой легкое сборное сооружение, покрываемое ветвями и используемое для выполнения соответствующей заповеди в праздник Суккот.

[278] Примечания: 278

Здесь: одно из названий традиционной начальной еврейской школы для мальчиков.

не выдержал и сказал, обратившись к матери с адресованными гостье словами:

— По закону ответственность за воспитание своего сына несу я, а не случайный человек с улицы.

— Аґува — не случайный человек с улицы, — ответила мать, передразнивая интонацию отца. И к тому же, добавила она, отцу вообще не пристало высказываться по обсуждаемому вопросу, поскольку он, целиком посвятив себя дружбе с Риклином, давно отказался от своего права участвовать в воспитании сына.

— Если кто здесь пренебрегает заботой о своем доме, то это ты, а не я! — прервал ее отец.

Все мои беды, настаивал он, начались в тот день, когда мать стала исчезать из дома в послеполуденные часы, тайком прихватывая с собой корзинки с продуктами:

— Оглянись назад, и увидишь, что именно тогда его оценки резко ухудшились, он перестал ходить в библиотеку «Бней Брит» и связался с Ледером.

— Знаю я тебя как облупленного! — воскликнула мать. — Сейчас ты обвинишь меня в том, что я кормлю куриными желудками и медовыми коврижками своих кавалеров!

— Сегодня всему можно поверить!

Мать, отвернувшись от мужа, сказала, что даже стены в их лавке краснеют, видя, как он заигрывает с молодыми покупательницами, отбирает для них самые крупные яйца и, уже отвесив им порцию сыра, щедро докладывает в нее обрезки. И все это — чтобы те улыбнулись и показали ему свои жемчужные зубы. А к ней, помогающей ему в лавке целыми днями, муж относится хуже, чем относились при турках к приведенным из Силуана ханаанейским рабыням[279].

Ссора разгоралась. Отец объявил, что они давно женаты «только на бумаге» и что он уже несколько лет не находит дома ни чистой рубахи, ни приготовленного обеда, ни свежей постели хотя бы раз в месяц.

— Я купил у твоего отца целую корову и даже стакана молока не имею! — прокричал он матери.

Аґува, сжавшись, сидела на стуле. Она старалась не попасть под стрелы, которые отец и мать метали друг в друга, но, услышав про корову и молоко, осмелилась заметить, что ребенок не

[279] Примечания: 279

Силуан — название арабской деревни, расположенной на месте древнего Града Давидова и примыкающей к южной стене иерусалимского Старого города. Под ханаанейскими рабынями из Силуана здесь, очевидно, подразумеваются арабские служанки из этой деревни.

должен слышать подобные вещи.

— Ты, похоже, хорошо разбираешься в том, как растить мужей! — огрызнулся отец. — Чем таскаться без дела к своим подругам, взяла бы себе девочку из сиротского дома Вейнгартена и попробовала бы создать для нее семейный очаг!

В ночных разговорах с теткой Цивьей мать иногда упоминала, что Аґуве не удается забеременеть, но во всех других ситуациях ее бесплодие оставалось запретной темой в нашей семье, и теперь, когда отец нарушил запрет, в комнате воцарилась тягостная тишина. Вскоре отец же ее и нарушил. Хлопнув дверью, он вышел из дома в волшебную ночь.

Аґува содрогалась от безмолвного плача. Мать подошла к подруге и стала гладить ее плечи. Никогда больше она не появится у нас в доме в присутствии этого бессердечного человека, произнесла наконец Аґува сквозь душившие ее слезы.

2

На следующий день к нам приехала тетка Цивья, узнавшая о бедственном положении в семье по состоянию листьев на ветвях за своим окном и по движению облаков. Едва вникнув в

суть дела, она объявила моим родителям, что я расту ветхим юношей и говорю велеречивым старческим языком, который не может скрыть примитивность моего мышления и инфантильность чувств. Если родители не желают мне такой участи, предупредила тетка, им следует немедленно оторвать меня от взрослых людей, возле которых я трусь с младенческого возраста, и отправить меня учиться в сельскохозяйственную школу «Микве-Исраэль».

— Мальчик совсем бледный, там у него появится цвет, — сказала она, ощупав мое плечо. — Солнце и ежедневное употребление в пищу говядины укрепят мускулатуру ребенка, а то больно уж у него мышцы вялые, словно он не парень, а девица из старого Бейт Исраэль[280].

Аґува Харис стояла в проеме кухонной двери, готовая покинуть наш дом через черный ход, как только отец появится на пороге. Земледелие, заявила она, подходящее занятие для земляных червей и арабов, но никак не для еврейского мальчика.

— Тсс, ты обижаешь память нашего праотца Ицхака, — ответила ей тетка Цивья. Вслед за тем

---

[280] Примечания: 280

Религиозный квартал в Иерусалиме, примыкает с севера к району Меа Шеарим.

она быстро перечислила еще полдюжины положительных персонажей Священного Писания, желая доказать, что наши предки с большой любовью относились к посеву и жатве.

— Оставь ты в покое Ицхака, да пребудет с ним мир, — не унималась мамина подруга. — Вспомни, что первым земледельцем был Каин.

Двадцать четыре книги Писания[281], настаивала Аґува, недопустимо читать как пособие по аграрному делу и географии. Цивья понимала бы это, будь она сведуща в «Зоґаре» или хотя бы слушай иной раз проповеди раввина Шолема Швадрона. Тогда ей было бы ясно, насколько глупа сама мысль, будто наш праотец Ицхак — чистая жертва Господня, установитель ежедневной молитвы минха и олицетворение Божественного суда, пятой из высших сфирот[282], — занимался

[281] Примечания: 281

Традиционно используемое число 24 при подсчете книг Танаха получается, когда одной книгой считается каждая из следующих комбинаций: 1) обе книги Шмуэля; 2) обе книги Млахим (Царств, 3 и 4); 3) все двенадцать книг т. н. Малых Пророков; 4) книги Эзры (Ездры) и Нехемьи (Неемии); 5) обе книги Диврей ґа-ямим.

[282] Примечания: 282

Сфирот (в единственном числе сфира) — каббалистический термин, указывающий на свойства Творца и способы Его проявления в процессе Творения и в сотворенном мире.

вспашкой и засевом полей в Гераре[283]. Но Цивья тратит свое время на чтение «Де́вер» и «Идиот ахаронот»[284], а потому несет чепуху.

— В каждой фразе Писания заключены великие тайны!

Этой взволнованной фразой мамина подруга вынужденно закончила свою речь, поскольку со двора донеслись шаги вернувшегося из лавки отца, при звуке которых Аґува поспешно покинула нашу квартиру.

— Кто бы мог вообразить, что и сегодня, в двадцатом веке, остаются такие фанатики, — со вздохом сказала тетка Цивья, после чего она, поздоровавшись с братом, изложила ему свое предложение относительно «Микве Исраэль».

По глазам отца можно было понять, что идея ему понравилась, но он никак не отреагировал на нее, опасаясь, что стоит ему кивнуть, и мать ополчится на теткин замысел. А уж если ее разум скатится в задницу, говаривал отец иной раз,

---

[283] Примечания: 283

Герар — древний филистимский город и прилегающая к нему долина, упоминаются в Танахе как одно из мест проживания Ицхака.

[284] Примечания: 284

Насмешливо переиначенные названия популярных израильских газет «Дава́р» («Слово») и «Йедиот ахаронот» («Последние известия»), первое из которых превращено в «Де́вер» («Мор»), а во втором изменено ключевое слово.

его не сумеют вытянуть оттуда сорок пароходов Инглизи[285].

Мать не дала отцу и его сестре обдумать планы дальнейших действий, объявив, что даже судебное постановление не заставит ее отправить сына в изгнание.

— С чего это вдруг ребенок так рано покинет дом? — обиженно спросила она. — Вкус изгнания он еще успеет испробовать. В армии испробует, с женой своей испробует, а уж если Бог продлит его дни, то дети и внуки запотчуют его этим лакомством до тошноты.

— В одном твоя мать права, — с готовностью ухватился отец за ее фразу. — В этом доме я ощущаю себя изгнанником.

— Хватит, хватит, — взмолилась тетка и выразительно прикрыла ладонью рот.

Если в сельскохозяйственную школу меня не отправят, добавила она, по крайней мере, нужно следить за тем, чтобы я вовремя возвращался домой, не мотался после уроков по улицам и, самое главное, общался только со сверстниками.

---

[285] Примечания: 285

Парафраза арабского присловья, популярного в годы британского мандата: *Альф у-митен бабур харб Инглизи ма биахду шауарбак мин тизи* («Тысяча двести английских боевых кораблей не вытащат твои усы из моей задницы»).

Результатом принятого на семейном совете решения стал распорядок, при котором я каждый день, вернувшись из школы, отправлялся к своему однокласснику Хаиму Рахлевскому. Желая удостовериться, что я не сбегу в змеиное логово, мать пристально следила за мной по пути к его дому.

3

Наши с Хаимом судьбы прочно переплелись в конце Войны за независимость, когда мы с матерью, застигнутые на улице артиллерийским обстрелом Арабского легиона, попросили убежища у Рахлевских. Хозяева провели нас и еще нескольких случайных прохожих, испуганных, как и мы, грохотом канонады, во внутреннее помещение своего дома, открывавшееся за выходившей на улицу лавкой. Все окна в их доме были заложены тугими мешками с песком, и там, распластавшись по полу, мы с ужасом пережидали обстрел. Залп — и томительное ожидание близкого или далекого взрыва.

Забравшись вместе с матерью под одну из кроватей, я вдруг услышал из-под соседней кровати удивленный голос укрывшегося там мальчика:

— Посмотри, сколько здесь белых муравьев!

С тех пор мы встречались с ним постоянно, но, вспоминая о нем, я неизменно вижу перед собой его руку, протянувшуюся ко мне из темноты в тот далекий полдень. В его раскрытой ладони лежала горсть упавшей с дрожащего потолка штукатурки.

Убеждая моих родителей тщательно наблюдать за тем, чтобы я общался только со сверстниками, тетка Цивья едва ли могла пожелать мне такого товарища. Хаим был мягким ребенком и, в своем роде, помазанником: его с раннего детства сопровождало чувство собственного призвания, привитое ему родителями и в первую очередь матерью. Много позже мы провели вместе с ним послевоенную зиму за Суэцким каналом[286], и в одну из наших бесед Хаим поведал мне, как его мать реагировала на средние и низкие оценки в табеле успеваемости, с которым он возвращался из школы три раза в год. Просмотрев табель, она всякий раз говорила, что, если учителя не способны по достоинству оценить его дарования, то они, несомненно, редкие дураки. В подтверждение своих слов она ссылалась на предсказание старого йеменца, славившегося своими познаниями в

[286] Примечания: 286

Имеется в виду зима 1973/1974 г., которой предшествовала Война Судного дня.

хиромантии. Обратившись к нему еще девушкой, она заранее услышала обо всех бедах, которые ей предстоит пережить, но также узнала, что ее поздний ребенок принесет свет в этот мир. Хаим недоверчиво улыбался, и тогда мать предлагала ему обратиться к Аде Калеко, сестре милосердия и акушерке в больнице на горе Скопус. Ада должна была подтвердить, что палата для новорожденных наполнялась неземным светом, когда Хаима вносили туда.

Хаим рисовал. Его детские рисунки — медный змей, послуживший исцелению народа в пустыне, царь Шауль у порога колдуньи в Эйн-Доре, Иов с пришедшими утешить его друзьями — украшали вестибюль нашей школы и служили предметом гордости учителя рисования, уверовавшего, что под его опекой здесь, на Востоке, растет еврейский Рембрандт. Но больше всего моему товарищу нравилось воссоздавать исчезнувшие миры, и мы не раз с удивлением наблюдали, как Хаим и его мать осторожно извлекают из остановившегося возле школы такси огромный, прикрытый одеялом деревянный поднос. Вслед за тем, на большой перемене, светившийся от удовольствия директор школы демонстрировал нам в вестибюле макет Скинии

собрания[287], исполненный из фанеры и покрашенного золотистой краской картона. Все детали макета — сама Скиния, ее ограда и использовавшаяся в ней священная утварь — полностью соответствовали библейскому описанию, и преподаватели Торы на протяжении многих лет обращались к нему, объясняя ученикам, как именно Бецалель бен Ури исполнил повеление Всевышнего[288]. В другой раз из машины был извлечен макет Старого города, в точности воспроизводивший его кварталы, ворота, мечети, и эта поделка Хаима оказалась удобным пособием для преподавателей краеведения.

При этом Хаим с отвращением воспринимал учебные будни и не выносил зубрежку, которой от нас требовалось все больше, так что со временем его репутация в глазах педагогов померкла, и он был оттеснен на обочину. Его прежние почитатели теперь все чаще упоминали о нем в связи с популярным суждением о взрослеющих

---

[287] Примечания: 287

Скиния собрания — передвижной Храм, созданный, согласно книге Шмот (Исход), по велению Бога в пустыне вышедшими из Египта евреями.

[288] Примечания: 288

Бецалель бен Ури (Весалиил) — искусный резчик по металлу, камню и дереву, был избран начальствующим над работами по изготовлению Скинии собрания.

вундеркиндах: чудо уходит, и остается обычный ребенок.

Он сидел на уроках, глядя в окно, и его мысли витали где-то между башнями ИМКА и «Дженерали», или рисовал скачущих лошадей и усатых шпагоглотателей на обложках своих тетрадей. В старших классах, когда «его положение в учебе усугубилось» (так выражался на своем отвратительном канцелярите учитель Гринфельд), Хаим все чаще находил пристанище в царстве школьного служки и его помощника. Их комната, выходившая на задний двор школы, была забита гимнастическими матрацами, держателями планок для прыжков в высоту, керосиновыми печами, заносившимися туда на хранение в теплые месяцы, и емкостями с лизолом. Посреди всего этого богатства служка ставил на плитку кофейник и разливал черный кофе по фарфоровым чашкам с золотой каемкой и с изображением доктора Ґерцля, взирающего на воды Рейна в Базеле. Он рассказывал своему помощнику и Хаиму о превратившейся в рыбу принцессе, о мулах, которых Ана нашел в пустыне, выпасая

ослов своего отца Цивеона[289], и о праведном раввине, получившем имя Абу-Хацира благодаря случившемуся с ним чуду. Судно, на котором находился этот раввин, было растерзано бурей, но его циновка превратилась в плот, и праведник спасся на нем[290].

Когда будильник звенел, предвещая скорое окончание урока, помощник служки предлагал Хаймону — так в этой комнате величали Хаима — пойти поучиться чему-нибудь полезному в классе, напутственно предостерегая его от бессмысленной траты времени и родительских средств. Но служка прерывал своего помощника, заявляя, что Хаиму нужно готовиться к экзаменам на аттестат зрелости.

— Посмотри, у него руки поэта, — говорил он помощнику, указывая на длинные пальцы и почти женские руки моего друга.

---

[289] Примечания: 289

См. Берешит, 36:24. Используемое там редкое слово «йемим» со спорным семантическим полем по-разному трактуется комментаторами, но автором романа оно, вероятно, используется в предлагаемом многими из них значении «мулы». Другие возможные истолкования этого слова — «богатыри», «горячие воды» или название определенного вида растений.

[290] Примечания: 290

Абу-Хацира — знаменитая династия марокканских раввинов. В переводе с арабского фамилия Абу-Хацира означает «обладатель циновки».

— Ты слышал, есть такой поэт Амихай[291]? — спрашивал он у Хаима. — Теперь его стихи во всех газетах печатают, а ведь он здесь учился, и как его только не мучил этот ашкеназский бастард Гринфельд! В сто раз больше, чем тебя, Хаймон! Если не веришь мне, спроси у его племянницы Ханы, которая учится с тобой в одном классе.

Затем моему другу обычно предоставлялось право нажать кнопку большого электрического звонка, возвещавшего о начале перемены.

Мы, школьные товарищи Хаима, тоже отдалились от него в тот период и нередко бросали ему в лицо насмешки учителей.

Много лет спустя судьба снова свела нас в Дженифе. Расположившись на холме, усыпанном гладкими, словно страусиные яйца, камнями, мы дожидались грузовика, который вернет нас в Файед и доставит туда останки египетских солдат, убитых у уничтоженной прямым попаданием снаряда зенитной пусковой установки. Мы заговорили о прошлом, и Хаим, превозмогая душившие его слезы, стал вспоминать нашу дав-

---

[291] Примечания: 291

Йеґуда Амихай (1924–2000) — известный израильский поэт, уроженец Вюрцбурга (Германия), репатриировался с семьей в 1935 г. и после недолгого проживания в Петах-Тикве поселился в Иерусалиме. Учился в той же религиозной школе «Маале», что и автор романа.

нюю экскурсию в Ришон-ле-Цион.

Экскурсия включала в себя посещение винодельни, которое почему-то откладывалось, и мы, разбившись на группы, расселись в Саду барона[292] под тенистыми пальмами, открыли консервы и приступили к обеду. Оставшийся в одиночестве Хаим получил жестяную банку с солеными огурцами. Гордость не позволила ему показать, что он недоволен своей порцией, и он съел все содержимое этой банки, мечтая лишь о том, чтобы немедленно умереть. В его ушах непрестанно звучала песня «Когда мы умрем, похоронят нас в винодельне Ришон-ле-Циона»[293], и, глядя на высокие вертикальные резервуары, Хаим представлял себе, как он взбирается по лестнице на один из них и бросается камнем в его пьянящую глубь.

---

[292] Примечания: 292

Назван в честь банкира и филантропа Эдмона де Ротшильда (1845–1934), спонсора многих проектов развития в Эрец-Исраэль в конце XIX — начале XX в.

[293] Примечания: 293

Шутливая песня неизвестного авторства, сложенная в 40-х гг. XX в. на мелодию популярной французской застольной песни «Chevaliers de la table ronde» («Рыцари круглого стола»).

4

И только дома у Хаима никто не усомнился в его дарованиях.

Когда я, понуждаемый родителями, стал регулярно общаться с ним, он был одержим химией. Стол в его комнате выглядел как настоящая лаборатория: реторты, пробирки, спиртовка, асбестовые решетки. Запах стоял там такой же, как в нашем школьном кабинете естествознания. Место книг, переложенных с полок на широкие подоконники, занимали флаконы с какими-то жидкостями и емкости с порошками, кусочки металла и другие таинственные предметы. На флаконах красовались наклейки с латинскими буквами и мелкими цифрами.

— Вот на этой полке собраны различные химические элементы, — с важностью сказал Хаим.

Он споро, как по писаному, стал излагать мне общую химическую теорию, перемежая свою речь иноязычными терминами. Голос его оставался при этом ровным, лишенным выразительных интонаций. Время от времени Хаим, не прерывая устного изложения, выводил на лежавших среди пробирок листах бумаги какие-то формулы, но, убедившись, что они остаются

для меня непонятными значками, он отодвинул листы и зашел с другой стороны:

— Химические элементы подобны волшебным камням, которыми играл Бог, приступив к сотворению мира. И так же как многие тысячи слов в иврите состоят из двадцати двух букв, все виды существующей в этом мире материи состоят примерно из ста элементов.

Много позже, вспоминая в конце войны этот наш разговор, Хаим сравнил его с визитом раввина Узиэля в лабораторию доктора Вейцмана. А тогда он, увлекшись идеей сходства ограниченного числа букв в письменном языке и химических элементов в природе, пытался передать мне свою увлеченность, говоря о частотности тех или иных сочетаний и о том, что простейшие звуки неделимы — подобно химическим элементам.

— Это поразительный, бесконечный мир, — настаивал Хаим.

Он надеялся собрать коллекцию всех известных человечеству химических элементов и проявлял в этом деле большую изобретательность. В начисто вымытой баночке из-под горчицы, на которой красовалась наклейка с надписью Au, хранилась искривленная золотая коронка, изъятая при протезировании изо рта его мате-

ри. Свинец был представлен литой наборной строкой, которую Хаим подобрал в куче мусора у типографии «Соломон» на улице Рава Кука. Алюминий для коллекции Хаима пожертвовала его мать, уступившая ему крышку от небольшой кастрюли. Ртуть юный химик добыл из разбитого им термометра. Неон, о котором Хаим с гордостью рассказал, что тот представляет собой редкий благородный газ, производимый методом выделения из сжиженного воздуха, был представлен в его коллекции в виде продолговатой трубки молочного цвета, специально купленной Хаимом в магазине электроосветительных приборов.

Начало нашей дружбы сопровождалось непрерывным поиском недостававших в коллекции Хаима элементов.

У Хаима имелась картотека, созданная им самим с помощью справочников, словарей и главным образом учебника химии для старших классов, одолженного ему сыном доктора Амирама Пеледа. Таким образом, Хаим знал, что большинство существующих в природе химических элементов все еще отсутствует в его коллекции, и, перебирая карточки из своей картотеки, он постоянно раздумывал об ухищрениях, которые позволят ему раздобыть очередной элемент. В

свой третий или четвертый визит я застал Хаима в приподнятом настроении. Размахивая одной из карточек, он сообщил мне, что нашел способ добыть иридий.

— Этот металл получил свое название от слова «ирис», означающего по-гречески «радуга», — рассказывал Хаим. — Такое название было дано ему потому, что его соли отличаются разнообразной окраской. Сам по себе иридий имеет серебристо-белый цвет, и это очень твердый металл, принадлежащий к платиновой группе. Благодаря своей тугоплавкости он используется для производства электродов, и еще его можно встретить в кончиках перьев дорогих авторучек.

Выведя на наклейке буквы Ir, Хаим лизнул ее обратную сторону и поместил наклейку на маленький стеклянный флакон. После этого он спросил, догадался ли я уже, в чем состоит его замысел.

Вскоре мы стояли с ним у входа в тесную лавку, которая располагалась тогда слева от миссионерского магазина новозаветной литературы в нижней части улицы Принцессы Мэри. Хозяин лавки в очках и в заляпанном чернилами фартуке выслушал ученые объяснения моего товарища с легкой иронией, но также и с некоторым любо-

пытством. Химический состав перьев, которые он продает и починяет, ему неизвестен, сказал нам хозяин, но у него имеется коробка с неисправными перьями, и он охотно пожертвует для создаваемой моим другом коллекции известное своей прочностью перо «Ватерман».

Ободренный радушием хозяина лавки, Хаим тут же задумал попытать счастья в лабораториях фармацевтической компании «Тэва» в квартале Баит-ва-Ган. Вернувшись оттуда на следующий день с раскрасневшимся от восторга лицом, он сообщил, что начальник лаборатории приветливо встретил его и, узнав о предмете его интереса, рассказал, что и сам он увлекся химией в детстве — увлекся настолько, что едва не лишился зрения в результате одного из своих экспериментов, в память о чем у него остался ожог на виске.

— Таких детей, как ты, нужно всячески поощрять, — сказал моему другу начальник лаборатории. — В вас заключено будущее нашей профессии.

Он устроил Хаиму обстоятельную экскурсию по своему царству и посвятил его в тайны изготовления лекарств.

На полке у Хаима красовалась свежая пожива: плотно закупоренный флакон, пробку которого

удерживала стальная проволока. Осторожно встряхнув флакон с густой красно-коричневой жидкостью, мой ученый товарищ взволнованно сообщил:

— Это бром, чрезвычайно ядовитый элемент с удушающим запахом. В фармацевтической промышленности он играет очень важную роль.

Рядом с емкостью с бромом стояли еще два флакона, на одном из которых красовалась наклейка с буквой I, и Хаим объяснил мне, что находящиеся в нем фиолетово-черные кристаллы — не что иное, как йод. В другом закупоренном флаконе помещались мягкие на вид катыши оранжевого вещества, оказавшегося серой.

Расположившись на диване, Хаим с удовольствием взирал на свои новые сокровища. Мне он решительно запретил приближаться к ним. Предупрежденный начальником лаборатории, мой друг твердо знал, что к ядовитым веществам нельзя прикасаться голыми руками, нельзя вдыхать их пары и следует всячески оберегать их от огня.

Когда-нибудь, размышлял Хаим вслух, появится выдающийся химик, и он сумеет открыть один или несколько элементов, которых Менделеев не знал, но для которых, предвидя их существование

в природе, специально оставил место в своей таблице.

— Новому элементу захотят дать название Виталий, — задумчиво сказал Хаим. — Но знаменитый ученый будет скромен и настоит, чтобы новый элемент получил название шалемий или ариэлий, в честь его родного города Иерусалима[294]. Такое уже случалось в прошлом. Например, семьдесят первый элемент периодической системы Менделеева был открыт французским ученым и получил название лютеций, в память о древнем названии Парижа. А шестьдесят седьмой элемент, открытый шведским ученым из Упсалы, назван гольмием — в память о древнем названии Стокгольма.

Хаим пребывал в те дни в приподнятом настроении, дальнейший жизненный путь казался ему понятным. Он постоянно пропускал уроки и уничижительно отзывался о глупостях, которым нас учат в школе, причем особенное презрение выказывал в отношении уроков Талмуда и рели-

---

[294] Примечания: 294

Обычным европейским аналогом ивритского имени Хаим является имя Виталий, имеющее ту же смысловую нагрузку («жизненный»). Шалем — Салем или Салим в русской традиции передачи библейских топонимов — предположительно является одним из древних названий Иерусалима. Слово «Ариэль» используется некоторыми библейскими пророками как указание на Иерусалим, Храм или один из важнейших предметов храмового культа.

гиозного права. Эти уроки рассматривались им как попытка раввинов искусственным образом сохранить косный, невосприимчивый к новому образ жизни, которому так или иначе суждено остаться в прошлом.

Но постепенно ясное небо над его головой стали затягивать тучи. Прошло несколько недель, в течение которых он не сумел пополнить свою коллекцию ни одной новой находкой. Груда карточек с названиями недостающих элементов лежала у него на столе безмолвным свидетельством его неудачи. Хаим стал сердит и нетерпелив, от моих советов раздраженно отмахивался.

Однажды я увидел на полке в его комнате несколько новых флаконов и успел обрадоваться за него прежде, чем он дал мне понять, что повода для радости в данном случае нет. Свое решение Хаим назвал временным и малопочетным компромиссом, который, так он считал, серьезные ученые наверняка осудили бы как инфантильный способ преодоления трудностей.

Взяв с полки флакон с аммонием, он виноватым голосом объяснил мне, что этим веществом в его коллекции временно представлены составляющие его азот и водород. Схожим образом поваренная соль временно представляла в кол-

лекции Хаима натрий и хлор, а морской песок появился в ней в качестве заменителя чистого кремния. Но чем больше погружался Хаим в чтение научной литературы, тем горше становилась его печаль.

— Где мы достанем прометий? — с отчаянием вопрошал Хаим, оторвавшись от новой книги по химии, купленной им в магазине «Атид» на улице Ґа-Солель. За этим возгласом последовало объяснение, из которого я узнал, что прометий идентифицирован в спектре излучения одной из звезд в созвездии Андромеды, что он исключительно редок на нашей планете и встречается в сверхнизкой концентрации в месторождениях гадолинита. Что же до возможности синтезировать прометий, то таковая открывается только в условиях ядерной реакции.

Сущность ядерной реакции оставалась для Хаима столь же малопонятной, как и природа спектрального излучения Андромеды, в котором был обнаружен элемент, получивший свое название в честь легендарного похитителя божественного огня. Но нельзя было поспорить, что именно эта таинственная реакция то и дело подбрасывала Хаиму названия новых радиоактивных элементов, и именно она в конце концов

заставила его примириться с тем, что в природе существуют химические элементы, которыми он никогда не сможет пополнить свою коллекцию.

Судьба коллекции была решена.

Хаим проводил все меньше времени в своей комнате, полки которой напоминали ему о мечте, погибшей в результате перманентной нейтронной атаки, и мы с ним все больше шатались по улицам. Одной из наших забав стало сопровождение охотничьих рейдов Менаше и Эфраима Хатуловых — близнецов-бухарцев, бывших тогда главными поставщиками кошек для учебно-медицинских лабораторий университета. В других случаях мы докучали трем лилипутам, владевшим мастерской по обметке петель, изготовлению пуговиц и плиссировке тканей.

Завершение химической эпохи в жизни Хаима ознаменовалось выносом коллекции элементов на чердак, где ей было суждено дожидаться своего часа. Комната неожиданно стала просторнее, и Хаим, прохаживаясь по ней, несколько раз повторил, что страстное желание сделать коллекцию полной едва не свело его сума. Он рассказал мне о своем замысле пробраться в радиологический институт больницы «Хадасса» и признал, что, если бы его план увенчался успехом, и он сам, и

его родители, и все жители дома подверглись бы опасности радиоактивного облучения.

— Истинное обладание дается познанием вещей, а не способностью человека наложить на них руку, — сказал тогда Хаим. — Коллекционеры часто оказываются пленниками иллюзии, уверовав, что за свои деньги они получат не только скупаемые ими предметы, но и идею, которую те выражают. А ведь это нелепость! Истинным обладателем книги является тот, кто ее прочитал, а не тот, кто купил ее для своей библиотеки.

Оглядев опустевшие полки и коробку, в которой хранилась прежде его картотека, Хаим заключил удрученным голосом, в котором слышалось, однако, примирение с действительностью:

— Человек ни в чем не способен достичь совершенства. Даже собрать коллекцию из каких-то ста тридцати предметов — и то невозможно.

С этого момента Хаим все чаще отзывался о своем недавнем увлечении так, будто говорит о другом, малосимпатичном ему человеке. По зрелом размышлении, утверждал теперь мой одноклассник, он убедился, что его идея запереть себя в четырех стенах химической лаборатории была в корне ошибочной. Узкие пределы материи не могут и не должны его ограничивать. Свое

истинное призвание Хаим теперь находил на непостижимых просторах философской мысли.

5

В его новых речах можно было расслышать отголосок суждений доктора Амирама Пеледа.

Все, кроме Хаима, сторонились соседа-философа с тех самых пор, как моя мать заметила портреты Ленина и Сталина на переплетах книг, внесенных в его квартиру. Известие об идеологических пристрастиях нового жильца быстро разошлось среди жителей нашего квартала. Детям запрещали играть с детьми «этого коммуниста», и если жене доктора Пеледа случалось одолжить у одной из соседок стакан сахара или муки, та, получая стакан обратно, с отвращением высыпала его содержимое в унитаз. Некоторые утверждали, что фамилию Пелед наш новый сосед выбрал себе в честь Сталина, и попытки госпожи Рахлевской объяснить, что философ всего лишь придал ивритскую форму своей прежней фамилии Айзен, встречали откровенное недоверие[295].

---

[295] Примечания: 295

Пелед на иврите означает «сталь», Айзен на немецком языке означает «железо».

С началом Пражских процессов[296] глухая антипатия к доктору Пеледу превратилась в нескрываемую враждебность. Чья-то рука намалевала красной масляной краской сплетенные серп и молот и свастику на двери наших соседей. Почтальон зачеркивал имя и адрес доктора Пеледа на конвертах адресованных ему писем и делал там красными чернилами новую надпись: «Таварисчу Сланскому, тюрьма Лубянка, Москва». Два месяца спустя в Москве было опубликовано сообщение об аресте девяти еврейских врачей во главе с профессором Вовси по обвинению в попытке умерщвления советских руководителей медицинскими средствами, и на этой стадии проявления ненависти к доктору Пеледу перешли всякую грань. Его маленькая дочь Инбаль пора-

[296] Примечания: 296

Серия показательных процессов, начавшихся в Чехословакии в конце 1952 г., когда были арестованы и обвинены в «троцкистско-сионистско-титовском заговоре» генсек ЦК КПЧ Рудольф Сланский и 13 других высокопоставленных партийных и государственных деятелей, 11 из которых являлись евреями. Большинство подсудимых были приговорены к смертной казни и казнены 3 декабря 1952 г., только трое из фигурантов Пражских процессов были приговорены к пожизненному заключению. Одновременно с попавшими в немилость к Сталину лидерами КПЧ в Праге предстали перед судом по обвинению в шпионаже корреспондент израильской газеты «Аль ѓа-Мишмар», органа социалистической партии МАПАМ, Мордехай Орен и его родственник Шимон Оренштейн, приговоренные к 15 годам лишения свободы (первый) и к пожизненному заключению (второй). Результатом этих событий в Израиле стал раскол в партии МАПАМ, из которой была вынуждена выйти коммунистическая группа во главе с Моше Снэ,

вторившая сталинским обвинениям в адрес Орена и Ореншейна.

нилась в школе и, вернувшись оттуда в слезах, рассказала родителям, что школьная медсестра отказалась перевязать ее рану.

— Пусть отец отправит тебя в Москву лечиться у профессора Вовси и доктора Этингера, — сказала она испуганной девочке.

Единственной заступницей Пеледа оставалась тогда мать Хаима. Она взывала к совести соседей и говорила им, что они ведут себя как дикие звери в отношении человека, имеющего отличные от их убеждения. Мало того, госпожа Рахлевская убеждала окружающих, что они должны гордиться соседством с доктором Пеледом:

— Где еще в мире университетский профессор живет рядом с мелкими лавочниками, рабочими компании «Шелл» и мусорщиками?

В разговорах с моей матерью госпожа Рахлевская настаивала на том, что наша ненависть к доктору Пеледу проистекает не из его коммунистических убеждений, а из обычной для малограмотных людей иррациональной неприязни к ученым. В числе ее аргументов были и приведенные в трактате «Псахим» слова рабби Акивы, который на старости лет признавался, что в свои молодые годы, оставаясь невеждой, испытывал к мудрецам Торы настолько глубокую

ненависть, что иной раз говаривал: «Попался бы мне кто из них, так я укусил бы его ослиным укусом».

Не желая, чтобы ее слова расходились с делом, госпожа Рахлевская приглашала к себе на обед детей доктора Пеледа и поощряла визиты Хаима в профессорский дом.

— Авось и к тебе прилепится что-нибудь из его мудрости, — говорила она при этом сыну. — Ведь даже служанка в доме раввина умеет дать правильный ответ на вопрос о дозволенном и запрещенном еврейским законом.

Поведение госпожи Рахлевской не нравилось ее мужу, и тот нашептывал моей матери, что благорасположенность его супруги к красному профессору проистекает «не из любви к Аману, а из ненависти к Мордехаю»[297].

— Ведь ей хорошо известно, как мне отвратительны большевики и их пособники, — жаловался господин Рахлевский. — Вот она и нашла способ отравить жизнь своему мужу без того, чтобы кто-нибудь мог отозваться о ней как о строптивой жене.

---

[297] Примечания: 297

Переиначенная талмудическая поговорка «Не из любви к Мордехаю, а из ненависти к Аману», в которой упоминаются противостоявшие друг другу главные персонажи библейской книги Эстер.

Копившееся в его сердце негодование прорвалось наружу в тот день, когда в Москве хоронили Сталина. Уже с момента публикации первого, потрясшего весь мир сообщения о том, что перенесший инсульт генералиссимус находится в тяжелом состоянии, господин Рахлевский практически не покидал нашу квартиру. Он не отходил от нашего радиоприемника, который был оснащен, в отличие от приемника у Рахлевских, сильной наружной антенной, и жадно внимал славянским голосам, доносившимся из далекой Москвы сквозь снежные облака и грозовые тучи. Время от времени московское радио прерывало трансляцию песен в исполнении армейского хора и чтение взволнованных телеграмм, составители которых в советских республиках и в братских партиях всего мира выражали надежду, что солнце Иосифа Виссарионовича никогда не сойдет с небосклона прогрессивного человечества. В эти моменты диктор зачитывал глухим металлическим голосом бюллетень о состоянии здоровья товарища Сталина, составленный советским министром здравоохранения, и ухо господина Рахлевского, и так постоянно прижатое к динамику радиоприемника, вжималось в него еще сильнее.

Мать опасалась, что наш «Филипс» не переживет этой драмы, и сердилась на господина Рахлевского, настроение которого колебалось, подобно маятнику, в зависимости от содержания очередного советского бюллетеня. Сообщение о снизившемся давлении у Сталина приводило его в глубокое беспокойство, унять которое удавалось следующему сообщению, в котором отмечались участившийся пульс и случившееся у больного серьезное нарушение сердечного ритма. Господин Рахлевский ушел от нас глубокой ночью, выразив сожаление, что «грузинский хам» потерял сознание и не может чувствовать всех мучений, которых, несомненно, достоин.

Время от времени мать предлагала ему стакан горячего чая, зная, что он наверняка тут же пожалуется, что тот совершенно остыл.

— Рахлевский, когда вы родились, вам, надо думать, налили кипятку прямо из самовара, — насмешливо говорила она.

Не обращая внимания на ее колкости, господин Рахлевский то и дело возвращался к рассказу о своих братьях, оставшихся в Советском Союзе. Один из них, бывший с юных лет преданным большевиком, был объявлен врагом народа в какую-то из первых сталинских чисток. Его сослали

за Енисей и бросили там в ледяную землянку, где он находился, брошенный всеми, до тех пор, пока его не пристрелили из револьвера в затылок. Другой брат Рахлевского, Ицхак, был взят посреди ночи из своей квартиры и бесследно исчез. Мои родители, не знавшие в своей жизни больших мучений, чем голод, который им довелось пережить в последние годы турецкого правления, со страхом наблюдали за тем, как тлевшие и, казалось, почти угасшие за давностью лет воспоминания господина Рахлевского разгораются от дуновения далекого ветра.

В пятницу рано утром господин Рахлевский снова зашел к нам перед тем, как отправиться с отцом в синагогу, и немедленно включил радиоприемник. Из Москвы доносилась печальная торжественная мелодия. Сосед сидел, сдвинув брови, и пытался осмыслить значение этих звуков, а потом вдруг сорвался с места, захлопал в ладоши и заголосил:

— Близится день, близится день, который не день и не ночь![298]

---

[298] Примечания: 298

Слова из пиюта, написанного жившим в V или VI в. в Эрец-Исраэль поэтом Яннаем и входящего в число песнопений, исполняемых, по обычаю многих еврейских общин, в заключительной части торжественной трапезы седер, совершаемой вечером с началом праздника Песах.

Разбуженная его криками мать вышла из спальни, запахнувшись в халат, и сердито спросила у господина Рахлевского, с чего это он празднует Песах, когда только что миновал Шушан Пурим.

— Сдох, собака! Сдох, собака! — прокричал наш сосед сквозь душившие его смех и слезы.

Мать поинтересовалась у господина Рахлевского, не боится ли он, что его радость окажется преждевременной, но сосед успокоил ее, выразив уверенность, что Москва не стала бы транслировать Героическую симфонию Бетховена, если бы «не сгинул угнетатель, не пресеклась его ярость»[299].

Ровно в шесть часов утра трансляция торжественной музыки была прервана, и в эфире раздался надорванный горем голос советского диктора.

— Юрий Левитан! — прошептал узнавший его господин Рахлевский. — Уж если его разбудили так рано, значит, все там решилось.

Выслушав официальное сообщение о смерти «великого соратника Ленина и гениального продолжателя его дела», отец с господином Рахлевским отправились в синагогу, но прежде,

---

[299] Примечания: 299
Цитата из библейской книги пророка Йешаяґу, 14:4.

чем они успели удалиться от нашего дома, сосед спохватился:

— Надо бы захватить с собой угощение. Устроим по такому случаю трапезу.

— Выпьем за вознесение его души, — с усмешкой согласился отец.

До самой субботы, о приближении которой возвестил гудок, доносившийся к нам от бань в Батей Оренштейн[300], господин Рахлевский не отходил от нашего радиоприемника. Он с нескрываемым наслаждением слушал всхлипывающих дикторш, когда те зачитывали приходившие в Москву телеграммы со словами глубокого соболезнования советскому правительству и народу. Сразу же по окончании субботы господин Рахлевский снова появился у нас, чтобы присоединиться к сонму трудящихся, ждавших у входа в Колонный зал своей очереди проститься с вождем. Соседу нравились описания тела покойного, облаченного в парадный мундир, с орденскими знаками на груди. Он как будто вдыхал спертый, перенасыщенный ароматом тысяч цветов воздух Колонного зала и с удовольствием видел перед

[300] Примечания: 300

Батей Оренштейн, или «Дома Оренштейна» — религиозный квартал в Иерусалиме, основанный в 1908 г. и названный в честь человека, пожертвовавшего на его строительство все свои средства.

своим мысленным взором «бесконечный людской поток» на морозных улицах мартовской Москвы.

В Иерусалиме тоже шел снег, но пребывавший в радостном возбуждении господин Рахлевский едва успевал оттирать пот со лба. О миллионах людей, шедших бросить последний взгляд «на усатое чудовище, расфуфыренное, как уличная шалава», он говорил, что они хотят убедиться, что ангел смерти действительно посетил Кремль. А в понедельник господин Рахлевский поспешил к нам, чтобы послушать прямой репортаж о похоронах Сталина.

Иерусалимская погода резко переменилась к тому времени, сухой ветер принес из пустыни тяжелый зной, но дома у нас свистела московская пурга, раздавался звон кремлевских колоколов, грохотали траурные залпы сотрясавших Красную площадь артиллерийских орудий. Когда слово для прощания с вождем было предоставлено Маленкову, наш сосед открыл Танах и стал напевно, с выражением читать пророчество Йешаяґу о

падении Ѓейлеля бен-Шахара[301].

— Видящие тебя всматриваются, пристально глядят на тебя: он ли колебал землю, сотрясал царства? — господин Рахлевский читал слова древнего пророчества так, как читают их в синагоге в одну из семи суббот утешения[302]. — Выброшен ты из могилы своей подобно ростку негодному, в одежде убитых, пронзенных мечом.

Наш сосед был уверен, что заключительная часть пророчества Йешаяѓу исполнится так же, как исполнилась первая. Недалек тот день, предсказывал он, когда один из наследников Сталина вышвырнет из мавзолея его забальзамированное, накрашенное и напудренное тело.

Торжественную атмосферу момента нарушила госпожа Рахлевская, внезапно ворвавшаяся к нам в дом и попытавшаяся сунуть своему мужу ворох счетов и квитанций.

— Я не знаю, сколько мы должны заплатить

---

[301] Примечания: 301

В 14-й главе книги Йешаяѓу приводятся слова, осуждающие царя Вавилона, упомянутого там как Ѓейлель бен-Шахар. Это выражение может быть переведено как «блистающий сын зари», и в латинской Библии оно передано словом «люцифер», означающим «светоносный». В позднесредневековой католической литературе Люцифер стал синонимом сатаны.

[302] Примечания: 302

Семь суббот, следующих после поста Девятого ава, установленного в память о разрушении Иерусалимского храма.

компании «Осем», — пожаловалась она моей матери. — Он уже неделю не делает ровным счетом ничего, только читает газеты и просиживает у вашего радиоприемника, а я тем временем загибаюсь в лавке одна. — Затем, уже обращаясь к мужу, она прокричала: — Скоро у тебя будут еще одни похороны, и на этот раз хоронить придется меня! Возвращайся в лавку немедленно!

— Оставь меня в покое, — отвечал господин Рахлевский. — Я должен дослушать речь Берии.

— Ты сейчас будешь слушать речь своего домашнего Берии! Будешь слушать свою жену, на которую взвалил всю работу, словно она не жена тебе, а какое-то вьючное животное!

С этими словами госпожа Рахлевская вцепилась в рукав своего мужа и потянула его к двери, но тот оторвал от себя ее руки и, подтолкнув жену к выходу, спросил у нее, не для того ли он должен явиться в лавку, чтобы она смогла подать скорбную трапезу доктору Пеледу, который наверняка будет теперь справлять семидневный траур.

— Крутые яйца ему ты уже сварила? — язвительно вопрошал господин Рахлевский. — Сухие лепешки испекла?

— Не радуйся падению врага твоего, Авраам, — с осуждающей, почти родительской интонацией

отвечала мужу мать Хаима. — Убеждения доктора Пеледа всем хорошо известны, но сам он, как ты, вероятно, знаешь, является человеком любезным и деликатным. Он и мухи не обидит, и нет никакой нужды навешивать на него груз преступлений Сталина.

— О, наивная иерусалимка! — воскликнул господин Рахлевский. — Что ты вообще понимаешь? Ведь у вас тут, в Иерусалиме, после ухода турок и доносчиков толком не было, кроме Менделя Кремера[303]. А у меня до сих пор мурашки по коже, когда я вспоминаю этих любезных и деликатных людей, которые, как ты полагаешь, мухи не обидят! Один только Владимир Коган чего стоил! Незадолго до того, как мне удалось бежать из России, в Киеве он ворвался ночью к нам в дом. В Овруче я знал этого молодого человека как сына главы местной ешивы, но тут он предстал передо мной следователем ЧК, облаченным в кожаные штаны и черкеску. И какой безжалостный, какой отчужденный взгляд был у него тогда!

— Что ты упрямишься как мул? — прервала его супруга. — Может быть, для него это был

---

[303] Примечания: 303

Иерусалимский фармацевт и журналист, известный своими неблаговидными связями с османской, а затем британской полицией; умер в 1938 г.

единственный способ предупредить тебя об опасности.

Казалось, она использует аргумент, уже не раз звучавший в их спорах.

— Я знаю их, как свои пять пальцев! — отвечал жене господин Рахлевский. — Эти евреи суть жесточайшие и хитрейшие из слуг сатаны! И вот он, — здесь наш сосед указал на росший перед домом философа куст страстоцвета, — именно он первым побежит доносить на тебя в НКВД, если сюда когда-нибудь явится Красная армия.

— Паскудник!

Бросив в лицо мужу одно из необычных ругательств, которыми тот сам часто пользовался, госпожа Рахлевская все еще растерянно стояла у двери, сжимая в руках квитанции компании «Осем».

Ее супруг уже намеревался вернуться к приятному прослушиванию доносившихся из Москвы звуков траурного салюта и маршей Шопена, когда вдруг увидел, что в открытой по случаю неожиданной в это время года жары двери соседского дома появился сам доктор Пелед. Тщательно причесанный, с красной гвоздикой в верхней петле рубашки, он распрямил спину и вышел со двора, направившись в сторону лавки Рахлевских.

— Иди-иди, твой евсек[304] тебя ищет, — сказал господин Рахлевский жене. — Поминальную свечу пошел покупать.

Четыре года спустя доктор Пелед, сопровождаемый, как обычно, сердитыми взглядами соседей и проклятиями госпожи Адлер, зашел в лавку Рахлевских. Дождавшись ухода всех покупателей, он неуверенно поинтересовался у хозяев, не испытывают ли они нужды в оберточной бумаге, и уже в тот же день доктор Пелед и его сын снесли к лавке Рахлевских несколько ящиков, набитых запыленными печатными томами и рукописями. До вечера у господина Рахлевского не было времени, чтобы заняться этой макулатурой. Лишь закончив свои обычные дневные труды, он обнаружил, что сосед-философ удалил из своей библиотеки труды Ленина и Сталина и большое количество посвященной им литературы.

— «Коль ѓа-ам»[305] опубликовал наконец секретный доклад Хрущева двадцатому съезду, —

---

[304] Примечания: 304

По названию Евсекции (Еврейской секции), действовавшей в составе РКП(б) — ВКП(б) в 1918–1930 гг. и проявлявшей особенный энтузиазм в преследовании сионизма и иудаизма.

[305] Примечания: 305

«Коль ѓа-ам» («Голос народа») — выходившая в 1937–1975 гг. ежедневная газета на иврите, печатный орган Коммунистической партии Палестины и затем Израильской коммунистической партии.

ехидно бросил супруге господин Рахлевский. — А ты, кажется, до сих пор все так же наивна.

— Только дураки никогда не меняют своего мнения, — ответила ему жена и вышла из лавки, хлопнув дверью.

Тому, кто заглянул бы тот день в лавку наших соседей, показалось бы, что он очутился на продовольственном складе в удаленном советском колхозе сразу после того, как туда завезли из райцентра новую партию книг для крестьянской библиотеки.

Затворив ставни, господин Рахлевский всю ночь орудовал ножом, вырезая из переплетов и рассекая на отдельные листы толстые книжные блоки. Фотографии и цветные картинки, на которых Сталин осматривал новый танк, держал на руках розовощекую девочку или внимал поучениям Ленина, он яростно резал на куски. Наблюдательные клиенты господина Рахлевского еще долго затем обнаруживали на выдававшихся им счетах за покупку край уса, тяжелую руку с курительной трубкой, ряд пуговиц с военного френча и другие детали рассеченного Иосифа Виссарионовича.

Наутро господин Рахлевский разнес подготовленные им за ночь пачки оберточной бумаги по

всем бакалейным лавкам в нашей округе, и их владельцы сворачивали из нее впоследствии кульки для маслин, маринованных огурцов и сыпучих продуктов.

— Черт возьми, — приговаривал господин Рахлевский по-русски, завороженно наблюдая, как нарезанная им оберточная бумага расползается от влаги, а напечатанные на ней буквы кириллицы теряют узнаваемость очертаний. — Они там, в Советском Союзе, даже бумагу делать как следует не научились.

Чаще всего его жалобы доводилось выслушивать Хаиму, помогавшему отцу в лавке.

Ровно это было предсказано Ледером, когда мы впервые встретились с ним у располагавшегося в здании «Сансур» магазина русской книги, за две недели до вселения доктора Пеледа в соседнюю с нашей квартиру. Но самому Ледеру не было суждено узнать о том, как осуществилось его пророчество.

6

Ледер испытывал сильнейшее отвращение ко всему «красному».

Первого мая мне довелось оказаться вместе с ним возле кинотеатра «Тель-Ор», у старого здания

«Ґистадрута», из громкоговорителей которого раздавалось пение «Интернационала». Ледер, скривив лицо, заявил, что только что услышанные нами слова «проклятьем заклейменный» он относит к самим коммунистам, поскольку именно они способствовали своим поведением приходу Гитлера к власти в Германии. Если бы после смерти Фридриха Эберта в 1925 году, настаивал Ледер, они не выдвинули своего шутовского кандидата и не пошли на сотрудничество с другими общественными силами, Гинденбург не был бы избран президентом, а это, в свою очередь, могло блокировать последующую победу нацистов[306].

Сплюнув в сторону красных флагов, которыми был завешан длинный балкон, Ледер сказал, что из-за восторгов по поводу Сталинграда Сталину склонны забывать этот грех и, хуже того, прием Риббентропа в Кремле. Заключение советско-

---

[306] Примечания: 306

Фридрих Эберт (1871–1925) — немецкий социал-демократ, первый рейхсканцлер Германии после Ноябрьской революции 1918 г. и первый рейхспрезидент Германии с 1919 г. Во втором туре президентских выборов 1925 г. соперниками Гинденбурга (48,3 % голосов) были Вильгельм Маркс (45,3 %), кандидат от т. н. «Народного блока», объединившего СДПГ, Немецкую демократическую партию и Германскую партию Центра, и лидер КПГ Эрнст Тельман (6,4 %). В дальнейшем, 30 января 1933 г., Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером Германии и поручил ему формирование правительства.

германского пакта Ледер считал преддверием Второй мировой войны, унесшей жизни миллионов евреев.

Когда я сказал ему, что его нападки направлены не по адресу, Ледер возмутился. Ударив кулаком в окно кооперативной столовой, закрытой по случаю международного праздника трудящихся, он заявил, что партийная пропаганда МАПАЙ уже успела отравить мой юный мозг, создав у меня уверенность, что между социализмом и коммунизмом имеется принципиальная разница.

— Та же тетя в другом капоте, — вынес сердитый вердикт мой спутник и немедленно сообщил, что он еще в Вене на своей шкуре изведал, кто такие социал-демократы. Ледер снова вспомнил первомайское шествие, свидетелем которого оказался вскоре по приезде в австрийскую столицу и в первых рядах которого заметил мою учительницу госпожу Шланк. Многие из полицейских и солдат поддерживали тогда социал-демократов. С красными цветами в лацканах своих мундиров они приветствовали участников праздничной демонстрации возле казарм Россауэр. И что же? Всего через несколько лет они без колебаний стреляли в участников июльского восстания 1927

года[307].

— Только красным быкам, одержимым идеей рабочего сионизма, могло прийти в голову, будто пролетарии всех стран в самом деле способны стать братьями, — уверенно заявил Ледер. — Они и думать не хотели, что антисемитизм окажется сильнее любой попытки замалевать его лозунгом братства народов. Но рабочее движение в Австрии и созданный им «Шуцбунд» быстро распались. Его члены стали массово переходить на сторону нацистского подполья, предавая своих прежних еврейских товарищей и объясняя свой выбор ненавистью к реакционной буржуазии «Хеймвера».

Мимо нас с большим шумом проехал грузовик с откинутыми бортами, кузову которого, усыпанному соломой и уставленному снопами пшеницы, было придано сходство с гумном. Одетые в вышитые белые рубахи юноши и девушки били в бубны и танцевали посреди этого гумна с несомненным риском для жизни. Грузовик

---

[307] Примечания: 307

В ходе вооруженных столкновений между левой военизированной организацией «Республиканский шуцбунд», полицией и действовавшими на стороне полиции боевыми отрядами националистов из организации «Хеймвер» в Вене летом 1927 г. были убиты 89 и ранены около 600 человек, причем основное число погибших составили левые демонстранты и шуцбундисты.

направлялся к месту, у которого позже, под вечер, должно было начаться праздничное первомайское шествие.

Я смотрел на танцоров в грузовике, разинув рот от восторга, и разочарованно наблюдавший за моей реакцией Ледер заключил, что еврейским воспитанием в нашей стране уже осуществлен идеал «кто был ничем, тот станет всем», о котором поется в «Интернационале». Понять его было трудно, но он поспешил объяснить свою мысль:

— Никто здесь не хочет учить уроки прошлого, и ты сам тому доказательство. Когда я рассказывал тебе о совсем недавних событиях, которые еще будут иметь последствия и для твоего личного будущего, и для будущего последующих поколений, ты смотрел на меня примерно как баран на новые ворота. Всё здесь *маньяна*[308], все завтра. Вы ничего не хотите решать сегодня, все откладываете на будущее.

Последнюю фразу Ледер выкрикнул, глядя в сторону удалявшегося грузовика.

Социалисты и коммунисты, настаивал мой собеседник, увязывают социальные проблемы со сложными научными теориями, очевидно

---

[308] Примечания: 308
Завтра (*исп.*).

полагая, что это позволит им откладывать решение проблем на неопределенно долгий срок. В отличие от них Поппер-Линкеус был озабочен изысканием быстрых практических решений. Абстрактные идеи не интересовали его, поскольку он вообще думал не об идеологии, а о людях и об их желании освободиться.

— И усвой себе, что коммунисты ненавидят Поппера-Линкеуса из-за того, что в его сочинениях содержится резкая критика Маркса, — с этими словами Ледер старательно растоптал листовку, которую нам вручила девушка в синей рубашке «Ґа-Шомер ґа-Цаир»[309].

Нарушив однажды родительский запрет и отправившись вместе с Хаимом к нашему соседу-философу, я изложил ему усвоенные мною от Ледера обвинения в адрес коммунизма.

Вопреки предостережениям моей матери, в комнате у доктора Пеледа не висело ни красного флага, ни портретов отцов-основателей марксистской теории и советского государства, но книг у него действительно было много, а в редких просветах между книжными полками на стенах

---

[309] Примечания: 309

«Ґа-Шомер ґа-Цаир» («Юный страж») — сионистское молодежное движение, создано в австрийской Галиции в 1913 г., впоследствии приобрело и долго сохраняло приверженность марксистской идеологии.

висело несколько картин и рисунков. В углу комнаты стоял простой письменный стол с зеленой вазой на нем, в вазе покоилась ветка акации. Пол был застелен ковром, и когда мы зашли, доктор Пелед лежал на нем. На груди у него сидела его маленькая дочь, которую он смешил телячьим мычанием.

Хозяин квартиры велел обращаться к нему по имени, и беседа с ним оказалась настолько приятной, что я осмелился задать доктору Пеледу волновавший меня вопрос:

— Амирам, а правда, что вы ненавидите Поппера-Линкеуса?

— Кто это «мы»?

— Коммунисты, — ответил я и тут же почувствовал себя неловко.

— А почему ты решил, что я коммунист?

Хозяин понял мою неловкость и избавил меня от необходимости отвечать на заданный вопрос. Вместо этого он сказал, что, если бы я оказался в Музее революции в Москве, то обнаружил бы там целый зал, посвященный Попперу-Линкеусу. И в этом, считал доктор Пелед, можно увидеть жест признательности известному мыслителю, которого тот не удостоился ни в своей родной Австрии, ни в Государстве Израиль, считающем

себя родиной всех евреев.

— В Советском Союзе Поппера-Линкеуса считают одним из выдающихся ранних мыслителей, определивших необходимость удовлетворения нужд человека на основе коллективизма, — продолжил сосед.

Его речь приобрела тональность лекции, звучащей с университетской кафедры на факультете философии, но он сразу же оценил комичность сложившейся ситуации, уложил ребенка в люльку, сел к письменному столу, дунул несколько раз на высохшие шарики цветов акации и спросил, откуда у такого подростка, как я, интерес к Поппер-Линкеусу.

Ледер, когда я спросил его о почете, который оказан в Москве нашему замечательному учителю, кивнул и сказал, что читал об этом в какой-то газете и что это, в сущности, не должно удивлять, ведь коммунистам легко демонстрировать уважение к умершему мыслителю. Они украшают свой иконостас именами Спартака и братьев Гракхов[310], вот и Поппер-Линкеус пригодился им в этом качестве. Но здесь Ледер спохватился и привел совершенно иное объяснение услы-

[310] Примечания: 310

Братья Гракхи — устоявшееся именование двух древнеримских реформаторов II в. до н. э. Тиберия Семпрония и Гая Семпрония Гракхов.

шанному. Уважительное отношение Москвы к Попперу-Линкеусу — очередная ложь, распространяемая советским агентством ТАСС, чтобы посеять сомнения в душах истинных гуманистов, выступающих против диктатуры пролетариата и тех жестоких методов, к которым коммунисты неизменно прибегают с тех пор, как впервые ступили на историческую арену.

— У лжи нет ног, мой ученый друг, поэтому она летает[311].

Ледер был очень доволен своей остротой. Насладившись ее эффектом, он бросил поспешный взгляд в сторону входа в библиотеку, желая убедиться, что ни моя мать, ни Аґува Харис не выследили нас здесь.

7

Читальный зал библиотеки «Бней Брит» на Абиссинской улице стал местом наших тайных встреч, когда моя дружба с Ледером перешла на подпольное положение. Ледер, с нетерпением ждавший ответа доктора Швейцера на отправленное тому предложение встать во главе линкеусанского государства, не тратил времени

---

[311] Примечания: 311
На иврите слово «летает» (*мас*) созвучно названию агентства ТАСС.

зря. Обложившись книгами по экономике, праву и истории, он сочинял черновой вариант конституции задуманной им державы. Так, во всяком случае, он утверждал. Приходя в библиотеку, я заставал своего друга погруженным в чтение и грызущим кончик паркеровской ручки. Подчиняясь его указанию, я не подходил к нему слишком близко, а садился через два места от него и делал вид, что занимаюсь приготовлением уроков.

В вытянутом прямоугольном зале с толстыми каменными стенами даже в жаркие дни стояла приятная прохлада. Книжные стеллажи возвышались вдоль стен до самого потолка, и если посетитель хотел снять книгу с одной из верхних полок, ему приходилось взбираться под потолок по деревянным ступеням тяжелой лестницы, выдвинуть которую из угла, где она обычно стояла, удавалось только вдвоем. Смягченный, рассеянный свет проникал в помещение через высокие окна, забранные витыми решетками. В центре читального зала располагался длинный стол, по обе стороны которого стояли массивные деревянные стулья с высокими спинками. На них там и сям рассаживались школьники, шептавшиеся и пересмеивавшиеся между собой по ходу приготовления домашних заданий. Их некому

было призвать к порядку, поскольку единственная работница библиотеки была занята обменом книг в абонементном зале, большинство посетителей которого составляли молодые чиновницы, работавшие в расположенных на улице Яффо учреждениях. Они заходили в библиотеку в конце рабочего дня и подбирали себе любовный роман потолще в надежде скоротать за чтением приближавшийся вечер. А мы с Ледером тем временем предавались нашим конспиративным занятиям.

Свои рассуждения Ледер, как правило, начинал с упоминания Великой хартии вольностей или конституции США, но его мысль все время возвращалась к письму, которого он с нетерпением ждал. Прошло уже полтора месяца с тех пор, как он положил адресованный доктору Швейцеру конверт на зеленый каменный прилавок главпочтамта, и Ледера начинало одолевать отчаяние, под действием которого он то сердился на себя самого, то загорался неприязнью ко всем окружающим. Иногда он ругал себя за то, что пожадничал и не отправил письмо заказной почтой, с уведомлением о вручении адресату, и вот теперь, рисовалось его воображению, адресованный Альберту Швейцеру конверт оказался

в брюхе у аллигатора в одном из болот в верхнем течении реки Огове. В других случаях он сокрушался, что позволил почтовому чиновнику наклеить на конверт цветную марку «Освободи Иерусалим!» с изображением стен Старого города на горе. Какой-нибудь пигмей наверняка захотел прилепить эту марку к своему боевому наряду, сетовал мой друг, а если бы на конверте была обычная марка, отправленное из Иерусалима письмо давно бы нашло своего адресата. В числе одолевавших Ледера подозрений была также и мысль, что нанятые доктором Швейцером помощники из числа местных жителей по собственному произволу не передали письмо своему господину.

Подобно простодушному верующему, который всегда найдет способ объяснить происхождение зла кознями сатаны, своеволием ангелов и грехами людей, но не собственной волей Бога, Ледер не мог допустить, что, ознакомившись с его посланием, доктор Швейцер решил не отвечать на него. Изливая свою горечь на всех подряд, мой друг все так же благоговейно отзывался об эльзасском враче, не забывая отметить, что среди миссионеров часто встречаются прекрасные люди. В этой связи Ледер не раз с благодарностью

вспоминал двух католических монахинь, приехавших в Иерусалим в конце мировой войны и посвятивших себя излечению трахомы древними методами китайской медицины. Заговорив о них, Ледер, случалось, надолго погружался в свои мысли. По его словам, эти монахини были первыми людьми, говорившими с ним на равных, просто и уважительно, без обычных для иерусалимцев перепадов между заискиванием и спесью. Ледер считал, что благодаря им у него открылись глаза на мир.

Ответ из Ламбарене пришел через четыре месяца после отправки письма доктору Швейцеру.

Придя в библиотеку в тот день, я застал Ледера в подавленном состоянии. Перед ним не громоздились обычные груды книг, лишь голубой конверт авиапочты лежал на пустом столе.

— Пришел ответ? — неуверенно спросил я у Ледера.

— Вот.

Он протянул мне конверт, на который была наклеена черно-зеленая марка с изображением цапель, выгибавших свои длинные шеи посреди африканских джунглей. Я осторожно извлек из конверта лист тонкой полупрозрачной бумаги, плотно исписанный мелким почерком. В его

правом верхнем углу были от руки написаны имя и адрес Альберта Швейцера, а с левой стороны листа и чуть ниже — имя и адрес Ледера. Мне удалось разобрать лишь первую строчку *«Lieber Herr Ledder»*, после чего мой друг забрал у меня письмо и зачитал мне его, переводя каждую фразу.

В начале своего послания доктор Швейцер извинялся за задержку с ответом, объясняя ее тем, что речное судно, доставившее мешки с почтой из Либревиля, привезло в Ламбарене так же и значительную группу африканцев, страдавших трипаносомозом. Врач выражал уверенность, что его адресат знает, как долго и трудно лечится эта тропическая болезнь. На протяжении шести недель он был целиком поглощен уходом за страждущими, и лишь теперь, когда болезнь отступила, у него появилась возможность ответить на давно полученное письмо.

Доктор Швейцер тепло отзывался о Поппере-Линкеусе и вспоминал, что скупой на похвалу Зигмунд Фрейд называл его одним из своих духовных учителей. Находя, что Поппер-Линкеус вполне свободен от негативных эффектов психологического вытеснения, Фрейд характеризовал его как одного из немногих совершенно беззлобных и нелживых людей. Далее доктор Швейцер с

похвалой отзывался об идее создания продовольственной армии и особенно отмечал важность того, что эта идея исходит из Иерусалима, уже подарившего миру Спасителя. Но вслед за тем доктор Швейцер писал, что, подобно древнему еврейскому мудрецу, о котором он слышал когда-то от страсбургского раввина, сам он тоже решил прожить свою жизнь в небольшом, очерченном им для себя кругу[312]. И, конечно, теперь, на склоне лет, он не сможет принять сделанное ему лестное предложение и не оставит своих несчастных больных, которые так нуждаются в его помощи здесь, между морем и вечными тропическими лесами.

Ледер сложил письмо, сунул его в карман и погрузился в глубокое уныние.

8

В последующие дни состояние Ледера становилось все хуже. Он не читал ничего, кроме газет, и постоянно ругал врачей, утверждая, что, если

[312] Примечания: 312

Здесь, очевидно, имеется в виду Хони ґа-Меагель, знаменитый праведник и чудотворец I в. до н. э., о котором в Талмуде рассказывается, что однажды в засушливый год, когда к нему обратились за молитвенной помощью, он очертил на земле круг, встал посреди него и сказал, обращаясь к Всевышнему, что не выйдет из этого круга до тех пор, пока Тот не пошлет Своим детям дождь и благословение.

общество не сумеет их обуздать, землю заполнят больницы, в которых будут покоиться, как в цветочных горшках, люди-растения, а продовольственной армии придется сосредоточить все свои силы на производстве удобрений и сосудов для этих диковинных растений. Имя доктора Швейцера он больше не упоминал.

Но прошло еще какое-то время, и оказалось, что жгучая обида, нанесенная ему доктором, не заставила Ледера отказаться от своей мечты и сделаться обыкновенным человеком. Напротив, она окрылила его, освободила от груза прошлого и связанных с ним обязательств. Ледер ощутил себя вправе усвоить новое мировоззрение, которое, как он полагал, было способно вывести из тупика идею линкеусанского государства. Он снова сидел, обложившись книгами, был охвачен деятельным настроением, и в глазах его загорелся огонь близкой к осуществлению утопии.

— Ни вегетарианство, ни эсперанто нам не нужны! — ликовал Ледер, предаваясь ощущению новой свободы. — Нечего цепляться за авторитеты! Нашей былой инфантильности положен конец.

Мой друг заключил, что все его прежние действия были беспомощным воспроизведением

абстрактных формул и нелепой приверженностью церемониалу. Эти формулы, считал он теперь, не имеют ничего общего с реальностью нашего жестокого времени и с его главным принципом «побеждает сильнейший».

— Ведь что я по своей глупости думал? — размышлял Ледер вслух. — Что мы изменим существующий порядок вещей, а стоящие по другую сторону баррикад интересанты — все эти производители мороженого, модные портные, продавцы табака и их святое стадо — будут любезно нам улыбаться и пощипывать нас за щечку.

Порывшись в груде лежавших перед ним книг, Ледер протянул мне том в белой обложке, на которой был изображен аккуратно постриженный молодой человек в слишком просторной для него мантии. В его тонких, сложенных в легкую усмешку губах и в холодном, проницательном взгляде крысиных глаз читалось искусство быть скрытным и дожидаться своего часа.

— Прочитай Макиавелли, — потребовал Ледер. — Это совершенно необходимая для нас книга.

Две девочки, сидевшие у раскрытого атласа и занятые приготовлением уроков по географии, с любопытством посматривали на нас. Заметив,

что я обратил на них внимание, Ледер взял меня за подбородок и сказал, что мы встретились здесь не для того, чтобы заниматься ерундой.

— Прочитай, тебе нечего опасаться, Поппер-Линкеус тоже читал «Государя».

На столе перед Ледером лежало несколько иностранных книг в голубых переплетах. Он взял одну из них и, указав на витиеватую подпись на ее авантитуле, сообщил, что этот экземпляр английского издания «Государя», бессмертного творения Макиавелли, хранился в личной библиотеке Поппера-Линкеуса, о чем свидетельствует оставленный им автограф. Библиотеку покойного венского мыслителя его наследники передали в дар Национальной библиотеке в Иерусалиме, располагавшейся на первых порах в нынешнем здании библиотеки «Бней Брит», пояснил Ледер.

Решив, что ему удалось меня успокоить, Ледер задрал подбородок и, направив свой взгляд куда-то поверх моей головы, объявил, что, хотим мы того или нет, нам придется использовать силу и принуждение, чтобы пробить лед всеобщего неприятия идеи линкеусанского государства. Долгие бессонные ночи он мучился мыслью о том, позволительно ли нам вести себя таким образом,

но чем больше он думал над этим, тем очевиднее становилось ему, что, если мы не навяжем обществу свою волю, оно окончательно погрузится в пучину потребительского декаданса.

— Опасаться нечего, — повторил Ледер. — Это будет временный этап, после которого окрепшее линкеусанское государство сделает идею о необходимости продовольственной армии самоочевидной для всех и каждого.

Соотношение цели и средств, неизбежный зазор между личной моралью и допустимыми правилами политического поведения, весь комплекс вопросов, который историки определяют как демоническую диалектику силы, — на решение этих проблем Ледеру хватило нескольких дней. Прошло еще полторы недели, и в нашу следующую встречу он произвел на меня впечатление человека, целиком отдавшегося жажде силы и власти. Его идеалистические устремления отступили на второй план и стали почти неразличимы, тогда как на первое место вышли срочные практические вопросы.

— Нам нужно научиться пользоваться оружием, — сообщил мне Ледер, едва я переступил порог читального зала и приблизился к нему на достаточное расстояние.

На столе перед ним лежала раскрытая брошюра «Стоящему на страже», выпущенная «Хаганой» в 1938 году в связи с возникшей тогда потребностью быстро популяризировать навыки применения стрелкового оружия[313]. Наложив на одну из ее страниц лист шелковой бумаги, Ледер тщательно перечерчивал на него схему устройства револьвера и переписывал в свою тетрадь пункты инструкции по уходу за личным оружием и его применению.

Он был взвинчен, и его глаза беспокойно бегали от схемы в брошюре к листу, на который он еще до моего прихода перенес изображение ствола и барабана. Тщательно сравнивая детали, Ледер намеревался приступить к перечерчиванию спускового крючка и защитной скобы.

— Нам нужны деньги, много денег, — пробормотал он, но тут же поймал себя на том, что сболтнул лишнего. — Уходи, уходи отсюда.

Повторив свои слова несколько раз, он велел мне вычеркнуть из памяти эту встречу и не рассказывать о ней никому, даже намеком.

На цыпочках я двинулся к выходу из читально-

[313] Примечания: 313

Антибританское восстание арабов подмандатной Палестины в 1936–1939 гг. сопровождалось многочисленными нападениями на еврейские поселения, транспорт, объекты аграрной инфраструктуры и пр.

го зала. Дойдя до порога, я повернулся и бросил прощальный взгляд на Ледера, чертившего химическим карандашом твердые линии револьвера, и на двух школьниц, водивших пальцами по выжженным солнцем просторам пустыни Сахара. Казалось, они ищут следы исчезнувших там оазисов.

Я не мог тогда знать, что это моя последняя встреча с Ледером наедине и что наша мечта о линкеусанском государстве вдребезги разобьется через неделю. Ей было определено разбиться в тот день, когда в центре всеобщего внимания оказались столкновения демонстрантов с полицией на улице Бен-Йеґуды и на небольшой площади возле дома Фрумина, в котором для вынесения решения о репарациях из Германии собрались депутаты кнессета.

Глава десятая

1

Недобрые предчувствия одолевали мать с самого утра.

— Сегодня ты из дома не выйдешь, — сказала она, едва я открыл глаза. — Медведи в лесу не вымрут, если ты один день пропустишь занятия.

Школа, в которой я учился, находилась вблизи здания кнессета, и мать, не раз говорившая, что дурного соседства следует избегать всегда, а особенно — в годину бедствий, осталась верна своему правилу с наступлением «дня репараций».

Ожесточенные споры между сторонниками и противниками переговоров с Германией велись тогда буквально повсюду, и принадлежавшая моим родителям бакалейная лавка естественным образом превратилась в своего рода парламент. Доносившиеся из нее выкрики «депутатов» часто привлекали внимание прохожих, но в тот день обычные дебаты о репарациях привели к потасовке, едва лишь отец открыл свое заведение в пять часов утра к услугам рано встающих рабочих.

В углу небольшого торгового помещения стоя-

ли мешки с рисом, и отец оставлял на них свежие газеты для владельца соседней галантерейной лавки. Газетные заголовки обычно проглядывал господин Кипер, одинокий ночной сторож, возвращавшийся каждое утро с хладокомбината в Тель-Арзе и заходивший к нам за сигаретами. В то утро он выплеснул бидон молока в лицо медсестре Аде Калеко, известной активистке «Ѓистадрута». Находясь в Бухенвальде, прокричал господин Кипер, он не мог вообразить, что уже в недалеком будущем «еврейский царь сядет за стол переговоров с наследниками Гитлера». Поступок ночного сторожа стал сигналом к началу скандальной сумятицы с элементами рукоприкладства. Бен-Аврам, складской рабочий кооператива «Тнува», разбил сырое яйцо о голову раввина Шиши, сын которого погиб при штурме деревни Мальха бойцами «Эцель»[314]. Всех сторонников «господина Бейгина» Бен-Аврам назвал фашиствующими хулиганами, высказав убежденность в том, что их следует отправить обратно в Кению, чтобы они «сгнили там вместе

[314] Примечания: 314

«Эцель» — акроним ивритского названия подпольной Национальной военной организации, действовавшей в годы британского мандата.

с черными в джунглях»[315].

Отец беспомощно наблюдал, как его лавка возвращается в состояние, в котором она находилась после обыска, учиненного в ней инспекторами Дова Йосефа, но мать быстро нашлась и выключила электричество. В темноте туманного и дождливого зимнего утра растерявшихся драчунов удалось вытолкать на улицу, где Кипер долго еще размахивал кулаками.

В последующие часы до полудня мать, плотно сжав губы, встревоженно наблюдала за тем, как мимо нашего дома проезжали грузовики с вооруженными дубинками полицейскими в касках, штабные автомобили, пожарные и полицейские машины с угрожающе выставленными брандспойтами водометов.

— Десятое тевета наступит только завтра, — пытались успокоить ее покупатели[316].

---

[315] Примечания: 315

Бейгин — намеренно искаженная фамилия Менахема Бегина (1913–1992), последнего командира «Эцель», а затем — лидера израильской партии «Херут», блока «Ликуд» и премьер-министра Израиля в 1977–1983 гг. Сотни арестованных англичанами членов «Эцель» и другой правой военной организации «Лехи» были в 1944 г. отправлены в африканские концлагеря, где большинство из них оставались до провозглашения независимости Израиля.

[316] Примечания: 316

На десятое число еврейского месяца тевéт установлен пост, соблюдаемый в память о начале осады Иерусалима войсками вавилонского царя Навуходоносора II в 588 г. до н. э.

— А у нас осада Иерусалима началась уже сегодня. — Эти слова она произносила с усмешкой и тут же добавляла: — Говорил Шломо, сын Давидов: «Бывает, что и при смехе сердце болит»[317].

В полдень по опустевшим улицам с грохотом проехал обклеенный плакатами грузовик, в кузове которого было установлено несколько громкоговорителей. Из их раструбов доносился адресованный иерусалимцам призыв собраться в четыре часа на Сионской площади на организуемую партией «Херут» демонстрацию. В повторявшемся сообщении подчеркивалось, что на демонстрации с протестом «против установления связей с Амалеком»[318] выступят Менахем Бегин и профессор Клаузнер[319]. Мать поспешила закрыть лавку. По пути домой она зашла к господину Рахлевскому и сказала ему, что начало братоубийственной войны — дело нескольких часов, что мы уже сегодня станем свидетелями

---

[317] Примечания: 317

Мишлей (Притчи), 13:14.

[318] Примечания: 318

Амалек — многократно упоминаемый в Танахе народ, отличавшийся непримиримой ненавистью к Израилю.

[319] Примечания: 319

Клаузнер Йосеф-Гедалья (Иосиф Львович, 1874–1958) — известный израильский историк, литературовед и лингвист, сионистский общественный деятель.

еврейского погрома в Иерусалиме и что нашему соседу следовало бы немедленно закрыть свой магазин и не открывать его после обеда.

— Блаженны сидящие в доме твоем[320], — сказала мать, задвигая дверной засов.

Уже объявив, что до завтрашнего утра никто не выйдет за порог этого дома, она с горечью обнаружила, что рядом с отцом сидит Риклин. Теперь ей предстояло терпеть его до тех пор, пока он сам не изъявит желания уйти.

На столе перед Риклином и отцом были, как обычно, разложены учетные книги погребального братства, свернутые в рулоны карты и выпущенные в начале века брошюры с описанием кладбища на Масличной горе, однако отец внимательно слушал свежие новости, которые ему принес Риклин. Тот рассказывал о скандале, разразившемся во дворе больницы доктора Валаха во время похорон реб Ичеле Глезера, коренастого меламеда школы при ешиве «Эц Хаим», получившего за свой невысокий рост прозвище И Краткий. Когда тело учителя вынесли из морга, служка погребального братства объявил,

---

[320] Примечания: 320

Теѓилим, 84:5. В оригинале эти слова подразумевают обращение к Всевышнему: «Блаженны сидящие в доме Твоем, непрестанно будут они славить Тебя».

что по принятому в Иерусалиме обычаю и в силу заклятия, действующего со времен Йеѓошуа Бин-Нуна, всем потомкам усопшего возбраняется сопровождать его тело к могиле[321]. К вящему удивлению присутствующих, сын покойного, высокий армейский чин, взявший себе фамилию Галь, выразил твердое намерение проводить своего отца в последний путь.

Старосты погребального братства, рассказывал реб Элие, попытались уговорить офицера не нарушать древний обычай, снискавший одобрение высоких Кедров Ливанских[322] и каббалистов, и не причинять тем самым страдания душе своего отца, все еще пребывающей здесь, вблизи опустевшего тела. Офицера уверяли, что покойный испытает ужасную боль при виде своего сына, пробивающего брешь в возведенной мудрецами ограде, но тот, положив руку на выступавшую из кобуры рукоять пистолета, угрожающе высказался в адрес членов погребального братства, назвав

---

[321] Примечания: 321

Йеѓошуа Бин-Нун (Иисус Навин). Упомянутый здесь обычай, как и некоторые другие иерусалимские обычаи похорон и траура, в настоящее время принят лишь в отдельных замкнутых ультраортодоксальных общинах.

[322] Примечания: 322

Принятое в высокопарной речи определенного типа уважительное титулование почтенных раввинов.

их паразитами, попрошайками и фанатиками. Мало того, офицер обвинил членов погребального братства в том, что они тайком вырывают у мертвых золотые коронки. В довершение всего, когда он направился за носилками с телом отца, по обе стороны от него, взяв его под руки, шли две молодые девицы в военной форме.

— Истинный праведник поколения, — ядовито заметил Риклин. — Справа от него Михаэла, слева от него Гавриэла[323]. В револьверах и бомбах он, наверное, понимает, но в высоких духовных материях у этого вояки нет ни малейшего разумения.

Вслед за тем Риклин поведал, что иерусалимский похоронный обычай был установлен более двухсот лет назад раввином Йосефом Мольхо, автором знаменитого труда «Шульхан гавоа». Посредством заклятия раввин Мольхо рассчитывал не допустить участия в похоронной процессии всех потомков усопшего, как чистых, так и нечистых, каковые суть бесы мужского и женского пола, появившиеся на свет из напрасно излито-

[323] Примечания: 323

Переиначенные имена ангелов, упоминаемые в одном из фрагментов молитвы на сон грядущий: «Во имя Господа, Бога Израилева: справа от меня — Михаэль, слева от меня — Гавриэль, передо мной — Уриэль, позади меня — Рефаэль, а над головой у меня — Шхина Божья».

го семени. Эти невидимые потомки окружают скверной умершего человека, мешая его душе вознестись на небо.

Мне не удалось скрыть усмешку, и реб Элие поспешил одернуть меня:

— Не смейся, будто и ты — какой-то невежда.

Свой рассказ он решил подкрепить достижениями современной науки. Если мне когда-нибудь представится случай взглянуть в микроскоп на каплю человеческой спермы, сказал реб Элие, моему взору откроется множество мелких существ, имеющих вид младенцев и беспрерывно перемещающихся в семенной жидкости.

— Истинный ужас, — Риклин с шумом втянул в себя чай. — Сегодня микроскопы дают увеличение в восемнадцать тысяч раз, а когда они станут давать по сто тысяч, можно будет разглядеть, что эти младенцы имеют черты лица своего родителя, и тот, едва лишь взглянув на них, содрогнется, раскается и поспешит совершить духовные исправления, которыми его потомство будет возвращено святости. Об этом ясно написано в святых книгах.

Затронув пикантную тему, Риклин не торопился ее оставить:

— Напрасное семяизвержение справедливо

считают великим грехом. Не иначе как о нем сказал пророк: «Режущие детей при ручьях»[324]. Слово «режущие» тут впору заменить словом «чешущие».

Свою последнюю фразу старый могильщик завершил выразительным смешком.

Мать находилась в ванной комнате, где ей была хорошо слышна речь отцовского друга, и она очень громко запела с канторской интонацией:

— Словно пастырь, проверяющий свое стадо…

Этот фрагмент новогодней молитвы должен был заглушить слова гостя, сделав их неуловимыми для моего слуха, но Риклин ничуть не смутился и сказал, обращаясь к отцу:

— Если твоя супруга продолжит свои упражнения и будет регулярно полоскать горло сырым яйцом на меду, голос у нее станет таким же глубоким и приятным, как у Голделе Малявской. В этом случае она сможет претендовать на должность главного кантора в большой реформистской синагоге Нью-Йорка.

Мать, продолжая пение, открыла кран и стала наблюдать за движением карпов, плававших в ванне туда-сюда, оставляя за собой мутный

---

[324] Примечания: 324
Йешаяґу, 57:5.

шлейф экскрементов. Каждую неделю наша чугунная эмалированная ванна на львиных лапах превращалась в емкость для разведения рыбы, и мы в течение двух дней не имели возможности мыться. Я бросал карпам хлебные крошки, хватал скользкую рыбу и пытался удержать ее в руках, а отец говорил, что мать даже личную гигиену членов нашей семьи приносит на алтарь свежей пищи. Два дня подошли к концу, мать закрыла кран, вытащила пробку из ванны, вода ушла, рыбы стали биться о чугунные стенки. Выждав нужное время, мать бросила карпов в подол своего фартука, принесла их на кухню, завернула в полотенце и сильными ударами рукояткой ножа положила конец их мучениям.

Разделывая рыбу, она сетовала, что разум оставил ее, когда отец завел дружбу с Риклином. Мало того что она стала принимать Риклина у себя дома как члена семьи, так она еще и потчевала его по своей глупости гречневой кашей, кренделями с сахарином и печеными яблоками, заботясь о необходимой гостю диете. А Риклин, не ведая благодарности, вел себя, словно худшее из животных, и все время норовил укусить кормившую его руку.

— Того, что он устроил мне в субботу «Шува»[325] я ему и *там* не прощу, — сказала мать, извлекая внутренности из разрезанного рыбьего брюха.

2

Суббота «Шува» выпала в тот год на следующий день после Рош ѓа-Шана, и Риклин, направлявшийся на проповедь раввина Закаша в большую синагогу «Зихрон Моше», зашел к нам передохнуть по пути.

По своему обыкновению мать приветливо встретила его, подала угощение и встала неподалеку от стола, готовая услужить гостю. Реб Элие, вкусив диабетических сладостей и айвового компота, который мать специально для него варила без сахара, пришел в благодушное расположение духа и стал рассказывать моим родителям новости, накопившиеся у него за два праздничных дня: реб Исраэль Бар-Закай вел молитву так же красиво, как в былые дни в синагоге «Хурва», а реб Велвеле Тикотин, внук автора книги «Маръот

[325] Примечания: 325
Суббота между Рош ѓа-Шана и Йом Кипуром, именуемая так по первому слову читаемой в этот день в синагогах главы из книги пророка Ошеа (Осии) «Обратись, Израиль, к Господу, Богу твоему, ибо споткнулся ты о вину свою».

ґа-цовъот», великолепно трубил в шофар[326]. Риклин уверенно заключил, что трубные звуки в его замечательном исполнении прорвали все сатанинские завесы и достигли Престола Славы.

Допив компот, Риклин сказал, что мать бесподобно его приготовила, а затем поинтересовался, дошел ли до нас слух о скоропостижной кончине Нохума Рубина из квартала Керем. Этот несчастный насмерть подавился рыбьей костью во время праздничной трапезы, сообщил реб Элие, поправляя пальцем вставные зубы. По иерусалимскому обычаю Рубина похоронили той же ночью, и из-за праздника его грузное тело пришлось нести на руках до самого кладбища в удаленном квартале Гиват-Шауль, а потом еще ждать там араба из Бейт-Цафафы, чтобы тот выкопал могилу при слабом свете керосиновых ламп. Обратный путь Риклин и его товарищи проделали на исходе третьей стражи ночи[327] и, проходя по пустынным в этот час улицам города, они развлекали друг

---

[326] Примечания: 326

Шофар — музыкальный инструмент, сделанный из рога барана или козла. Будучи одной из главных заповедей в Рош ґа-Шана, трубление в шофар является центральным элементом богослужения в оба дня этого праздника, если они не приходятся на субботу.

[327] Примечания: 327

Имеется в виду упоминаемое в Писании и Талмуде деление темного времени суток на три равные части, именуемые стражами.

друга байками.

Дойдя до улицы Раши, члены похоронного братства решили подшутить над жившим там молодым могильщиком, который совсем недавно, пятнадцатого ава, женился. Риклин с компанией поспешили к баням в Батей Оренштейн, а два их товарища постучали в окно спальни молодого могильщика и прокричали на идише: *«Борех, Борех, штей уф, а левае!»*, что означает «Барух, Барух, вставай, похороны!». Молодая жена могильщика, так рассказывали потом крикуны, стала слезно жаловаться на мертвецов, не дающих ей жить даже в Рош ѓа-Шана. Она упрашивала мужа не оставлять ее одну в пустом доме, но Борех быстро оделся, безропотно присоединился к товарищам и, подставив лицо первым лучам утреннего солнца, дал им стереть следы прерванного сна из уголков своих глаз.

По пути товарищи рассказали ему, что в полночь проповедник синагоги волынских хасидов спустился в микву, где с ним случился сердечный приступ. Раввин Виноград, утверждали они, постановил, что в такой ситуации похороны не следует откладывать даже до полудня, поскольку их проведение в дневные часы лишит многих людей возможности спокойно прослушать труб-

ные звуки шофара. Молодой могильщик шел молча. Погруженный в свои мысли, он не присоединился к беседе своих товарищей, даже когда те затеяли спор по сложному теологическому вопросу: следует ли рассматривать смерть человека как знак благоволения свыше или, напротив, как указание на его особенную провинность, если тот умирает в час Божественного суда, когда на небесах раскрываются книги людских деяний и все обитатели этого мира проходят перед Творцом, словно стадо перед проверяющим его пастухом.

Тесное и затхлое помещение миквы едва освещали несколько установленных там свечей, пламя которых, отражаясь в черной воде, отбрасывало зыбкие тени. В углу на дощатом щите, используемом для ритуального омовения покойников, лежало прикрытое простыней тело. Реб Борех омыл руки и со словами «Голова его — чистое золото, кудри вьются, черны»[328] снял край простыни с головы мертвеца, и тогда лежавший под простыней реб Элие, приподнявшись, показал могильщику язык. Но реб Борех, к изумлению своих товарищей, не испугался. Уложив Риклина обратно на щит сильным движением руки,

---

[328] Примечания: 328
Шир ѓа-ширим (Песнь Песней), 5:11.

он вылил ушат воды ему на голову и принялся промывать ему волосы, объявив, что тот должен вытянуть ноги и вести себя как приличный покойник.

Отец засмеялся. Такой смелый парень непременно проявит себя в будущем, сказал он, а мать, глубоко потрясенная рассказом Риклина о проделках погребального братства, сидела за столом молча. От волнения она отламывала куски от темной медовой коврижки и, как будто не замечая, что делает, забрасывала их себе в рот один за другим.

— Хватит обжираться! — с этими словами реб Элие отодвинул от нее поднос с выпечкой. — Так ведь и растолстеть недолго, а мы потом с ребятами надорвемся, когда будем тебя хоронить.

Довольный своей шуткой, Риклин сообщил, что пугает его только грыжа, поскольку всеми другими болезнями он уже переболел.

Мать задохнулась от подступивших к горлу рыданий. Она молча встала из-за стола, закрылась в другой комнате и только с уходом Рикли на дала волю своему негодованию. Никогда еще никто не высказывал ей таких злых пожеланий, да еще на пороге нового года, со слезами сказала она. С тех пор ее отношение к Риклину резко перемени-

лось, она больше не готовила ему диабетических сладостей, не выказывала ему никакого внимания и, напротив, упрашивала отца не пускать к нам в дом «этого сына смерти», но все ее уговоры были напрасны.

3

Обычно мать уходила из дома, когда Риклин появлялся у нас, но теперь она оказалась вместе с ним взаперти. За прикрытыми ставнями завывали сигналы полицейской сирены, из репродукторов доносились металлические голоса, созывавшие людей на демонстрацию «против тех, кто продает кровь убитых еврейских младенцев за пригоршню немецких марок», но происходившее за стенами дома нисколько не тревожило Риклина. Он продолжал развлекать отца своими бесконечными историями, главным героем которых всегда была смерть.

— Хватит тебе уже этой мертвечины, — взмолилась мать, обращаясь ко мне.

Она поставила передо мной тарелку с серебристыми рыбьими пузырями и предложила мне поиграть с ними, а потом приготовить уроки, но только не слушать мрачные россказни Риклина. Сама же она собиралась прилечь отдохнуть.

Увы, со мной приключилось то же, что с Леонтием, сыном Аглайона, который, заметив издали трупы на месте казни, одновременно испытал отвращение и любопытство. Сколько он ни боролся с собой, любопытство оказалось сильнее. Леонтий подбежал к трупам и воскликнул, обращаясь к своим широко раскрытым глазам: «Вот вам, злополучные, насыщайтесь!»[329] Так же и я не смог заставить себя не прислушиваться к россказням Риклина.

— Это было как атомная бомба, — сказал реб Элие, зажав себе ноздри пальцами.

В Шейх-Бадре[330], рассказывал он отцу, во время войны хоронили павших в боях, и недавно эти временные могилы были раскопаны с целью перезахоронения находящихся там останков на постоянном армейском кладбище. Из обнаруженной в раскрытых могилах темной кишащей массы вылезали белые черви толщиной с большой палец, они заползали на ботинки

---

[329] Примечания: 329

Данный эпизод упоминается в «Государстве» Платона, кн. IV и во фрагментах аттических комедиографов.

[330] Примечания: 330

Название арабской деревни, находившейся до Войны за независимость к западу от Иерусалима, у подвергавшейся постоянным атакам дороги из Иерусалима в Тель-Авив. Ныне это место находится в городской черте Иерусалима, напротив центрального автовокзала и новой железнодорожной станции.

могильщиков и норовили пробраться к ним в брючины.

— Человек создан из праха и в прах возвращается, — со знанием дела напел реб Элие, подхватив ту же новогоднюю молитву, которую прежде напевала мать.

В промежутке между прахом и прахом, продолжал Риклин, мы успеваем сжевать какой-нибудь пончик или оладью с вареньем, но в прежние дни, когда Божественный Лик не был сокрыт так сильно, все было прозрачно и ясно, словно в граненом графине, поставленном между светом и тенью. Когда души праведников получали вознаграждение в истинно благом мире, их оставленная телесная оболочка также не претерпевала ущерба. Над ней не было властно тление, отвратительный вид которого открылся глазам Риклина в раскопанной братской могиле в Шейх-Бадре.

За окном вспыхнула молния, и ее ослепительный свет, брызнувший в комнату сквозь щели между планками ставней, высветил на мгновение отца, который внимал своему другу, глядя на него остекленевшими глазами. Реб Элие, переждав раскат грома, продолжил повествование. Оказалось, он может собственным опытом под-

твердить то, что было им сказано прежде.

Первое лето после своей свадьбы реб Элие и его жена провели в Хевроне, наслаждаясь прохладным воздухом этого города и темным виноградом, растущим в Хевронских горах. И вот однажды, когда они сидели за обедом в гостинице Шнеерсона, в столовую ворвался сефардский юноша, учащийся местной ешивы «Сдей-Хемед». Юноша поведал надломленным голосом, что он только что был на кладбище, где с ужасом обнаружил, что могила его учителя рабби Хаима-Хизкияґу Мединиˈ[331] раскопана злоумышленниками.

Вместе с другими горожанами Риклин устремился на кладбище. Могила в самом деле была раскопана, а находившееся в ней тело праведника сдвинуто с места, о чем, по словам реб Элие, свидетельствовало и то, что ноги покойника были согнуты в коленях. Но злоумышленники не завершили своего гнусного дела. Всем собравшимся у могилы открылось, что тело праведника, скончавшегося полтора года назад, совершенно

[331] Примечания: 331

Р. Хаим-Хизкияґу Мединиˈ (1833–1904) — знаменитый раввин, уроженец Иерусалима, много лет возглавлял общину евреев-крымчаков в Карасубазаре (ныне Белогорск), затем вернулся в Страну Израиля и поселился в Хевроне. Автор серии книг, вышедших под общим названием «Сдей-Хемед», или «Поля желанные». Такое же название получила его ешива в Хевроне.

не тронуто тлением. На белоснежном саване не было ни единого пятна. Произведенное главами еврейской общины Хеврона дознание установило, что при жизни раввин Мелини, борода которого достигала колен, почитался местными арабами как святой, что и привело их к умыслу похитить и перезахоронить его тело во дворе одной из хевронских мечетей. Однако вид нетронутого тлением тела произвел такое сильное впечатление на исполнителей этого плана, что они в ужасе покинули кладбище, оставив могилу раскопанной.

— Не превращай все, что слышишь, в повод для насмешек, — строго сказал мне реб Элие.

Рассказанное им, настаивал он, записано черным по белому в «Оцар Исраэль»[332]. Вслед за тем Риклин предостерег моего отца:

— У тебя тут растет эпикорес[333].

Много лет спустя, когда мне попалась в руки

---

[332] Примечания: 332

«Оцар Исраэль», или «Сокровищница Израиля» (*ивр.*) — название вышедшей в 1907–1913 гг. десятитомной энциклопедии сведений по еврейской истории, религии и традиции.

[333] Примечания: 333

Эпикорес — еврей, отрицающий раввинистическую традицию и не признающий авторитета законоучителей, еретик. Термин происходит от имени греческого философа Эпикура, однако в иудаизме его значение сильно расходится с обычным для истории философии значением термина «эпикуреец».

эта старая еврейская энциклопедия, я заглянул в статью, посвященную автору «Сдей-Хемед». В ней действительно приводилась рассказанная Риклином история, но без всякого упоминания о том, что обнаруженное в раскопанной могиле тело праведника оставалось нетленным.

Ставни были затворены, так что в доме стемнело раньше обычного. Мать все еще спала, а двое мужчин продолжали свой разговор, не включая свет, и голос реб Элие скатывался в бездну, которую едва освещало рыжее пламя керосиновой печки, стоявшей между столом и диваном.

4

Около семи часов вечера тишину нарушил стук в дверь. Мать, проснувшись, испуганно прошипела, чтобы мы никого не впускали, но, когда гость назвался Рахлевским, она отодвинула засов и включила свет. Мокрый, с непокрытой головой, с распухшими и кровоточащими губами, наш сосед выглядел так, будто он чудом добрался до людского жилья, еле уцелев в тяжелом бою.

— Ну что вас понесло сегодня к кнессету? — взволнованно спросила его мать. — Ведь вас могли там убить, как бродячую собаку.

Ее глаза были все еще прищурены от яркого све-

та, и она не могла оторвать взгляд от обнаженной седой головы господина Рахлевского, которого прежде мы всегда видели в шляпе. Привыкнув к свету, мать пододвинула гостю стул и стала внимательно изучать его облик: следы оторванных пуговиц на пиджаке, шишку на лбу, разодранный ворот сорочки, пятна спекшейся крови на подбородке и усах, красные глаза. Сосед, сказала она, не покинет наш дом, пока она не наложит холодный компресс на рог, выросший у него на лбу, не вытрет кровь с его лица и не высушит его пиджак возле печки. Занявшись поиском нужных препаратов в висевшем в ванной ящике с лекарствами, мать велела мне дать господину Рахлевскому одну из отцовских шляп, чтобы он не выглядел «как один из тех украинских паломников, которые прежде, до революции, заполняли в ночь Нитл[334] дворы Русского подворья».

— Тревогу сердца своего расскажет человек[335], — ободряюще намекнул отец господину Рахлевскому и тут же налил горькой настойки обоим гостям.

Переставший быть центром внимания, могиль-

---

[334] Примечания: 334

Нитл, иногда Нитал — Рождество (*идиш*), от латинского *Natale Domini.*

[335] Примечания: 335

Слегка измененная цитата из книги Мишлей, 12:25.

щик нахохлился и делал вид, будто происходящее вокруг его нисколько не занимает. Мать поставила на стол тарелку с водой, долила в нее спирта, смочила старую пеленку и наложила компресс на лоб нашему соседу, сидевшему с закрытыми глазами, откинувшись в кресле.

— Я был на волосок от того, чтобы оказаться с переломанными костями в тюремной камере, на бетонном полу, — сказал господин Рахлевский.

— Вы опять начинаете с середины, — одернула его мать, любившая лишь такие истории, в которых внятно присутствуют начало и конец.

Рахлевский, не открывая глаз, стал рассказывать. В 1936 году он прибыл в Хайфу из Одессы на одном пароходе с супругами Спетанскими и с тех пор неизменно навещает их по понедельникам. Так же он поступил и сегодня, отправившись к Спетанским на полдник. Оказавшись по пути к своим старым друзьям у стоянки такси «Нешер», господин Рахлевский заметил, что подход к кнессету перегорожен растянутой спиралью колючей проволоки, за которой стояла цепь полицейских, напряженно смотревших в сторону улицы Бен-Йеґуды. В нижней части этой улицы, у Сионской площади, собралась большая толпа, реагировавшая взволнованным гулом на доно-

сившиеся из громкоговорителей хриплые крики ораторов. Полицейский в каске, вооруженный металлическим щитом и дубинкой, указал господину Рахлевскому на плакаты, свисавшие с электрических проводов, как во времена британского мандата. Он посоветовал ему удалиться поскорее, потому что «скоро сюда явятся разгоряченные херутники и здесь прольется кровь». Рахлевский поднялся по верхнему участку улицы Бен-Йеѓуды, обошел Шиберову яму[336], миновал музей «Бецалель» и направился к многоэтажному дому, в котором жили его друзья, обладатели лучшего в Иерусалиме тульского самовара.

Ближе к вечеру он собрался домой, проигнорировав предостережения хозяйки, предлагавшей ему остаться и переждать беспорядки. Господин Рахлевский вышел на улицу под легким дожди-

---

[336] Примечания: 336

Шиберова яма — неофициальное название общественного парка в центре Иерусалима, находящегося ниже прилегающих к нему улиц Бен-Йеѓуды, Беэри и Шмуэля ѓа-Нагида. Данный участок, приобретенный в начале XX в. арабским архитектором и строительным подрядчиком Жоржем Шибером, предполагалось использовать для строительства восьмиэтажного дома, и с этой целью там в 1936 г. был вырыт котлован, однако начавшееся в тот год арабское восстание распугало инвесторов, строительство так и не началось, а котлован получил неофициальное название Шиберовой ямы. В 1997 г. в находящемся там парке было установлено скульптурное изображение коня, полученное Иерусалимом в дар от правительства Словении по случаю отмечавшегося тогда 3000-летия города.

ком. Он с удовольствием вдыхал по-европейски прохладный воздух, напомнивший ему дни его киевской молодости, однако на углу улиц Бецалель и Бен-Йеґуды перед ним неожиданно выступила из тумана толпа демонстрантов, которую прежде скрывало угловое здание больничной кассы. Демонстранты швыряли камни, били витрины, переворачивали припаркованные автомобили. Толпа утягивала с собой всех, кто попадался ей на пути, и таким образом господин Рахлевский оказался среди возбужденных людей, которые направлялись к зданию кнессета, имея намерение подойти к нему не со стороны охранявшегося фасада, а сзади.

В начале улицы Беэри, напротив дома Либермана, демонстрантов поджидала пожарная машина, направившая в толпу мощную струю своего брандспойта. Нескольким молодым людям из числа демонстрантов удалось пробиться к кабине пожарной машины, они начали избивать сидевшего за рулем полицейского, тот потерял управление, и машина, выскочив на тротуар, врезалась в стену дома. С криками «Мы не сдадимся, позор правительству!» бушующая толпа устремилась вниз по улице Беэри, в окна кнессета полетели камни. Передовой отряд демонстран-

тов пересек улицу Короля Георга и перевернул стоявшую возле парикмахерской «Роберт» автомашину одного из депутатов кнессета. С крыш соседних зданий полицейские стали кидать в толпу дымовые гранаты, одна из которых попала в лужу бензина, вытекшего из бака перевернутой машины. Вся улица до расположенной в конце нее гостиницы «Эден» окрасилась красным пламенем, придавшим происходящему совершенно адский вид.

На свое несчастье, господин Рахлевский оказался между полицейскими и демонстрантами. В этот момент он вспомнил талмудическую притчу про голубя, который, спасаясь от ястреба, залетел в расщелину в скале и обнаружил там притаившуюся змею. Ощутив себя таким голубем, наш сосед осознал, что, если он побежит вперед, то будет ужален змеей, а если вернется назад, попадет в когти ястреба. Завопив от ужаса, Рахлевский стал хлопать себя руками по бокам, взывая о помощи к хозяину голубятни.

— Хозяин голубятни не пришел, — проговорил господин Рахлевский, улыбнувшись распухшими губами. — Вместо него явился обладатель дубинки.

Из-за закругленного угла дома Фрумина выбе-

жала группа полицейских. Рахлевский первым попался им на пути, и, когда сознание вернулось к нему, он обнаружил себя лежащим на грязном клепаном полу арестантской машины.

Вместе с ним там находилось еще несколько задержанных. Один из них, говоривший с заметным польским акцентом, беспрерывно проклинал «это плоньское ничтожество, бандита Дувидла»[337], который прежде подбивал к бунту рабочих в Ришон-ле-Ционе, а теперь готов пожимать руки Аденауэру и Бёхму[338], да сотрутся их имена, лишь бы не опустела касса «Солель Бонэ»[339]. Говоривший обещал своим помятым товарищам, сидевшим на узких деревянных скамьях в кузове арестантской машины, что это будет битва не на жизнь, а на смерть. По его

---

[337] Примечания: 337

Имеется в виду первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, уроженец города Плоньск.

[338] Примечания: 338

Конрад Аденауэр (1876–1967) был канцлером ФРГ в период переговоров о выплате Израилю репараций за разграбленное нацистами имущество европейских евреев. Франц Бёхм (1895–1977) — немецкий политик, юрист и экономист, возглавлял делегацию ФРГ на переговорах о репарациях.

[339] Примечания: 339

«Солель Бонэ» — одна из крупнейших строительных компаний Израиля и старейшая среди них. В описываемый в романе период принадлежала профсоюзному объединению «Ѓистадрут», была приватизирована в 1996 г.

словам, к штурмующим здание кнессета демонстрантам должны вот-вот присоединиться массы противников соглашения с Германией, ждущие сигнала к выступлению в кварталах Мусрара и Бейт Исраэль. Кнессет, уверял он, захватят уже сегодня ночью, грязные руки предателей будут отсечены. Время от времени железная дверь арестантской машины открывалась, и полицейские вбрасывали в кузов, словно мешки с картошкой, новых задержанных. Когда кузов был заполнен до последней возможности, машина тронулась с места. Сопровождаемая полицейскими мотоциклистами и оглушительным завыванием сирены, она поехала к Русскому подворью.

У штаба полиции задержанных вывели из машины и провели под плотной охраной в просторное помещение, где их построили в шеренгу, вдоль которой стали ходить со списками офицеры и сержанты полиции. К счастью для господина Рахлевского, его вскоре узнал сержант Фишлер, постоянный клиент принадлежавшего ему магазина. Указав на Рахлевского пальцем, он велел одному из находившихся вместе со следователями полицейских отвести его в отдельную комнату. Оставшись с Рахлевским наедине, Фишлер напоил его грейпфрутовым соком, угостил

печеньем из своего сухого пайка и слегка пожурил за легкомыслие. После этого он приказал водителю полицейской машины отвезти господина Рахлевского домой, но тот, увидев свое отражение в зеркале заднего вида, направился прежде к нам, чтобы, как он объяснил, с его женой не случился удар, когда она узрит его в таком виде.

Мы слушали рассказ соседа, лишившись на время дара речи. Когда он закончил свое повествование, отец посоветовал ему подняться в четверг к свитку Торы и произнести благословение «Воздающему грешным добром»[340], но господин Рахлевский ответил, что он пережил петлюровские погромы, после которых дубинка еврейского полицейского не может произвести на него особого впечатления. Оказалось, наш сосед встревожен не столько поведением полиции, сколько готовностью демонстрантов, представляющих меньшинство в израильском обществе, силой навязать свою волю большинству и избранному его голосами парламенту.

---

[340] Примечания: 340

В будни публичное чтение Торы со специального возвышения в синагогах производится по понедельникам и четвергам. Упомянутое благословение произносится людьми, избавившимися от серьезной опасности.

Сняв примочку со лба, господин Рахлевский сел в кресле прямо и сказал, что, возможно, сегодня на засыпанной камнями и битым стеклом площади возле кнессета решилась судьба израильской демократии.

Он примерил отцовскую шляпу, посмотрел на себя в зеркало и уверенно заявил, что Бен-Гурион принял правильное решение. Благодаря репарациям фабриканты завезут в Израиль новые станки из Германии, пищевая промышленность получит импульс к развитию, земледельцы станут обрабатывать свои поля с помощью тракторов, которые заменят лошадей и ослов. Вместо прогорклого австралийского наши дети смогут есть свежее сливочное масло, и их матери избавятся от необходимости поить малышей по утрам рыбьим жиром.

Риклин, не открывавший рта с того момента, как господин Рахлевский постучал в дверь нашего дома, нашел наконец возможность возразить гостю, из-за которого сам он оказался забыт присутствующими.

— Единственное, что можно завозить сюда с нечистой земли Германии, — это прах наших святых! — воскликнул реб Элие. — Помни, что

сделал тебе Амалек![341]

Вслед за тем старый могильщик сообщил, что, по его мнению, на центральной площади каждого израильского города нужно захоронить урну с прахом убитых нацистами евреев, а ведущим к этой площади улицам дать названия в честь святых общин, из расстрельных рвов близ которых собран захороненный на площади прах.

— Нечего завозить солому в Афараим[342], — возразил ему Рахлевский. — На месте Бен-Гуриона я не только отказался бы от перезахоронения Жаботинского в Израиле, но и вообще запретил бы весь этот импорт покойников. Нам живые евреи нужны, а не кости мертвых.

Произнеся эти слова, гость ощупал рукой свой сушившийся возле печки пиджак.

— И где же, по-вашему, нам произносить поминальные молитвы о погибших? — вызывающе спросил реб Элие, которого, кажется, обеспокоила перспектива лишиться известной части своего заработка. — Возле мыльницы в ванной?

Мать всегда первой приходила в себя в подобных ситуациях. Схватив со стола учетные книги

---

[341] Примечания: 341
Дварим, 25:17.

[342] Примечания: 342
Аналог русской поговорки «Ехать в Тулу со своим самоваром».

погребального братства и свернутые карты кладбища на Масличной горе, она швырнула их в Риклина и, закричав на могильщика, велела «этому нацистскому стервятнику» немедленно покинуть наш дом и не показываться впредь у нас пороге.

5

В тот же вечер у нас появилась Аґува Харис. К ее приходу дом уже был очищен от остатков «Риклиновой падали», сложенных отцом в мешок от сахара и вынесенных им под строгим надзором матери за пределы чистого стана — в чулан, где им надлежало храниться до тех пор, пока за ними не явится кто-нибудь из чиновников погребального братства.

В ожидании выпуска новостей, который начнется в половине девятого, мать штопала шерстяной носок, натянув его на электрическую лампочку. Отец, о котором она говорила, что он отходит ко сну одновременно с курами, ворочался с боку на бок в постели за стенкой.

Аґува сидела, по-хозяйски положив ноги на стул, на который обычно садился Риклин, и этот жест без всяких слов выражал ее торжество по поводу изгнания старого могильщика. Она рас-

сказывала матери последние новости о своем Биньямине, который сегодня опять заснул, оставив на керосинке варево из чеснока в молоке, в результате чего дом Харисов провонял хуже кожевенной мастерской.

Конец ее болтовне положил радиосигнал к выпуску новостей. Мать, прослушав отчет о событиях дня, хмуро заметила, что Иерусалим уже был разрушен однажды из-за Камцы и Бар-Камцы[343]. Но, когда вслед за этим в эфире прозвучали слова Пинхаса Лавона[344], заявившего в кнессете, что сегодня было совершено посягательство на единственный Храм, имеющийся ныне у еврейского народа, Аґува не смогла сдержать своего возмущения:

— Наглые сионисты! Их головы не знают прикосновения тфилин, а они присваивают себе святыни Израиля, попиравшиеся ими еще при

---

[343] Примечания: 343

История личной ссоры между двумя людьми и сопряженных с нею обид, ненависти и мести. Приводится в Талмуде (трактат «Гитин», 556) как пример напрасной ненависти евреев друг к другу, ставшей причиной разрушения Второго храма римлянами в ситуации, когда большинство еврейского народа удалялось от идолопоклонства, кровопролития и разврата, понимаемых как причины разрушения Первого храма вавилонянами.

[344] Примечания: 344

Пинхас Лавон (1904–1976) — израильский политический деятель, в описываемый в романе период занимал пост министра без портфеля в правительстве Д. Бен-Гуриона.

Ґерцкэ и его друзьях-ассимиляторах в Базеле![345]

Мамина подруга заявила, что сионисты растратят все деньги, которые получит Израиль в виде репарационных выплат, на осквернение субботы, открытие магазинов трефного мяса — «один такой у них уже есть рядом с кнессетом!» — и заведения, в которых израильские вельможи «будут совокупляться с мидьянитянками, подобно Зимри бен Салу и Козби бат Цур у Бааль-Пеора»[346].

Со словами «позор племен — порочность»[347] Аґува прикрутила звук радиоприемника, но вскоре обе женщины снова стали прислушиваться к передаче, перешедшей к освещению новостей криминального мира. Диктор рассказывал о только что принятом решении Верховного суда отменить судебный процесс по делу офицера полиции Трифуса и сержанта Шварцбарда. Затем речь пошла о новых подробностях судебного разбирательства по делу Роберта Харсона,

---

[345] Примечания: 345

Уничижительное указание на Теодора Ґерцля (1860–1904), основоположника политического сионизма. Базель был местом проведения Первого и многих других Сионистских конгрессов.

[346] Примечания: 346

Имеется в виду история соблазнения сынов Израиля, изложенная в книге Бемидбар, гл. 25.

[347] Примечания: 347

Мишлей, 14:34.

обвинявшегося в убийстве Маджи Ласри. Гибель несчастной девушки в Эйлате волновала женщин, и Аґува снова сочла нужным вынести категоричное суждение. В наше порочное время, объявила она, честной девушке нельзя доверяться мужчине, даже если тот закопан в землю на глубину в десять локтей.

Выпуск криминальных новостей завершился сообщением, только что доставленным в студию одним из корреспондентов. В нем говорилось, что в ходе производившегося сегодня усиленного патрулирования улиц столицы во второй половине дня возле здания банка «Барклайс» на улице Яффо, напротив квартала Бейт Исраэль, был задержан подозрительный мужчина. При обыске у него нашли пистолет, и дальнейшее расследование установило, что задержанный Мордехай бен Давид Ледер имел намерение ограбить банк. Побудительные мотивы подозреваемого остаются на данном этапе тайной следствия, однако, отметил диктор, источники в иерусалимской полиции полагают, что ожидаемым результатом ареста Ледера станут в ближайшие дни сенсационные новости. Сославшись на корреспондента «Коль Исраэль», диктор предположил, что эти новости заставят круг лиц, ответственных за

благополучие молодой израильской демократии, заново оценить угрожающие ей опасности. В заключение таинственного известия отмечалось, что подозреваемый Ледер предстанет перед иерусалимским судом с целью продления его ареста через сорок восемь часов, в среду утром.

— Ледера арестовали? Ледер в каталажке?

Мать и Аґува наперебой переспрашивали друг друга, не смея поверить своим ушам. Им казалось, они выдают желаемое за действительное, а диктор — диктор не мог такого произнести.

— Спроси у своего брата, — предложила Аґува.

Цодек работает в суде, напомнила она, у него наверняка есть нужные связи с судьями и полицейскими, и он сумеет выяснить все детали. Но мать, отдалившаяся со смертью бабушки от своего брата, отвечала подруге, что через несколько часов в лавку доставят утренние газеты, которые принесут больше сведений, чем любые расспросы.

Поздно вечером мать пошла проводить подругу. Вернувшись, она замерла у порога и проговорила, обращаясь сама к себе:

— А ведь я еще утром вообразить не могла, что эти двое, грозившие разрушением нашему дому, уже сегодня исчезнут из моей жизни, как унесен-

ное ветром облако.

Она на мгновение обратила свой взор к затянутому зимними тучами небу и закрыла дверь.

Глава одиннадцатая

1

Два дня спустя, по истечении сорока восьми часов с момента ареста Ледера, я незаметно отделился от спешивших в школу товарищей и отправился на Русское подворье узнать, какую участь определит суд главнокомандующему продовольственной армией.

В школе в тот день проводился торжественный утренник по случаю дня рождения Бялика. День рождения национального поэта был накануне, но у нас, как и во всех школах «Мизрахи», он отмечался позже из-за соблюдаемого Десятого тевета поста.

Во вторник, когда у нас совершалась молитва минха, из внутреннего двора находившейся ря-

дом школы Рабочего направления[348] донеслось пение «Техезáкна»[349], заставившее покривиться госпожу Шланк, презрительно называвшую ученический хор соседней школы «ансамбль Красной армии». Затем чей-то раскатистый голос стал декламировать «К народным подвижникам». Эти звуки смешались с жалобным напевом молитвы, которую вел раввин Виншель, преподаватель Талмуда: «Ответь нам, Господи, ответь нам в день поста и томления нашего, ибо в великой горести пребываем». Директор поспешил закрыть окна, буркнув, что от подобного вянут уши. Реб Хаим-Нахман[350], назидательно объявил он учащимся, наверняка ворочается в могиле из-за того, что слова его стихотворений превратили в игривые песнопения, звучащие в скорбный день

---

[348] Примечания: 348

Рабочее направление (Зерем ѓа-овдим) в еврейской системе школьного образования в Эрец-Исраэль существовало в период британского мандата и в первые годы независимости Израиля наряду с Общим направлением, религиозно-сионистским направлением «Мизрахи» и учебными заведениями ультраортодоксального сектора. С принятием в 1953 г. Закона о государственном образовании Рабочее направление было упразднено, а его школы получили такой же статус и ту же учебную программу, что и школы Общего направления, тогда как учебные заведения «Мизрахи» были преобразованы в государственные религиозные школы с собственной программой преподавания некоторых дисциплин.

[349] Примечания: 349

«Техезáкна» («Да окрепнут») — знаменитое стихотворение Хаима-Нахмана Бялика, написанное в 1894 г. и представляющее собой

поэтическое приветствие еврейским поселенцам Эрец-Исраэль. Положенное на музыку Авраамом-Цви Идельсоном, стихотворение сделалось популярной песней, долго воспринимавшейся как гимн сионистского рабочего движения.

[350] Примечания: 350

Имеется в виду Бялик.

поста, который был установлен пророками на все времена в память об осаде Иерусалима.

В конце прошлого века актовый зал нашей школы служил гостиной в доме богатого арабского торговца табаком. Расположившись на диванах, почтенные люди пили здесь кофе с хозяином, а из окружающих гостиную комнат — теперь они использовались для проведения занятий в младших классах — выглядывали его жены, наложницы и маленькие дети. Сегодня в этом зале соберутся на праздничное мероприятие учащиеся всех классов со своими учителями. У запертой железной двери, что в дальней стене помещения, уже установлен стол, покрытый национальным флагом, а на нем — портрет Бялика в обрамлении сосновых и кипарисовых веток. Неподалеку от портрета, в дочиста вымытой банке от простокваши, красуется букетик бледных цикламенов, собранных учительницей рукоделия в Тальбие[351], по пути в школу. Там же, на столе, выложены полукругом извлеченные из закрытого шкафа в директорском кабинете

[351] Примечания: 351

Тальбие — район Иерусалима, сохранивший свое арабское название. Официальное ивритское название этого района Комемиют, установленное после провозглашения независимости Израиля, не прижилось.

произведения именинника — сборники его поэм и стихотворений, «Сефер ѓа-агада»[352], переводы «Дон Кихота» и «Вильгельма Телля».

На портрете, который нам демонстрировали в таких случаях, Бялик был изображен в шляпе. Дородный и круглолицый, он напоминал богатого зерноторговца, не чуждого понятных людям радостей жизни. Другой портрет находился на развороте открытой книги, и на нем Бялик был запечатлен вместе с Равницким. Занятые изучением рукописей, они сидели за покрытым скатертью с бахромой круглым семейным столом, и на головах у обоих были ермолки, пририсованные директором школы. Можно ли было допустить, что такие талмидей хахамим[353] изучали святые книги с непокрытыми головами? Бялик нашего детства, говорил мне позже Хаим Рахлевский, «не успел сменить сюртук на короткий пиджак, не срезал своих пейсов и не оставил ученическую скамью в Воложинской ешиве».

Наши школьные утренники, как правило, от-

---

[352] Примечания: 352

«Сефер ѓа-агада» («Книга агады») — выпущенное Бяликом совместно с Йеѓошуа Равницким в начале XX в. собрание агады из Талмуда и мидрашей в переложении на современный иврит.

[353] Примечания: 353

Множественное число от «талмид хахам», т. е. богобоязненный, сведущий в Торе человек.

крывала игрой на флейте Рути Цвабнер. Сегодня она наверняка сыграет «У меня есть сад», а вслед за ней с декламацией «Если познать ты хочешь» выступит Яэль Саломон:

В тени углов, у темных стен, за печкой
Увидишь одинокие колосья,
Забытые колосья, тень чего-то,
Что было и пропало, — ряд голов,
Нахмуренных, иссохших: это — дети
Изгнания, согбенные ярмом,
Пришли забыть страданья за Гемарой,
За древними сказаньями — нужду
И заглушить псалмом свою заботу…[354]

Она будет вдохновенно читать стихи про старую молитвенную школу, и ее рыжие волосы превратятся в золотое пятно, когда молочный свет брызнет на них с потолка мириадами сияющих поцелуев.

Декламация закончится, Руги Цвабнер снова встанет возле портрета нашего национального

[354] Примечания: 354

Цитируемый фрагмент стихотворения Бялика дан в переводе Зеэва (Владимира) Жаботинского.

поэта и сыграет на флейте «В междуречье Евфрата и Тигра». Директор школы поднимется с одной из задних скамей — он специально выбирал себе место вблизи озорных учеников, норовивших затянуть в самый неподходящий момент поздравительную песню, которую обычно поют в детских садах, отмечая день рождения одного из воспитанников, — и направится к сцене. Его выступление затянется, и чем дольше он будет говорить, тем шире станут расползаться пятна пота у него под мышками, так что в конце концов влажными станут и рубашка у него на груди, и рукава. Даже стекла его очков запотеют, когда он завершит свою речь чтением полюбившегося ему навсегда стихотворения Бялика:

Набожной мама была, праведницей беспорочной,

Да осенит ее небо…

Вечер субботний настал, а в доме у нищей вдовицы

Нет ни свечей и ни хлеба[355].

В заключительной части утренника слово, как

---

[355] Примечания: 355

Цитируемый фрагмент стихотворения Бялика дан в переводе Семена Липкина.

обычно, возьмет раввин доктор Аарон Флаум, старейший из наших учителей. В 1933 году, незадолго до смерти поэта, Флаум провел с Бяликом летние недели от субботы «Нахаму» до Рош ѓа-Шана на бальнеологическом курорте Гастайн, и теперь он мог каждый год предаваться воспоминаниям об этом.

Чаще всего учитель рассказывал, как на исходе субботы праведный реб Хаим-Нахман затягивал «Сказал Господь Яакову» на ту же мелодию, что и его дед в Житомире. Флаум не ленился и сам напеть нам эту мелодию, утверждая, что ощущает себя обязанным передать молодому поколению доставшееся ему драгоценное наследие. Он охотно вспоминал, что реб Хаим-Нахман присоединялся к послетрапезной молитве и потом хвалил его, раввина доктора Флаума, за то, как хорошо он читает ее. В заключение учитель поднимал и показывал нам свою сморщенную старческую руку с аккуратно постриженными ногтями, пожимавшую некогда руку нашего национального поэта.

Этот «отложенный день рождения», как называла его госпожа Шланк, отмечался из года в год совершенно одинаково, из-за чего мне иной раз казалось, что время стоит на месте, а не движется

от прошлого к будущему. Сегодня меня не будет на торжественном утреннике, но этого, полагал я, никто не заметит.

2

От своих соучеников, бодро спускавшихся к школе по улице Рава Кука, я отделился возле кафе «Пат», свернув там налево, к дому доктора Зисмана Монтнера[356], бывшего лечащим врачом моего отца и, случалось, охотно беседовавшего с ним о медицинских трудах Рамбама, измеряя ему давление. Миновав здание департамента общественных работ, я остановился у магазина прессы и писчебумажных товаров, находившегося в то время в Сирийском доме[357]. За немытым стеклом витрины громоздились кипы старых газет, валялись старомодные заколки и рулоны использовавшейся для изготовления шпалер

[356] Примечания: 356

Зисман Монтнер (1897–1973) — известный иерусалимский врач, историк и литератор, уроженец австрийской Галиции, после Первой мировой войны изучал медицину и жил в Берлине, участвовал в сионистском движении, репатриировался в Эрец-Исраэль в 1933 г.

[357] Примечания: 357

Сирийский дом — неофициальное название двухэтажного здания на улице Пророков в Иерусалиме, построенного в конце XIX в. общиной Сиро-яковитской православной церкви и использовавшегося в первой половине XX в. как американское консульство в Иерусалиме. На фасаде здания сохранилась надпись на сирийском арамейском языке.

пеньки. Иной раз я подолгу простаивал возле этой витрины, разглядывая вырезанные из детских журналов и прилепленные к стеклу изнутри изображения ангелов с сомкнутыми крыльями, мечтательных девочек, соединенных, подобно сиамским близнецам, и соприкасавшихся затылками желтобородых гномов.

Позже этот магазин превратился в студию господина Эльнатана, «фалафельного короля», оставлявшего в часы вдохновения торговый прилавок на углу улицы Агриппы и приходившего сюда запечатлеть на холсте свои апокалиптические видения. Его картины выставлялись на продажу прямо на тротуаре, и никто не мог предугадать, что со временем за них станут платить огромные деньги важнейшие музеи мира[358].

У Сирийского дома я переходил улицу Пророков и, покинув понятный еврейский город, скатывался прямиком к находившемуся в начале улицы Монбаза миссионерскому магазину «Сион». Деревянные, с толстыми стеклами, двери этого таинственного магазина были всегда закрыты. Открывались они со звоном висевшего за ними колокольчика, после чего посетитель

[358] Примечания: 358

Имеются в виду работы израильского художника-примитивиста Моше Эльнатана (1904–1969).

мог разглядеть в глубине помещения мужчину изможденного вида в белой рубашке-поло. Сидя у стола, он что-то читал при свете розово-голубой настольной лампы и не спешил оторвать взгляд от книги. Вместе с непонятным названием улицы — в то время я еще не знал об адиабенской царице Елене и ее любви к нашему народу, и слово «Монбаз»[359] казалось мне пришедшим откуда-то со страниц истории крестоносцев — вид этого магазина как бы предварял собой особенную атмосферу, царившую в Русском подворье.

В утренние часы там было особенно многолюдно. Чиновники спешили в свои учреждения, располагавшиеся в здании «Дженерали» и в помещениях центрального почтамта. Зарешеченные полицейские машины доставляли из Рамле и Лода заключенных, которым надлежало предстать перед иерусалимским судом. Связанная с отправлением власти деловитая суета привлекала зевак. Но тут же по краям площади, в неухоженных дворах, за вьющимися поверх ржавых решеток ветвями плюща и жасмина, продол-

[359] Примечания: 359

Монбаз, он же Монобаз I — муж царицы Елены и царь Адиабены, небольшого античного государства со столицей в Арбеле (современный иракский Эрбиль). В I в. н. э. правители этого государства приняли иудаизм, и в талмудических источниках сохранились многочисленные положительные упоминания о них.

жалась своя, внутренняя жизнь православного нового Иерусалима. Русские старушки неспешно расхаживали по заросшим высокой травой участкам, стирали и развешивали на натянутых между деревьями веревках свою постиранную одежду. Когда тяжелая деревянная дверь открывалась, с улицы можно было разглядеть желтое помещение вестибюля с облупленной иконой над дверью, ведущей во внутренние покои, из которых доносились запахи трефного варева, капусты и хлебной закваски.

У бокового входа в суд толпились родственники заключенных, дожидавшиеся минуты, когда арестантов высадят из полицейской машины и под охраной поведут на судебное слушание: это иной раз давало возможность обменяться с ними несколькими короткими фразами. Я направился к главному входу в здание, через который входили и выходили адвокаты, державшие в одной руке свои черные мантии, а в другой — толстые своды законов и пухлые папки. За адвокатами с трудом поспевали семенившие на высоких каблуках девушки-стажеры в черных плиссированных юбках.

— К Цодеку, в архив, — сказал я сидевшему в будке у входа сонному охраннику.

На второй этаж вела широкая лестница, поднимаясь по которой я всегда зачарованно разглядывал витражи в оконных фрамугах. От лестницы вел коридор с высоким сводчатым потолком. В левой стене коридора находились двери, ведущие в залы судебных заседаний и в кабинеты судей, а с правой стороны через низкие окна был виден внутренний двор. Там, под лимонными деревьями с давно не обрезавшимися сухими ветками, громоздились старые письменные столы, стулья и сломанные керосиновые печи. Ступая по гладкому каменному полу коридора, я подошел к угловому помещению, где вместе с двумя молодыми сотрудницами регистратуры работал мой дядя Цодек. Синие тканевые нарукавники надежно защищали его одежду от чернильных брызг.

— Что ищет священник на кладбище?[360] — громко спросил он, заметив меня у входа.

После этого Цодек произнес длинную тираду, явно предназначавшуюся ушам его любопытных коллег. Смысл ее состоял в том, что сам он по роду своих занятий вынужден постоянно соприкасаться с изнанкой жизни, тогда как мне, родившемуся

[360] Примечания: 360

Священникам-ааронидам еврейский религиозный закон запрещает приближаться к мертвому телу. Общий смысл идиомы в тексте романа сродни русскому выражению «Каким ветром тебя сюда занесло?».

с золотой ложечкой во рту и окруженному людьми, которые только и знают забот, что исполнять любое мое желание, уместно посещать подобное место лишь в качестве адвоката или судьи. А уж Иерусалим, слава Богу, славится своими почтенными судьями, настаивал Цодек, вспомнить хотя бы Фрумкина, Хешина и Бар-Закая. Затем, перейдя на шепот, дядя быстро спросил, не потому ли я пришел в суд, что у меня возникли, не приведи Господь, проблемы с законом, требующие его совета и помощи.

— Можешь говорить прямо, я не побегу рассказывать твоей маме, — сказал он. — Ты вообще знаешь, что она даже не поздоровалась со мной, когда мы встретились в Пост Гедальи[361] у бабушкиной могилы?

Узнав цель моего визита, дядя Цодек вздохнул с облегчением. Проглядев наколотые на гвоздь в дверном косяке листы бумаги, он сообщил, что слушание по делу о продлении ареста Ледера начнется через полчаса в зале судебных заседа-

[361] Примечания: 361

Пост Гедальи — один из шести обязательных постов в иудаизме, соблюдается в первый будний день после Рош ѓа-Шана. Установлен в память об убийстве Гедальи бен Ахикама, назначенного вавилонским наместником Иудеи после разрушения Иерусалима в 586 г. до н. э. Результатом этого убийства явился глубокий упадок остававшейся в Иудее еврейской общины.

ний номер восемь.

— Мальчики часто похожи на братьев матери.

Эти слова из талмудического трактата «Бава кама» дядя Цодек с удовольствием процитировал, уже не в первый раз на моей памяти, когда мы спускались с ним по лестнице, предназначенной для работников суда. Он пообещал оставить мне в наследство свою библиотеку вместе с книгами деда, из-за которых мать сердится на него. Уже и сейчас нетрудно понять, сказал дядя Цодек, что я стану таким же неисправимым книжником, как и он сам, и что судьбы замечательных жителей нашего города навсегда останутся предметом моего интереса. Открыв передо мной дверь в зал заседаний, дядя похлопал меня по плечу и сказал, чтобы я заглянул к нему еще раз, когда суд определит меру пресечения сборщику пожертвований для школы слепых.

— Заходи, я расскажу тебе о твоем друге такое, чего еще не слышал никто.

3

Как и все помещения первого этажа, узкий вытянутый зал номер восемь использовался прежде как склад, в котором хранились вещи селившихся в комнатах на втором этаже русских паломников.

Людей в зале было немного, и все они с нетерпением смотрели на дверь в дальней стене, из которой должен был появиться судья. На отгороженной от зала скамье подсудимых уже сидел небритый молодой человек, и я вскоре услышал от полнотелого полицейского, беседовавшего со своим печальным товарищем, сидевшим в зале рядом со мной, что тот был задержан у окон квартиры доктора Троя на улице Пророков. Он кошкой взобрался туда по водосточной трубе и на вопрос, что понадобилось ему среди ночи в доме у ортопеда, сказал, что сломал себе руку и полез в квартиру к врачу, чтобы тот наложил ему гипс.

— Через полчаса максимум у тебя закружится голова, как будто ты находишься на станции нью-йоркской подземки, — предупредил меня дядя Цодек, когда мы шли с ним по коридору. И действительно, с появлением судьи зал превратился в проходной двор: охранники вводили и выводили подозреваемых одного за другим, следом за ними шли адвокат с помощниками и родственники подозреваемого. Чаще всего это бывала старая мать, рвущая на себе крашенные хной волосы, или братья, глухо проклинающие полицию за то, что она вцепилась в невинного мальчика и хочет взвалить на него ответствен-

ность за проступки его нехороших друзей.

В половине десятого в зал ввели Ледера.

Сопровождаемый двумя полицейскими, закованный в кандалы, с непокрытой головой и с наметившейся щетиной на щеках и подбородке, он рассеянно посмотрел на судью и обвел взглядом зал. Всегда ходивший в очках, Ледер теперь был без них, и я, наверное, не узнал бы его в таком виде на улице. Так же и он не разглядел меня в зале.

Сморщенный, словно цитрон зимой, сержант-полицейский объявил, что Мордехай Ледер был задержан два дня назад при подозрительных обстоятельствах возле банка «Барклайс». Задержанный был вооружен пистолетом калибра 0,38, и у полиции имеются веские основания полагать, что он рассчитывал воспользоваться напряженной атмосферой, царившей в тот день в столице, и осуществить ограбление банка. Полученные при ограблении средства задержанный намеревался использовать для финансирования подпольной организации.

— Полиция не сомневается, что она вышла на след незаконной организации, типа «Союза

ревнителей»[362] или «Отечественного фронта»[363], — заявил представитель следствия, указав на Ледера свернутыми в рулон листами бумаги. — Единственной мерой пресечения в такой ситуации может быть содержание под стражей, поскольку освобождение задержанного лишит полицию возможности арестовать его сообщников и выявить тайники, в которых хранится несомненно имеющееся у преступной группы оружие.

Судья, с утра занимавшийся делами мелких воришек и взломщиков, оживился. Он с любопытством посмотрел на обвиняемого поверх очков и увидел перед собой человека, выглядевшего учителем начальной школы или канцеляристом самого невысокого ранга. Теперь ему предстояло

---

[362] Примечания: 362

«Союз ревнителей» («Брит ѓа-канаим») — раскрытая в 1951 г. еврейская подпольная организация, стремившаяся к превращению Израиля в теократическое государство. Входившие в эту организацию молодые люди собирали оружие и взрывчатку, угрожали владельцам нарушавших субботу предприятий, намеревались забросать дымовыми шашками зал пленарных заседаний кнессета во время обсуждения закона о призыве женщин на воинскую службу.

[363] Примечания: 363

«Отечественный фронт» («Хазит ѓа-моледет») — название, под которым в первые месяцы после провозглашения Государства Израиль действовала иерусалимская ветвь антибританской подпольной организации «Лехи». Наиболее известным деянием этой группировки стало убийство шведского дипломата Фольке Бернадота, посредника ООН на Ближнем Востоке, 17 сентября 1948 г.

решить, может **ли** за этим невинным обликом скрываться опасный фанатик.

Адвокат Ледера, уловивший недоумение судьи, начал с того, что почтенный суд видит своими глазами, насколько далек задержанный от того образа, который создал представитель следствия. Вполне очевидно, настаивал он, что задержанный не принадлежит к породе революционеров. Со времени разоблачения и ареста членов «Союза ревнителей» иерусалимская полиция одержима страхом перед Старым ишувом, утверждал адвокат, и теперь в каждом представителе данной группы она видит члена подпольной организации. Свое выступление защитник закончил требованием освободить задержанного «или, по крайней мере, вернуть ему очки, без которых он совершенно беспомощен».

В ответ на это представитель полиции положил на стол перед судьей сложенный лист бумаги и заявил, что он представляет вниманию суда не подлежащий огласке следственный материал о деятельности подозреваемого, из которого со всей очевидностью следует необходимость продления ареста. Судья ознакомился с содержанием наспех исписанного сморщенным сержантом листа, еще раз взглянул на Ледера и мягко сказал, обращаясь

к адвокату:

— Политическая история последнего столетия знает немало революционеров, облик которых не выдавал серьезности совершавшихся ими деяний и опасности их разрушительных намерений.

Сделав это замечание, он объявил, что продлевает постановление об аресте Мордехая Ледера на десять дней. Охранявший моего друга конвоир лениво глядел в окно и крутил на пальце наручники во все время судебного разбирательства, но теперь он насторожился и подмигнул своему напарнику. Секретарь суда еще не закончил чтение вынесенного вердикта, когда Ледера вытолкали из зала, и я поспешил за ним и сопровождавшими его полицейскими. В коридоре моему другу надели наручники и велели двигаться к выходу. Ледер пытался что-то сказать своему адвокату, но тут он заметил меня и закричал во весь голос:

— Да здравствует линкеусанское государство! Да здравствует продовольственная армия!

Двое стоявших в коридоре детективов в штатском сорвались с места, заткнули Ледеру глотку платком и поволокли его в сторону аварийного выхода.

4

— Ну что, удовлетворил свое любопытство, племянник[364]? — с усмешкой спросил меня дядя Цодек, когда я вернулся к нему в архив. — О, твои испуганные глаза красноречиво доказывают, что преступником быть невыгодно. Пожалуй, настало время подкрепиться. Пойдем в буфет.

Судебный буфет представлял собой небольшое помещение, выходившее к лестнице. До высоты человеческого роста его стены были окрашены в серый цвет, и в нем постоянно толпились адвокаты, клерки и родственники подсудимых, чьи голоса тонули в шуме примусов, завывании огромных кипящих чайников и стуке тарелок, опускавшихся на столы и прилавок. Встав в конец очереди, дядя Цодек попытался, как и многие здесь, поймать взгляд буфетчика, а мне он велел тем временем занять место за низким столом со столешницей из искусственного мрамора. Там уже сидели две чиновницы, которых я прежде видел в архиве.

— Фильм только начался, а этот Цион уже положил свою руку мне на колено, — сообщила

---

[364] Примечания: 364
Это слово герой романа произносит по-русски.

одна из них, толстушка, разламывая на две части медовую коврижку.

— Он такой же противный, как и его брат Яаков, — жадно отпив газированной воды из стакана, ответила ей подружка, жирные волосы которой были усыпаны перхотью. — Глазами клянусь, я бы так его в ответ ущипнула…

— А под конец фильма я просто расплакалась, — толстушка решила увести разговор в сторону от своих личных проблем. — Ну скажи мне, Кармела, как мог этот мерзавец оставить такую сладкую женщину? Вылетело его имя из головы…

— Ретт Батлер.

— Точно, Ретт Батлер. Как он оставил свою жену и даже не оглянулся!

Девушки продолжили обсуждение старого фильма «Унесенные ветром», который снова показывали в кинотеатрах на той неделе. Толстушка привстала и, устремив свой взор в глубину кухонного помещения, изобразила Скарлетт О'Хара, стоящую на ступенях своего дома и глядящую вслед уходящему от нее мужу.

— Завтра будет другой день! — произнесла она голосом, полным надежды.

— Хватит, Левана, не позорься, сядь уже нако-

нец! — прошипела Кармела, уловившая насмешку в глазах двух сидевших неподалеку молодых адвокатов.

Левана зарделась и поспешила сесть. Кармела, успевшая рассказать, что сама она посмотрела фильм дважды, один раз — с Рики, сестрой Моше, и другой раз — с телеграфисткой Заґавой Хаюн, сообщила, что она ненавидит Вивьен Ли и, напротив, благоволит к Кларку Гейблу.

— Натурально души в нем не чаю. Настоящий мужчина.

Далее последовало перечисление несравненных достоинств голливудского сердцееда: покоряющая улыбка в усах, очаровательные ямочки на щеках и прищуренный правый глаз, который как будто подмигивает именно ей, Кармеле Муалем, работнице архива в иерусалимском суде. Перечень был бы продолжен, но тут к столу подошел дядя Цодек, державший в руках тарелки с бурекасами и коричневыми яйцами хаминадос.

— Наш кофе скоро будет готов, — сказал он.

— Это твой такой сладкий мальчик, а, Цадок[365]? — спросила Кармела, погладив меня по

---

[365] Примечания: 365

Девушка нормативным образом произносит имя Цадок, тогда как лирический герой романа называет своего дядю Цодек, используя в данном случае ашкеназское произношение.

голове и немедленно взявшись поправлять свои волосы. Ее пальцы пахли медовой коврижкой и красным корректорским лаком, используемым для исправления ошибок на восковке ротатора.

— Сын моей сестры, — представил меня дядя Цодек, разбивая одно о другое яйца, варившиеся всю ночь в луковой шелухе. — А это Левана и Кармела, мы вместе работаем в архиве.

— У Армозы сегодня отличные хаминадос, — заметила Левана. — А вы знаете, как моя мама резала яйца на тонкие ломтики, когда был введен режим экономии?

Не дожидаясь ответа, она вырвала волос из своей головы и, крепко ухватив его пальцами рук с обеих сторон, ловко рассекла им очищенное яйцо.

— Красота, чтоб ты была здорова, — похвалил ее дядя Цодек, легко подхватив характерную для его собеседниц манеру речи. — Вот уж, воистину, точно на ширину волоса. А я тут тоже кое-что выучил из трактата «Бейца»[366].

Оказалось, что, пока я ждал решения по делу

---

[366] Примечания: 366

«Бейца» (букв. «Яйцо») — талмудический трактат, посвященный законам и ограничениям праздничных дней. Трактат начинается фразой «Яйцо, снесенное в праздник», первое слово которой стало его названием.

Ледера в восьмом зале суда, все любопытные собрались в соседнем зале номер семь, где выносилось решение о продлении ареста доктора Капорали, итальянского врача из Катамона[367], обвинявшегося в покушении на убийство одного из обитателей дома престарелых. В минувший Йом Кипур врач, как он делал это во всякий пост, явился к реб Лейбишу Векслеру, внуку знаменитого автора «Ґа-Шотэ бе-а-цицо», бывшему городскому раввину Валькининкая, переехавшему на старости лет в Иерусалим.

— Опять ты со своими ашкеназами, — насмешливо прервала его Кармела. — У вас что ни старый дурак, то великий раввин.

— А у вас что ни мудрец, то старый дурак, — отрезал дядя Цодек и, не дав себе труда выслушать возражения девушки, продолжил свой рассказ.

Дряхлый реб Лейбиш давно не мог выдержать тягот поста, рассказывал дядя, и, основываясь на том, что ґалаха запрещает постящемуся питание через рот, он нашел выход из своего положения в приватной медицинской услуге доктора Капорали: в дни поста тот вводил старику в желудок сырое яйцо через заднепроходное отверстие.

---

[367] Примечания: 367
Район в южной части Иерусалима.

Но в этом году, когда доктор Капорали пришел к реб Лейбишу после Йом Кипура, чтобы получить с него плату, пациент заявил, что за сумму, которую требует с него врач, на рынке можно купить три упаковки яиц. Доктор Капорали покинул своего пациента в крайнем раздражении, и гревшиеся на балконе в лучах осеннего солнца старики показали, что они слышали своими ушами, как врач обещает когда-нибудь поквитаться с Векслером. День отмщения настал вчера, Десятого тевета. Приглашенный в дом престарелых врач оказал своему пациенту обычную услугу, но на этот раз он ввел ему в задний проход крутое яйцо, и медикам больницы доктора Валаха с большим трудом удалось извлечь чужеродный предмет из живота старика, вопившего, что он задыхается.

— Меня сейчас стошнит, — сказала, поперхнувшись, Кармела, а Левана позеленела так, что лицо ее стало одного цвета с жилетом, в который она была одета. Прикрыв рот рукой, она подхватила свою подругу и утащила ее от стола, после чего обе девушки скрылись за дверью туалета.

— Вот и отлично, теперь мы наконец остались одни, — с облегчением сказал дядя Цодек.

Он перенес на соседний столик оставленные его сотрудницами бутылки с газированной водой

и сообщил, что глупые багдадские девушки, лишь недавно приехавшие сюда из Месопотамии, ничегошеньки не понимают в сложности иерусалимской жизни. Показав жестом буфетчику Армозе, что настало время подать нам кофе, он добавил, что тот, кому интересны люди и их поступки, должен прежде всего задаться вопросом, кем были и чем занимались их предки.

— Вспомни дни древние, помысли о летах поколений[368], — напел Цодек слова из предсмертной песни Моше. — Так вот, Ледер. Знаешь ли ты о его происхождении?

5

Дядя Цодек носил неофициальный титул главного специалиста по генеалогии иерусалимского Старого ишува. Продолжатель дела Пинхаса Граевского и Нахума-Дова Фраймана, он, однако, отличался от них тем, что не считал типографский станок единственным средством прикосновения к вечности и не заботился о том, чтобы оформить результаты своих изысканий в виде книг и брошюр. По словам моей мамы, дядя Цодек записывал то, что ему открывалось,

---

[368] Примечания: 368
Дварим, 32:7.

исключительно вилами по воде. И все же его компетентность считалась непревзойденной во всем, что касалось смешения иерусалимских кровей в период от алии прушим[369] в самом начале прошлого века и до тех пор, пока смятение не пришло в этот мир сто лет спустя. Свидетельством ниспосланного смятения явилось установление родственных связей между потомками древних, почтенных семей и худородными босяками, понаехавшими в Страну Израиля из Московии в годы Второй алии[370]. В час между молитвами минха и маарив[371] признанная компетентность дяди Цодека в этих вопросах собирала вокруг него множество бездельников в синагоге «Зихрон Моше», а после его смерти накопленные им знания оказались утеряны для потомков.

---

[369] Примечания: 369

Прушим (букв. «отделившиеся») — в значении «ведущие особый, духовно сосредоточенный и часто аскетический образ жизни». В другом историческом контексте, применительно к периоду II в. до н. э. — I в. н. э., слово «прушим» отражается вошедшим в русский язык через греческий словом «фарисеи». Им же стали называть учеников Виленского гаона, репатриировавшихся в Эрец-Исраэль из Восточной Европы тремя большими группами в период с 1808 г. Причиной именования их этим словом, возможно, явилось то, что они обособлялись своими обычаями и от местных сефардских евреев, и от ашкеназов-хасидов, значительные группы которых так же организованно прибывали в Эрец-Исраэль с середины XVIII в.

[370] Примечания: 370

Вторая алия — термин сионистской историографии, относящийся к организованной репатриации в Эрец-Исраэль примерно 40 тыс.

евреев из Российской империи и австрийской Галиции в 1904–1914 гг. Преимущественно светская по своему составу и в значительной мере проникнутая социалистическими идеями, Вторая алия и продолжившая ее после мировой войны Третья алия 1919–1923 гг. сыграли определяющую роль в процессе создания политических, социальных и культурных формаций будущего Государства Израиль.

[371] Примечания: 371

Маарив — вечерняя: молитва, произносимая с наступлением темноты.

Малую толику того, что он знал, дядя Цодек записывал на полях книг из своей богатой домашней библиотеки. Ее основу составило книжное собрание моего деда, и в ней хранилось немало первопечатных иерусалимских изданий, включая редкие брошюры «Эмет у-мишпат» и «Димъат ашуким», увековечившие начало неугасимой полемики вокруг участка, на котором была построена ешива «Эц Хаим». Как известно, одной из сторон в этой распре оказались ученики раввина Шмуэля Саланта, а другой — круг учеников и последователей раввина Шмуэля-Биньямина ѓа-Коэна, именуемого Радошковичем[372]. В дедовском собрании также сохранился единственный экземпляр сатирической поэмы «Гилат Цион», сочиненной и распространявшейся противниками раввина Менахема-Мендла Иерусалимского, причем нужно отметить, что это редчайшее издание оказалось недоступно даже таким авторитетным исследователям, как Элиэзер-Рефаэль Мальахи и

[372] Примечания: 372

Рав Шмуэль Салант (1816–1909) — уроженец Валькининкая, репатриировался в Эрец-Исраэль в 1841 г., возглавлял на протяжении 44 лет ашкеназскую общину Иерусалима. Рав Шмуэль-Биньямин ѓа-Коэн — вероятно, ошибка в имени: рав Шауль-Биньямин ѓа-Коэн — уроженец Виленской губернии, состоял главой раввинского суда в Радошковичах (ныне в Белоруссии), репатриировался в Эрец-Исраэль в 1858 г., позже покинул Страну и умер в 1880 г. в Тюмени.

госпожа Шошана Ґалеви[373].

Увы, через тридцать дней после дядиной смерти, когда над его могилой установили постоянное надгробие, его вдова вернулась с кладбища и, вызвав гурджийского[374] грузчика Леви Трегера, вечно ходившего выпятив голый живот, приказала ему вынести из дома все книги своего покойного мужа. Так пропало бесценное собрание, мешавшее недалекой женщине тем, что оно «бесцельно пылилось и плодило мышей и тараканов».

Узнав об этом, моя мать разрыдалась и сравнила свою ничтожную свояченицу с трансильванской женой своего свекра, которая точно так же выбросила на помойку собранные ее умершим мужем склянки с моллюсками и куски окрашенной тхелетом шерсти. Мысль о гибели книг, из-за которых между ней и ее покойным братом выросла стена, причиняла ей невыносимую боль.

Таким образом, дядя Цодек, обещавший оставить мне свои книги в наследство, не смог

---

[373] Примечания: 373

Элиэзер-Рефаэль Мальяхи и Шошана Ґалеви — реальные израильские историки-библиографы.

[374] Примечания: 374

Гурджийцы — название грузин в некоторых тюркских языках, из которых оно попало в иврит. Ныне практически не употребляется.

выполнить свое обещание. Лишь по прошествии многих лет, оказавшись однажды в книжном магазине Шейнбергера на главной улице Меа Шеарим, напротив аптеки Сар-Шалома Дейча, я обнаружил там и приобрел несколько книг из дядиной библиотеки.

Помимо этих книг, доставшихся мне совершенно случайно, литературное наследие дяди Цодека включало в себя две дюжины «удостоверений личности», оставшихся на руках у членов нашей семьи. Такие семейные удостоверения дядя вручал сыновьям своих родственников по достижении ими тринадцатилетнего возраста, и в них содержалась детальная информация, возводящая родословную нашей семьи к Ари и Маґаршалю[375]. Эти маленькие книжечки, отпечатанные на машинке судебного секретариата, дядя вклеивал в обложку из голубой бристольской бумаги, на которой он изображал ветвистое дерево. Обвивающий его ремень тфилин напоминал змея, обвивающего древо познания добра и зла, а над картинкой дядиной рукой делалась ис-

---

[375] Примечания: 375

Ари — акроним имени р. Ицхака Лурии Ашкенази (1534-1572), знаменитого цфатского каббалиста, основоположника т. н. лурианской каббалы. Маґаршаль — акроним имени р. Шломо Лурии (1510–1573). знаменитого польского раввина, одного из крупнейших законоучителей XVI в.

кусная надпись: «Древо, древо! Чем благословлю я тебя? Да будет воля Небес, чтобы потомки твои были подобны тебе».

Кроме того, дядя яркой гуашью изобразил наше генеалогическое древо на огромном листе фанеры, выломанном из ящика от импортного чая. Этот фанерный лист постоянно вывешивался в сукке моего двоюродного брата Шалома, пока однажды ранний осенний ливень не смыл с него ствол, многочисленные ветви и мощную корневую систему изображенного древа. Стерлись имена, написанные дядей на каждой ветви и веточке, на каждом из толстых корней и тонких корневых ответвлений. Исчез изображенный под одним из корней медный таз, символизировавший написанный Маґаршалем труд «Ям шель Шломо»[376]. Исчезли двенадцать быков, на которых покоился этот огромный таз, напоминавший о таком же сосуде, установленном царем Шломо во дворе построенного им Храма. Корень, ведущий к Святому Ари, превращался на

[376] Примечания: 376

«Ям шель Шломо» (букв. «Соломоново море») — составленный Маґаршалем комментарий к Талмуду, важнейший ґалахический труд данного автора.

дядином рисунке в хвост рычащего льва[377], а корень, символизировавший родство нашей семьи с рабби Исраэлем Шкловским, автором «Пеат ґа-шульхан», вырастал из резной ножки стола, покрытого скатертью Рамо[378], с выложенными на нее книгами по ґалахе.

Сложным вещам и еще более сложным связям между ними, легко теряющимся в тумане веков, дядя Цодек пытался придать наглядность посредством своих рисунков. Такого же замысловатого способа изложения он придерживался и в тот день, когда мы сидели с ним в судебном буфете и он рассказывал мне семейную историю Ледера.

6

— А мясо бычка и кожу его и нечистоты его сожги в огне вне стана[379], — напевал дядя Цодек, старательно рисуя на странице в моей учени-

---

[377] Примечания: 377

Акроним Ари имеет на иврите значение «лев».

[378] Примечания: 378

«Пеат ґа-шульхан» (букв. «Край стола»), об этой книге и ее авторе см. в примечаниях выше. Рамо — акроним имени знаменитого краковского раввина Моше Иссерлеса (1520–1572), комментарий которого к своду законов «Шульхан арух» («Накрытый стол») носит название «Мапа» («Скатерть»).

[379] Примечания: 379

Шмот, 29:14.

ческой тетради шкуру животного. Похожие изображения я видел на желто-синих рекламных плакатах в витринах торговавших кожей магазинов в Нахалат-Шива. По утрам возле них толпились сапожники и скорняки, подбиравшие себе одни — грубую, остро пахнущую кожу для подметок, другие — мягкое, приятное на ощупь шевро.

Судебный буфет как будто наполнился ароматами кожи, пока дядя Цодек расчерчивал нарисованную им шкуру острым пером, напоминавшим в эти минуты короткий кожевенный нож в руках подмастерья. Написав в четырех углах своего рисунка разные имена, дядя сказал, что, если я хочу понять, как стелилась на протяжении лет эта шкура — здесь он обыграл значение фамилии «Ледер» на идише, — мне следует внимательно выслушать его рассказ, не отвлекаясь на каверзные вопросы.

— Слышал ли ты о раве Йосефе-Зундле Салантe, прародителе движения мусар[380], ученике

[380] Примечания: 380

Мусар («нравственность», «этика», *ивр.*) — название духовного движения, получившего развитие в нехасидской части восточноевропейского еврейства в середине XIX в. Основателем этого движения считается упомянутый ниже в тексте романа р. Исраэль Салантер (1810–1883), однако сам он утверждал, что основы движения мусар были заложены уже его учителем р. Йосефом-Зундлом Салантом, уехавшим в 1837 г. из Литвы в Эрец-Исраэль и скончавшимся в Иерусалиме в 1865 г.

рава Хаима из Воложина и рабби Акивы Эйгера?[381] Дело было давно, четыре поколения тому назад, в пятидесятых годах прошлого века по летоисчислению народов мира. В те далекие дни вместе с одним из взошедших в Иерусалим евреев диаспоры прибыл мальчик, имевший намерение встретиться с равом Йосефом-Зундлом. В городе рассказывали, что этот мальчик, рано лишившийся отца и матери, был отправлен к знаменитому мудрецу равом Исраэлем Салантером, основоположником движения мусар. В доставленном им письме Светоч Израилев[382] извещал своего учителя о том, что скончавшийся недавно отец Меира Ледера был одним из самых богобоязненных и способных учеников его ковенской ешивы. В то же время дядя Меира по материнской линии был известен в Ковно как один из наглейших безбожников-маскилим[383].

---

[381] Примечания: 381

Р. Хаим из Воложина (1749–1821) был виднейшим учеником Виленского гаона. Р. Акива Эйгер (1761–1837) — знаменитый раввин из Познани, один из крупнейших ґалахических авторитетов своего времени.

[382] Примечания: 382

Имеется в виду р. Исраэль Салантер.

[383] Примечания: 383

Маскилим, мн. число от «маскиль» («просвещенный», *ивр.*) — сторонник еврейского движения просвещения, оформившегося в 70-х гг. XVIII в. в Пруссии и получившего впоследствии распространение во многих странах Европы.

Сделавшись опекуном осиротевшего племянника, он вознамерился оторвать того от изучения Торы, и в сложившейся ситуации рав Салантер счел правильным тайком отправить Меира в Иерусалим.

Дядя Цодек рассказал, что мальчик Меир вырос в доме у рава Йосефа-Зундла, представлявшем собой темную комнату в убогом общественном здании, которое возвышалось тогда посреди руин, оставшихся от недостроенной синагоги рабби Йеґуды Хасида[384]. Скромное пропитание раввину давала небольшая уксусоварня, которую держала его жена, но ограниченность в средствах не помешала супругам заменить ребенку отца и мать.

Через полгода после смерти рава Йосефа-Зундла в Иерусалиме случилась свирепая эпидемия холеры. Все звучавшие в городе молитвы были отвергнуты Небом, все воскурения остались без проку, и тогда один из местных каббалистов указал надежное средство остановить эпидемию:

---

[384] Примечания: 384

Р. Йеґуда Хасид (1660–1700) — польский и затем литовский раввин и духовный лидер, предводитель значительной группы из примерно тысячи человек, совместно репатриировавшихся в Эрец-Исраэль около 1770 г. Сам р. Йеґуда умер вскоре по прибытии в Иерусалим, а его последователи, предпринявшие попытку построить в городе большую ашкеназскую синагогу, потерпели фиаско в этом начинании, и их недостроенная синагога получила название «Хурва» (см. о ней примеч. 87).

поженить на кладбище двух сирот. И вот посреди кладбищенских ям, в которые свозили со всех сторон и засыпали там известью тела умерших от холеры, возле могилы рабби Хаима Ибн-Атара, автора знаменитого комментария к Пятикнижию «Ор ѓа-хаим», был установлен свадебный полог. Главы раввинского суда Иерусалима поженили под ним сироту Меира с Башей Голдшмид, лишившейся родителей и братьев в дни эпидемии.

— Не веришь? — спросил дядя Цодек, смерив меня оценивающим взглядом. — Ну, зайдешь ко мне как-нибудь, и я покажу тебе заметку из «Ѓа-Леванон»[385], в которой все это описано.

Имя Меира Ковнера получило большую известность, о нем говорили как об одном из самых заметных представителей школы мусар в Иерусалиме. Горожане рассказывали друг другу, что он, едва взглянув на сосуд, может сказать, окунали ли его в микву, и что одного беглого взгляда на стадо овец ему бывает достаточно, чтобы определить, сколько в этом стаде животных. Рассказывали также, что, проходя однажды мимо заполненной людьми арабской кофейни, Меир точно сказал, сколько человек в ней находится. С особенным

[385] Примечания: 385

«Ѓа-Леванон» — первая ивритская газета в Эрец-Исраэль, издавалась с 1863 г.

восторгом говорили о строгих ограничениях, которым он себя подвергает. О том, например, что Меир никогда не облачается в шелковый талит, дабы не прикоснуться губами к производимым нечистыми червями шелковинкам. Что он не ест жареных голубей, поскольку перед убоем те могли подхватить клювом крошку хлеба, намазанного сливочным маслом[386]. Людям, достойным прикосновения к высшему знанию, рассказывали, что Меир Ковнер чертит пальцами в воздухе Четырехбуквенное Имя, во исполнение сказанного «Представляю Господа пред собой всегда»[387]. На движения его пальцев обращали внимание, когда он ходил по улицам или беседовал с людьми, и только по субботам и праздникам его пальцы покоились, ведь Тора относит письмо к тридцати девяти видам главнейших работ, запрещенных в дни предначертанного покоя. И хотя обозначенные в воздухе буквы едва ли можно считать письмом, Меир остерегался даже намека на возможность нарушения запрета.

Довид Ледер был старшим сыном Меира Ков-

---

[386] Примечания: 386

Имеется в виду запрет употребления смешанной мясной и молочной пищи.

[387] Примечания: 387

Теѓилим, 16:8.

нера. «Сын — нога своего отца»[388], и реб Довид, подобно отцу, прославился в Иерусалиме своим благочестием и удивительными деяниями. Рассказывали, что он начертил для себя карту города и отметил на ней маршруты, которыми он мог ходить, не приближаясь к воротам церквей и монастырей, которых так много в Иерусалиме, и не попадая в узкие переулки, где он мог случайно заглянуть в чужое окно. Случалось, его охватывал дух ревности, и тогда он, подобно Пинхасу[389], пытался отвести гнев Господа от Израиля, набрасываясь на тех, кто вызывающим образом нарушал Его волю. Самой частой жертвой ревностного отношения Довида к Торе и заповедям становилось фотоателье, открытое Йешаяґу Рефаловичем вблизи Яффских ворот. Реб Довид врывался туда и силой забирал у хозяина фотопластинки с изображением иерусалимцев, осмелившихся нарушить запрет «не делай себе изваяния и никакого изображения». Осуществив

---

[388] Примечания: 388

Источником этого выражения является сказанное в талмудическом трактате «Эрувин», 70б: «Наследник — нога своего отца».

[389] Примечания: 389

Пинхас бен Эльазар (Финиес в русской традиции передачи библейских имен) упомянут в книге Бемидбар, гл. 25, как ревностный священник, убивший главу одного из отеческих домов колена Шимона и приведенную им в стан блудницу-мидьянитянку.

такой налет, он спускался в Енномскую долину, разводил там костер и бросал разбитые фотопластинки в огонь.

Реб Довид взял в жены дочь автора книги «Сиах ѓа-садэ» и вскоре после этого поселился в квартале Мусрара, где молодая пара получила квартиру в Штройсовом подворье[390], славившемся тем, что там жили виднейшие иерусалимские раввины, многие из которых были связаны с движением мусар. К числу обитателей подворья принадлежали бывший раввин Петербурга рав Ицхак Блазер, вышедший из круга ближайших учеников рава Исраэля Салантера, рав Иона Бирзер и Люблинский гаон, снискавший большую известность своим ѓалахическим сочинением «Торат хесед»[391].

---

[390] Примечания: 390

Штройсово подворье — группа тесно примыкающих друг к другу строений, в которых имелось в общей сложности порядка 30 квартир. Было построено на средства немецкого банкира и филантропа Шмуэля Штройса (1847–1904) в 90-х гг. XIX в. Находившееся вблизи пограничной линии, разделившей Иерусалим в 1948 г., Штройсово подворье сильно пострадало в Войну за независимость Израиля и затем в Шестидневную войну 1967 г., когда в него попал иорданский снаряд. Подворье предполагалось снести, но затем его уцелевшая часть была отреставрирована.

[391] Примечания: 391

В качестве Люблинского гаона известен хабадский раввин Шнеур-Залман Фрадкин (1830–1902), уроженец белорусского города Ляды, состоявший затем раввином в Полоцке и позже в Люблине. Связь Люблинского гаона, переехавшего в Иерусалим в 1892 г., с движением

мусар представляется сомнительной из-за его принадлежности к хасидам Хабада. Отметим также, что доступные в интернете справочные издания сообщают о проживании Люблинского гаона в подворье Ранд в Мусульманском квартале Старого города и не называют его среди тех, кто жил в Штройсовом подворье.

— Реб Довид был самым молодым из тех, кто удостоился получить жилье в Штройсовом подворье, — подчеркнул дядя Цодек. — Он и его супруга.

С этими словами дядя указал на ноги нарисованной им шкуры и написанные на них имена.

Жильцы Штройсова подворья не могли наглядеться на богобоязненного молодого человека, днем и ночью корпевшего над священными книгами. Им казалось, реб Довид уверенно поднимается по ступеням постижения Торы, но однажды реб Лейбл Мильман, возвращавшийся ночью из миквы, проходил мимо двери Ледеровой квартиры и услышал напевное чтение. Сладостная мелодия располагала к мысли, что реб Довид учит Талмуд, однако слова, которые смог разобрать реб Лейбл, были словами чужими, совершенно немыслимыми.

— Память изменяет мне в последнее время, — вздохнул дядя Цодек. — Уж и не припомню теперь, что именно это было? «Ослиное погребение» Смоленскина или что-то из Мапки? «Ханжа»,

может быть?[392]

После этого происшествия реб Лейбл стал присматриваться к Довиду Ледеру и даже следить за ним. Ему удалось установить, что маршруты, прочерченные тем на карте Иерусалима, в самом деле обходили стороной церкви и узкие переулки, но зато приводили Довида к жилищам распутных женщин и в Американскую колонию[393]. Реб Лейбл также установил, что реб Довид уничтожал в Енномской долине не все фотопластинки, конфискованные им в ателье Рефаловича. Пользуясь услугами армянского мастера, в совершенстве освоившего фотомонтаж, он присоединял лица иерусалимских женщин и девушек к обнаженным телам анонимных француженок. Имея на руках это средство, реб Довид

[392] Примечания: 392

Перец Смоленскин (ок. 1840–1885) — писатель и публицист, один из идеологов раннего сионистского (до появления самого слова «сионизм») движения «Ховевей Цион». Писал на иврите. В повести Смоленскина «Квурат хамор» («Ослиное погребение», 1874) повествуется о том, как в борьбе с инакомыслящим руководство еврейской общины прибегло к клевете, пошло на убийство и надругательство над мертвым, не удостоив его даже места на кладбище. Авраам Many (1808–1867) — первый беллетрист еврейского просветительского движения, писал на иврите. В его романе «Аит цавуа» («Ханжа») дано сатирическое изображение быта и нравов черты оседлости. В ортодоксальных кругах кличка Мапка долго оставалась синонимом вольнодумца.

[393] Примечания: 393

Американская колония — небольшой иерусалимский квартал, построенный в конце XIX в. американскими и шведскими христиа-

нами-утопистами.

добивался от запуганных им женщин денежных выплат и любовных милостей.

И вот как-то ночью, в один из последних дней месяца нисан, когда люди, отпраздновав Песах, уже пребывали в горестном настроении, обычном для дней, в которые ведется счет омера[394], реб Лейбл позвал соседа к себе в комнату. Он открыл Пятикнижие на разделе, излагающем законы о прокаженных, и стал снова и снова с рыданием в голосе повторять стих, начинающийся словами «А если расцветет проказа на коже»[395].

Реб Довид понял, что сосед увещевает его в связи с каким-то прегрешением, и заворковал голубком: дескать, он и вправду заслуживает наказания розгами, ибо ему случается иногда отвлечься от изучения Торы и восхититься видом прекрасного дерева. Или, напротив, он получает такое наслаждение от изучения Торы, что забывает на миг об обязанности учить Тору во исполнение заповеди, а не в свое удовольствие.

---

[394] Примечания: 394

О́мер — сноп (*ивр.*). Счет омера — отсчет 49 дней со времени принесения в Храм первого снопа нового урожая. Согласно талмудической традиции, этот семинедельный период между праздниками Песах и Шавуот сопровождается элементами траура, отмечаемого в память о погибших учениках рабби Акивы.

[395] Примечания: 395

Ваикра (Левит), 13:12.

Тут уж реб Лейбл не выдержал и, заливаясь слезами, поведал, что́ он узнал о похождениях своего молодого соседа. Ледер все отрицал, и реб Лейбл успокоил его, сказав, что он может не опасаться людского суда, поскольку его, Лейбла Мильмана, единственное намерение состоит в том, чтобы выполнить заповедь увещевания ближнего, и злословить о нем он, конечно, не станет.

Реб Лейбл действительно никому ничего не сказал, но его супруга, слышавшая из-за двери разговор мужа с Ледером, не считала себя пожизненно связанной обетом молчания, и когда сын реб Довида бежал в Вену, она рассказала эту давнюю историю своей подруге. По ее словам, наглец Довид вышел из их квартиры, хлопнув дверью, а перед тем обругал ее праведного мужа. И тогда, рассказала женщина, реб Лейбл крикнул вслед грешнику, что, если тот не совершит полного покаяния, его конец будет горек и его сын Мордехай, который только начал в то время учиться в хедере, пойдет по стопам своего отца и сделается меднолобым разрушителем[396].

---

[396] Примечания: 396

Если в русской литературной традиции «медный лоб» является характеристикой тупого и бессмысленно-упрямого человека, то в еврейской традиции этот образ используется скорее как характеристика наглеца.

В ту же неделю Довид Ледер покинул Штройсово подворье и переехал в Батей Найтин, что неподалеку от Батей Унгарин, и сошелся там с самыми крайними иерусалимскими фанатиками, из среды которых вышли впоследствии «Нетурей карта»[397]. Благодаря своим частым визитам в Американскую колонию реб Довид прилично овладел английским, и это позволило ему со временем стать главным представителем данной группы перед лицом британских властей. Но об этом периоде его жизни дядя Цодек не стал рассказывать мне, выразив уверенность, что я и так наслышан о нем от Аґувы Харис, первый муж которой Хаим Сегаль был подручным Ледера в пору его контактов с мандатным правительством, «от чего и умер так рано».

— А мясо бычка и кожу его и нечистоты его сожги в огне вне стана, это искупительная жертва за грех, — снова пропел дядя Цодек библейский стих, с которого он начал свое повествование о

[397] Примечания: 397

«Нетурей карта» («Стражи города», *арамейск.*) — радикальное антисионистское и антиизраильское направление в среде ультраортодоксального иудаизма, насчитывающее ныне по нескольку сотен семей в Иерусалиме, Бейт-Шемеше, Нью-Йорке и Лондоне. «Нетурей карта» впервые заявили о себе как отдельная группа в 1935 г., когда их лидеры покинули ультраортодоксальную партию «Агудат Исраэль», обвинив ее руководство в сговоре с сионистами, но фактически данная группа, выделявшаяся своим фанатизмом, существовала и ранее.

Ледере. После этого он вырвал из моей тетради лист с расчерченным изображением шкуры, поднес к нему горящую спичку и дал бумаге прогореть в пепельнице.

— И да будет стан твой чист[398], — с усмешкой закончил дядя свой рассказ, а потом спросил, не хочу ли я прогуляться с ним, прежде чем он должен будет вернуться к своей работе в архиве.

7

Небо было высоким и чистым, но от прошедшего утром дождя в изгибах каменной крыши суда скопилась вода. Она все еще стекала по водосточным трубам и придавала свежий вид тротуару, выложенному мелкой выпуклой плиткой, напоминавшей младенческие головки.

Из проходного двора между зданием суда и больницей «Авихаиль» раздавались душераздирающие завывания, и я попытался заглянуть в ведущий туда проход, возле которого толпились причитавшие, царапавшие себя и рвавшие на себе волосы магрибские женщины. Рядом, под облетевшими кронами шелковицы и типуаны, кружком стояли совещавшиеся о чем-то мужчи-

---

[398] Примечания: 398
Дварим, 23:15,

ны. Черный автомобиль почти беззвучно проехал во двор, и мужчины поспешно отступили с проезжей части, увлекая с собой старика, вокруг которого они прежде толпились. Из машины с иностранными номерами вышли православные священники, говорившие между собой по-русски. Они сразу же скрылись за находившейся напротив морга железной дверью Русской духовной миссии, в здании которой, рассказывали знатоки, находятся живописная домовая церковь и библиотека в десятки тысяч томов, дар великого князя Константина[399].

— Тебе нечего сейчас там искать, — сказал дядя Цодек и оттянул меня от прохода, через который несколько лет спустя Риклин и его товарищи вынесут завернутое в саван тело Ледера.

Он направил меня к заасфальтированной тропе, спускавшейся в северном направлении, к улице Сен-Поль и кварталу Мусрара. С каждым порывом ветра старые сосны, под которыми мы проходили, роняли на нас капли воды. Дядя взглянул на дождинки, блиставшие на кончиках

---

[399] Примечания: 399

Библиотека Русской духовной миссии в Иерусалиме находится и, насколько удалось выяснить переводчику, всегда находилась в Горненском женском монастыре, а не в главном здании РДМ на Русском подворье. Великий князь Константин не был, насколько удалось установить, значительным дарителем книг в эту библиотеку.

сосновых иголок, и сказал, что, когда ему случается заканчивать свою работу позже обычного, он смотрит на плотные стаи скворцов, прилетающие сюда на ночлег. Вслед за тем дядя попытался изобразить энергичными движениями рук и всего своего тела головокружительные виражи птичьей стаи, которая то рассыпается дымным облаком по небосклону, то ужимается, приобретая очертания воронки или столба, и так — до тех пор, пока птицы не рассядутся малыми группами на сосновых ветвях. Это дивное зрелище, сказал дядя, отдавшись очарованию природы, напоминает ему слова книги «Зоґар» о том, что с кончиной рабби Шимона Бар-Йохая животные зашатались, а птицы небесные устремились в пучину великого моря[400].

Справа от нас в пришедшем в запустение саду русского консульства[401] плющ по-прежнему взбирался на стволы и ветви деревьев, украшая

---

[400] Примечания: 400

«Зоґар» на книгу Дварим, 296б (Идра зута) приводит слова рабби Эльазара, сына рабби Шимона Бар-Йохая, произнесенные им со смертью его отца: «Отче, отче! Трое [нас] было, остался [я] один. Теперь животные зашатаются, а птицы небесные погрузятся в пучину великого моря».

[401] Примечания: 401

Построенное в 60-х гг. XIX в. здание Русского генерального консульства в Иерусалиме перешло в собственность Государства Израиль в 1964 г. в рамках т. н. апельсиновой сделки, и в настоящее время в нем находятся некоторые отделы иерусалимского муниципалитета.

их зелеными венцами, а фонтан терпеливо ждал, когда в нем снова забьют струи воды и члены вельможных делегаций из далекого Петербурга станут восхищаться их свежестью, столь желанной здесь, посреди засушливого Востока. Слева от нас, за общественным туалетом, все еще окруженная проржавевшей колючей проволокой, стояла страшная заброшенная тюрьма мандатных времен, в стенах которой взорвали себя Файнштейн и Баразани[402].

Выйдя на улицу Сен-Поль, мы ощутили пахучую близость лабораторий зоологического факультета. Характерный запах морских свинок, бегающих в своих клетках по загаженным пометом опилкам, смешивался с эротичным благоуханием айлантов, росших без ухода за оградой бывшей тюрьмы. Эти ароматы сопровождали нас и после того, как мы, перейдя на другую сторону улицы, стали спускаться к Мусраре.

---

[402] Примечания: 402

Здание Мариинского женского подворья в 1917–1948 гг. использовалось британскими властями как центральная иерусалимская тюрьма, узниками которой были в разное время сотни бойцов еврейских подпольных организаций «Хагана», «Эцель» и «Лехи». Ныне в этом здании находится израильский Музей узников подполья. Приговоренные к смертной казни боец «Эцель» Меир Файнштейн и боец «Лехи» Моше Баразани вместе покончили с собой 21 апреля 1947 г. накануне исполнения вынесенного им приговора, подорвавшись ручной гранатой, которую товарищи смогли передать им внутри апельсина.

Мы шли молча и, кажется, оба любовались лучами зимнего солнца, освещавшими влажные ветви деревьев и каменные стены домов. С ветвей поднимался едва заметный пар. Когда мы дошли до стены итальянской школы сестер-салезианок[403], дядя Цодек сошел с крутой тропы и повернул направо.

— Штройсово подворье, — сказал он, входя в заброшенный дом, стены которого были проломлены, а крыша во многих местах пробита.

Усыпанный обвалившимися камнями и черепицей двор старого здания густо зарос крапивой. В воздухе стоял тяжелый запах гниения. По шатким ступеням лестницы, на которые была наброшена железная сетка, дядя Цодек поднялся на второй этаж, я последовал за ним, и мы

---

[403] Примечания: 403

Сестры-салезианки — монахини, входящие в женскую католическую конгрегацию «Дочери Марии Помощницы христиан», основанную в 1872 г. в городе Морнезе в Италии. Конгрегация принадлежит к т. н. Салезианской семье, включающей в себя ряд духовных организаций, названных в честь св. Франциска Сальского (1567–1622). В первой четверти XX в. сестры-салезианки принимали участие в деятельности Национальной организации помощи итальянским миссионерам (ANSMI), одним из проектов которой стало строительство итальянской больницы в Иерусалиме. В годы мандата конфискованное британскими властями здание больницы использовалось как штаб Королевских ВВС в Палестине и военный госпиталь. В 1963 г. здание было выкуплено у Италии правительством Израиля и стало использоваться как одно из помещений израильского Министерства образования.

вместе двинулись по коридору, над которым во многих местах виднелось открытое небо. По обе стороны от нас находились комнаты. Пороги и косяки дверей и оконные рамы в них давно были вырваны. В тех комнатах, где крыша была пробита, смоченные недавним дождем стены блестели, как фрески Помпеи. Сошедшая местами штукатурка обнажила на них ярко-синие прогалины, соседствовавшие с коричневой, в красноту, венецианской краской и розовыми, словно цветущее персиковое дерево, пятнами. В комнатах с сохранившейся крышей стены были покрыты зеленоватыми и красноватыми щербинами, пугающий вид которых заставлял вспомнить библейские законы о проказе, поражающей стены дома.

— Здесь родился Ледер, — сказал дядя Цодек, заглянув в комнату в конце коридора, и тут же отвернулся, с отвращением сплюнул и поспешно направился обратно к лестнице. В комнате была угловая ниша, в которой прежде помещался стенной шкаф. Там лежал на полу распухший, кишащий червями труп бродячей собаки, над которым клубились зеленые мухи смерти.

Улица была полна жизни. Спеша использовать полуденное солнце, женщины натягивали белье-

вые веревки поперек мостовой, подпирали их длинными деревянными шестами и вывешивали на просушку белье.

В нескольких шагах от нас проходила граница.

За оставшимися на нейтральной полосе голыми деревьями и руинами возвышалась серая, омытая дождем стена Старого города. Вблизи нее, уже с той стороны границы, гудели машины, кричали уличные торговцы, шумела невидимая толпа.

Посеревшего асфальтового покрытия у нас под ногами давно не касались колеса автомобилей. Длинная трещина пробежала по асфальту вдоль улицы, из нее во многих местах выбивалась трава. За бетонными противотанковыми надолбами, линиями проволочных заграждений и желто-красными табличками с предупреждением о минах виднелась иорданская пограничная позиция с находившимся на ней легионером в красной куфии.

— Здесь мы у самого края Израиля, — сказал дядя, с трудом уводя меня с места, к которому я был как магнитом притянут очарованием чужого приграничья. — Здесь кончается израильская территория, все имеет свой конец.

Глава двенадцатая

1

Ледер исчез бесследно.

С тех пор как его посадили в поджидавшую у заднего входа в здание суда полицейскую машину, я каждое утро нетерпеливо бросался к пачкам газет, которые служба рассылки оставляла в лавке моих родителей для владельца соседнего галантерейного магазина. Ни в одной из них о следствии по делу Ледера не упоминалось даже намеком.

— Оставь ты эти газеты, — говорила мне мать, опасавшаяся, что у меня разовьется нездоровое пристрастие к чтению периодических изданий. — Ничего полезного из них не узнаешь.

На этот раз я прислушался к ее совету и решил удовлетворить свое любопытство, предприняв еще один визит к дяде Цодеку, чьи связи с высшими офицерами полиции давали основания считать, что в судейском мире для него не может быть тайн.

Однако теперь дядя был явно смущен моим появлением и держался закрыто. Он с опаской

поглядывал на Левану и Кармелу, которые, стоя на приставных лестницах, разыскивали затребованные папки на верхних полках стеллажей. Прочистив горло, дядя пожаловался на то, что весь день сидит в натопленном и прокуренном помещении с закрытыми окнами, и предложил мне прогуляться. В сосновой роще перед зданием суда он облокотился на один из бетонных надолбов, все еще окаймлявших Русское подворье с северной стороны — в Войну за независимость оттуда ждали попытки танкового прорыва иорданского Легиона в центр еврейского Иерусалима.

— Полицейские высказываются об этом деле очень туманно, но из их слов можно заключить, что Ледера подозревают в совершении серьезных преступлений против безопасности государства, — сообщил мне дядя Цодек. — Не исключено, что он — русский шпион, так что пусть гниет в подвале тайной полиции. Предоставим его судьбе, а сами займемся своими делами.

Прошло несколько месяцев, прежде чем завеса тайны над делом Ледера приподнялась. Вскоре после Пурима сержант Фишлер, ставший со времени демонстрации против соглашения с Германией самым почитаемым клиентом в

лавке Рахлевских, зашел к ним, одетый в штатское. Родители Хаима, привыкшие видеть своего благодетеля во всей красе полицейского обмундирования, предположили, что их гость еще не сменил маскарадный костюм, но Фишлер сообщил им, что уволился из полиции из-за возникших у него разногласий с начальством. С тех пор как Глейдер стал большой шишкой в иерусалимской полиции, рассказал Фишлер, в подведомственных ему подразделениях воцарилась унылая тупость. Следствие по делу Ледера он упомянул как один из примеров деградации ведомства.

Хаим поспешил ко мне с рассказом об услышанном от Фишлера. По словам отставного сержанта, Ледера допрашивали днем и ночью в течение недели, и при этом ни одному из следователей не пришло в голову, что несущий ахинею подследственный повредился рассудком. Мало того, изъятый у Ледера при задержании револьвер не отправили на баллистическую экспертизу. Он хранился в сейфе начальника до тех пор, пока в следствие не вмешались опытные офицеры из Тель-Авива, которые сразу же установили, что Ледер — «псих на всю голову» (именно так выразился Фишлер) и что обнаруженный у него

револьвер насквозь проржавел и не имеет бойка.

— Такое оружие постыдился бы засунуть себе в кобуру даже играющий в ковбоя мальчишка, — сказал отставной сержант родителям Хаима.

Ледер был, по его словам, совершенно сломлен допросами, и вызванный к нему окружной психиатр сразу же распорядился освободить его из-под ареста и госпитализировать в психиатрическую больницу. Фишлер узнал об этом, когда ему было предписано совместно с полицейским врачом доставить Ледера в Нес-Циону. Всю дорогу, рассказывал Фишлер, Ледер не закрывал рта. Он просил отпустить его на все четыре стороны и обещал, что в этом случае назначит Фишлера министром полиции, врача — министром здравоохранения, а водителя санитарного автомобиля — министром транспорта в своем будущем государстве.

Этот рассказ, дошедший до меня через вторые руки и не подтвержденный никакими другими источниками, долго оставался единственным известием о судьбе моего друга. Никаких иных сведений о Ледере не поступало.

— Земля разверзла свои уста и поглотила этого Кораха, — говорила Аґува Харис раз в несколько месяцев, изумляясь бесследному исчезновению

маленького сборщика пожертвований для школы слепых. В этих случаях мать кивала головой и приговаривала, что злодея постигла достойная его участь.

Если бы Ледер не упоминался в их разговорах, если бы он не стал для моей матери и ее лучшей подруги притчей во языцех, на которую обе ссылались в доказательство самых разных и часто диаметрально противоположных вещей, я, возможно, и позабыл бы о нем со временем, как все мы, случается, забываем людей, с которыми было связано нечто значительное в нашем далеком прошлом. Но случилось иначе. Через три года после того, как за ним захлопнулась дверь полицейской машины, Ледер вернулся в нашу жизнь, подобно звуку плеснувшей воды и расходящимся кругам от брошенного в пруд камня, который уже погружается на дно.

2

В Лаг ба-омер[404] наш послеполуденный отдых был прерван внезапным воем сирены. Я подскочил к окну и прильнул к щелям между планками

---

[404] Примечания: 404

Лаг ба-омер — полупраздник, отмечаемый на 33-й день отсчета омера. Одним из обычаев этого дня является разжигание костров.

ставней, а мать предположила, что знойный ветер раздул непогашенные угли ночного костра, пламя перебросилось на сухую траву, и теперь пришлось вызывать пожарных.

— Из одного дерева можно сделать миллион спичек, но одной спички достаточно, чтобы сжечь миллион деревьев.

Процитировав это банальное предостережение, часто печатавшееся на страницах отрывных календарей, она отвернулась к стене, намереваясь снова уснуть. Но звук сирены не умолкал, а затем мимо нашего дома вверх по улице Яакова Меира промчались две санитарные и несколько полицейских машин, за которыми во множестве поспешали любопытные.

— Любопытство — прародитель всяческого греха, — буркнула мать мне вслед, когда я взялся за ручку двери. — Никакой пользы от тебя там не будет, лучше бы дома сидел.

Вокруг углового здания на перекрестке улиц Давида Елина и Йехиэля-Михла Пинеса, того самого здания, где на протяжении многих лет находился штаб продовольственной армии, собрался народ. Взгляды столпившихся горожан были обращены вверх, к тому месту, где у самого края крыши стояла пузатая жестяная бочка для сбора дождевой

воды. На ней, как на трибуне, возвышался человек в зеленом берете и полувоенной шинели. Он размахивал зеленым бархатным флагом, на котором можно было разглядеть изображение парусника с увенчанной лучащимся глазом мачтой, и обращался к народу с пламенной речью.

Ледер.

Черты его лица заострились — возможно, из-за того, что он лишился зубного протеза. Верхнюю губу Ледера теперь украшали пышные усы, вроде тех, что, судя по фотографиям, носил Поппер-Линкеус. Но если в прежние времена мой друг говорил приглушенно и как будто все время секретничал, то теперь он орал во всю глотку, и его речь, неизменно книжная прежде, теперь представляла собой россыпи библейских цитат вперемежку с грубыми уличными выражениями.

— Если бы ты выполнил мое указание, господин Медовник, и не продавал бы в своем магазине португальские сардины, консервированный калифорнийский компот, английские конфеты, швейцарский шоколад и гуталин «Киви», как река был бы мир твой, и справедливость твоя

— как волны морские![405]

Господин Медовник, владелец ближайшей продовольственной лавки, в явном смятении стоял у входа в свое заведение. Но Ледер уже обращался к владельцу находившегося неподалеку магазина спиртных напитков.

— Вино твое разбавлено водой[406], господин Шейнкер, продаешь сигареты поштучно маленьким детям, отравитель колодцев!

Ледер одного за другим бичевал своих соседей, мелких торговцев, обвиняя их в том, что они соблазняют людей избыточным потреблением, заставляют их тяжко работать во имя их собственного и их близких чревоугодия и тем самым убивают в них уже и саму возможность духовной жизни.

— Бродячий пес, — сказал господин Медовник и вытер нож, которым он только что резал халву, о свои запятнанные жиром штаны цвета хаки.

— Человек сколько один живет, одиночество повреждать его ум, — высказала свое мнение расфранченная дама венгерского происхожде-

---

[405] Примечания: 405

Заключительная часть фразы представляет собой цитату из книги Йешаяґу, 48:18.

[406] Примечания: 406

Йешаяґу, 1:22.

ния, которую пламенная речь Ледера застала в процессе совершения покупок. — Не знает, где этот старый молодой человек быть все годы?

— У нас тут не отдел по розыску родственников, госпожа Лакс, — ответил ей господин Медовник.

Он, однако, тут же поспешил выразить убежденность в том, что людей сводит с ума не одиночество, а супружество. Госпожа Покер, живущая с Ледером на одном этаже, еще в прошлом году сообщила ему, Медовнику, что маленький сборщик пожертвований взял себе в жены какую-то йеменку и теперь живет с ней то ли в Реховоте, то ли в Нес-Ционе.

— Человек такой культур с черным животным! — содрогнулась госпожа Лакс.

Но толпу уже стали теснить полицейские, расчищавшие дорогу пожарной машине, которая выехала с улицы Хагиза и, остановившись на перекрестке, выпустила стрелу раздвижной лестницы. Вместе с другими зеваками я был оттеснен от входа в продовольственный магазин.

Ледер, заметивший, что к нему приближается край лестницы, закричал пожарным и полицейским, чтобы они не смели подниматься на крышу, потому что он бросится вниз, как только один из них окажется рядом с ним.

— И тогда, сыны блуда, моя кровь падет на ваши головы!

Возле аптеки «Рухама», первой в ряду торговых заведений, располагавшихся под квартирой раввина Нисима, совещались между собой офицеры полиции и врачи в белых халатах. Один из врачей отделился от группы и поднялся по ступеням к входу в аптеку.

— Пошел звонить в дурдом в Нес-Циону, — сообщил человек, которому удалось подслушать беседу полицейского начальства и медиков. — Хотят узнать о нем побольше деталей.

— В пустыне поклонились вы золотому тельцу! — кричал Ледер, на которого снова снизошел дух пророчества. — А здесь вы поклоняетесь своей возлюбленной *La vache qui rit*!

Размахивая круглой коробкой, в которую укладывались треугольники популярного французского сыра, он бегал по периметру крыши, желая удостовериться, что пожарная машина убрала раздвижную лестницу.

— Подобны прочим народам сыны Израилевы, точно так же поклонились они пищевому тельцу, а мать его ныне взирает на них с этикеток и

хохочет во всю свою морду![407]

Голос Ледера становился все более хриплым, а звучавшие из его уст инвективы избыточному потреблению и дифирамбы линкеусанскому государству — все более путаными. Даже и я, будучи обстоятельно знаком с доктриной продовольственной армии, уже не мог уследить за потоком его сознания.

— Вот божество твое, Израиль!

С этими словами вконец охрипший Ледер драматическим жестом сорвал одеяло с того, что выглядело до сих пор как еще одна водосборная бочка. Оказалось, однако, что это огромная кукла в виде тельца, собранная из скрепленных проволокой и бечевкой подушек разной величины. На шею тельца вместо ожидаемой веревки с колокольчиком было надето ожерелье, бусинами которого служили колбасы, треугольники сыра, булочки с маком и бутылки с горячительными напитками.

Из толпы раздался презрительный свист. От дома Гурского ребе подоспели несколько хасидов-крепышей — этаких казаков, окружавших обычно своего атамана. Быстро сориентиро-

---

[407] Примечания: 407

Название сыра «La vache qui rit» означает в переводе с французского языка «Смеющаяся корова».

вавшись в происходящем, они потребовали прекратить публичное богохульство.

— Клик ликования слышу?[408] — насмешливо спросил Ледер, приставив к уху сложенную рупором ладонь. — Ну так будет сие вам знамением!

С этими словами он поднял над головой канистру с керосином и вылил ее содержимое на огромную подушечную куклу. На стоявших внизу людей попало несколько капель, и они отскочили от здания, а Ледер, бросив долгий прощальный взгляд на своего тельца, поднес к нему горящую спичку.

Куклу объяло пламя, над ней заклубился дым. Чехлы подушек быстро сгорели, за ними занялись перья, и по улице стал расползаться такой же отвратительный запах, какой заполнил пять лет назад квартиру супругов Рингель.

Возившиеся с лестницами пожарные взялись за новое дело: теперь они поспешно раскатывали по мостовой брезентовые шланги, округлившиеся, когда их заполнила вода. Завершив эти приготовления, пожарные направили брандспойты на крышу, но кранов не открывали, ожидая распоряжений старшего полицейского чина. Тот

---

[408] Примечания: 408
Шмот, 32:18.

указаний пока не давал и о чем-то шептался со звонившим в Нес-Циону врачом, в котором люди уже узнали известного психиатра.

Приложив одну ладонь к глазам козырьком, а другую свернув наподобие подзорной трубы, врач стал разглядывать Ледера, который тем временем продолжал поливать керосином пылавшую подушечную куклу. Одна из бутылок в ее ожерелье лопнула, и на пожарных посыпались дождем мелкие осколки зеленого стекла.

— Мордехай, дорогой Мордехай! — воскликнул психиатр, обращаясь к безумцу, который, стоя на крыше высокого здания, творил свою волю в растерявшемся городе. — Поппер-Линкеус был замечательным человеком, и я тоже испытываю к нему полнейший респект!

Но Ледер лишь посмеялся над этой жалкой попыткой найти путь к его сердцу. Теперь он снова размахивал зеленым флагом продовольственной армии, раздувая пламя, пожиравшее перья и колбасу. Только он, он один был верным последователем великого мыслителя в этой одержимой обжорством стране.

— Не бойтесь, доктор! — успокоил Ледер явно пребывавшего в замешательстве врача. — Я предостерег народ, и теперь слезу отсюда без

ваших угроз и спокойно отправлюсь домой.

Взмахнув флагом в последний раз, он отдал честь стоявшим внизу офицерам и скрылся за водосборными бочками. В ту же секунду полицейский начальник подал сигнал пожарным, и те направили на крышу струи воды, заодно намочив оказавшихся под ними зевак. Сам начальник устремился в подъезд, за ним поспешили несколько его подчиненных, врачи, санитары. Через короткое время вся эта команда вышла обратно на улицу и вывела с собой Ледера, которого крепко держали рослые санитары. В дверном проеме Ледер остановился, коротко поклонился публике и выпрямился. В этот миг прямо над головой у него оказалась пара зеленых бычьих рогов, прикрепленных к решетке замкового камня бухарским домовладельцем. Обращенные остриями вверх, рога словно бодались с хлопьями сажи и обгоревшими перьями, слетавшими на них с крыши в знойном полуденном воздухе.

3

Примерно полгода спустя, в один из дней ме-

сяца хешван[409], когда в воздухе уже ощущалась прохлада близкой зимы, движение транспорта возле этого дома вновь прервалось, и опять из-за Ледера. Черная машина погребального братства, направлявшаяся от больницы «Авихаиль» на кладбище в Гиват-Шауль, ненадолго остановилась у дома покойного, дабы оказать последнюю милость скончавшемуся одиноким человеку.

Возле катафалка собралась небольшая группа людей: соседки, владельцы расположенных неподалеку магазинов, случайные прохожие. Могильщики открыли двери машины, но не стали выставлять носилки с телом Ледера на мостовую, когда реб Мотес произносил известные всем слова Акавии бен Меѓалалеля о трех вещах, которые человек должен постоянно помнить, дабы не оказаться во власти греха. Снизив голос при упоминании «пахучей капли», из которой рождается человек, он, напротив, заливисто и громко напел дальнейшее — о неизбежном для всякого смертного схождении «в место гниения и тлена» и о суде, на котором человеку предстоит дать ответ «пред Царем над царями царей,

[409] Примечания: 409

Хешван или мархешван — второй месяц еврейского календаря, примерно соответствует октябрю-ноябрю.

Святым, благословен Он»[410]. Риклин быстро произнес кадиш, и могильщики, вернувшись в машину, продолжили свой путь.

Зажатый между Риклином и одним из молодых могильщиков, я невольно касался ногой лежавших на грязном полу машины лопат и мотыги. Кислый запах пота сидевших рядом со мной бородачей смешивался с запахом льняного савана. Машина быстро ехала по улицам Иерусалима. Я захотел открыть окно у себя за спиной, но сидевший напротив меня, по другую сторону завернутого в саван тела, реб Мотес сказал, что от сквозняка у него случится простуда, и тогда он прохворает всю зиму.

Могильщики то и дело повторяли нараспев: «И да будет на нас благоволение Господа, Бога нашего, и дело рук наших утверди»[411]. Они смотрели прямо перед собой, как будто сквозь перегородку, а я не мог отвести глаза от завернутого в саван и покрытого талитом мертвого тела, которое качалось в кожаных носилках, словно младенец в колыбели, и пытался представить себе Ледера

---

[410] Примечания: 410

Мишна, «Авот», гл. 3, 1. Акавия бен Маʼалалель — один из ранних мудрецов Талмуда, жил в I в. до н. э.

[411] Примечания: 411

Теʼилим, 90:17.

живым. На поворотах и на западном подъеме к Гиват-Шаулю по старой римской дороге мертвый Ледер почти касался бедром моего колена. Никогда прежде я не находился в такой близости от смерти.

У могильной ямы носилки поставили на землю. Реб Мотес, старший помощник Риклина, осмотрел склон и остановил свой взгляд на каменном склепе над могилой каббалиста рава Ашлага, автора комментария «Судам» к книге «Зоґар». Своими очертаниями склеп напоминал древнее строение над гробницей праматери Рахели.

— *А центнер*, Сруль-Ошер! — прокричал реб Мотес, приглашая кого-то стать десятым в нашем миньяне.

С возвышавшихся к северу от нас гор земли Биньяминовой, на которых в дни Йеґошуа Бин-Нуна проживали гивонитяне[412], эхом прокатилось в ответ «ошер-ошер-ошер». Из сводчатого входа в склеп показался молодой человек, одетый в халат в желтую и белую полоску. Исраэль-Ашер — так

[412] Примечания: 412

Надел колена Биньямина находился в библейские времена непосредственно к северу от Иерусалима и граничил с наделом колена Йеґуды, или Иудеей. Гивонитяне — один из ханаанских народов. Заключив соглашение с Йеґошуа Бин-Нуном (Иисусом Навином), этот народ остался в завоеванной вышедшими из Египта евреями Земле обетованной на законных основаниях.

его звали — быстро направился к нам. Он ловко перескакивал между могилами с камня на камень, придерживая руками полы своего халата, из-под которых выглядывали белые штаны.

Один из могильщиков протянул реб Элие круглую жестяную банку от нюхательного табака, и Риклин извлек из нее несколько небольших кусочков металла. Он положил их Ледеру на живот, после чего присутствующие встали вокруг лежащего на земле тела, взяли друг друга за пояс и, бормоча псалмы, стали медленно обходить носилки. По завершении первого круга Риклин, придерживаемый с двух сторон своими товарищами, наклонился, поднял с мертвого тела один из кусочков металла и провозгласил:

— А сынам наложниц, что у Авраама, дал Авраам подарки и отослал их от Ицхака, сына своего, еще при жизни своей на восток, в землю Кедем[413].

После этого он отбросил кусочек металла в сторону. Могильщики семикратно исполнили вокруг Ледера этот танец смерти, произнося Песнь

---

[413] Примечания: 413
Берешит, 25:6.

преткновений[414], и после каждого круга Риклин выбрасывал кусочек металла. Небо, окрасившись цветами заката, стало подобно тому ужаснувшемуся красно-синему небу, какое я увидел годы спустя над головой у кричащей женщины на картине Мунка. После седьмого круга тело Ледера опустили в могилу.

Человек дуновению подобен[415].

4

На обратном пути в город реб Элие хлопнул меня по плечу и сказал, что, прежде чем мы разойдемся по домам, нам следует выпить по стакану чая у Нишла, ведь сегодня я впервые увидел, как человек отходит в свою вечную обитель, и это был важный день в моей жизни.

Столовая на улице Геула была почти пуста, только за угловым столом возле прилавка сидел сумасшедший кантор Лапидес с тарелкой кислой капусты, в оплату за которую он пронзительным

---

[414] Примечания: 414

Имеется в виду 91-й псалом, говорящий об избавлении уповающего на Господа от различных опасностей. В русской православной традиции этот псалом, имеющий в Септуагинте номер 90, известен как «Живы́й в помощи».

[415] Примечания: 415

Теѓилим, 144:4.

голосом пел хозяину заведения «А когда останавливался» на мелодию Йоселе Розенблата[416]. Господин Нишл, раскладывавший по стаканам ломтики только что нарезанного лимона, кивал головой в такт мелодии и восторженно причмокивал языком. Реб Элие знаком приказал кантору, широко распростершему руки и изображавшему мольбу на своем лице, чтобы тот замолчал.

— Право слово, пусть он угомонится, — сказал Риклин хозяину заведения. — Человеку в жизни доступны более изысканные удовольствия, чем этот «нумер» в исполнении Лапидеса.

— Из чего же вы черпаете удовольствие, реб Элие? — удивленно спросил господин Нишл, подавая нам чай.

— Летней ночью на исходе субботы, если покойник легок, как перышко, нет большего удовольствия, чем доставить его на кладбище, — ответил Риклин. Бросив быстрый озорной взгляд, он успел уловить тень страха, промелькнувшую на лице его собеседника, прежде чем тот сложил

---

[416] Примечания: 416

Полностью этот стих (Бемидбар, 10:36) звучит так: «А когда останавливался [ковчег], он говорил: обратись, Господи, к десяткам тысяч сынов Израиля». Данная фраза произносится в синагоге после публичного чтения Торы, когда свиток возвращают в ковчег. Йоселе (Йосеф) Розенблат (1882–1933) — знаменитый американский кантор и композитор литургической музыки.

губы в улыбку и натужно рассмеялся.

Реб Элие пребывал в добром расположении духа, и я повторил вопрос, с которым уже обращался к нему, когда мы стояли во дворе больницы «Авихаиль» и ждали выноса тела. Как именно умер Ледер? Но теперь я не ограничился этим и спросил у Риклина, правду ли рассказала Аґува Харис, что Ледер повесился на дверном косяке своей палаты, когда санитары сумасшедшего дома выпустили его ненадолго из виду.

Риклин провел пальцем по краю стакана, как резник, проверяющий точность заточки ножа, проводит по его лезвию ногтем. В «Берешит раба», сказал он, приводится истолкование к стиху «Особенно же кровь жизни вашей взыщу Я»[417], относящее эти слова к самоубийце и находящее, что в некоторых своих аспектах грех сознательно убивающего себя человека превосходит грех обычного убийцы. Вывод мудрецов связан с тем, что своим деянием самоубийца не только лишает собственную душу возможности большего искупления в этом мире, но также и объявляет о своем неверии в бессмертие души и в господство Творца, да будет Он благословен. Но даже если есть

[417] Примечания: 417

Берешит, 9:5. «Берешит раба» — сборник мидрашей, относящихся к книге Берешит.

правда в словах сплетников, выносящих тайны из комнаты, в которой Ледер, как они утверждают, был найден повесившимся, покойный не может быть сочтен самоубийцей, поскольку был невменяем, и его поступок не может считаться сознательным.

Лапидес вернулся тем временем к исполнению канторских напевов Йоселе Розенблата и теперь раз за разом повторял: «Ибо учение доброе преподал я вам, поучения моего не оставляйте»[418].

— Господин Нишл! — Риклин раздраженно обратился к хозяину заведения и указал пальцем на лежавший за стеклом витрины пирог. — Дай ему уже кусок этой коврижки, и пусть он оставит наше учение в покое. После этого он повернулся к Лапидесу: — Канторы всем известны своей исключительной глупостью, так что пойди ты, голубчик, на улицу, и пусть умудряющий воздух Страны Израиля поможет там твоему недугу.

Смерть Ледера и последний период его жизни, о котором я ничего не знал, не давали мне покоя.

— Правда ли, что у Ледера были дети? — спросил я у Риклина.

— С чего ты взял?

---

[418] Примечания: 418
Мишлей, 4:2.

Реб Элие взял в руку кубик сахара и отпил чаю из блюдца, но сахар в рот не положил.

Постаравшись изобразить на своем лице тонкую улыбку наблюдательного человека, я напомнил Риклину, что, когда тело Ледера вынесли из морга больницы «Авихаиль», он сам же и провозгласил, что в силу заклятия, действующего со времен Йеѓошуа Бин-Нуна, всем потомкам усопшего возбраняется сопровождать его тело к могиле.

Реб Элие оглядел меня и сказал, что волосы у меня на щеках и пух на моей верхней губе позволяют ему заключить, что я уже мужчина, и поэтому мне должно быть известно, что такое ночная поллюция. И если я не забыл того, что он, Риклин, говорил у нас дома в тот день, когда моя мать рассердилась и выгнала его за порог, мне должно быть известно, что у человека рождаются не только сыновья и дочери во плоти. Также и бестелесные существа, именуемые «наказаниями сынов человеческих»[419], появляются на свет от напрасно пролитого семени, и когда человек умирает, эти существа окружают его, подобно пчелиному рою. Они плачут и стонут над его те-

---

[419] Примечания: 419
Шмуэль II, 7:14.

лом, желая разделить с ним посмертную участь, и, чтобы защитить душу покойного от причиняемого ими ущерба, всем его потомкам без исключения запрещают следовать за его телом к могиле[420].

— Ты своими глазами видел, что мы раздавали им подарки, чтобы они удалились, — сказал Риклин, имея в виду совершавшееся на кладбище отбрасывание кусочков металла. Он отпил еще чаю, помахал куском сахара и добавил, что я не должен заключить из его слов на похоронах, что Ледер оставил после себя реальное потомство. Такие слова произносятся всякий раз, когда хоронят мужчину.

У меня оставалось ощущение, что Риклин что-то утаивает, и я продолжал приставать к нему со своими вопросами.

— А верен ли слух, что Ледер взял себе в жены йеменскую девушку и жил с ней в Реховоте или в Нес-Ционе? У вас в конторе наверняка хранится его свидетельство о смерти или удостоверение личности. Там должно быть указано и семейное

[420] Примечания: 420

Выше в примечаниях отмечалось, что упомянутый здесь обычай, как и некоторые другие иерусалимские обычаи похорон и траура, в настоящее время принят лишь в отдельных замкнутых ультраортодоксальных общинах.

положение.

— Удостоверение личности, когда человек умирает, возвращают в Министерство внутренних дел. Но ты, я вижу, мальчик сообразительный, да к тому же ходишь учиться в правительственную школу. И мать у тебя женщина современная, ходит в платьях без рукавов. В общем, современную жизнь ты должен знать лучше, чем я, старый иерусалимский еврей. Знаешь, наверное, и то, что некоторые люди женятся каждую ночь заново, без раввина и без ктубы[421], никто по такому поводу теперь возмущаться не станет.

Закончив эту тираду, Риклин повернулся к хозяину заведения, заливавшемуся слезами над ручной мясорубкой, в которой он прокручивал лук, и обратился к нему по имени.

— Хамиль, повремени с фаршированной рыбой, пойди к нам сюда и отгадай такую загадку. Свадьбу нерелигиозные евреи справляют в кругу семьи, а вот бар мицва всегда отмечается ими с большим размахом, в банкетных залах. У нас же, трепещущих перед словом Господним и хранящих верность Торе Израилевой, всё наоборот. Почему так?

---

[421] Примечания: 421
Ктуба — брачный договор.

Господин Нишл с удивлением посмотрел на так и не попавший в рот кусок сахара в руке Риклина, а затем, пожав плечами, признался, что никогда не задумывался над этим.

— А вот если бы ты ходил на проповеди реб Шолема Швадрона вместо того, чтобы читать «Ґа-Бокер»[422], то знал бы, — укоризненно сказал ему Риклин, после чего его речь приобрела такую же певучую интонацию, как речь известного проповедника из большой синагоги «Зихрон Моше». — Бар мицва отмечается нами скромно, поскольку эта церемония знаменует лишь то, что подросток впервые надел тфилин. Он и завтра наденет их, и послезавтра, и так каждый день до самой своей смерти, а потому и празднование в этом случае подобает самое скромное. Иное дело свадьба, единственное и неповторимое событие в жизни супругов, дающее истинный повод для радости. У нерелигиозных же все наоборот. Юный футболист накладывает тфилин в первый и последний раз в своей жизни, после чего он навсегда упрячет их в дальний ящик. По этому случаю все, понятное дело, радуются, и отмечают такое событие пышно. А жениться он, когда под-

[422] Примечания: 422

«Ґа-Бокер» («Утро», *ивр.*) — израильская газета, выходившая в 1934–1965 гг. и выражавшая позиции партии Общих сионистов.

растет, будет каждую ночь с новой девицей.

Нишл поперхнулся от смеха, и его глубоко посаженные на мясистом лице глаза покраснели еще больше.

— Горький смех, Хамиль, очень горький это смех, друг ты мой душевный, — сказал реб Элие и еще раз попросил хозяина заведения, чтобы тот заставил Лапидеса замолчать.

Сумасшедший кантор, сидя в своем углу, прочищал горло певческими упражнениями. На столе и на полу вокруг него были разбросаны ошметки кислой капусты. Нишл снял фартук и бросил взгляд за окно, желая проверить, сгустились ли сумерки. Об эту пору сыты уже и псы, так что настало время «закрывать ресторацию», объявил он. Убрав стаканы и блюдце с сахаром с нашего стола, хозяин неуверенно потоптался рядом с нами, а потом попросил у Риклина разрешения задать ему вопрос, который может показаться невежливым.

— Чего тебе, реб Хамиль, в чем просьба твоя? Спрашивай, и до полуцарства будет тебе даровано[423], — ответил Риклин хозяину словами Ахашвероша. с напевной интонацией, сопровож-

---

[423] Примечания: 423
Слегка перефразированная цитата из Эстер, 5:6.

дающей чтение свитка Эстер в праздник Пурим.

— Не извольте волноваться, реб Элие, моя просьба не составит и десятины царства, — сказал господин Нишл, аккуратно смахивая крошки с клетчатой скатерти. — Дело в том, что мне всю жизнь приходится наблюдать людей, которые пьют и едят, но я никогда еще не видел человека, который пил бы чай так, как вы. Если вам нужен сахар, почему бы вам не положить его себе в рот? А если не нужен, зачем вы все время держите его в руке?

Риклин высоко подкинул кубик сахара и поймал его с ловкостью игрока в кости.

— Чай я пью таким способом с той поры, как заболел диабетом. Это способ Карлинского ребе, и ты не первый ему удивляешься. Сын Карлинского ребе тоже однажды не удержался и спросил своего отца, почему он так делает. Тогда реб Шломо[424] дал своему сыну попробовать кусок сахара, который он держал в руке во время чаепития, и тот обнаружил, что сахар стал совершенно несладким. Позже, рассказывая о своем отце,

---

[424] Примечания: 424

Р. Шломо Ґалеви Сегаль (1738–1792) — второй Карлинский ребе. Данное направление в хасидизме получило свое название от белорусского города Карлин, находящегося ныне в городской черте Пинска. В связи с этим в официальных российских документах конца XVIII — начала XIX в. хасидов часто называли приверженцами «каролинской секты».

он говорил, что тот, для кого все едино, может ощущать вкус пищи пальцами так же, как другие ощущают его языком.

Поинтересовавшись у Риклина, ушла ли подобным образом сладость из его куска сахара, я протянул к нему руку.

— Сложные вопросы ты задаешь сегодня, *юнгерман*[425], очень сложные задаешь ты сегодня вопросы, — ответил реб Элие, пряча белый кубик в карман. Он встал и направился к двери. За нашими спинами господин Нишл переворачивал стулья и ставил их на столы.

5

Со времени смерти Ледера едва прошло тридцать дней, а в его бывшем пристанище уже ощущалось дыхание новой жизни. В настежь открытых окнах на втором этаже ветер колыхал светлые занавески. На балконе, прежде заваленном мусором, кто-то растянул бельевые веревки, и молодая женщина развешивала на них пеленки и детскую одежду.

Проходя по улице Давида Елина, я всякий раз взволнованно приглядывался к этим признакам

---

[425] Примечания: 425
Юнгерман — молодой человек (*идиш*).

возрождения и спрашивал себя, знают ли новые обитатели дома о возможных наследниках его прежнего жильца. Подняться к ним и прямо спросить об этом я не решался, но тут мне неожиданно представился случай.

В середине месяца кислев[426] наш класс был привлечен к продаже ханукальных свечей, доходы от которой передавались Обществу помощи слепым. Услышав об этом, мать скривила губы и промолчала, но позже она пожаловалась Аґуве Харис, что школа теперь приучает детей к попрошайничеству: благодаря Лиге борьбы с туберкулезом, Комитету содействия детям транзитных лагерей и Обществу помощи слепым улицы Иерусалима знакомы ее сыну намного лучше, чем тропы Талмуда. Аґува бросила взгляд на кучу принесенных мною синих коробок и сказала, что скоро и я стану, как Ледер, сборщиком пожертвований для школы слепых.

Вечером я переступил порог дома, в котором единожды побывал в тот далекий зимний день, когда наш класс вернулся с экскурсии в «Мисс Кэри». Мне открыла молодая женщина, кото-

[426] Примечания: 426

Кислев — третий месяц еврейского календаря, примерно соответствует ноябрю-декабрю. 25-го числа этого месяца начинается праздник Ханука.

рую я видел развешивающей белье на балконе. Заметив у меня сетку, полную коробок с ханукальными свечами, женщина предложила мне подождать, пока она закончит пеленать свою младшую дочь.

В квартире ощущалась смесь запахов готовившейся на кухне еды, детского крема и младенческих экскрементов. Из комнаты, которая прежде служила штабом продовольственной армии, раздавались воинственные крики и звуки падения каких-то предметов. Вскоре оттуда выскочил пятилетний мальчик в куфии с золотым шитьем. Пробежав мимо меня, он скрылся на кухне, и за ним тут же погнался его брат, который был на год-два постарше. Голову преследователя украшал зеленый берет, а к его безрукавке была приколота австро-венгерская медаль с изображением Франца Иосифа и оттиском большой императорской печати.

— Руки вверх, вонючий араб! — прокричал старший из братьев, шмыгнув сопливым носом.

Хранившиеся Ледером сувениры.

— Дети хотят, чтобы уже наступил Пурим, — извиняющимся тоном сказала женщина, вернувшаяся ко мне с маленькой девочкой на руках. — Почему ты стоишь в прихожей? Заходи

в комнату, ты ведь, наверное, из сил уже выбился, таскаясь по квартирам и взбираясь по лестницам. Как тебя принимают? Заходи, я налью тебе горячего какао.

В комнате на стене висел гобелен в толстой позолоченной раме: пара влюбленных в лодке, плывущей по озеру ночью, при полной луне. Под ним на буфете, между блюдом с апельсинами и недовязанной безрукавкой, стояла статуэтка в виде зеленой руки, держащей розовый цветок из креповой бумаги, стебель которого представлял собой геодезическую рейку. В этой статуэтке я узнал символ выставки «Покорение пустыни», прошедшей недавно во Дворце нации.

— Амихай и Амикам, чтобы тихо здесь было!

Шикнув в сторону кухни, женщина принялась укачивать девочку, разбуженную криками братьев. Она купит у меня две коробки свечей, для себя и для своей свекрови. Пока женщина искала деньги в кошельке, в комнату вошел плачущий мальчик в куфии.

— Амихай сказал, что отрежет мне пипиську и засунет ее мне в рот, потому что так надо делать со всеми злыми арабами.

— Амикам, мальчик ты мой хороший, — женщина привлекла ребенка к себе, сняла куфию с его

головы и залюбовалась бархатным икалем[427].

Я спросил ее, не приходилось ли ей случайно встречать наследников прежнего жильца этой квартиры.

— Ты его родственник? — спросила она с опаской, уже сожалея, что пустила меня за порог. Куфия и икаль выпали у нее из рук, и она задвинула их ногой под диван.

Я поспешил успокоить ее, сказав, что Ледер был дальним знакомым моих родителей и что у нас дома испытывают праздное любопытство в связи с вопросом о том, остались ли у него родственники.

Женщина покрутила головой в знак того, что о родственниках Ледера ей ничего не известно. Владелец квартиры сдал им ее за «ключевые деньги»[428], сообщив, что они могут невозбранно пользоваться вещами, оставшимися в квартире, поскольку ее прежний жилец был одинок и умер, не оставив потомства. Вселившись в квартиру,

---

[427] Примечания: 427

Икаль — обруч черного цвета, удерживающий куфию на голове.

[428] Примечания: 428

«Ключевые деньги» или «деньги за ключ» (дмей мафтеах, *ивр.*) — форма бессрочной аренды квартиры, при которой жилец единовременно выплачивает владельцу квартиры примерно 60 % ее рыночной стоимости и затем платит ему определенную месячную плату. Как правило, эта форма аренды не предполагает права наследования для родственников жильца.

новые жильцы с огорчением обнаружили, что находившаяся в ней мебель вконец развалилась, а одежда в шкафу изъедена молью. Ее бедный Альберт — женщина бросила любящий взгляд на фотографию усатого военного, вставленную в заполненную цветным эйлатским песком бутылку из-под газированной воды, — трудился целых три дня, вынося этот мусор на улицу.

— Вот единственное, что нам осталось от прежнего жильца, да пребудет с ним мир, — женщина указала мыском мягкой домашней тапки на выбивавшиеся из-под дивана кисти куфии. — Это да еще медаль и шапка пограничника. Правда, Анатэле?

Слегка подбросив плачущую девочку, женщина добавила, что ее старшие дети отказались расстаться с этими предметами, хотя сама она опасалась, что они «полны заразных болезней».

— А куда подевались книги?

— Ты религиозен? — женщина посмотрела мне на затылок, желая проверить, ношу ли я кипу. — В комнате, которая стала у нас детской, мы нашли две полки с книгами. Почти все они были на иностранных языках. Отец у меня почтальон, он читает на семи языках, и мы позвали его проверить, нет ли среди них книг священных.

Он таких не обнаружил, и тогда Альберт вынес книги, вместе со всеми тряпками, на пустырь возле «Бейт ґа-Дегель».

6

Пустырь, на который выходили окна больницы, превратился со временем в свалку всяческой рухляди. Туда свозили старую мебель, сгнившие деревянные ящики, сломанные дорожные катки. Там, возле черного портновского манекена Багиры Шехтер, треногу которого уже оплетала трава, я нашел на следующий день кучу принадлежавших Ледеру книг.

Выпавшие в начале зимы дожди сильно попортили их. Тканевые и кожаные переплеты разбухли и полопались, и в проступившем наружу картоне стали видны использовавшиеся переплетчиками листы венских газет начала века. Намокшие листы слиплись и затвердели, из-за чего книжные блоки превратились в бумажные кирпичи. Я стал рыться в найденной куче, подобно шакалу, обнюхивающему остатки обглоданной львом туши.

Под книгами обнаружился коричневый бумажный пакет. Его нижняя сторона сгнила в кишевшем земляными червями и медведками

грунте, но хранившиеся в пакете тетради уцелели, только их отсыревшие красные обрезы сделались розовыми. «Основной закон (Конституция) линкеусанского государства» — было написано почерком Ледера на первой странице лежавшей сверху тетради. Увы, кроме социальной программы-минимум, которую Ледер переписал из книги Поппера-Линкеуса, нескольких опытов перевода на эсперанто и многочисленных набросков герба будущего линкеусанского государства, в тетрадях ничего не было.

Неподалеку оттуда, в набитом сгнившими водорослями чреве матраца, я отыскал групповой фотоснимок, запечатлевший руководителей ультраортодоксальной общины Иерусалима у входа во дворец Верховного комиссара. В их числе были отец Ледера и первый муж Аґувы Харис. Лица на фотографии почти полностью стерлись под воздействием влаги, и когда я поднес ее к лицу в надежде получше разглядеть изображение, мне в нос ударило резким противным запахом.

Рядом с фотопортретом нашелся голубой конверт авиапочты, лежавший некогда перед Ледером на массивном деревянном столе в читальном зале библиотеки «Бней Брит». Надпись на конверте, сделанная красивым мелким почер-

ком доктора Швейцера, была размыта дождем, а самого письма, содержавшего вежливый отказ знаменитого эльзасского врача, в конверте не оказалось. И только цапли, сидевшие на ветвях африканских деревьев где-то в джунглях Габона, пялились на безголовый манекен, как будто угрожая расклевать ему грудь.

7

Скупые сведения о последнем периоде жизни Ледера случайно дошли до меня по прошествии недолгого времени, в день свадьбы моего двоюродного брата.

Шалом, сын дяди Цодека, пошел служить в армию и стал инспектором по надзору за соблюдением кашрута на базе военного транспорта возле Рош-Пины. С тех пор дядино лицо помрачнело, и он постоянно твердил сыну:

— *Хит зих фун файер ун фун васэр, фун тверихэр ун фун цфасэр*.

В переводе с идиша это означает: «Остерегайся огня и воды, жителей Тверии и жителей Цфата». В подкрепление своих слов Цодек рассказывал сыну-солдату историю цфатского вора, продавшего иерусалимскому торговцу вагон сыра в жестяных баках. И что же? С получением товара

обнаружилось, что в запечатанных баках находятся камни.

Худшие предчувствия дяди Цодека оправдались: его сын попал в сети, расставленные цфатской девушкой. Поначалу дядя затыкал себе уши, потом угрожал, что выпьет пятьдесят девять таблеток люминала или прыгнет средь бела дня с крыши здания «Дженерали», чтобы весь город проникся презрением к сыну, ослушавшемуся своего отца. Но когда влюбленные пригрозили в ответ, что уедут в Австралию, если их счастью станут чинить препятствия, дядя Цодек подчинился судьбе.

Тут, однако, возник вопрос, где быть свадьбе, поссоривший Цодека с будущими сватами.

Дядя говорил, что, в отличие от своего сына, он еще не рехнулся и потому не потащится в заштатный городишко на севере. В то же время родители невесты объявили дочери, что обязанность паломнического восхождения в Иерусалим утратила силу с разрушением Храма. Спор удалось разрешить с помощью хайфского раввина, о котором дядя мне заговорщицки сообщил, что он родился в Иерусалиме и учился в ешиве «Эц Хаим». Раввин постановил, что свадьба состоится в Афуле, на полпути между Иерусалимом

и Цфатом.

Моя мать, злившаяся на брата из-за дедовских книг, искала повод уклониться от поездки в Афулу, и таковой представился ей за три дня до свадьбы, когда я заболел краснухой. Как бы странно это ни звучало, моя болезнь обрадовала ее, однако отец настоял на ее обязательном присутствии на свадьбе.

— Грязное белье будешь стирать со своим братом в Иерусалиме, а на свадьбу его сына ты поедешь.

Произнеся эту фразу, отец пригрозил, что, если мать не поедет с ним в Афулу, они встретятся с ней на следующий день в приемной раввината с заявлением о разводе. Смирившись со своей участью, мать отправилась к Багире Шехтер, чтобы та немного расширила ей выходной костюм — тот самый, который она шила, когда обнаружилась моя дружба с Ледером. Вернувшись от портнихи, мать сообщила, что госпожа Шехтер придет к нам во вторник и будет ухаживать за мной, пока они с отцом не вернутся.

— Он давно взрослый парень, а ты к нему няньку зовешь, — с усмешкой сказал отец. — У деда в его возрасте уже было двое детей. Или ты хочешь невесту ему сосватать? Тогда подбери кого-ни-

будь помоложе и покрасивее, чем эта дуреха, не умеющая ни сшить, ни распороть.

В его словах заключалась острота, связанная с характерной для идиша двусмысленностью слова «пороть»[429].

Мать на протяжении многих лет пользовалась услугами Багиры Шехтер. Два-три раза в год, едва открыв утром глаза, я видел, как Багира хлопочет вокруг моей матери, стоящей столбом посреди комнаты и облаченной в сметанные на скорую руку куски ткани. Багира быстро чертила мелом пунктирные линии, зауживала талию, подкладывала в плечи ватные подушечки, казавшиеся мне похожими на пирожки, и при этом полным булавок ртом рассказывала о своем пребывании в Гумат-ѓа-Таним (название этого места она произносила по-арабски, Хур-аль-Уауи). Недолгий халуцианский[430] период своей жизни Багира

[429] Примечания: 429

Глагол «цу трэнэн» имеет в идише, наряду со значением «распарывать швы», «рвать», жаргонное значение «совокупляться».

[430] Примечания: 430

Халуцианский, от халуц (букв. «пионер», «находящийся в авангарде», *ивр.*) — активный участник еврейского заселения и освоения Эрец-Исраэль.

провела в болотах долины Хефер[431] в составе молодежной группы, проходившей совместную подготовку к работе на земле, и этот эпизод завершился для нее малярией. С тех пор Багира усвоила на всю жизнь манеру выкладывать заплетенные косы венцом и решительный атеизм. Когда мы вставали после обеда из-за стола, она смахивала прилипшие нитки со своей кофты, допивала кофе из чашки, стоявшей перед ней на швейной машинке, и объявляла, что религиозные люди не понимают, как много они теряют, отказывая себе в удовольствии запить гуляш чашечкой кофе, заваренного на молоке.

Примерно через год после исчезновения Ледера — возможно, однако, что лишь я один обратил внимание на это совпадение, — Багира сняла эмалевую табличку с двери своего дома, завила себе волосы, покрасила их в платиновый цвет и устроилась на работу в ресторан Фефермана на улице Яффо. Выглядела она теперь как актриса немого кино, и дети, проходившие задними

[431] Примечания: 431

Долина Хе́фер — центральная часть Шаронской (Саронской) долины, между приморскими израильскими городами Хадера на севере и Нетания на юге. До начала заселения евреями в начале 30-х гг. XX в. эта местность была заболочена и изобиловала малярийными комарами.

дворами домов Валеро[432], заглядывали в выходившие туда окна ресторана, любовались на густые кудри Багиры (она смотрелась в кухонном чаду настоящей колдуньей) и пели ей серенаду про Чарли Чаплина, поджидающего ее у кинотеатра «Эдисон». Хозяину ресторана приходилось прогонять их оттуда — когда крепким словом, а когда и ведром воды.

В облаке дешевого парфюма, с шеей, раскрасневшейся от долгого сидения под аппаратом для сушки волос, Багира появилась у нас дома, чтобы скрасить мне одиночество в день свадьбы моего двоюродного брата.

— Красота, все уже уехали! — обрадовалась она царившей у нас тишине.

Сняв каракулевую шубу и сбросив с ног туфли на тонких высоких каблуках, Багира подошла к моей постели.

— Какой ты бедненький, лапочка. Можно мне посмотреть твой красный животик?

С этими словами гостья приподняла край одеяла, желая проверить, остались ли на моем теле следы краснухи.

— А теперь маленький поцелуйчик.

---

[432] Примечания: 432

Валеро — известная сефардская семья, поселившаяся в Иерусалиме в начале XIX в.

У меня побежали мурашки по коже от короткого бархатного прикосновения ее теплых крашеных губ.

Сумочка у Багиры была из змеиной кожи, в тон таким же туфлям. Вытащив из нее колоду карт, гостья спросила, умею ли я играть в ремик. Получив утвердительный ответ, она сдала карты и положила оставшуюся стопку рубашкой вверх на одеяло. После этого Багира уселась передо мной, раздвинула ноги и положила свои ступни на кровать. Пальцы ее ног шевелились, словно они жили своей самостоятельной жизнью, их покрытые алым лаком ногти пылали сквозь прозрачные шелковые чулки.

— У тебя есть подружка? — как бы невзначай спросила Багира, разглядывая свои развернутые веером карты. Ее теплые ступни мягко коснулись под одеялом моей ноги и стали медленно гладить ее. — Играй уже, чего ты дожидаешься?

Багира торопила меня с деланым раздражением, а пальцы ее ног тем временем терлись о мои чресла. Во рту у меня пересохло, в висках билась кровь, перед глазами бесцельно смешались черные пики и красные червы.

— Мой сладкий, — хрипло проворковала Багира, ныряя под одеяло. — Давай-ка посмотрим,

что случилось с нашим миленьким джокером, не запропастился ли он куда-нибудь.

Карты посыпались на пол.

Позже, когда мы сидели в кухне за ужином, который мать заботливо оставила нам в холодильнике, Багира откровенно поведала мне горестную историю своих отношений с Ледером.

— Я безумно боялась голода, — сказала она, сдирая красную фольгу с вафли в шоколаде. — А он не мог сдвинуть свою задницу с места, чтобы честно заработать себе на пропитание.

— Он работал сборщиком пожертвований для школы слепых, — возразил я.

Багира, усмехнувшись, ответила, что Ледер даже и часа в день не работал.

— И вообще, откуда ты взял, что он собирал пожертвования для школы слепых?

По ее словам, Ледер коварно присваивал даже те небольшие деньги, которые ему удавалось собрать в помощь несчастным детям.

— Все его безумства я сносила безропотно, — сказала она, протягивая мне надкушенную вафлю. — Пошила форму для его идиотской армии, этот френч и зеленые штаны, да еще и ткань на свои деньги купила. Одолжила ему свой запасной манекен, а он мне, между прочим, иногда

бывал нужен. И что же? Ледер мне его потом так и не вернул, сколько я ни просила. Ах, да что там… Трусы его грязные стирала, по два-три раза в неделю готовила ему белковую вегетарианскую пищу, чтобы он грешным делом не ослабел. Ну и в том, что мужчины любят больше всего, ему не отказывала. Хотя отменным стрелком он, конечно, не был.

Багира поправила на себе халат моей матери и взглянула на меня, желая удостовериться, что я понял ее слова.

— Лучшие годы жизни ему отдала.

Теперь она уже плакала, и я погладил ее мокрые теплые щеки.

— Мой любимый мужчина, — засмеялась она сквозь слезы. — Ты еще таким любовником станешь, что все девки будут за тобой бегать. Только вот Багира тогда уж состарится и сморщится вся, если вообще не помрет.

— Зачем он тебе был нужен? — спросил я, стараясь отвлечь ее от мыслей о смерти и старости.

— Мордехай? Я ребенка от него хотела родить, да поздно уж было.

Теперь Багира мечтала только о том, чтобы состариться рядом с приличным человеком, имеющим постоянную зарплату. Ради этого она

оставила ремесло портнихи и пошла работать в ресторан, где рассчитывала стать официанткой и познакомиться с кем-нибудь из вдовцов или старых холостяков, посещающих заведение в полуденные часы, но жестокосердный хозяин упорно держит ее на кухне, где она растрачивает остатки здоровья и портит себе кожу. И никакие просьбы не помогают. Только кухня.

— Ты теперь Ледера ненавидишь?

— Ненавидеть мертвого человека? Ненавидела я его, когда до меня дошел слух, что он жену себе взял.

Багира трижды ездила навещать Ледера, поднималась через кустарники и запустевшие сады по тропе, ведущей от Реховота к дворцу богатого эфенди, в котором после Войны за независимость разместилась психиатрическая больница, но повидать своего дружка ей так и не удалось. В ее первый визит, когда она добралась до больницы, промокнув до нитки под проливным дождем, Ледер спал беспробудным сном под воздействием успокоительных. Во второй раз Багира не обнаружила Ледера в палате, и в секретариате ей сообщили, что состояние больного Ледера Мордехая настолько улучшилось, что его посылают теперь на работы по мелиорации в один

из соседних мошавов, где он в данный момент и находится. А в третий раз — здесь голос Багиры сделался злым — она уже под навесом автобусной остановки встретила группу пациенток больницы, шумно игравших там в дочки-матери, и женщины сообщили ей, что она опоздала на свадьбу иерусалимского Моти, состоявшуюся вчера в Нес-Ционе. Главврач, которого ей удалось отыскать в кабинете физиотерапии, добавил к этому, что в случае с пациентом Ледером он и его коллеги увидели несомненный благотворный эффект своих профессиональных усилий, что вообще-то случается в психиатрии исключительно редко.

Весь обратный путь до шоссе Багира прошла, непрестанно рыдая. Водители попутных машин несколько раз предлагали подвезти ее до перекрестка, но она отказывалась от их предложений. Тогда же Багира поклялась себе, что Ледер перестал существовать для нее, однако два года спустя нарушила свой обет.

Вскоре после скандальной акции, учиненной Ледером на крыше его дома, к Багире зашла госпожа Берлинер, работавшая на добровольных началах в расположенной у въезда в Иерусалим психиатрической больнице. Она сообщила Багире, что Ледер постоянно упоминает ее имя и,

судя по всему, хочет ее видеть. Почувствовав, что Багира колеблется в связи с этим приглашением, деятельная госпожа Берлинер дала понять, что врачи находят состояние Ледера внушающим абсолютное отчаяние.

Ледер безостановочно говорил во все время визита Багиры. Он проклинал «черную пиявку», отравившую ему жизнь, вспоминал, как она вылила прокисшее молоко, из которого можно было сделать простоквашу или творог, как она выбрасывала засохший хлеб, из которого во всяком приличном доме приготовили бы сухари или сухарную крошку для панировки. Жена, пожаловался Ледер Багире, высмеяла его, когда он отказался выбрасывать мусор и объявил, что будет готовить из него компост по рецепту, которым с ним поделился фермер-веган из мошава Нахалат-Йеѓуда[433]. В конце концов она сбежала из дома, когда Ледер воспротивился покупке второго примуса, сославшись на то, что кипятить белье можно и во дворе, на костре из веток.

---

[433] Примечания: 433

Мошав — кооперативное поселение, но не коммуна, в отличие от кибуца. Созданный в 1913 г. мошав Нахалат-Йеѓуда превратился в 1988 г. в один из кварталов города Ришон-ле-Цион.

— Этой йеменке со Двора смерти[434] доставало наглости утверждать, что я примитивнее, чем пещерные люди!

Взвинтив себя слезными жалобами, Ледер стал биться головой об стенку, и Багира не смогла его остановить без помощи дежурного санитара.

В ее следующий визит Ледер, таясь от персонала, прошептал ей на ухо, что через несколько месяцев разразится такой голод, что люди «будут умирать как мухи, прямо на улицах». Бен-Гурион знает об этом, но скрывает правду от народа. Мало того, по его указанию земледельцы уничтожают свежие фрукты и овощи, чтобы не допустить снижения цен.

— Излишки сельскохозяйственной продукции. — со злостью процедил Ледер сквозь зубы.

Он поведал Багире о том, что называл самым страшным зрелищем в своей жизни. Вблизи садовых плантаций под Нес-Ционой фермеры высыпали на землю из грузовиков апельсины и грейпфруты, после чего дорожный каток несколько раз прошелся по цитрусовым, превратив их в грязную оранжевую массу. В довершение всего

---

[434] Примечания: 434

Персонаж романа обыгрывает ивритское название йеменской области Хадрамаут, звучащее на иврите как Хацарма́вет и дающее возможность интерпретации «Двор смерти».

фермеры прислали подростков с канистрами, заливших эту кашу керосином.

— Люди будут умирать как мухи, прямо на улицах, — повторил Ледер.

Он вывел Багиру во двор и показал ей место за кипарисами, у высокого каменного забора, отделявшего территорию больницы от шумной улицы Яффо. Там у Ледера был тайник, где он хранил пищу, выносимую им тайком из столовой. В следующий раз, когда Багира придет навестить его, попросил Ледер, пусть она принесет ему несколько упаковок сухарей, сухие финики и орехи.

Неделю спустя Ледер уже находился в одиночной палате, и Багире пришлось разговаривать с ним через зарешеченное окошко в двери. Санитары нашли его тайник, рассказал он, залили керосином и подожгли.

— Безумцы, что мы будем делать, когда придет голод! — жалобно восклицал Ледер. — Что мы будем делать, когда придет голод!

А еще через два дня Ледер был найден повесившимся в своей палате.

Багира раздавила ползавшего по блюдцу с сахаром муравья и сказала, что такова же и цена человеческой жизни.

— То, что ты видишь перед собой, это и есть жизнь, — с этими словами Багира погладила меня по щеке. — Ничего другого нет, ни наверху, ни внизу. Что видишь, то и есть!

— А правда, что у него родился сын? — Я все еще был столь глуп, что пытался вернуть ее к Ледеру.

— Правда, любимый мой, состоит в том, что то, что мы видим, это и есть жизнь.

Повторив в третий раз свою философскую максиму, Багира распахнула халат моей матери, наброшенный ею на себя прежде. Затвердевшие бурые соски и темные волосы внизу живота выделялись на белизне ее тела.

— Не возражаешь против еще одной партии в ремик? — с этими словами Багира обняла меня за талию и увлекла в комнату, к постели моих родителей.

Глава тринадцатая

1

Здесь рассказанной мною истории было предначертано завершиться.

Визит Багиры Шехтер, проливший неожиданный свет на фигуру Ледера, поставил последнюю точку в истории моей дружбы с главным героем этого повествования и возвестил начало новой дружбы, которая никому не может быть здесь интересна.

Но, как говаривала Аґува Харис, лучшая подруга моей матери, связи между людьми подобны экземе. Требовательные, беспокоящие, занимающие тебя с утра до вечера в одно время, в другое они становятся вялыми и даже оставляют тебя в покое на долгие годы, но совершенно избавиться от них человек не может, пока жив. Так же и история моей дружбы с Ледером, которой, казалось, пришел конец где-то во второй половине пятидесятых годов, внезапно напомнила о себе в конце Войны Судного дня, высвеченная слепящей молнией еврейской судьбы, за которой обязательно следует долгий раскат грома.

2

Со времени чувственной иерусалимской ночи прошло чуть меньше двадцати лет, когда некоторые из героев собрались на финальную встречу, расхаживая, словно лунатики, по желтым полям аграрной полосы на западном берегу Суэцкого канала[435]. Неведомая им сила вела их к удивительной развязке, способной наделить смыслом некоторые из пережитых ими событий.

Хаима Рахлевского я встретил в свой первый день на Синае.

Весь предыдущий месяц, пока бушевала война, я находился в Западном Негеве, на временном военном кладбище возле кибуца Беэри. С юга туда днем и ночью прибывали грузовики, из которых выгружали тела погибших в боях, а мы копали для них длинные могилы в лессовом грунте. Когда поток грузовиков прекратился, наш командир

---

[435] Примечания: 435

Основная часть территории Египта, занятой израильскими войсками на африканском берегу Суэцкого канала, представляла собой пустыню, но параллельно Суэцкому каналу там проходит пресноводный оросительный канал, вдоль которого имеются значительные сельскохозяйственные угодья, в силу чего прилегающая к нему зона получила у израильтян название «аграрная полоса». Вся занятая территория к западу от Суэцкого канала называлась Африкой, и израильские войска оставались там до 25 февраля 1974 г.

решил, что мы с Лейбовичем отправимся в Африку и поможем похоронным командам переднего края, которые теперь искали останки пропавших в боях, прочесывая поля недавних сражений.

Под вечер мы оба прибыли к южному выезду из Рафиаха, где у перекрестка Авшалом к отправке на базы в центральной части Синая готовилась транспортная колонна из грузовиков, автобусов и автоцистерн. Вблизи точки сбора возвышалась пальма, за которой ухаживали даже в эти безумные дни. В ее корнях несколько лет назад были найдены останки Авшалома Файнберга, одного из подпольщиков НИЛИ, и в газетах писали тогда, что пальма выросла из косточки финика, находившегося в кармане у Авшалома, когда он был убит[436]. Теперь стоявший у дерева военный полицейский указал нам автобус, который следо-

[436] Примечания: 436

НИЛИ — акроним ивритского названия подпольной организации «Не́цах Исраэль ло йешаке́р» («Вечный Израилев не обманет»), действовавшей в турецкой Палестине в 1915–1917 гг. как агентурная сеть британской разведки. Авшалом Файнберг был убит, предположительно бедуинами, при попытке пробраться на контролировавшийся англичанами Синай 20 января 1917 г. Его останки были обнаружены вскоре после Шестидневной войны и перезахоронены на горе Герцля в Иерусалиме в ноябре 1967 г.

вал в «Тасу»[437].

Набитый людьми автобус напоминал курительную комнату. Его пол был усыпан окурками, апельсиновой кожурой и обрывками газет, уже прочитанных пассажирами, большинство из которых составляли резервисты, возвращавшиеся на Синай после короткого отдыха в Израиле — они еще в полдень отправились в путь от сборного пункта в Яд-Элияґу[438]. Увидев огромную бороду Лейбовича и его привычные к виду мертвых глаза, солдаты затихли.

— Учитель наш, иди скорее сюда! — обратился к Лейбовичу с задней скамьи солдат, говоривший с заметным персидским акцентом. — Тут рядом со мной Моше сидит, у него мертвец между ног болтается.

Грянувший смех развеял повисшее в воздухе напряжение, пассажиры вернулись к своим громким бессодержательным разговорам, а некоторые стали кидать друг в друга цветастыми шерстяными шапками, ставшими в ту пору для

---

[437] Примечания: 437

В то время — крупная израильская военная база у пересечения шоссе, ведущего со стороны египетской Исмаилии в глубь Синая, с параллельной Суэцкому каналу рокадной дорогой.

[438] Примечания: 438

Район в восточной части Тель-Авива.

резервистов неофициальным отличительным знаком. Но когда двинувшаяся в путь колонна нырнула в раннюю тьму пустыни, разговоры быстро утихли, почти все пассажиры уснули. Автобус трясло на дороге, асфальтовое покрытие которой во многих местах пересекали песчаные дюны, а затем, по мере нашего продвижения в глубь Синайского полуострова, на ней стали все чаще появляться следы недавних египетских бомбардировок. На крутых поворотах фары ненадолго освещали обочину, и в их плоских лучах можно было разглядеть сброшенную гусеничную ленту, сиротливо покоившуюся на песке танковую башню, груду снарядных ящиков и уже наполовину занесенные песком остовы сгоревших машин.

В «Тасу» мы приехали поздней ночью. Заспанный сержант военного раввината вышел, застегивая штаны, из комнаты, надпись на которой свидетельствовала, что она принадлежит девушке-сержанту, ведающей вопросами социальной помощи военнослужащим. Он провел нас к заброшенного вида бараку у самого края лагеря и сказал, что там уже спят двое из похоронной ко-

манды. Эти прибыли из «Рефидим»[439], а завтра, добавил сержант, должна, с Божьей помощью, подоспеть машина из «Нахшона» — так была названа база, созданная недавно в Файеде, на западном берегу Большого Горького озера, — с которой мы и отправимся в Африку.

В помещении стоял запах мужского сна, давно не стиранного белья и ружейного масла. Лейбович, включив фонарик, стал устраивать себе постель. В углу, у перегородки из прессованной стружки, я разглядел наших завтрашних спутников. Свернувшись в спальных мешках, поверх которых были наброшены армейские одеяла, они спали на голом бетонном полу. Лейбович вышел на улицу помолиться маарив, вернулся через четверть часа и вскоре заснул, а я опять пролежал без сна почти до рассвета, как было со мной во все ночи, проведенные вблизи быстро растущего кладбища у кибуца Беэри. Прислушиваясь к монотонному стуку маленького электрогенератора, я смотрел через забранное сеткой окно на ясное, замершее южное небо и силился угадать невидимое движение планет. Около полуночи генератор

[439] Примечания: 439

Библейский топоним, использовавшийся как название израильской авиабазы, находившейся в районе Бир-Гафгафа в центральной части Синая в 1967–1980 гг.

внезапно умолк, в комнате воцарилась тишина, которую изредка нарушали шум далекого истребителя, обозначавшего в небе свой одинокий маршрут проблеском красных и зеленых огней, и кашель моих соседей, звучавший, когда кто-то из них переворачивался во сне.

Вскоре после того, как фосфоресцирующие стрелки часов показали два, из угла раздался голос говорившего во сне человека — голос ребенка, зовущего свою мать. Мысль о том, что я уже слышал этот голос однажды, заставила меня вздрогнуть. Когда и где это было? Не в тот ли далекий, почти стершийся из моей памяти полдень, когда мы с матерью, застигнутые на улице внезапным обстрелом, нашли убежище в квартире Рахлевских и лежали там на полу, прислушиваясь к разрывам снарядов, а рядом с нами прятался под кроватью Хаим? Крупные южные звезды заплясали у меня перед глазами, как пьяные, и я заставил себя отогнать догадку, причиной которой, так я насмешливо себе говорил, стала моя накопившаяся усталость.

На рассвете мы проснулись от крика и все разом высунулись из-под своих одеял. Тот, чей голос я слышал ночью, бился в углу в своем спальном мешке, пытаясь вырваться из акрилового сава-

на. Лежавший неподалеку Лейбович встряхнул парня и погладил его голову. Тот открыл глаза и обвел испуганным, смущенным взглядом лица незнакомых ему людей, а потом снова откинул голову на служившее ему подушкой сложенное одеяло. Лейбович достал из своего мешка бутылку «777», протянул ее парню и посоветовал ему сполоснуть лицо коньяком. Встретив недоуменный взгляд, бородач продемонстрировал, как это делается, внешне уподобившись выбравшемуся из лесной чащи сатиру.

— Сны пустое рассказывают[440], — успокоил его Лейбович. — Вот помолимся и сделаем тебе исправление сна[441].

Измученный кошмаром парень выбрался из спального мешка подобно змее, сбрасывающей с себя старую кожу, и сказал, что он когда-нибудь сойдет с ума от всего, что ему довелось увидеть в «Рефидим», в огромном авиационном ангаре.

Это был Хаим Рахлевский.

После молитвы Лейбович поставил три пустых

---

[440] Примечания: 440

Зхарья (Захария), 10:2. Полностью этот стих звучит так: «Ибо терафимы вещали тщетное, и чародеи видели ложь, и сны пустое рассказывают, суетой утешают, поэтому бродят они, как овцы; кричат, не имея пастыря».

[441] Примечания: 441

Описание этого обычая приводится в Талмуде, трактат «Брахот», 55б.

снарядных ящика в ряд, а перед ними — еще один. На отдельно поставленный ящик он посадил Хаима, а мы с ним и с прибывшим из «Рефидим» резервистом уселись напротив.

— Я видел хороший сон! — произнес Хаим семь раз, заглянув в молитвенник.

— Ты видел хороший сон! — эхом вторили мы ему.

После этого Лейбович направился к группе техников, возившихся вокруг неисправного танка, и стал выяснять, кто из них еще не накладывал сегодня тфилин, а Хаим, рассмеявшись, сказал, что совершенное нами действо есть суета и томление духа и что помочь ему оно может как мертвому припарки. В «Рефидим» ему пришлось ряд за рядом выкладывать на пол авиационного ангара мертвые тела, накрывать их пропитанными кровью, забрызганными человеческим мозгом армейскими одеялами. С тех пор, признался Хаим, его мучают жестокие кошмары, причем один сон приходит к нему перед рассветом почти каждую ночь.

Снилось же ему, что мы совершаем с клас-

сом экскурсию в Бейт-Гуврин[442], пробираемся между живыми изгородями из плодоносящей сабры[443], уклоняемся от встреч с маленькими арабскими пастухами, собирающими свои стада на полях, заросших высокими, копьеобразными цветами дримии. Наша обувь побелела в известняковой пыли, одежда изодрана колючками. Наступают сумерки, и ртутные фонари, вроде тех, что используются для освещения перекрестков, бросают оранжевый свет на холмы Мареши[444], усеянные руинами византийских церквей. С дерева взлетает стая черных птиц, и их прерывистые, металлические крики разгоняют царящую вокруг тишину. Вспугнутые нами птицы похожи на маленьких ворон.

— Галки, — говорит госпожа Шланк. — Пойдем-

---

[442] Примечания: 442

Бейт-Гуврин — район в центральной части Израиля, в предгорьях Иудейских гор, место нахождения одноименного Национального парка, который составляют несколько археологических комплексов, ныне имеющих статус объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

[443] Примечания: 443

Сабра — вид кактусовых растений, известен также под названиями индийская опунция или индейская смоква.

[444] Примечания: 444

Древний город, упоминаемый в ранних библейских книгах. После разрушения Иерусалима в 586 г. до н. э. Марешу заселили эдомитяне (идумеи), но затем город был отвоеван Хасмонеями и снова отрезан от Иудеи римским полководцем Помпеем в 63 г. до н. э. До византийской христианизации сохранял преимущественно языческое население.

Обнаружен археологами в 1889 г., ныне — один из объектов Национального парка Бейт-Гуврин.

те быстрее, скоро совсем стемнеет.

Мы идем, и время от времени кто-то из нашей группы падает в одну из узких провалин, то и дело попадающихся нам вдоль тропы, но никто не останавливается и не помогает упавшему выбраться. В какой-то момент и сам Хаим проваливается в вертикальный колодец, скатывается по нему в пещеру и падает на пол, усыпанный толстым слоем пепла старых костров, высохшим птичьим пометом, черными и белыми перьями голубей, растерзанных здесь шакалами и лисицами. Стены пещеры покрыты гадкой зеленой слизью, как космами шерсти. Справа от Хаима находится конусообразный колумбарий, из-под свода которого в пещеру проникает свет. Стены колумбария усеяны нишами, в каждой из которых стоит стеклянная банка. С усилием извлекая ноги из мусора, Хаим подходит к стене и убеждается, что он видел такие же заполненные формалином банки в музее природы «Бейт Гордон» в кибуце Дганья. Только вот здесь в эти банки помещены его пропавшие по дороге товарищи, отец, мать и он сам, уменьшившиеся в размерах и свернувшиеся в позе зародыша.

До середины дня мы ждали машину, о которой вчерашний сержант сказал, что она заберет нас

в Африку, но кроме фельдшера, раздававшего всем подряд камокин, считавшийся в то время ультимативным средством от малярии, никто не помешал нашей встрече — первой с тех пор, как мы закончили школу. Мы сидели, укрывшись от солнца под растянутой между двумя «зельдами»[445] маскировочной сетью, и чертили на песке улицу Геула и выходящие к ней переулки, вызывали из небытия старые дома и их жителей, предавались воспоминаниям о наших родителях и об усыпанной иголками казуарин иерусалимской земле, которая ощутила когда-то касание наших первых шагов.

Около двух часов пополудни возле нас с диким визгом тормозов остановилась мобилизованная гражданская машина. Плотный слой пыли все-таки позволял разглядеть, что она покрашена в желтый цвет и что на боках у нее красуется надпись «Кодак», выполненная ивритскими и английскими буквами. Из машины выскочил военный раввин с ухоженной бородой. Его ботинки были начищены до блеска, и когда он к нам подошел, мы ощутили исходивший от него запах копченых шпрот. Весело поинтересовавшись,

[445] Примечания: 445

Принятое в израильской армии название гусеничного бронетранспортера M113 производства США.

почему мы еще не запрыгнули в его «транзит», раввин в приступе лихорадочной активности обежал все вокруг и затоптал нарисованные нами на песке улицы и дома Иерусалима.

Оглянувшись, мы увидели, что по прочерченной нами улице Геула[446] ползет неизвестно откуда взявшийся большой черный жук.

Всю дорогу раввин, не закрывая рта, вещал о недавних сражениях. «Сейчас мы на трассе Тартур»[447], — сообщил он с видом отличника, которому вызванный к директору школы учитель поручил продолжить урок. Раввин рассказал, как в праздник Симхат Тора он под шквальным артиллерийским огнем пробрался на передовые позиции саперов, занимавшихся наведением понтонного моста через Суэцкий канал, и доставил солдатам свиток Торы для совершения праздничной молитвы. Передвигаясь ползком по мосту, бойцы инженерных войск каждые несколько минут сбрасывали в воду заряды, за-

[446] Примечания: 446

Очевидно, имеется в виду улица Царей Израилевых, главная в квартале Геула.

[447] Примечания: 447

Кодовое название дороги, соединявшей израильскую базу «Таса» с районом Деверсуар у точки впадения Суэцкого канала в Большое Горькое озеро, где в 1973 г. перешедшими в контрнаступление израильскими войсками было осуществлено форсирование Суэцкого канала.

щищая возводимую переправу от диверсантов противника, а на берегу клубящийся дым и вздымаемая взрывами пыль стояли плотной стеной, которую не могли пробить ксеноновые фары на танках.

— Краса и вера, чьи они, чьи?[448] — пропел военный раввин, как будто он стоит на биме в синагоге во время молитвы в Симхат Тора, а затем, указав правой рукой на север, в сторону видневшихся там сквозь облако пыли строений, он спросил нас, слышали ли мы про Китайскую ферму[449]. — Там было сражение века. Нечто грандиозное, такое только в кино увидишь.

Мы с Хаимом промолчали. Вскоре наша машина подъехала к каналу, который оказался намного уже, чем мы его себе представляли, и пересекла канал по наведенному недавно мосту.

— И вот про эту сточную канаву наши началь-

---

[448] Примечания: 448

Первые слова алфавитного литургического гимна, сложенного в X в. р. Мешуламом бен Калонимусом и исполняемого в ходе праздничного и субботнего богослужений многими еврейскими общинами.

[449] Примечания: 449

Место на стыке 2-й и 3-й египетских армий в Деверсуаре, у которого израильские войска осуществили форсирование Суэцкого канала. На находившейся там до 1967 г. египетской опытной станции было обнаружено японское оборудование, и израильские солдаты, приняв японские иероглифы за китайские, дали этому месту ошибочное название «Китайская ферма».

ствующие кастраты твердили нам столько лет, что она представляет собой лучшее противотанковое препятствие в мире? — с горечью произнес Хаим. — Непреодолимое препятствие, греби их раком.

Раввин бросил на Хаима строгий взгляд и сказал, чтобы он взял себя в руки, если не хочет, чтобы на него был составлен рапорт, который по окончании резервистской службы обеспечит ему тридцать пять суток в военной тюрьме вместо возвращения домой.

По прибытии в Файед нас с Хаимом передали в команду Минца.

3

Минц и в гражданской жизни занимался мертвецами, а в армии ему было поручено командовать группой, которая искала останки солдат, пропавших в бою за военно-морскую базу в Фанаре. Расстелив перед нами обклеенную пленкой топографическую карту, он провел пальцем по береговому контуру Большого Горького озера и коротко объяснил нам значение красных и синих пометок, сделанных жировым карандашом вблизи обозначенной на карте бывшей египетской базы и окружавших ее минных полей. Ко

времени нашей встречи Минц успел тщательно опросить участников боя и ознакомиться с донесениями командиров, так что теперь он мог предположительно установить район, где погибли пропавшие солдаты.

На следующий день рано утром мы отправились осмотреть место боя своими глазами, а к вечеру вернулись на базу, измотанные долгим осторожным хождением по минным полям. Вечерние часы мы с Хаимом собирались провести в полковой кантине[450], и я спросил Минца, не хочет ли он присоединиться к нам.

— Мне в жизни доступны удовольствия и получше сидения в собрании насмешников, поедания вафель и пустого злословия, — ответил Минц, запустив пальцы в свою седеющую бороду.

— Ну конечно, разве это может сравниться с похоронами в летнюю лунную ночь, на исходе субботы, да еще чтоб покойник был легок, как перышко, — поддел я его фразой, услышанной когда-то от Риклина.

— Ты знал реб Элие, да пребудет с ним мир? — удивился Минц. — А ведь он был мне тестем. Отец Мины, моей жены.

---

[450] Примечания: 450
Армейская товарно-продуктовая лавка и буфет при ней.

Знакомство с Риклином расположило командира ко мне, и он тут же попытался увлечь меня с собой в синагогу.

Синагога на базе «Нахшон» была создана в бывшем египетском оружейном складе, и Минц в свободное время беседовал там о Торе с раввинами, приезжавшими к нам на базу из всех частей и подразделений, занимавших позиции на западном берегу канала. Другую группу его собеседников составляли хабадники, прибывшие в Файед с типографским станком и офсетными пластинами, чтобы напечатать там, «в земле Гошен»[451], особое издание книги «Танья»[452], в соответствии с экстренным указанием Любавичского ребе, специально связавшегося со своими хасидами в Израиле по трансатлантическому проводу. Хаим терпеть не мог этих бородачей, расточавших вокруг себя запах водки и цитаты

[451] Примечания: 451

Го́шен (Гесем) — название области в Египте, бывшей местом обитания евреев в период их пребывания в этой стране.

[452] Примечания: 452

«Танья», или «Ликутей амарим» — главное творение р. Шнеура-Залмана из Ляд (1746–1813), основоположника хасидского направления Хабад.

из «Цемаха Цедека»[453]. Кровь ультраортодоксов, настаивал он ничуть не краснее крови любого другого человека и хасиды «лучше бы делали что-нибудь полезное вместо того чтобы метаться по этой несчастной земле с таким видом, будто они приехали в Кфар Хабад на празднование Девятнадцатого кислева»[454] Отправляясь в синагогу, Минц на всякий случай прихватывал с собой полевой телефон, а мы с Хаимом тем временем сидели в «Шекеме»[455] или бродили по полям аграрной полосы и покинутым садовым угодьям в пригородах Файеда, среди пустующих глиняных домов города-призрака. Заглядывали в пустые дворы и нарушали покой голубей, с шумом вылетавших целыми стаями из башнеподобных голубятен. Блуждали по плантациям манго и гуа-

---

[453] Примечания: 453

«Цéмах Цéдек» — название вероучительного труда р. Менахема-Мендла Шнеерсона (1789–1866), ставшее принятой формой титулования его автора, который, будучи внуком р. Шнеура-Залмана из Ляд, стал третьим по счету главой хасидов Хабада, они же любавичские хасиды.

[454] Примечания: 454

Кфар-Хабад — населенный любавичскими хасидами поселок в Израиле, основан в 1949 г. Девятнадцатое кислева, день освобождения основателя хасидизма Хабад из Петропавловской крепости, где он провел 53 дня в 1798 г. по ложному доносу одного из своих идейных противников, отмечается хабадниками как главный внутренний праздник этого хасидского направления.

[455] Примечания: 455

«Шéкем» — акроним ивритского названия армейской Службы кантин

и буфетов, аналогом которой в российских условиях может считаться «Военторг». Сеть торговых учреждений «Шекем» была впоследствии приватизирована.

явы, высыхавшим из-за того, что ведущий к ним пресноводный канал оказался разрушен. Над мелкими колодцами и гнилыми водосборными ямами без дела нависали жерди водоподъемных рычагов, кое-где виднелись застывшие водяные колеса. Путь перед нами изредка перебегали утка или лебедь, спешившие скрыться в придорожных кустах. Вид запустения и увядания влек нас к себе, заставляя гадать, много ли пройдет времени, прежде чем этот мираж растворится в подступившей к нему пустыне.

Возвращаясь на базу уже в темноте, мы с Хаимом закрывались в своей комнатушке и, выставляя на складной стол десятки субботних свечей, согревали их пламенем холодную ночь пустыни. Свечи на базу «Нахшон» привозили хабадники, но особого спроса на них здесь не было, и нам легко их дарили. Я варил кофе, а Хаим сидел на кровати, закутавшись в одеяло, и рассказывал мне бесконечные истории двухэтажного дома, сложенного из розоватого иерусалимского камня — дома «Кумиль», в котором прошли его детство и юность. Героями этих историй были родители Хаима и их соседи. Старый фельдшер, кормивший на рассвете голубей смоченными в молоке хлебными крошками, а затем ставивший пиявок и банки

дожидавшимся его посетителям. Жившие вместе бездетные брат и сестра — они затевали шумные ссоры, когда к их двери приближался сборщик муниципальных налогов, и обнимались, когда тот, испуганный, уходил. Сумасшедший мальчик, имевший нездоровое пристрастие к «кошачьим язычкам»[456] и печенью *Petit Beurre* и столь же нездоровую привычку мочиться на прохожих с балкона. Лишенные особенной глубины, эти рассказы, основанные на детских впечатлениях Хаима, были достаточно занятны, и некоторые из них были позже записаны им и опубликованы литературным приложением к газете «Ѓа-Арец» под общим названием «Дом Кумиль».

Примерно в десять часов Минц стучал в разделявшую наши комнаты жестяную перегородку и кричал, что мы не даем ему спать. К этому он часто добавлял, что из десяти мер болтливости, отведенных этому миру, девять получили мы с Хаимом, а не женщины, как принято думать. Хаим не давал мне вступать в пререкания с Минцем и молча задувал свечи. Погрузившись во тьму, наша комната становилась таинственной и тесной, как помещение над гробницей царя

---

[456] Примечания: 456
Разновидность фигурного шоколада.

Давида на Сионской горе. Мы ложились в трофейные египетские кровати с игривыми узорчатыми спинками, и Хаим завершал очередной день цитатой из столь любимого им Фогеля[457]:

Этот дом скоро останется после меня,
в нем поселится новый жилец,
знать он не будет, что прежде был я,
но теперь мы устали,
пойдем-ка спать.

4

Жизнь в Файеде текла в ту зиму неспешно, и даже царившая вокруг напряженность не делала наши африканские будни менее скучными. По утрам над нами пролетали вертолеты, следовавшие в юго-западном направлении, к 101-му километру[458], где представителями из-

[457] Примечания: 457

Давид Фогель (1891–1944) — писавший на иврите поэт и прозаик, уроженец Подольской губернии, жил в Западной Европе, был арестован гестапо на территории Вишистской Франции, погиб в Освенциме.

[458] Примечания: 458

Имеется в виду 101-й км шоссе Каир — Суэц, точка наибольшего продвижения израильских войск к столице Египта вдоль указанной автотрассы, находившаяся примерно в 30 км к западу от Суэцкого канала.

раильского и египетского командования велись переговоры о разведении войск. Над вершинами Джабаль-Аттаки[459] поднимался дым костров, извещавший о том, что наши силы уже отводят оттуда. Посреди минных полей Фанары все еще оставались ненайденные останки одного из пропавших без вести, и Минц не расставался с надеждой их отыскать. Каждое утро он начинал с повторного изучения карт, донесений и свидетельских показаний участников боя, а затем, уже в полдень, брал с собой одного из нас и снова отправлялся на местность. Однажды утром, когда Минц сидел над бумагами, зазвонил полевой телефон. Взволнованный голос потребовал, чтобы мы срочно прибыли к причалу в Фанару. Прихватив с собой меня и одного из саперов, Минц запрыгнул в машину, уверенный, что сегодня мы сможем похоронить последнего из пропавших на этой войне.

У въезда на территорию военно-морской базы нас поджидала группа напуганных резервистов. Они говорили взволнованно и постоянно перебивали друг друга, так что нам не сразу удалось понять из их слов, что именно случилось в Фана-

---

[459] Примечания: 459
Горный район к западу от Суэца и к югу от Дженифских холмов.

ре перед нашим приездом. Постепенно картина прояснилась. Утром на базу прибыли три тяжелых грузовика, вывозящих на север снаряжение воинской части, отводимой из Африки на Синай. Их водители захотели искупаться в озере, и хотя солдаты охраны сказали им, что купаться запрещено, поскольку береговая линия заминирована во многих местах все еще не извлеченными подводными минами, молодые водители пренебрегли этим предостережением. Вскоре после того, как они, скинув с себя одежду, бросились в воду, прогремел сильный взрыв. Двое сумели выбраться из воды, истекая кровью, причем один из них лишился ноги. Третий водитель погиб.

Миновав разбомбленную железнодорожную станцию, мы двинулись по пирсу нефтепровода.

— Там! — командовавший взводом охранения молодой лейтенант указал на открывшиеся нам с пирса заросли тростника, в которых стояли, вытянув шеи, несколько журавлей. — Там эти безумцы спустились в воду.

Первым в заросли зашел сапер с миноискателем, за ним последовал Минц, а потом на небольшом расстоянии мы с лейтенантом. Испуганные нашим появлением журавли поднялись в воздух с громкими криками, и, пролетев прямо

над нами, устремились в свои неведомые дали.

Через полчаса мы извлекли из воды тело погибшего солдата. Его ноги и живот были разворочены взрывом, но голова в обрамлении кудрявых волос и темное лицо выглядели совершенно живыми.

В Файед мы вернулись уже под вечер. У входа в барак нас поджидал Хаим, нетерпеливо расхаживавший из стороны в сторону и имевший вид человека, которому не терпится сообщить друзьям важное известие.

— Едешь на север? — полюбопытствовал я, решив, что он умудрился получить отпуск.

— Ты помнишь Ледера из школы слепых? — спросил он вместо ответа.

— С чего вдруг Ледер? — проворчал я, намереваясь уйти и снять с себя наконец замаранную кровью одежду.

— Ты знаешь, что у него был сын?

Не дожидаясь моей реакции, Хаим рассказал, что в середине пятидесятых у Ледера родился в Реховоте ребенок. В свидетельстве о рождении он был записан как Йосеф Поппер-Ледер, но впоследствии его мать поменяла фамилию ребенку, и тот вступил в жизнь под именем Йоси Шелах.

Мы с Минцем смотрели на Хаима с недоумением.

— Мой тесть реб Элие, да пребудет с ним мир, рассказывал мне когда-то, что Довид Ледер собирался завалить Суэцкий канал мешками с землей, чтобы помочь туркам в их войне с англичанами, — задумчиво произнес Минц. — Но я все-таки не понимаю, с какой стати ты сейчас морочишь нам голову историями времен Метушелаха[460].

— Это его вы сегодня вытащили в Фанаре.

Хаим протянул нам документы Йоси Шелаха, обнаруженные следователями военной полиции в осиротевшей кабине его грузовика и переданные ими представителю похоронной команды на базе «Нахшон».

И так, подобно большинству человеческих грез, эта история обрела свое завершение в смерти.

---

[460] Примечания: 460

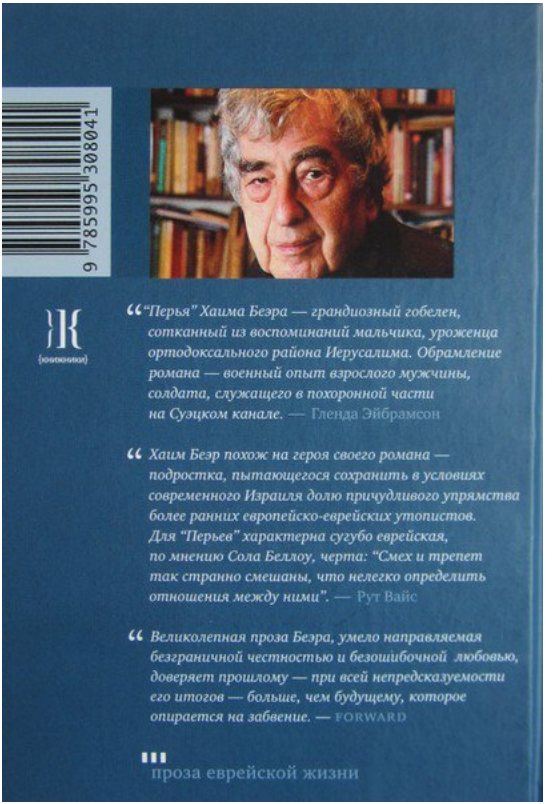
Метушелах (Мафусаил) — один из патриархов допотопного человечества.

Об авторе

Хаим Беэр (Рахлевский, р. 1945) начал свой путь в литературе в шестидесятых годах, но именно роман «Перья» (1979) сделал его одним из самых заметных израильских писателей. Вместе с написанными позже романами «Время подрезки» (1987) и «Узы» (1998) данное произведение составило автобиографическую трилогию, посвященную взрослению иерусалимского мальчика в весьма необычной среде, на фоне важных исторических событий. Перу Хаима Беэра также принадлежат снискавшие популярность романы «Перед Местом» (2007), «Куда идет дух» (2010), «Их новые мечтания» (2017) и «Возвращаясь из долины Рефаим» (2018). Другим направлением литературной работы Беэра является жанр художественного исследования, к которому относятся его произведение «Их любовь, их ненависть: Бялик, Бреннер, Агнон, история отношений» (1987) и сборники литературоведческих эссе «Из воспоминаний книжного червя» (2011) и «Прерывистое путешествие» (2019).

Хаим Беэр является лауреатом нескольких пре-

стижных литературных премий, его произведения переводились на английский, итальянский, немецкий и нидерландский языки, по роману «Перья» в 1987 году тель-авивским Камерным театром был поставлен спектакль.



«Перья» Хаима Беэра — грандиозный гобелен, сотканный из воспоминаний мальчика, уроженца ортодоксального района Иерусалима.

Обрамление романа — военный опыт взрослого мужчины, солдата, служащего в похоронной части на Суэцком канале. — Гленда Эйбрамсон

Хаим Беэр похож на героя своего романа — подростка, пытающегося сохранить в условиях современного Израиля долю причудливого упрямства более ранних европейско-еврейских утопистов. Для «Перьев» характерна сугубо еврейская, по мнению Сола Беллоу, черта: «Смех и трепет так странно смешаны, что нелегко определить отношения между ними». — Рут Вайс

Великолепная проза Беэра, умело направляемая безграничной честностью и безошибочной любовью, доверяет прошлому — при всей непредсказуемости его итогов — больше, чем будущему, которое опирается на забвение. — FORWARD